

Артур Конан Дойл

ВЕЛИКАЯ БУРСКАЯ ВОЙНА

В двух томах

Том II

ЮЖНОАФРИКАНСКАЯ БИБЛИОТЕКА
О.ТОДЕРА

Артур Конан Дойл

ВЕЛИКАЯ БУРСКАЯ ВОЙНА

В двух томах

Том II

ЮЖНОАФРИКАНСКАЯ БИБЛИОТЕКА

О.ТОДЕРА

Великая Бурская Война. Артур Конан Дойл.
В двух томах.

Том 2.

Перевод и оформление
О.Тодер – Донецк, 2012. – 435 С.: ил

Серия: *"Южноафриканская библиотека О.Тодера"*

© О.Тодер, Донецк, 2012

Артур Конан Дойл

СОДЕРЖАНИЕ

СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ЭФФЕКТ МАРША ЛОРДА РОБЕРТСА	7
СТОЯНИЕ В БЛУМФОНТЕЙНЕ	22
ЗАЧИСТКА ЮГО-ВОСТОКА	47
ОСАДА МАФЕКИНГА	67
МАРШ НА ПРЕТОРИЮ.....	90
ДАЙМОНД ХИЛЛ – ОПЕРАЦИИ РАНДЛА	121
ЛИНИИ КОММУНИКАЦИЙ	137
ОСТАНОВКА В ПРЕТОРИИ.....	159
НАСТУПЛЕНИЕ НА КОМАТИПООРТ.....	180
КАМПАНИЯ ДЕ ВЕТА	205
ПАРТИЗАНСКАЯ ВОЙНА В ТРАНСВААЛЕ. НООЙТГЕДАХТ	228
ВТОРОЕ ВТОРЖЕНИЕ В КАПСКУЮ КОЛОНИЮ (декабрь 1900-апрель 1901).....	256
СЕВЕРНЫЕ ОПЕРАЦИИ С ЯНВАРЯ ПО АПРЕЛЬ 1901 ГОДА	278
ЗИМНЯЯ КАМПАНИЯ (апрель-сентябрь, 1901).....	304
ПАРТИЗАНСКИЕ ОПЕРАЦИИ В КАПСКОЙ КОЛОНИИ.....	332
ВЕСЕННЯЯ КАМПАНИЯ (сентябрь-декабрь, 1901) ...	353
КАМПАНИЯ ЯНВАРЯ-АПРЕЛЯ 1902 ГОДА.....	386
КАМПАНИЯ ДЕ ЛА РЕЯ 1902 ГОДА	409
КОНЕЦ	427

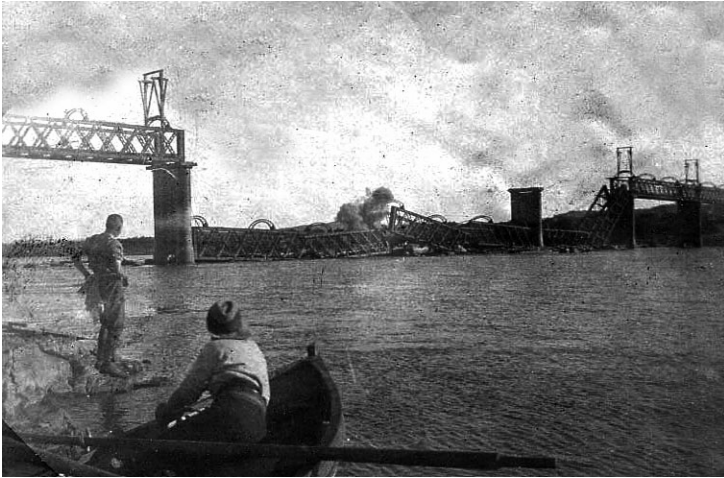
СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ЭФФЕКТ МАРША ЛОРДА РОБЕРТСА

С момента выступления Западной армии из Рамдама, все британские войска в Южной Африке (у Колесберга, Стромберга, дивизия Брабанта и Натальская армия) почувствовали, что давление противника ослабло и продолжало уменьшаться с каждым новым успехом лорда Робертса. В этой небольшой главе беглым взглядом окинем действия наших войск и проследим, как стратегический план лорда Робертса отразился на их работе. Начнем наш обзор с запада, постепенно продвигаясь на восток.

Войска под командованием генерала Клементса (которыми прежде командовал Френч), противостоявшие превосходящим силам противника, как уже упоминалось лишились почти всей кавалерии и конной артиллерии. В этой ситуации Клементс сократил чрезмерно растянутую линию фронта и стянул войска к Арунделу, преследуемый по пятам врагом. Ситуация была критичнее, чем выглядела со стороны. Потерпи наши войска поражение, буры вышли бы на позицию, угрожавшую коммуникациям лорда Робертса, и наступающая армия повисла бы в воздухе. Стоит отдать должное не только генералу Клементсу, но и Картеру (Уилтширцы), Хекету Пейну (Вустерцы), Батчеру (4-я батарея Полевой Артиллерии), замечательным Австралийцам и остальным отличным парням, сделавшим все возможное, чтобы сдержать напор бюргеров.

Стратегически замысел буров нанести удар в этом районе был великолепен, но тактически они действовали недостаточно энергично. Британские фланги успели свернуться, и силы, сконцентрированные у Арундела, оказались слишком велики, чтобы бюргеры рискнули атаковать. Однако британцы пережили неприятный момент тревожного ожидания, момент, когда на счету оказался каждый штык. Дело дошло до того, что, первый и последний раз в этой войне, пятьдесят грумовиндусов в течение суток, к их несказанной гордости, несли

службу как солдаты*. Но после ряда быстрых ударов на основном фронте опасность миновала; буры приостановили наступление, а затем стали отходить.

Мост у Норвалс-Понт, взорванный бурами

27-го февраля майор Батчер, при поддержке Иннискиллингцев и Австралийцев, атаковал Ренсбург и орудийным огнем вынудил противника покинуть город. Следующим утром основные силы Клементса выступили из Арундела и заняли старые позиции. Тем же вечером выяснилось, что буры отступают, и британцы, преследуя их, вошли в Колесберг, вокруг которого они так долго вертелись. Телеграмма Стейна к Де Вету, найденная в городе, проясняет подоплеку ухода буров: "Если вы со своими людьми можете удерживать позицию, удерживайте, сколько сможете. Если нет – спешите сюда настолько быстро, насколько позволяют обстоятельства, поскольку здешние дела принимают серьезный оборот." Силы буров беспрепятственно перешли через Оранжевую и взорвали за собой железнодорожный мост у Норвалс-Понт.

Бригада Клеменса последовала за ними 4-го марта, за неделю навела понтонный мост через реку и, переправившись, вторглась в Оранжевую Республику. Тем временем Робертс

* Было жалко смотреть на этих славных сикхов, когда их вновь возвращали на мирную службу. Депутация индусов ждала лорда Робертса в Блумфрнтейне, чтобы со многими салямиами спросить "неужели его дети не увидят перед отправкой домой ни одной битвы".

захватил Блумфонтейн, таким образом восстановив железнодорожное сообщение между группировками британских войск. Клементса отправили к Филипполису, Фауресмиту и другим городам на юго-западе поставив перед ним задачу разоружить и привести к повиновению местное население. Инженеры усердно трудились над восстановлением железнодорожного моста через Оранжевую, который, несмотря на все их усилия, заработал лишь через несколько недель.

Восстановленный мост через Оранже-Ривер

Более двух месяцев, после провала атаки у Стормберга, генерал Гетекри удерживал позиции у Стеркструма, имея приказ воздерживаться от активных действий. Без особого труда он отбивал атаки буров, если последние отваживались его тревожить. Теперь наступила очередь Гетекри извлечь выгоду из успеха лорда Робертса. 23-го февраля генерал вновь занял Молтено и в тот же день выслал войска на разведку позиции противника у Стормберга. Этот случай памятен тем, что послужил причиной гибели капитана де Монморенси*.

* Монморенси имел удивительное влияние на своих буйных подчиненных. До конца войны они не могли вспоминать о нем без слез.

Скауты генерала Гетекри

Монморенси был одним из самых многообещающих молодых офицеров британской армии. Он создал отряд скаутов, первоначально состоявший всего из четырех человек, но вскоре разросшийся до семидесяти или восьмидесяти. Стоя во главе своих людей капитан подтвердил репутацию отчаянного храбреца, заслуженную еще в Судане, и добавил к ней предприимчивость и рассудительность, сделавшие его великолепным командиром легкой конницы. Проводя разведку он с тремя компаньонами (полковником Хоскиром из Лондонских Волонтеров, гражданским лицом – Вайсом и сержантом Хоу) поднимался не небольшой копи. "Они прямо здесь" – крикнул Монморенси своим товарищам, достигнув вершины, и тут же рухнул с пуль в сердце. Хоскир получил пять пуль, Вайс был

Когда я расспрашивал сержанта Хоу, почему его капитан оказался почти один на вершине холма, тот ответил: "Потому что не знал, что такое страх". На следующее утро, его денщик Бирни (получивший, как и хозяин, Крест Виктории при Омдурмане), словно безумный, ускакал из кемпа с запасной лошадей в поводу, намереваясь привезти капитана живым или мертвым. Его с трудом задержали и силой вернули наши кавалеристы

смертельно ранен. Спасся лишь Хоу. Остальные скауты, будучи немного позади, смогли укрыться и отстреливались, пока их не выручило подошедшее подкрепление. Потери британцев оказались тяжелыми скорее качественно, чем количественно, поскольку арифметически из строя выбыло не более дюжины людей, в то время как буры изрядно пострадали от огня наших орудий.

5-го марта генерал Гетекри обнаружил, что противник отступает. Несомненно, причиной его отхода стали сообщения, подобные полученным в Колесберге. Пойдя вперед, генерал овладел позициями, столь долго преграждавшими ему путь. Оттуда, потратив несколько дней на сбор разбросанных по вельду подразделений и починку железной дороги, Гетекри 12-го марта устремился к Бургерсдорпу, а затем, 13-го, к Олив-Сайдинг (южнее Бетулийского моста).

Есть два моста, соединяющие берега широкой и мутной от ила смытого с подножий гор Басутоленда, Оранжевой Реки. Один из них – замечательный высокий железнодорожный мост, уже обращенный в руины отступившими бурами. Даже трупы людей и разорванные в клочья лошади не так ярко иллюстрируют бессмысленную жестокость войны, как великолепная конструкция, грациозная и совершенная, в одно мгновение превращенная в бесформенную грудку искореженных балок и разрушенных быков. В полумиле к западу есть обычный широкий старый мост. Единственная надежда беспрепятственно пересечь широкую и полноводную реку заключалась в шансе опередить буров, собиравшихся взорвать и его.

В данном случае нам необычайно повезло. Когда небольшой отряд скаутов и Капской Полиции под командованием майора Нолан-Нейлана достиг моста, выяснилось, что все готово к взрыву: мины заложены, детонаторы вставлены, провода проложены. Оставалось лишь соединить провода с источником тока. Для надежности буры дополнительно заложили несколько коробок с динамитом под последний пролет, на случай, если взрыва мины окажется недостаточно. Авангард Полицейских – шесть человек во главе с Нолан-Нейланом, бросился в дом, прикрывавший подходы к мосту, и открыли такой яростный и прицельный огонь, что буры не могли приблизиться к зарядам. Подоспевшие скауты и полисмены также заняли огневой рубеж, и весь долгий день не давали подрывникам подобраться к мосту. Знай противник, насколько малочисленны британцы, и как далеки наши основные силы, они бы с легкостью уничтожили отряд, но блеф великолепно удался, и бри-

танские пули не позволяли бурам высунуться из стрелковых ячеек.

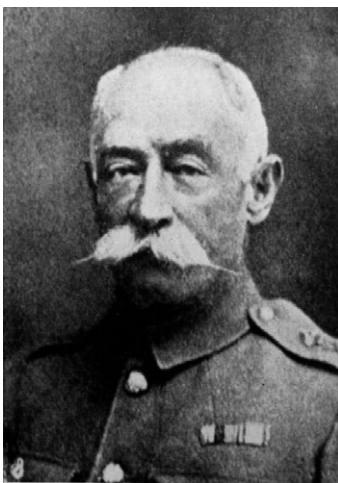
Ожесточенный огонь засевших на другом берегу буров не допускал и мысли о попытке пересечь мост. С другой стороны, наши стрелки контролировали мину и не давали возможности бюргерам ее подорвать. Правда, с приближением темноты шансы противника росли. Ситуацию спас отважный молодой Попхем из Дербиширцев, вместе с двумя бойцами подползший к мине и извлекший детонаторы. Остался еще динамит под дальним пролетом, но он обезвредили и этот заряд, унеся его с моста под ожесточенным огнем. Немного позже мужественный поступок капитана Гранта (Саперы) завершил дело. Грант извлек подрывные заряды из закладок и сбросил их в реку, не дав противнику шанс подорвать их на следующее утро артиллерийским огнем. Попхем и Грант не только проявили высочайшую доблесть, но и оказали неоценимую услугу своей стране. Но более всего мы обязаны Нолан-Нейлану (Полиция) за быструю и решительную атаку и МкНелли за оказанную поддержку. Целый месяц снабжение армии лорда Робертса зависело от этого моста и понтонов у Норвалс-Понт.

15-го марта Гетекри вторгся в Оранжевую Республику, овладев Бетули и отправив кавалерию к Спрингфонтейну – железнодорожному узлу, связывавшему ветки из Кейп-Тауна и Ист-Лондона. Здесь он вошел в контакт с двумя батальонами Гвардии под командованием Пол-Карю, поездом переброшенными из армии Робертса на север. С Робертсом в Блумфонтейне, Гетекри у Спрингфонтена, Клементсом на юго-востоке и Брабантом у Аливала усмирение южной части Оранжевой Республики выглядело делом решенным. В какой-то момент показалось, что военные операции близятся к концу, и отдельные партии носились по стране, занимаясь, как говорили в войсках "расклеиванием бумажек", т.е. доставляли прокламации лорда Робертса на одинокие фермы и в отдаленные поселки.

Тем временем колониальная дивизия старого доброго африканского бойца – генерала Брабанта – начала играть свою партию в капании.

Среди многих благоразумных мероприятий, проведенных в жизнь лордом Робертсом по прибытии на Кап, числится сбор большей части рассеянных колониальных отрядов в одну дивизию под командованием их собственного генерала – человека, защищавшего дело Империи и в законодательном собрании, и на поле боя. Этим силам доверили защиту территорий, лежавших восточнее позиций Гетекри, и 15-го февраля они

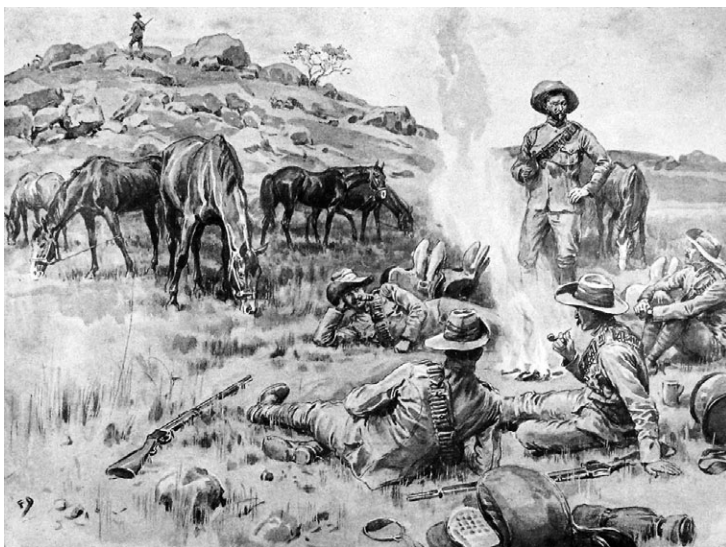
выступили от Пенхока на Дордрехт. Имперские войска состояли из Королевских Скаутов, секции 79-й батареи Полевой Артиллерии, Колониальной Конницы Брабанта, Кафрских Конных Стрелков и Капской Полиции, а также Волонтеров Квинстауна и Ист-Лондона. Войска подошли к Дордрехту и 18-го февраля после горячего боя захватили город. В этом деле особую роль сыграла Конница Брабанта. 4-го марта дивизия снова двинулась вперед, намереваясь атаковать позиции буров у Лабусхагне-Нек, в нескольких милях севернее.

Эдвард Брабант

После беспорядочных стычек, продолжавшихся весь день, поддержанные точным огнем 79-й батареи, колониальные войска сумели вытеснить противника с занимаемых позиций. Оставив в Дордрехте гарнизон, Брабант решил довести дело до конца и, устремившись вперед с двумя тысячами бойцов и восемью орудиями (шесть из которых были легкими 7-фунтовыми пушками), оккупировал сдавшийся без сопротивления Джеймстаун. 10-го марта колониальные войска подошли к пограничному городу Аливалу. Бросок майора Хендерсона с Конницей Брабанта был настолько стремителен, что мост у Аливала перешел в наши руки до того, как враг сумел его взорвать. По другую сторону моста располагались укрепленные позиции противника и даже несколько "крупповских" орудий, но конница, не обращая внимания на потери (около двадцати пяти человек убитыми и ранеными), овладела высотами, господствовавшими над рекой. От недели до десяти дней ушло на

усмирение большой северо-восточной части Капской Колонии с центром в Аливале. Мелкие отряды колониальной конницы нанесли визиты в Беркли-Ист, Хершел, Леди-Грей и другие поселки, а затем продолжили рейд в юго-восточную часть Оранжевой Республики, пройдя сквозь Роуксвилл и дальше вдоль границы Басутоленда до самого Вепенера. Восстание на северо-востоке Колонии было окончательно подавлено, в то время как на северо-западе (в округах Приска и Карнарвон) оно все еще теплилось. Гигантские расстояния и рассредоточение отрядов повстанцев по территории весьма затрудняли действие наших летучих колонн.

Патруль Конницы Брананта

Лорд Китченер, вернувшись от Паардеберга, уделял особое внимание угрозе нашим линиям снабжения. Благодаря его усилиям вскоре основная опасность миновала. Со значительными силами Йоменов и Кавалерии он буквально пронесся по мятежной территории, гася тлеющие угли.

Итак, о действиях Клементса, Гетекри и Брананта в Оранжевой Республике сказано достаточно. Осталось отследить Натальскую кампанию не слишком богатую событиями после освобождения Ледисмита.

Генерал Буллер не стал тревожить отступавших буров, хотя в течение двух дней на дорогах из Ньюкастла и Данди наблюдатели насчитали не менее двух тысяч вагонов. Бюргеры поез-

дом увезли свои орудия, после чего разрушили железнодорожное полотно. По северу Наталя тянутся хребты Биггарсберга, именно к ним и отходили трансваальские буры, в то время как фристейтеры торопились проскользнуть сквозь проходы в Дракенсберге, тщетно пытаясь остановить бросок Робертса на их столицу. Британцы не располагали точными сведениями о численности трансвааллеров, оценивая силы буров в пятьдесят тысяч бойцов, но знали, что противник занял сильную позицию, а его орудия контролируют дороги на Данди и Ньюкастл.

Дивизия генерала Литтелтона стояла кемпом под самым Эландслагте вместе с кавалерией Барна Мердока, а бригада Дандоналда прикрывала участок между западными аванпостами Мердока и дракенбергскими проходами. Буров почти не было видно, однако британцы знали, что проходы охраняются. Тем временем в тылу починили железнодорожную линию, и, хотя мост у Коленсо восстановили лишь десять дней спустя, 9-го марта отважный Уайт смог уехать в Дурбан. В Дурбан же отправился на поправку здоровья и отдых Ледисмитский гарнизон. Из него сформировали новую дивизию (4-ю) под командованием Литтелтона, вернувшего 2-ю дивизию Клери.

Триумфальное возвращение генерала Уайта в Англию

Бригадами 4-й дивизии командовали Ховард и Нокс. 5-ю и 6-ю бригады также свели в одну дивизию – 10-ю, отданную в надежные руки Хантера, подтвердившего на юге Африки репутацию, завоеванную на ее севере. В первые недели апреля

дивизию Хантера переправили в Дурбан, затем морем перебросили на запад, после чего железной дорогой доставили к Кимберли, откуда она двинулась на север. Человек на лошади имел в этой войне громадные преимущества перед пехотинцем, но наконец-то настали времена, когда солдат на борту судна восстановил равновесие. Капитан Мэкен мог бы найти несколько свежих тезисов для своего труда, рассмотрев переброску дивизии Хантера или более позднюю экспедицию к Бейре.

Командир 10-й дивизии Арчибальд Хантер

10-го апреля буры спустились с гор и разбудили наш сонный армейский корпус оживленным артиллерийским огнем. Но британские орудия заставили пушки противника умолкнуть, и войска вновь погрузились в дрему. В течение двух недель ни одна из сторон не предпринимала никаких действий. Единственным событием можно считать отъезд сэра Чарльза Уоррена, покидавшего армию ради губернаторства во все еще беспокойном Британском Бечуаналенде, где его присутствие

имело особое значение, так как именно Уоррен защитил часть этой территории от посягательств буров в ранние дни Трансваальской Республики. Командование 5-й дивизией принял Хилдьярд. Натальские войска пребывали в блаженном бездействии до того момента, пока лорд Робертс, после вынужденно-го шестинедельного стояния в Блумфонтейне (вызванного заботой о безопасности коммуникаций и кричащей потребностью в разнообразных военных поставках, особенно лошадях для кавалерии и обуви для пехоты), 2-го мая, наконец-то, смог двинуть армию в легендарный марш на Преторию. Однако перед тем как отправиться вместе с ним в этот исторический поход, необходимо уделить внимание серии стычек и боев, имевших место в долгий период вынужденного бездействия восточнее и юго-восточнее Блумфонтейна.

Кроме того, должно вспомнить один инцидент, хотя он носил скорее политический, чем военный характер – Поль Крюгер и лорд Солсбери обменялись нотами касательно заключения мира. Есть старая английская песенка со словами: "...в том голландца вина, что дает слишком мало, а просит сполна", и, определенно, лучшего подтверждения этого "тезиса" не найти. Единодушные президенты годами готовились к войне, послали нам оскорбительный ультиматум, вторглись в наши многострадальные колонии, официально аннексировали все захваченные территории, и после всего этого, будучи выдворенными восвояси, предложили мир на условиях, сохранявших за ними все исходные позиции в спорном вопросе. Трудно допустить, что они говорили серьезно, скорее, просто намеривались помочь депутации, пытавшейся втянуть Европу в решение конфликта. Укажи они на предложения Трансвааля и отказ Англии, это могло бы (без тщательного исследования вопроса) возбудить симпатии тех, кто руководствуется эмоциями, а не фактами.

Вот текст документа:

"Президенты Оранжевого Свободного Государства и Южно-Африканской Республики маркизу Солсбери. Блумфонтейн, 5-го марта 1900 г.

Кровь и слезы тысяч людей, пострадавших от этой войны и перспективы всеобщего морального и экономического краха, нависшего над Южной Африкой, должны побудить обе противоборствующие стороны задаться вопросом и беспристрастно, как перед взором Троиного Господа, ответить – ради чего они сражаются и оправдывают ли все эти ужасающие бедствия и опустошения их цели.

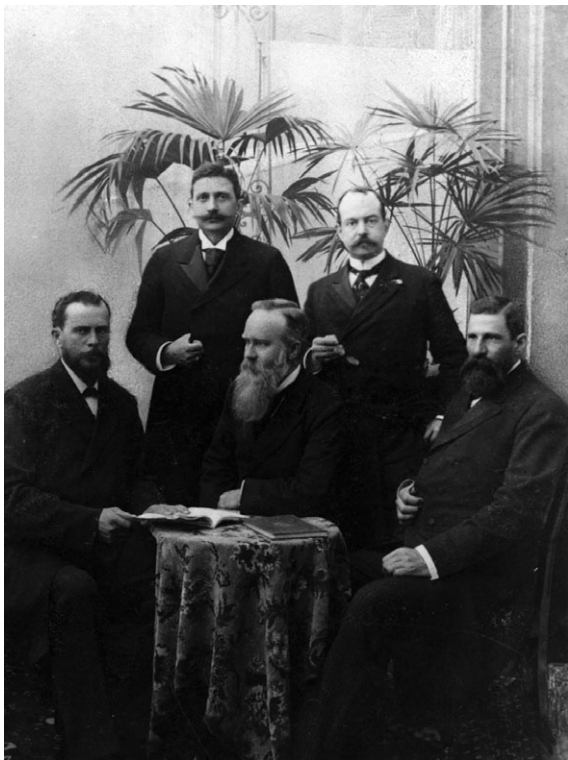
Ради этого, и ввиду утверждений различных британских государственных деятелей, что война начата и продолжается с целью подорвать влияние Ее Величества в Южной Африке и установить над всей Южной Африкой правление, независимое от Правительства Ее Величества, мы считаем нашим долгом официально заявить, что война была предпринята единственно как оборонительная мера, чтобы обезопасить угрозу независимости Южно-Африканской Республики, и продолжается единственно с целью сохранить и гарантировать бесспорную независимость обеих Республик как суверенных государств, и получить заверения, что подданные Ее Величества, принимавшие участие в войне на нашей стороне, не пострадают ни лично, ни имущественно.

На этих, но только на этих условиях, мы сегодня, как и в прошлом жаждем видеть мир в Южной Африке восстановленным, и прекратить зло, властвующее над Южной Африкой сегодня; в то же время, если Правительство Ее Величества решило уничтожить независимость Республик, нам и нашим людям не остается ничего, кроме как до конца придерживаться начатого, вопреки огромному превосходству Британской Империи, осознавая, что Господь, воспламенивший в наших сердцах, как и в сердцах наших отцов, неугасимое пламя любви к свободе, нас не покинет, а завершит свое дело в нас и наших потомках.

Мы не решались делать это предложение вашему Превосходительству ранее из опасения, что пока превосходство было всегда на нашей стороне, и пока наши силы удерживали оборонительные позиции в глубине колоний ее Величества, подобная декларация оскорбила бы чувство гордости в британском народе. Но теперь, когда после разгрома части наших сил престиж Британской Империи можно считать восстановленным, и когда мы вследствие этого вынуждены оставить другие занимаемые позиции, это препятствие преодолено, и мы можем без колебаний перед лицом всего цивилизованного мира информировать ваше Правительство и народ, почему мы сражаемся, и на каких условиях мы готовы восстановить мир."

Таково было послание, отправленное старым Президентом, глубокое в своей простоте и коварное в своей откровенности. В каждой его строке мы чувствуем стиль Крюгера. После прочтения этого документа следует возвратиться к фактам, к грандиозной военной подготовке республик, к неготовности британских колоний, к ультиматуму, к аннексиям, к пониманию, что "неугасимая любовь к свободе" означает неугасимую ре-

шимость держать других белых людей на положении илотов – только тогда можно сформировать справедливое мнение о ценности данного послания. Читая простые и благочестивые фразы, следует помнить, что имеешь дело с человеком, не раз и не два проявлявшим коварство по отношению к нам, с человеком таким же хитрым, как и дикари, с которыми он общался и воевал. Этот Поль Крюгер с простыми словами мира, есть тот самый Поль Крюгер, который мягкими речами разоружил Йоханнесбург, а затем немедленно арестовал своих противников – человек, чье имя служило синонимом слова "хитрость" во всей Южной Африке.

Делегация буров, отправленная в Европу

В отношениях с таким человеком лучшее оружие – абсолютная, неприкрытая правда, противопоставленная в ответе лорда Солсбери:

Министерство Иностранных Дел. 11-е марта

"Имею честь подтвердить получение телеграммы от ваших

Превосходительств, датированной 5-м марта, Блумфонтейн, главной сутью которой было требование к Правительству Ее Величества согласиться с "неоспоримой независимостью" Южно-Африканской Республики и Оранжевой Республики как "суверенных государств" и предложение на этих условиях завершить войну.

В начале октября между Ее Величеством и двумя Республиками существовал мир, основанный на признанных тогда конвенциях. Несколько месяцев между Правительством Ее Величества и Южно-Африканской Республикой продолжалась дискуссия, сутью которой было основательное устранение дискриминаций, от которых страдали британские резиденты в Республике. В ходе этих переговоров Республика, как стало известно Правительству Ее Величества, предприняла значительные шаги по наращиванию вооружений, и Правительство, соответственно, пошло на усиление британских гарнизонов в Кейп-Тауне и Натале. До этого момента британская сторона не нарушила ни единого положения, гарантированного конвенциями. Неожиданно, лишь с двухдневным уведомлением, Южно-Африканская Республика после предъявления оскорбительного ультиматума объявила войну, а Оранжевая Республика, с которой вообще не велись никакие дискуссии, предприняла аналогичный шаг. Две Республики немедленно вторглись в доминионы Ее Величества и осадили три города в пределах британских границ, большая часть двух Колоний подверглась опустошению с нанесением значительного ущерба собственности и жизням их обитателей. Республики провозгласили намерение обращаться с местными жителями таким образом, словно эти доминионы уже аннексированы одной из них. Готовясь к этим действиям, Южно-Африканская Республика в течение последних лет в гигантских масштабах аккумулировала боеприпасы и военное снаряжение, которые по своему характеру могли использоваться лишь против Великой Британии.

Ваши Превосходительства сделали несколько замечаний негативного характера относительно мотивов, с которыми предпринималась эта подготовка. Я не считаю необходимым дискутировать по поднятому вами вопросу. Но в результате этих действий, проводившихся в обстановке большой секретности, Британская Империя была вынуждена прогнать вторжение, повлекшему за собой дорогостоящую войну и потерю тысяч бесценных жизней. Это бедствие было платой за то, что в течение последних лет Великая Британия молчаливо соглашалась с существованием двух Республик.

Принимая во внимание то, каким образом две республики использовали предоставленные им права, и бедствия, навле-
ченные неспровоцированной атакой на доминионы Ее Величе-
ства, Правительство Ее Величества может ответить на теле-
грамму ваших Превосходительств лишь заявлением, что оно
не готово санкционировать независимость ни Южно-
Африканской, ни Оранжевой Республик."

За исключением небольшой части простаков и доктрине-
ров, этот откровенный и бескомпромиссный ответ пришелся
по сердцу всей Империи. Перья отложили и в дебаты вновь
вступили "Маузеры" и "Ли-Метфорды".

СТОЯНИЕ В БЛУМФОНТЕЙНЕ

Лорд Робертс занял столицу Оранжевой Республики 13-го марта, а продолжил наступление лишь 1-го мая, шесть недель спустя. Эта длительная пауза была абсолютно необходима для восполнения убыли десяти тысяч лошадей и мулов, которые, как уже упоминалось, в предыдущий месяц работали на износ. Значительная часть строевых лошадей погибла или была брошена, а состояние большинства оставшихся в строю делало их совершенно непригодными к несению службы. Вопрос, можно ли было сберечь лошадей, остается открытым, поскольку печально известная репутация генерала Френча как коннозаводчика не сравнится с его славой кавалерийского командира.

Конец кавалерийской лошади

Кроме лошадей, существовала острая потребность в пополнении и других видов припасов, от солдатских башмаков до материалов для госпиталей, а для их доставки существовали лишь два одноколейных пути: или с переправой по ненадежному понтонному мосту у Норвалс-Понт, или с перегрузкой через старый мост у Бетули. В подобных обстоятельствах снабжать армию в пятьдесят тысяч человек, находящуюся в

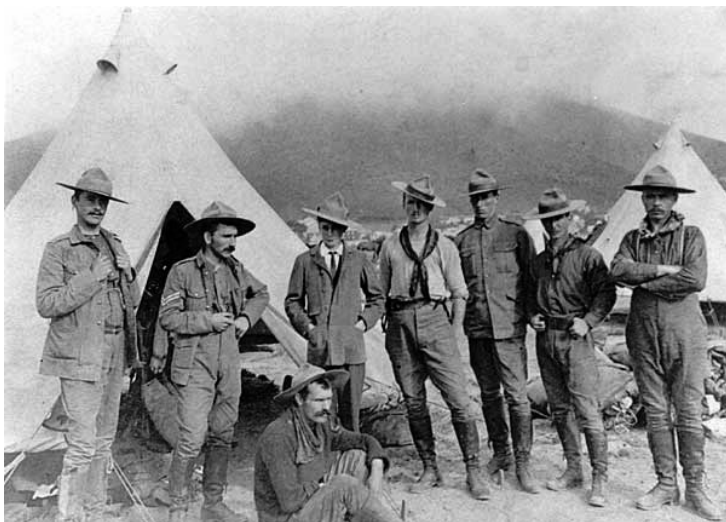
восьмистах милях от базы, дело не из легких, и поспешное продвижение вперед без должного обеспечения тыла могло бы обернуться катастрофой. Публика дома и армия в Африке нервничали по поводу бездействия, но это один из примеров абсолютной рациональности решений лорда Робертса и спокойной решимости с которой он им следовал. Робертс издал обращение к жителям Оранжевой Республики, обещая покровительство всем, кто сдаст оружие и вернется на фермы. Относительно пресечения грабежей и насилия были отданы самые суровые приказы, но при мягком и добродушном настроении войск они были излишни. На самом деле, востребованными казались приказы, защищавшие войска от грабительских цен, установленных поверженным врагом. Трудно представить, что лишь девяносто лет отделяют нас от дикого разгула солдат в Бадахосе и Сан-Себастьяне.

Обед для "Томми"

В марте-апреле улицы маленького голландского городка служили наглядной иллюстрацией неиссякаемости внутренних ресурсов Империи. Все рассеянные по земному шару англо-кельтские народы пожертвовали своей лучшей кровью для защиты общего дела. Мир – великий растворитель, в то время как война – могущественный кристаллизатор. Многие доблести Британии, также как и Германской Империи, рождены на полях былых битв. Каждый человек, стоя на рыночной площа-

ди Блумфонтейна и глядя на это всемирное воинство, испытывал чувство уверенности в будущем нашей расы.

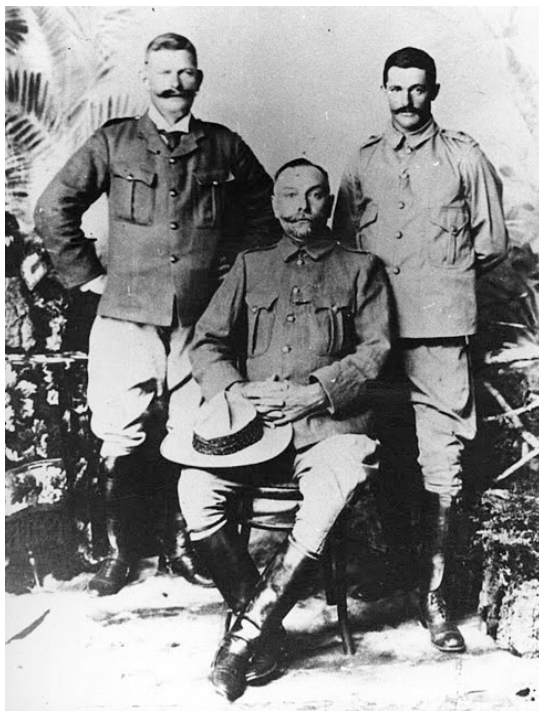
Канадцы из Конницы лорда Страткона

Конные Стрелки из Нового Южного Уэльса

Среднего роста, угловатые, выдубленные непогодой, светлогородые солдаты регулярной британской армии заполнили пешеходные дорожки. То там, то тут мелькали суровые Канадцы, гибкие порывистые Австралийцы, резкие и горячие Новозеландцы, на смуглых лицах которых то и дело проступали маорийские черты, храбрецы Тасмании, представители лучших семей Индии и Цейлона. И повсюду вы могли видеть буйных

Южноафрикацев из иррегулярных войск с их бандольерами и лохматыми жилистыми лошадками. Эти были люди Римингтона с околышами из шкурок енота, солдаты Конницы Робертса с черными перьями, некоторые с розовыми пагри (легкая ткань вокруг шляпы, для защиты шеи от солнца), некоторые с "птичьим глазом", но все как на подбор крепкие, закаленные, легкие на подъем.

*Представители подразделений иррегулярных войск –
"Боевые Скауты Китченера"*

Человек, смотревший на этих прекрасных солдат и знавший о времени, деньгах, комфорте, которыми большинство из них пожертвовало ради того, чтобы оказаться на поле боя в центре Африки, усомнится в жизнестойкости нашей нации лишь при полном отсутствии здравого смысла и малейшей симпатии. Настоящий расцвет британской расы лежит не в прошлом, а в будущем. Империя идет вперед, может быть медленно, робкими шагами, но с каждым годом ее поступь становится все тверже, ведь ее шатание это гибкость молодости, а не старческая немощь.

Рядовой Имперской Йоменри

Величайшие невзгоды кампании, о которых до поры до времени благоразумно не распространялись, начались с оккупацией Блумфонтейна. В войсках вспыхнул брюшной тиф. Более двух месяцев госпиталя задыхались от наплыва больных. В одном общем госпитале с пятью сотнями коек лежало до семнадцати сотен человек, и почти все с брюшным тифом. Полустационарный госпиталь на пятьдесят коек принял триста семьдесят человек. Общее число заболевших составило не менее шести-семи тысяч, и это были не просто жалобы на мимолетное недомогание, легко поддающееся лечению, а случаи стойкой и изнурительной лихорадки, требующие неусыпного внимания и заботливого ухода. О том, насколько велико было напряжение, может судить лишь тот, кто его пережил. Общими усилиями военных госпиталей и госпиталей, развернутых на private средства, после долгой борьбы кризис удалось преодолеть. Только в Блумфонтейне в день умирало не меньше пятидесяти человек. О тяжести эпидемии свидетельствуют более тысячи свежих могил. В этой кампании ни один человек не служил своей стране самоотверженнее офицеров и солдат медицинской службы. Прошедшие сквозь кошмар эпидемии навсегда запомнят доблесть и самопожертвование наших сестер милосердия, продемонстрировавших окружающим их мужчинам высочайшую преданность долгу.

*Могилы британских солдат
на южной окраине Блумфонтейна*

Брюшной тиф – всегда эндемическое заболевание, особенно в Блумфонтейне. В данном случае, без сомнения, причиной вспышки послужила паардебергская вода. В ходе всей кампании организация лечения была великолепна, в то время как меры предупреждения в лучшем случае элементарны, а то и отсутствовали вовсе. Если плохая вода обходится нам дороже вражеских пуль, то, определенно, питье сырой воды следует приравнять к серьезному воинскому преступлению.

Жажда...

Каждую роту и эскадрон необходимо снабдить самыми быстрыми и эффективными средствами для ее кипячения, поскольку простая фильтрация явно бесполезна. Конечно, это

будет источником бесконечных хлопот, но может сохранить для армии целую дивизию. Сердце медика, только что вырвавшегося из госпиталя, одолеваемого зародившимся в воде мором, разрывалось на части при виде батальонного водовоза, безо всякого зазрения совести наполнявшего бочку из какой-то загаженной придорожной канавы. Приняв меры предосторожности и проведя прививки, все эти жизни можно было спасти. С возобновлением наступления и похолоданием эпидемия пошла на спад.

Британский госпиталь

Однако вернемся к военным операциям: пока основная армия пребывала во временном бездействии, на других участках войска проявляли чрезмерную и не всегда уместную активность. Период стояния в Блумфонтейне ознаменовался тремя небольшими акциями, две из которых не принесли славы нашему оружию, а в ходе третьей мы успешно отразили атаку противника.

К северу от города, на расстоянии двадцати миль, течет вездесущая Моддер-Ривер, через которую, у Глена, переброшен железнодорожный мост. Сохранность этого моста имела чрезвычайное значение и, по свидетельству обитавших здесь фермеров, в первые дни оккупации у нас были все возможности для его захвата. Однако, похоже, мы совершенно неверно

оценили степень деморализации буров. За неделю или около того они пришли в себя, вернулись и взорвали мост. Кочующие банды, состоящие главным образом из грозных Йоханнесбургских полицейских, вновь появились даже на южном берегу реки. Молодой Лигон был убит, а полковники Краббе, Кодрингтон и капитан Троттер (все из Гвардии) получили тяжелые ранения в стычке с одним из таких отрядов, который они, будучи вооруженными лишь револьверами, пытались отважно, но безрассудно арестовать.

Блумфонтейн, май 1900. Генерал Гордон, генерал Френч, генерал Диксон, генерал Бродвуд и полковник Портер

Как было установлено, эти бродячие патрули, продолжавшие будоражить страну и беспокоить фермеров, откликнувшихся на прокламации лорда Робертса, базировались в шести милях севернее Глена, в месте, называвшемся Кари – внушительной линии холмов, стоявшей на пути движения британцев. В Кари расположился сильный отряд противника с несколькими орудиями. Лорд Робертс принял решение очистить холмы и 28-го марта 7-я дивизия (Таккера) в составе бригады Чермсайда (Линкольнцы, Норфолкцы, Хемпширцы, Шотландские Пограничники) и Уэйвелла (Чеширцы, Восточные Ланкастерцы,

Северные Стаффордцы, Южно-Уэльские Пограничники) собралась у Глена. Артиллеристскую поддержку оказывали ветераны 18-й, 62-й и 75-й батарей Королевской Полевой Артиллерии, а три потрепанные кавалерийские бригады и конная пехота представляли мобильную часть этого соединения.

Лейтенант 2-го батальона Хемпширцев

Действовать планировали на обычный манер, и результат получили такой же. Кавалерии Френча предстояло обойти один фланг, конной пехоте Ле Галаса – другой, дивизии Таккера – атаковать с фронта. Трудно себе представить что-либо совершеннее этого плана в теории и более дефективное на

практике. Поскольку, подобно другим случаям, как только кавалерия заходила в тыл, противник сразу оставлял позиции, и непонятно, кого в таком случае следовало атаковать нашей пехоте. К тому же местность оказалась пересеченной и неразведанной. Пока кавалеристы на своих обессиленных лошадях обошли крыло противника, было уже слишком поздно. Некоторые из них (конная пехота Ле Галласа и орудия Дэвидсона) перед этим всю ночь шли от Блумфонтейна, животные были изнурены долгим маршем и абсурдно-непомерным весом, который требовалось нести лошади британской конной пехоты. Таккер двинул свою пехоту в точности как Келли-Кенни у Дрифонтейна, и точно с тем же результатом. Развернувшись по-батальонно, бригада (восемь батальонов) спокойно пошла вперед, по молчанию противника заключив, что позиции им покинуты.

Британцы отрезвели, лишь когда с расстояния в двести ярдов на две роты Шотландских Пограничников обрушился жесточайший огонь. Шотландцы были отброшены, но, укрывшись в донга, быстро пришли в себя. В половине третьего орудие буров с определенным успехом обстреляло шрапнелью Линкольнширцев и Шотландских Пограничников. Один снаряд стоил жизни пятерым Шотландцам. К этому моменту в бой оказалась втянута вся бригада Чермсайда.

Командир 14-й бригады Герберт Чермсайд

Ему на помощь подошел Уэйвелл, но местность была слишком открытой, а позиция противника слишком сильной, чтобы атака могла достичь цели. К счастью, около четырех часов конные батареи Френча обозначили свое присутствие в тылу буров, и бюргеры, немедленно бросив позиции, проскользнули сквозь широкую брешь, все еще оставшуюся между Френчем и Ле Галасом. Казалось бы, Брендфортская равнина – идеальная местность для действия кавалерии, но, вопреки всему, противник вместе с орудиями сумел беспрепятственно уйти. Потери нашей пехоты составили сто шестьдесят человек убитыми и ранеными. Большая часть жертв и заслуг досталась Шотландским Пограничникам и Восточным Ланкаширцам. Пехотой неважно командовали, кавалерия оказалась слишком медлительной, а орудия действовали неэффективно – в целом бесславный день. Хотя в стратегическом отношении бой имел значение, поскольку захваченная гряда была последней, преграждавшей путь к огромной равнине, простиравшейся на север. С 29-го марта по 2-е мая Кари оставался нашим передовым аванпостом.

Тем временем на востоке также проводилась серия операций, закончившаяся серьезной неудачей. Сразу же после оккупации Блумфонтейна лорд Робертс сформировал небольшую колонну, состоящую из 10-го Гусарского, сводного полка, двух батарей Конной Артиллерии ("Q" и "U"), конной пехоты, Конницы Робертса и Римингтонских Скаутов.

Табанчу (горы и поселок)

На восточном горизонте, в сорока милях от столицы (в тамошнем прозрачном воздухе кажется, что лишь на половине этого расстояния) высится Табанчу (черная гора). Для всех буров это историческое место, поскольку именно здесь в былые времена встречались вагоны треккеров, прибывавшие различными путями из разных мест. На дальних отрогах Табанчу, к северу и востоку от горы лежит житница Оранжевой Республики, столицей которой является Ледибранд. Сорок миль, разделяющие Блумфонтейн и Табанчу, где-то посередине перерезает Моддер. В этом месте совсем недавно по последнему слову техники, построили водозаборную станцию, снабжавшую город водой. Колонна не встретила сопротивления и без проблем заняла маленький городок Табанчу.

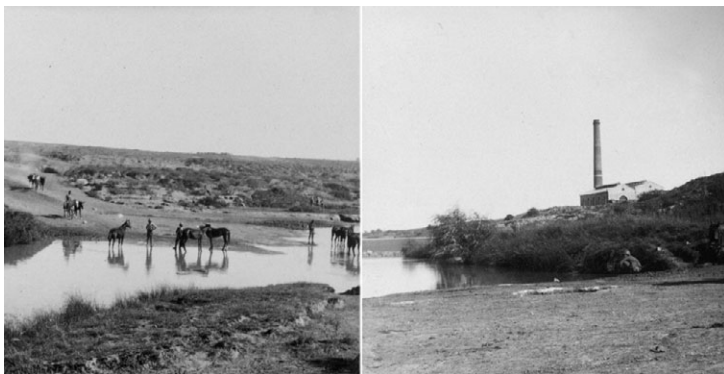
Полковник Пилчер, шедший в голове колонны, решил разведать территорию немного дальше и с тремя эскадронами всадников продолжил движение на восток. Британцы заметили два командо, вероятно, Гроблера и Оливера, направление движения которых предполагало, что они идут на соединение со Стейном, стягивавшим свои силы к Кроонстаду (новой резиденции правительства на севере Оранжевой Республики). Пилчер дерзко продолжал двигаться вперед, пока его маленький отряд на измученных лошадях не оказался в Ледибранде, в тридцати милях от ближайших сил, способных его поддержать. Войдя в город, он арестовал ланддроста (мера) и фельдкорнета, но обнаружил, что ему угрожают сильные отряды противника, и он не сможет удержать позицию. Пилчер отступил, бесцеремонно уведя с собой пленных, и с небольшими потерями вернулся на место, с которого начал. Этот эффектный образец блефа, вместе с его подвигами во время рейда Дугласа, наводит на мысль, что Пилчер сможет показать на что способен, когда в его распоряжении окажутся достаточные силы. Видя, что противник продолжает преследование, он той же ночью отступил к Табанчу. За двадцать четыре часа его всадники прошли пятьдесят-шестьдесят миль.

Несомненно, вследствие дерзкого набега Пилчера, двигавшиеся на северо-запад командос были вынуждены свернуть к Табанчу. Бродвуд, молодой кавалерийский командир, уже заслуживший себе имя в Египте, посчитал свою позицию неоправданно рискованной и приказал отходить к Блумфонтейну. В первую ночь он сделал остановку у водозабора, в половине пути от конечной цели.

Буры – великие мастера устраивать засады. Ни одна из рас

не проявляет такой склонности к подобному способу ведения войны – закономерное следствие длительной борьбы с вероломными дикарями. Но никогда они не действовали так разумно и дерзко, как действовал в этой акции Де Вет. Изучив местность, нельзя не изумиться остроумности плана бюргеров и благоволению к ним удачи, поскольку западня, подготовленная другим, легко бы могла стать смертельной ловушкой для них самих.

Местность рядом с Моддер-Ривер, где британцы расположились на ночь, к северу и востоку изобилвала холмами. В темноте отряды буров, предположительной численностью около двух тысяч человек с несколькими тяжелыми орудиями, незаметно заняли исходные позиции и ранним утром открыли ожесточенный огонь по кемпу. Внезапность была полной. Но суть тактики буров заключается в том, что внутри одного сюрприза кроется другой, и этот другой оказался еще смертоноснее. Отряд Бродвуда состоял из 10-го Гусарского и Сводного полков, Скаутов Римингтона, Конницы Робертса, Новозеландцев, Бирманской Конной Пехоты и двух батарей Конной Артиллерии ("Q" и "U"). С такими войсками, представленными исключительно кавалерией, он не мог штурмовать холмы, на которых расположились орудия буров, а его двенадцатифунтовые пушки не могли достать более тяжелые пушки противника. Лучшим решением, несомненно, был марш на Блумфонтейн. Он отослал конвой вагонов и орудий, а сам с кавалерией прикрывал тыл, по которому дальнобойные орудия противника, вели как всегда точный, но безрезультативный огонь.

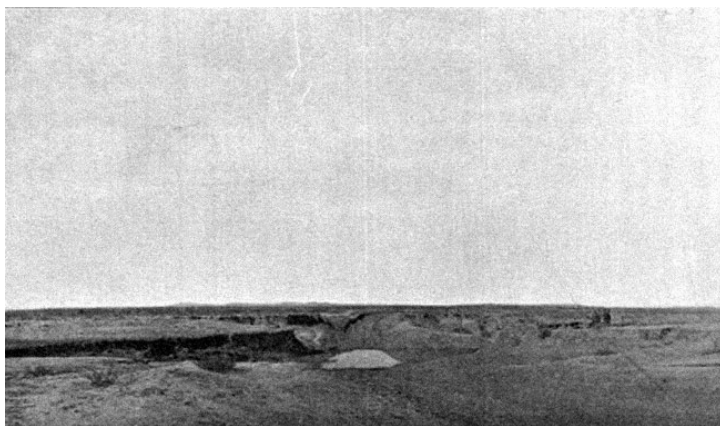

Санас-Пост. Водопой и водозаборная станция

Отступающая колонна Бродвуда вышла на бескрайнюю равнину, простиравшуюся до самого Блумфонтейна. Ее одно-

образии нарушали лишь два холма, контролируемые британцами. Равнину из края в край то и дело пересекали наши отряды и конвои, поэтому, как только вы на нее вступали, казалось, со всеми угрозами покончено. Бродвуд имел и дополнительный повод чувствовать себя в безопасности, поскольку знал, что откликаясь на его просьбу из Блумфонтейна, еще до рассвета, навстречу колонне выслали дивизию Колвила и через несколько миль он ожидал встретить ее авангард. На равнине буров, несомненно, не было, а если бы они и показались, то попали бы меж двух огней. Поэтому Бродвуд даже не думал о разведке, а находился в арьергарде, где продолжали грохотать орудия буров, и где могли появиться их стрелки.

Но, вопреки здравому смыслу, буры на равнине БЫЛИ. Пойдя на подобный риск, они подвергали себя смертельной опасности, в то же время обеспечивая полную внезапность удара. Через вельд, в нескольких милях от водозабора, тянется глубокая донга или балка – одна из многих, но самая большая.

Место засады, избранное бурами

Она перерезает ухабистую дорогу под прямым углом. Ее глубина и ширина таковы, что вагон ныряет по склону и исчезает из поля зрения приблизительно на две минуты до того, как вновь покажется на противоположном краю. В целом донга выглядела как огромная петляющая канава, по дну которой вяло течет ручей. Склоны этой канавы оказались усеяны бурами, прискакавшими туда до рассвета и теперь поджидавшими ничего не подозревающую колонну. Их было не более трех сотен против почти четверо превосходящего противника, но никакие цифры не дают представления о разнице между хоро-

шо укрытым стрелком с магазинной винтовкой и солдатом, находящимся на открытой местности.

Буры, решившись на подобную авантюру, смогли избежать двух опасностей, при этом сопутствовавшая им невероятная удача вполне соответствовала великому мастерству, с которым они выбрали позицию. Одну опасность представляла приближавшаяся с тыла дивизия Колвила (она была всего в нескольких милях). Бюргеры вполне могли оказаться между двумя мельничными жерновами. Вторая заключалась в том, что британские скауты могли в любой момент поднять тревогу, и всадники Бродвуда быстро зайдя с флангов, перекрыли бы выходы из донга. Случись нечто подобное – ни один из бюргеров не улизнул бы. Но как настоящие мужчины, они использовали представившийся шанс, а удача благоволил храбрецам.

Вагоны двигались безо всякой разведки. За ними следовала батарея "U", затем батарея "Q" и Конница Робертса. Остальная кавалерия прикрывала колонну с тыла. Как только вагоны, управляемые черными, в которых большей частью находились невооруженные больные солдаты, спускались к броду, буры быстро, но тихо их захватывали, а затем выводили на противоположный склон. Таким образом, войска, следовавшие позади, видели, как их вагоны ныряли в овраг, появлялись вновь и продолжали следовать своим курсом. Никому в голову не пришла даже мысль о засаде. Абсолютную катастрофу могло предотвратить лишь появление героя, способного ценой собственной жизни предупредить товарищей об опасности. Такой человек ехал в одном из вагонов, хотя, к несчастью, в связи с последовавшей вскоре всеобщей суматохой и напряжением момента невозможно достоверно установить его имя или звание. Нам известно лишь то, что у него хватило мужества под угрозой верной смерти выстрелить из револьвера. На этот выстрел буры ответили ураганным огнем, который, тем не менее, спас колонну от полного уничтожения. Не часто человеку выпадает умереть столь достойно, как этому безымянному солдату.

Но при сложившемся раскладе уже ничто не могло избавить британцев от тяжелых потерь. Все вагоны, за исключением девяти последних, уже прошли, а первая артиллерийская батарея находилась на самом краю донга. Трудно вообразить что-либо беспомощнее пушек, взятых на передки. В одно мгновение ездовые были сбиты пулями, а артиллеристы взяты в плен. Одновременно шквал огня обрушился и на Конницу Робертса, шедшую рядом с орудиями. "Отряды к бою! Гало-

пом!" – закричал полковник Доусон, и, благодаря его стараниям и усилиям майора Пак-Бересфорда, войска выпутались, казалось, из безнадежного положения, залегши в нескольких сотнях ярдов от противника. Но убыль в лошадях и людях оказалась колоссальной. Майор Пак-Бересфорд и другие офицеры вскоре были убиты или ранены, а безлошадные солдаты, находясь под прицелом засевших в донга стрелков, были вынуждены сдаться.

*Конница Робертса,
застигнутая врасплох у Корн-Спруйта*

Конники Робертса развернулись и во весь дух припустили галопом по равнине. Четыре из шести орудий батареи "Q" и одно (следовавшее последним) орудие батареи "U", сделав крутой поворот, на безумной скорости понеслись за ними в поисках укрытия*. В этот момент буры выскочили из донга и разрядили магазины в толпу бегущих, кричащих солдат, мечущихся лошадей и вопящих кафров. Какое-то время это была ситуация "SAUVE-QUI-PEUT". Сержант-майор Мартин из батареи "U" с одним ездовым на кореннике сумел увести последнее орудие своей батареи. Батарея "Q" под командованием майора Филипс-Хорнби, спасая четыре орудия, вихрем пронеслись по равнине, снялась с передков и с дистанции в тыся-

* В батарее "Q" одно орудие перевернулось и его не смогли поставить на колеса, у второго в панике не смогли выпрячь убитых лошадей. Официально считалось, что орудия батареи "Q" остановились в тысяче ярдов от донга, но по моему впечатлению, когда я осматривал местность, дистанция не превышала шести сотен ярдов.

чу ярдов начала ожесточенно засыпать донга шрапнелью. Отойти батарея еще на столько же, ее действия возымели бы большой эффект, поскольку артиллеристам не пришлось бы работать под ружейным огнем. Но в любом случае этот резкий переход от бегства к дисциплине и порядку помог британскому отряду прийти в себя. Люди Робертса спрыгнули с лошадей и совместно с Бирманцами и Новозеландцами залегли на огневом рубеже. Кавалерия зашла левее и обнаружила брод, по которому можно было преодолеть овраг. В несколько минут хаос сменился спокойствием и осмысленными действиями.

Отход батареи "Q"

Батарея "Q" выпало прикрывать отступление отряда и она, в высшей степени доблестно, справилась с этой задачей. Двумя неделями позже горы лошадиных трупов, видимые на равнине за много сотен ярдов, обозначали позиции ее орудий. Это было Коленсо для наших конных артиллеристов. Под адским ливнем свинца они делали свое дело, пока в расчете был хоть один

человек. У некоторых орудий оставалось не более двух артиллеристов, а одно и заряжал, и вел из него огонь единственный способный двигаться офицер. Когда, наконец, поступил приказ отходить, на ногах стояло лишь десять человек (в том числе несколько раненых). Собрав оставшихся в живых ездоков, чуть ли не на себе, артиллеристы вытащили свои двенадцатифунтовки из боя. Конные пехотинцы, лежавшие в огневой цепи, не обращая внимания на свист пуль, вскакивали во весь рост, приветствуя проходивших мимо героев.

Вывести жестоко потрепанный отряд из плотного огневого контакта с противником и вновь вести его через проклятый овраг – задача не из легких. Однако благодаря хладнокровию Бродвуда и стойкости его арьергарда дело было сделано. Двумя милями южнее капитан Честер-Мастер из Ремингтонцев обнаружил подходящее для переправы место. Его люди вместе с Конницей Робертса, Новозеландцами и 3-м батальоном Конной Пехоты поочередно прикрывали отход. Это был один из тех случаев, когда всадники, обученные сражаться в пешем строю, действовали несравненно лучше регулярной кавалерии. За два часа брод был пройден и оставшиеся в живых почувствовали себя в безопасности.

В этой злополучной, но не бесславной схватке мы понесли тяжелые потери. Около тридцати офицеров и пятисот солдат были убиты, ранены или пропали без вести. Число пленных превышало три сотни. Отряд потерял около сотни вагонов, значительное количество всевозможных припасов и семь двенадцатифунтовых орудий (пять из батареи "U" и два из "Q"). Из личного состава батареи "U" сумели спастись лишь сержант-майор Мартин и майор Тейлор, остальные попали в плен. Личный состав батареи "Q" почти полностью выбыл из строя убитыми или ранеными. Среди других подразделений наиболее тяжелые потери пришлось на долю Конницы Робертса, Новозеландцев и конных пехотинцев. Среди многих смертей наших храбрецов особой потерей для армии стала смерть майора Буза (Нортумберлендские Фузилеры), служившего в конной пехоте. С четырьмя товарищами он прикрывал отход и отказался оставить позицию. Такие люди воспитаны на традициях прошлого, а история их собственной смерти вдохновит будущих героев.

Бродвуд, едва выпутавшись из затруднительного положения, развернулся и тут же ввел свои орудия в бой. Однако его люди находились не в том состоянии, чтобы предпринять серьезную атаку. Вскоре подошли конные пехотинцы Мартира

с Квинслендерами и ценой небольших собственных потерь смогли помочь дезорганизованному отряду. Дивизия Колвила находилась за Бушмен-Копом всего в нескольких милях от места боя. Была надежда, что она подойдет и предотвратит увод захваченных бурами орудий и вагонов. Но вместо того, чтобы броситься вперед и спасти ситуацию, Колвил начал медленный охват флангов. Следует признать, что перед генералом стояла непростая проблема. Он ясно понимал – еще до того, как его люди вступят в бой, захваченные орудия будут вне досягаемости и вполне вероятно, он лишь увеличит размеры поражения. Однако, при всей снисходительности, нельзя не считать его отказ от атаки (после полученных ночью подкреплений) и возвращение войск в кемп явным недостатком предприимчивости*. Победа, одержанная бурами, позволила им сохранить контроль над водозабором, и Блумфонтейн вновь принялся черпать воду из колодцев – перемена, дополнительно усугубившая эпидемию тифа, и без того косившего армию.

Эффект от поражения у Санас-Пост усилился четырьмя днями позже (4-го апреля), когда на наши войска обрушилось второе, еще большее несчастье. У Реддерсберга сдались в плен пять рот нашей пехоты, в том числе две роты конных пехотинцев. В ходе этой войны небольшие отряды британцев так часто выбрасывали белый флаг, что публика, помнившая, сколь редко слово "сдача" употреблялось в бесконечной цепи наших европейских войн, реагировала чрезвычайно болезненно и начала задаваться вопросом: не является ли это новое и унижающее явление свидетельством упадка нашего духа. Однако подобные опасения, будучи вполне природными, несправедливы в отношении самой лучшей армии, когда-либо шагавшей под "Юнион Джеком". Явление было новым, так как новыми оказались условия войны, и оно им вполне соответствовало. На огромных пространствах требовалось постоянное использование небольших отрядов, поскольку размер территории, контролируемой крупными соединениями, не обеспечивал выполнение стоявших перед армией задач. Вести разведку, расклеивать прокламации, конфисковать оружие и демонстрировать силу в отдаленных районах могли лишь небольшие колонны.

* В защиту генерала Колвила можно сказать, что его дивизия уже совершила долгий марш из Блумфонтейна. Однако дивизия, имевшая такие подразделения, как бригады Макдоналда и Смит-Дорриена, могла бы вынести любое напряжение сил. Офицеры-артиллеристы дивизии Колвила слышали, что орудия их товарищей вели огонь "по-секционно" и понимали, что это признак критической ситуации.

Часто в их состав включалась пехота, поскольку кавалерия была нарасхват. Такие отряды, действуя в незнакомой, сильно пересеченной местности, находились под постоянной угрозой окружения мобильным противником. При окружении длительность сопротивления определялась тремя факторами: патронами, водой и пищей. Когда в наличии были все три (как у Вепенера или в Мафекинге), о сдаче не велось и речи. Когда же одного или другого не хватало (как у Реддерсберга или Николсонс-Нек), их положение становилось безнадежным. Они не могли спастись, оторвавшись от противника. Как пехотинцу оторваться от всадника? Отсюда эти регулярные несчастья, на самом деле почти не отражавшиеся на ходе войны в целом, которые следует принять, как неизбежную плату за условия, в которых велись боевые действия. Численное превосходство, дисциплина и ресурсы были на нашей стороне. Мобильность, расстояния, природа местности, проблемы со снабжением играли на руку противнику. Нам не стоит принимать близко к сердцу периодические сдачи британцев в плен, поскольку из-за неблагоприятных факторов наши солдаты, время от времени, попадали в ситуации, когда их не могли спасти ни доблесть, ни мудрость. Продвигаясь по стране, больше всякой другой подходящей для обороны, где созданные самой природой траншеи и форты невероятных размеров и прочности, преграждают каждую тропку, нельзя не удивляться, что подобные инциденты случались столь редко и не имели более серьезных последствий. Прискорбно, что белый флаг вообще взвизвался над британскими ротами, но человек, выносящий излишне суровый приговор, скорее всего никогда не бывал в Южной Африке.

В Реддерсбергскую катастрофу попали три роты Ирландских Стрелков и две роты 2-го батальона Нортумберлендских Фузилеров – солдаты тех самых злосчастных батальонов, что несколько месяцев тому были изрядно потрепаны под Stormbergom.

Их отрядили из 3-й дивизии Гетекри, штаб-квартира которого располагалась у Спрингфонтейна. После оставления Табанчу и несчастья у Санас-Пост стало очевидно, что нам следует отвести наши разрозненные отряды восточнее. Пяти ротам приказали оставить Деветсдорп, где они стояли, и отходить к железнодорожной линии. То ли приказ был отдан слишком поздно, то ли они слишком затянули с его выполнением, но британцы успели пройти лишь половину пути и находились у городка Реддерсберг, когда их настигли буры, имевшие при себе пять орудий.

*Сержанты Нортумберлендских Фузилеров
перед отправкой в Южную Африку*

Без артиллерийской поддержки британцы попали в очень сложное положение, однако, засев на копи и укрывшись кто как мог, стали ждать помощи. Их противником, похоже, была часть командос Де Вета, базировавшихся на севере, многие из которых еще чувствовали на губах вкус победы у Санас-Пост. Атака началась 3-го апреля в 11 часов утра. Весь день наши люди лежали меж валунов, осыпаемые градом пуль и шрапнели. Благодаря хорошим укрытиям общие потери были незначительными (около пятидесяти человек убитыми и ранеными). Более серьезной угрозой оказалось отсутствие воды. В водовозке ее оставалось очень мало. С большим трудом окруженные смогли отправить сообщение о своих проблемах, и после полудня новости достигли штаба армии. Лорд Робертс немедленно выслал Камеронцев, только что прибывших из Египта, к Бетани – ближайшей железнодорожной станции, и передал Гетекри в Спрингфонтейн приказ принять меры по спасению попавшего в беду отряда. Гетекри, получив телеграмму, ранним вечером того же числа собрал полторы тысячи человек, погрузил их на поезд, перевез на сорок миль выше, выгрузил и к 10.30 следующего утра достиг Реддерсберга, лежавшего в десяти-двенадцати милях от железной дороги. Однако было слишком поздно. Окруженные роты сложили оружие, не в силах вынести второй день под палящим солнцем без

воды. Несомненно, мучения людей от жажды ужасны, однако нельзя сказать, что их способность вести бой достигла критической точки. Зная, что помощь рядом, гарнизон должен был сражаться, пока люди могли держать оружие. Если патроны закончились слишком быстро, значит вина лежит на командирах, позволивших их слишком безрассудно расстрелять, хотя следует отметить большую личную храбрость капитана МкВинни, командовавшего британцами. Вместе с войсками позор поражения пал на генерала Гетекри. Его можно обвинять в том, что, отправив войска в Деветсдорп, он не оставил сил поддержки в Реддерсберге, куда, в случае нужды мог бы отойти гарнизон, но следует помнить, что общие силы, находившиеся в распоряжении генерала, были малы, а перед ним стояла задача прикрыть чрезвычайно растянутые линии коммуникаций. Хотя энергия и отвага генерала Гетекри были известны всей армии, новая неудача, постигшая его войска после поражения при Стормберге, сделала невозможным пребывание Гетекри на прежнем посту. Армия испытывала к нему чувство большой симпатии, его любили и уважали как офицеры, так и солдаты, однако он был вынужден вернуться в Англию, передав дивизию генералу Чермсайду.

За одну неделю, после того как хребет противника, казалось, сломлен, мы потеряли почти тысячу двести человек с семью орудиями. Бюргеры Оранжевой Республики – поскольку в боях участвовали главным образом командос из Ледибранда, Винбурга, Бетлехема и Гаррисмита – заслуживают величайшего уважения за свои великолепные действия, а их командир Де Вет подтвердил репутацию стремительного и энергичного лидера. Его силы были настолько незначительны, что когда лорд Роберст, наконец, действительно выступил против него, Де Вет просто ушел с дороги, но использование буром вынужденной неподвижности Робертса и отвага, с которой он действовал в тылу столь грозного противника, являет прекрасный образец смелости и предприимчивости. Публика дома нервничала по поводу этого внезапного и непредвиденного развития событий, но генерал, твердо придерживаясь намеченной цели, не допускал напрасной траты сил и дезорганизации своей кавалерии бесконечными погоями. Он угрюмо выжидал, пока станет достаточно сильным, чтобы ударить прямо на Преторию.

В этот короткий период застоя на западе мигнул луч света. Там захватили командо численностью около шестидесяти буров, точнее шестидесяти иностранцев, сражавшихся на их

стороне. При этом погиб отважный француз – Де Вильбуа-Марейль, который, похоже, намеревался играть роль Лафайета в Южно-Африканском Вашингтоне Крюгера.

*Бурский генерал-европеец,
французский полковник Вильбуа-Марейль*

С момента деблокады Кимберли британцы копили в этом районе силы для мощного наступления одновременно с движением Робертса на Блумфонтейн. В Кимберли из Натала была переброшена дивизия Хантера, и в распоряжении Метуэна оказалось достаточно крупное соединение, включавшее недавно прибывших Имперских Йоменов. Метуэн использовал свои войска для усмирения близлежащей территории. Его аванпосты располагались в Беркли-Вест с одной стороны, в Босхофе с другой и в Варрентоне на Вааль-Ривер в центре.

4-го апреля Босхофа достигла новость, что в десяти милях восточнее замечено коммандо буров. Против него отправили отряд, состоявший из Йоменов, Кимберлийской Легкой Конницы и половины ветеранов 4-й батареи Батчера. Британцы обнаружили, что коммандо заняло позицию на копи, у которого, вопреки всем обычаям буров, не было других высот.

Боец Имперской Йоменри

Французское военное искусство уступало в изощренности врожденной хитрости буров. Копи немедленно окружили, и небольшой отряд на вершине, без артиллерии, под огнем наших орудий, попал именно в то положение, в каком сутки тому, под Реддерсбергом, пребывали британцы. И вновь конная пехота продемонстрировала свое превосходство над кавалерией. Йомены и Легкая Конница спешили и, примкнув штыки, начали подниматься на холм. Через три часа все было кончено. Противник сложили оружие. Вильбуа и семь его товарищей были убиты. Британцы захватили около шестидесяти пленных. В этой стычке поведение Йоменов и командование ими со стороны лорда Чесхема оказались на высоте. Под огнем взбираясь на вершину, они потеряли лишь четыре человека убитыми и несколько ранеными. Дело было незначительным, но оно было сделано и подвернулось как нельзя кстати. Таким образом, одна суматошная неделя стала свидетелем дорогостоящей по-

беды у Кари, поражений у Санас-Пост и Реддерсберга и успешной стычки у Босхофа.

Следующую главу посвятим движению сил буров на юг и мероприятиям, предпринятым в ответ на это лордом Робертсом.

ЗАЧИСТКА ЮГО-ВОСТОКА

Самообладание и твердость лорда Робертса особенно ярко проявились в период шестинедельного стояния в Блумфонтейне. Все это время Де Вет, наиболее предприимчивый и энергичный из бурских командиров, напал на восточные посты британцев и угрожал их линиям коммуникаций. Более светлый или нервный генерал задержал бы своих людей и загнал лошадей в обманчивой надежде настичь неуловимые команды. Робертс же удовлетворился наращиванием сил в столице и размещением почти двадцати тысяч человек в качестве прикрытия железной дороги от Блумфонтейна до Бетули. Придет время, и он нанесет удар, а пока генерал считал нужным предоставить своим солдатам отдых. Он не только обновил конский состав и переобул армию, но и в некоторой степени реорганизовал ее. За эти недели британцы выковали новое грозное оружие – всю конную пехоту центральной армии свели в одну дивизию, поступившую под командование Яна Гамильтона (бригадиры Хаттон и Ридли).

Конная пехота

В бригаду Хаттона вошли Канадцы, солдаты из Нового Южного Уэльса, Западно-Австралийцы, Квинслендерцы, Новозеландцы, Викторянцы, Южно-Австралийцы и Тасманийцы.

Боец Тасманийской Конной Пехоты

Кроме того, Хаттон имел четыре батальона Имперской Конной Пехоты и несколько батарей легких орудий.

Бригадир Эдвард Хаттон

Бригада Ридли включала в основном иррегулярные подразделения Южно-Африканской конницы и имперские части. В целом дивизия Гамильтона насчитывала свыше десяти тысяч выносливых и умелых стрелков, представителей самых отдаленных уголков земли, над которыми реет наш старый флаг.

Имперская Йоменри

Пару слов об общей диспозиции, сложившейся на момент, когда Робертс готовился к прыжку. В поле находились одиннадцать дивизий. Из них 1-я (Метуэн) и половина 10-й (Хантер) располагались у Кимберли, образуя левое крыло армии Робертса протяженностью в добрую сотню миль. И, как убедился генерал Вильбуа, слева же стояли значительные силы Йоменов. В центре, вместе с Робертсом, находились: 6-я дивизия (Келли-Кенни) в Блумфонтейне, 7-я (Таккера) у Кари в двадцати милях севернее, 9-я (Колвила) и 11-я (Пол-Карю) неподалеку от Блумфонтейна. Кавалерийская дивизия Френча также дислоцировалась в центре. Если пройти взглядом по линии железной дороги в сторону Капа, то можно обнаружить 3-ю дивизию (Чермсайда, ранее Гетекри), которая теперь переместилась к Реддерсбергу, а затем, еще южнее возле Роуксвилла 8-ю дивизию (Рандла). Южнее и восточнее расположилась бригада Харта (вторая половина дивизии Хантера) и Колониальная дивизия Брабанта, половина которой была заперта у

Вепенера, а оставшаяся стояла у Аливала. Таковы были наши силы, действовавшие в Оранжевой Республике, если не считать находившуюся в процессе формирования дивизию конной пехоты.

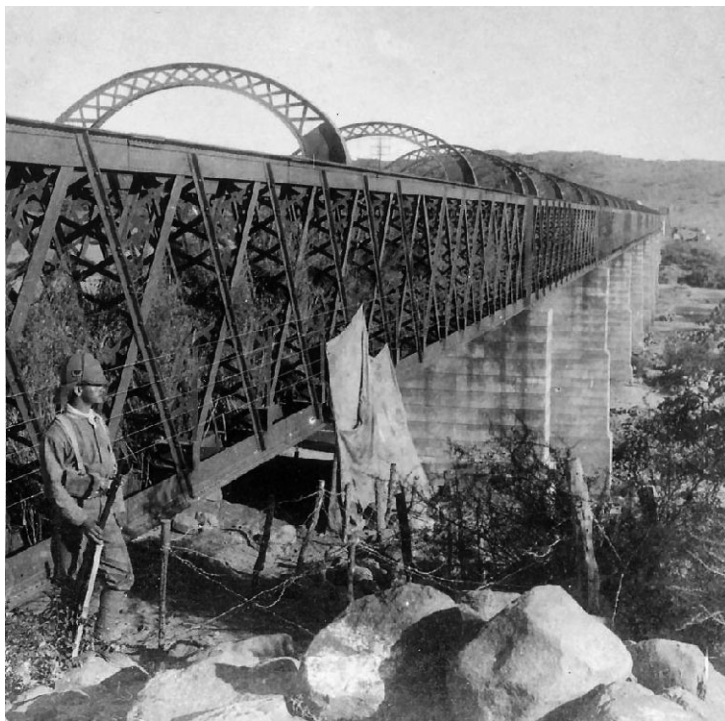

*Командующий Родезийскими силами
генерал Фредерик Каррингтон*

Осталось упомянуть три дивизии в Натале: 2-ю (Клери), 4-ю (Литтелтона) и 5-ю (Хилдьярда, позднее Уоррена) с кавалерийскими бригадами Барн-Мардока, Дандоналда и Броклехарста. Эти войска, совместно с многочисленными милиционными частями и отдельными подразделениями, расположившись вдоль коммуникационных линий, составляли британскую армию в Южной Африке. В Мафекинге оставались в западне около 900 солдат иррегулярных войск, а отряд под командой Пламера, почти такой же численности, пытался пробиться к ним с севера. В португальской Бейре, где мы имели право высаживать войска согласно договоренности, сходили с судов и двигались к Родезии смешанные подразделения австралийцев, новозеландцев и солдат других колоний. Перед ними стояла задача пресечь попытку трека, который буры могли бы предпринять в этом направлении. Этим живописным отрядом командовал Каррингтон, энергичный старый солдат, имевший

большой опыт войны в Южной Африке. Он вел своих людей по тропическим лесам, через кишасшие крокодилами реки, в то время как остальные британцы дрожали от холодных зимних ветров, дувших с Капа. Ни наше правительство, ни наши граждане, ни остальной мир в начале кампании не понимали, за сколь тяжелое дело мы взялись. Но, должно признать – мы выполняли свой долг без дураков. Театр войны оказался настолько огромным, что Канадцы находили привычный климат, будучи на одном его конце, в то время как Квинслендерцы чувствовали себя как дома на другом.

Отслеживать во всех подробностях маневры буров и контрманевры британцев, совершавшиеся в то время в южной части Оранжевой Республики, было бы слишком бесчеловечным испытанием, как для прилежания историка, так и для терпения читателя. Попробуем максимально достоверно дать общую картину с минимально возможным числом географических ссылок. Повествование, требующее постоянного обращения к карте – испорченное повествование.

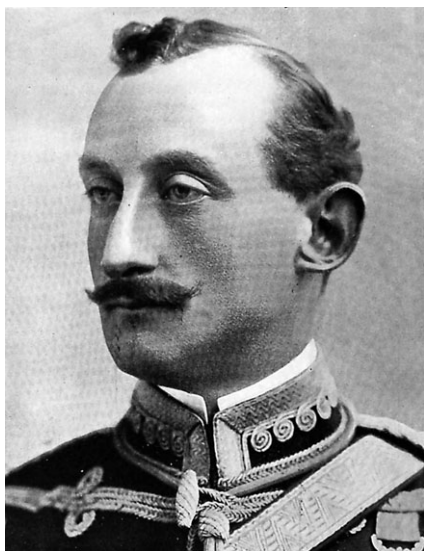

Мост у Бетули, охраняемый британцами

Основные силы фристейтеров сконцентрировались в северо-восточном углу страны, откуда совершая вылазки на юг, тревожили восточную линию британских аванпостов, при желании уклоняясь от боя. Их первое предприятие (Санас-Пост), стало большим и заслуженным успехом. Тремя днями позже они заперли пять рот у Реддерсберга. Остальные небольшие британские отряды, вовремя получив предупреждение, отошли к опорным пунктам, надежно прикрыв железнодорожную линию – жизненно-важную, единственную питающую армию артерию. Особенно значимым объектом был Бетулийский мост. Хотя буры бывали поблизости и даже несколько раз официально объявляли о его разрушении, настоящей атаке мост не подвергся.

Однако, на басутолендской границе, у Вепенера им удалось окружить отряд британцев. Обложив противника, бюргеры по своему обыкновению приступили к бомбардировке, ожидая, пока один из их великих союзников – голод, жажда или нехватка боеприпасов – не вынудят противника сложить оружие.

Однако в данном случае буры взялись за непосильную задачу. Отряд под Вепенером насчитывал более семнадцати сотен великолепных солдат. Здесь стояла часть Колониальной дивизии Брабанта, состоявшая в основном из закаленных бойцов иррегулярных войск – людей, сделанных из того же теста, что и защитники Мафекинга. Такие солдаты слишком трезвомыслящи, чтобы позволить загнать себя на невыгодную позицию, и слишком отважны, чтобы сдаться, занимая превосходную. Отрядом командовал лихой боец, полковник Далгети из Капских Конных Стрелков, такой же стойкий воин, как и его знаменитый тезка. В своем распоряжении он имел около тысячи людей из Конницы Брабанта, четыре сотни Капских Конных Стрелков, четыре сотни бойцов Кафрской Конницы, скаутов и сотню солдат регулярной армии, включая двадцать бесценных Саперов. Британцы имели сильную артиллерию – два семифунтовых, два морских двенадцатифунтовых и два пятнадцатифунтовых орудия, плюс несколько пулеметов. Занятая ими в трех милях к северу от Вепенера позиция (Яммерсберг) была очень сильной. Чтобы ею овладеть, требовались гораздо больше сил, чем имелось в распоряжении Де Вета. Оборонительные рубежи подготовил майор Седрик Максвелл (Саперы). Конечно, оборона периметра протяженностью почти восемь миль – задача не из легких, однако исход акции доказал, что Максвелл отлично справился со своим делом.

*Полковник Далгети,
командовавший британцами у Вененра*

Первоначально буры приступили к предпринятию с полной уверенностью в победе, полагаясь на превосходство в артиллерии и людях. Однако после двух дней ожесточенных боев их атаки выродились в откровенную блокаду. 9-го апреля бюргеры энергично атаковали наши позиции, бой шел и днем и ночью. 10-го числа давление противника не ослабевало. На эти дни пришлось подавляющее количество потерь. Но в данном случае британцы, ведя огонь из орудий и стрелкового оружия, использовали укрытия с мастерством, и не снисшедшим солдатам регулярной армии.

Капитан Лукин мастерски командовал артиллерией. Погода выдалась мерзкой, и наспех вырытые траншеи мгновенно превратились в канавы, наполовину залитые водой. Но ни грязь, ни опасность не сломили мужество доблестных колонистов. Они отбивали атаку за атакой, с завидным хладнокровием выдерживая огонь вражеских орудий. Буры, превзойдя самих себя в искусстве обращения с пушками, втащили два орудия на самую вершину Яммерсберга, откуда открыли огонь по британскому кемпу. Почти все лошади были перебиты, пострадало около трех сотен человек (число, вдвое превосходящее официальные данные, однако легко объясняемое высоким духом войск, когда лишь тяжелораненые заявляли о своем ране-

нии). Доктору Фаскалли пришлось иметь дело лишь с самыми серьезными случаями, и он, располагая ограниченными средствами, великолепно исполнил свой долг. Каковы были потери противника мы, наверное, никогда не узнаем, однако трудно вообразить, что, предприняв несколько ожесточенных атак, они потеряли меньше людей, чем доблестные защитники. Вечером семнадцатого дня, проведенного в грязи и крови, взору доблестных колонистов неожиданно предстал пустой лагерь и покинутые траншеи. Их собственное упорство и спешивший на помощь Брабант заставили противника поспешно уйти. Вепенер, Мафекинг, Кимберли, взятие первых орудий под Ледисмитом – все это заслуги Имперской Легкой Конницы. Нельзя не признать, что наши иррегулярные южноафриканские войска имели в этой войне блестящий послужной список. Их имя связано со многими успехами и с совсем незначительным числом неудач. Я думаю, эти прекрасные достижения, если быть честным, нельзя приписать особым достоинствам, свойственным лишь местной ветви нашей расы, поскольку в Южной Африке лучшие колониальные части, по крайней мере наполовину, состояли из британских британцев. В Имперской Легкой Коннице пропорция была еще выше. Но их подвиги лишней раз подтвердили истину, давным-давно доказанную американцами – германская концепция дисциплины превратилась в устаревший фетиш. Дух свободного человека, чей индивидуализм скорее поощряют, чем угнетают, может противостоять любому оружию. Клерки, шахтеры и инженеры, безо всяких штыков поднявшиеся на Эландслаагте плечо к плечу с Гордонцами и, по словам сэра Джорджа Уайта, 6-го января спасшие Ледисмит, навсегда доказали, что людей нашей расы именно сила духа, а не муштра или дисциплина превращают в непобедимых солдат. Признание этого факта всего за несколько лет способно сэкономить Британии деньги, достаточные для ведения целой войны.

Можно задаться вопросом, почему семнадцать дней британцы терпели присутствие буров в своем тылу, хотя, обладая подавляющим превосходством, они без труда могли выделить достаточное количество войск, чтобы выместить их оттуда. Ответ будет таков: лорд Робертс отрядил своего надежного заместителя Китченера к Аливалу, откуда тот наладил гелиографическое сообщение с Вепенером. Благодаря постоянной связи главнокомандующий точно знал, что окруженный отряд может держаться, и Робертс использовал приманку для удержания противника, так же как ранее использовал Кимберли, тем вре-

менем готовя его уничтожение. Если бы ловушка захлопнулась чуть быстрее, война в Оранжевой Республике могла бы закончиться там и тогда.

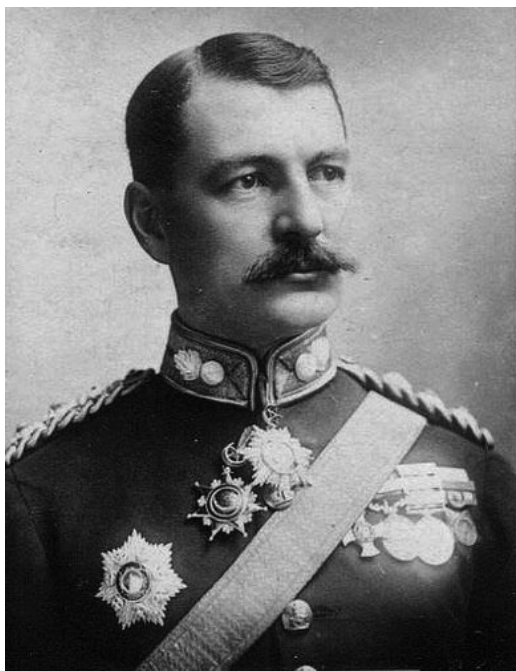
Британские сигнальщики с гелиографом

Противник осаждал британцев у Вепенера с 9-го по 25-е апреля. Давайте проследим судьбу других частей нашей армии в этот период.

Люди Брабанта совместно с бригадой Харта (остановленной по пути в Кимберли, где она должна была влиться в состав дивизии Хантера) двинулись на юг к Вепенеру через Роуквилл. Британцы продвигались медленно, опасаясь вспугнуть буров до того, как те окажутся в западне. Одновременно 3-я дивизия Чермсайда подкрадывалась к противнику с северо-востока, выступив от железнодорожной линии у Бетани, направляясь через Реддерсберг к Деветсдорпу. Ей предстояло перерезать бурам пути отхода. Перемещение наших частей выполнялось с усыпляющей медлительностью и мягкостью, подобно тому, как приближают ладонь к ничего не подозревающей мухе, чтобы ее прихлопнуть. А затем, внезапно, 21-го апреля лорд Робертс дал команду "фас". Если бы действия его подчиненных были столь же быстры и энергичны, как мысль стратега, Де Вет бы от нас не ускользнул.

В течение нескольких дней, когда уже все было готово для

нанесения удара, отвратительная погода спутала карты лорда Робертса. Дождь лил как из ведра, и те, кто знает, что такое южноафриканские дороги, южноафриканская грязь и южноафриканские броды, поймут, почему в сложившихся условиях быстрый бросок оказался невозможен. Но с первыми просветами в тучах холмы к югу и востоку от Блумфонтейна усеялись нашими скаутами. Рандл со своей 8-й дивизией немедля подошел с юга и, объединившись с Чермсайдом к востоку от Реддерсберга, выступил на Деветсдорп. Как старший офицер, это соединение общей численностью 13000 ружей при тридцати орудиях, возглавил Рандл. Голубые холмы Вепенера, видневшиеся на горизонте в двадцати милях к югу, красноречиво говорили каждому солдату о цели и задаче этого марша.

Командир 8-й дивизии Лесли Рандл

20-го апреля Рандл встретил отряд противника с артиллерией, преградивший ему путь. Всегда трудно определить количество хорошо укрытых буров-стрелков и замаскированных орудий, но, обладая некоторыми знаниями об их общей численности у Вепенера, Рандл мог с уверенностью предположить, что сила противостоявшего ему отряда значительно ус-

тупает британской. Трудно допустить, что у Констанция-Фарм, где он наткнулся на позицию противника, ему противостояло более трех тысяч буров. Их левый фланг был самой уязвимой точкой, поскольку наш маневр с той стороны отрезал бюргеров от Вепенера и толкал их в сторону наших главных сил, стоявших на севере. Можно допустить, что, связав противника действием нескольких батальонов, одновременно зайдя с фланга восемью тысячами бойцов, вполне можно было сбить буров с позиции (как часто делалось и до и после того). Однако в пятницу, 20-го апреля, началась неторопливая акция, продолжавшаяся 21-го, 22-го и 23-го числа, в которой мы понесли небольшие потери, не произведя при этом никакого впечатления на противника. Тридцать человек из 1-го батальона Вустерцев забрели ночью в расположение бюргеров и попали в плен, но за этим исключением четыре дня шумной перестрелки, похоже, обошлись обеим сторонам не более чем в пятьдесят человек. Возможно, медлительность, с которой Рандл проводил операцию, объясняется имеющимися у него инструкциями выжидать, пока другие наши силы не займут намеченные позиции. Его дальнейшая биография доказывает, что этот солдат не принадлежит к числу генералов, опасющихся нанести удар.

Воскресной ночью (22-го апреля) Пол-Карю, стоявший в Блумфонтейне, предпринял вылазку по маршруту, который должен был вывести его за правый фланг буров, сдерживавших Рандла. Однако бюргеры преградили путь и ему, заняв сильную позицию на Лиув-Коп. Таким образом, Деветсдорпские буры прикрывали буров у Вепенера, будучи в свою очередь прикрыты товарищами на Лиув-Коп. Перед тем как что-либо предпринять, британцам следовало выбить последних с занимаемой позиции. Пол-Карю – одна из ярких находок этой войны. Приятной внешности, отважный, галантный, он шел в бой, как беззаботный школьник идет играть в футбол. В сложившихся обстоятельствах Пол-Карю действовал рассудительно и энергично. Его кавалерия угрожала флангам противника, а бригада Стефенсона ценой небольших потерь захватила позицию с фронта. Тем же вечером командование британскими войсками принял только что прибывший генерал Френч. В его распоряжении имелась бригада Стефенсона и Гвардейская бригада (11-я дивизия), две бригады кавалерии и отряд конной пехоты. На следующий день (23-го апреля) наступление возобновилось. Жарче всех пришлось кавалерии. Доблестные солдаты из Конницы Робертса, великолепно зарекомендо-

вавшие себя у Санас-Пост, отличились вновь, потеряв среди других достойных бойцов своего полковника Бразье Креа. 24-го апреля слава и потери вновь достались коннице. Приз взяли 9-й Уланский (регулярный кавалерийский полк), лишившийся нескольких солдат и офицеров, и 8-й Гусарский, также понесший потери. Буры были выбиты со своих позиций. В этой стычке они пострадали сильнее, чем в некоторых более масштабных боях. Здесь же британцы с определенным эффектом использовали "пом-помы", наконец поступившие в войска благодаря запоздалым стараниям Артиллерийского Департамента. Впервые буры испытали на себе изматывающий эффект этих шумных, но на деле не слишком смертоносных фейерверков, которыми они столь часто угощали наших артиллеристов.

Британский "пом-пом" (37-мм автоматическое орудие)

В среду утром Рандл, получив поддержку дивизии Пол-Карю, был достаточно силен для любой атаки, а Френч занял позицию на фланге. Теперь для великой победы имелось все необходимое, кроме присутствия противника. Вепенерская осада завершилась, а враг, стоявший перед Рандлом, исчез, как может исчезать только бурская армия. Этот согласованный маневр бюргеры исполнили восхитительно. Не обнаружив перед собой противника, объединенные войска Френча, Рандла и Чермсайда заняли Деветсдорп. Чермсайд остался в городе, а

остальные проследовали на Табанчу – центр урагана, в котором почти месяц тому зародились наши беды. Британцы знали, что отступавшая армия Де Вета находится прямо перед ними, они также знали, что из Блумфонтейна в Табанчу, с целью отрезать бурам пути отступления, отправлены дополнительные войска. Лорд Робертс, формируя два кордона на пути Де Вета, природно полагал, что хотя бы один из них его задержит. Но необычайное мастерство и мобильность Де Вета вместе с фактом, что каждый местный житель являлся служащим его департамента разведки, помогло ловкому буру выскользнуть из приготовленной двойной сети. Первая была поставлена с опозданием, а вторая оказалась слишком мала.

Итак, пока Рандл и Френч шли на Деветсдорп, другой отряд, пытавшийся отрезать Де Вету пути отхода, отправился непосредственно к Табанчу. Маневр начался 22-го апреля наступлением восьми сотен конных пехотинцев под командованием Яна Гамильтона на водозаборную станцию.

Генерал Ян Гамильтон после войны

Противник, удерживавший лежавшие за ней холмы, перед тем как открыть огонь из трех орудий, позволил отряду Га-

мильтона дойти до самого Модера. Попав под обстрел, конные пехотинцы отступили и разбили бивак вне пределов досягаемости вражеских снарядов*. К утру на помощь британцам подошла бригада Смит-Дориена (Гордонцы, Канадцы и Шропширцы; Корнуэллцы остались в тылу) и дополнительные силы конной пехоты. Наступление началось с первыми лучами солнца. Бригада двигалась в очень редких боевых порядках, а конная пехота пошла в обход правого фланга оборонявшихся. К вечеру мы вновь овладели водозаборной станцией, жизненно важной для Блумфонтейна, и удерживали господствующую над ней линию холмов. Столь сильная позиция не досталась бы нам легко, если бы не действия Пол-Карю и Френча, двумя днями ранее отправившихся на соединение с Рандлом, и теперь угрожавшим противнику с юга.

Спешившиеся Йомены

Ян Гамильтон, проявивший себя командуя пехотой у Эландслаагте и будучи одним из выдающихся офицеров оборонявших Ледисмит, с этого момента занял более важное и независимое положение. Худощавый, с орлиными чертами лица, мягким голосом и прекрасными манерами, в ходе своей богатой

* Это была замечательная демонстрация бессмысленности стрельбы гранатами по войскам, находящимся в развернутых порядках. Я лично видел, как, по меньшей мере, сорок снарядов, все из которых взорвались, упали в рядах презрительно-неторопливо отходившей конной пехоты. Потерь не было.

рискованными предприятиями карьеры он не однажды доказал, что обладает не только высочайшей солдатской храбростью, но и хладнокровной решимостью, свойственной прирожденному лидеру. За утонченно-элегантной внешностью скрывался пронизательный ум и пламенная душа. Его искалеченная, наполовину парализованная рука красноречиво свидетельствовала, что, еще молодым лейтенантом при Маджубе, Гамильтон узнал цену бурским ружьям. Теперь, в сорок семь лет, зрелым и грозным бойцом он вернулся уплатить долги за ту печальную кампанию. Этому человеку лорд Робертс доверил командование мощной фланговой колонной, которая, в конечном счете, образовала правое крыло наступления.

После утреннего захвата водозаборной станции усиленная Хайлендерской Бригадой, Корнуоллцами и двумя тяжелыми морскими орудиями, колонна насчитывала не менее семи тысяч человек. Гамильтон выделил гарнизон для защиты станции, а с оставшимися войсками устремился через холмистую местность, лежавшую между ним и Табанчу.

25-го апреля противник пытался задержать его на позиции, называемой Израэльс-Поорт – перешейке, соединявшем две высоты, но был отеснен без особых проблем. Канадцы потеряли одного человека убитым и двоих ранеными. Среди последних оказался и полковник Оттер, отважный командир Канадцев.

*Уильям Оттер,
командир 2-го батальона Королевских Канадцев*

Конница Маршалла – колониальная часть, сформированная в Грехемстауне, потеряла семь офицеров и несколько рядовых. На следующее утро городок Табанчу был захвачен, и Гамильтон обнаружил, что находится прямо на линии отступления буров. Он оседлал проход контролировавший дорогу, и весь следующий день с нетерпением поджидал противника. Когда на юге показался длинный шлейф пыли, сердца его людей учащенно забились. Наконец-то хитрый Де Вет попался! Но какие сочные и страстные проклятия сорвались с уст солдат, когда из этого облака выехала колонна всадников, одетых в хаки, и стало ясно, что перед ними передовые отряды Френча, следом за которыми из Деветсдорпа спешила пехота Рандла. Буры проскользнули в обход и уже находились к северу от нас.

Невозможно удержаться и не выразить восхищение мастерством, с которым на этом этапе кампании буры осуществляли свои маневры. Сплав осмотрительности и дерзости, умение, с каким они сдерживали Френча и Рандла, пока не отвели свои команды от Вепенера, скрытность при отводе сил прикрытия, и, наконец, ловкость, с которой они проскочили мимо Гамильтона – являют ярчайшие образцы стратегического искусства. Главнокомандующий буров, Луис Бота, постоянно держал все нити в своих руках, и то, как он за них дергал, доказывает, что его соотечественники избрали на этот высокий пост правильного человека. Бота выглядит главной вдохновляющей силой и выдающимся командиром даже на фоне прекрасных прирожденных воинов, возглавлявших отдельные команды.

Оказавшись к северу от британских сил, Бота не намеревался далеко уходить. Его не побудила к этому и рекогносцировка, переросшая в атаку, предпринятая Френчем 27-го апреля. В стычке, случившейся накануне вечером, Конница Китченера потеряла четырнадцать человек, а действия 27-го числа стоили нам еще столько же. В результате боя стало ясно, что силы буров насчитывают шесть-семь тысяч человек, собранных в компактную группировку. Они неторопливо отошли и заняли оборонительную позицию у Хоутнека, несколькими милями дальше. Френч остался в Табанчу, откуда позднее присоединился к наступлению лорда Робертса. Теперь вся фланговая колонна перешла под командование Гамильтона, продолжившего свой марш на север к Винбургу.

На левом фланге британского наступления высилась гора Тоба – командная высота Хоутнекской позиции противника. Именно на нее Гамильтон направил острие атаки. Конница Китченера, своевременно поддержанная людьми Смит-

Дорриена, лихо бросилась вперед. На склонах горы развернулся оживленный бой, но до наступления темноты гребень очистить не удалось. На рассвете 1-го мая акция возобновилась, и позиция, благодаря решительному броску Шропширцев, Канадцев и Гордонцев, перешла в наши руки. Буры, уходившие по обратному склону высоты, попали под сильный огонь британской пехоты, и пятьдесят из них были ранены или убиты. Именно в этой акции, во время боя на высоте, капитан Тоуз (Гордонцы), получив пулю в глаз и совершенно ослепнув, водрушевлял своих людей на прорыв сквозь боевые порядки окружившего их противника.

Брюс Гамильтон

После этой победы люди Гамильтона, находившиеся в бою семь дней из десяти, остановились на отдых в Якобсрусте, где соединились с кавалерией Бродвуда и пехотной бригадой Брюса Гамильтона. Теперь колонна Яна Гамильтона имела две пехотных бригады (Смит-Дорриена и Брюса Гамильтона), Конную Пехоту Ридли, Кавалерийскую Бригаду Бродвуда, пять батарей артиллерии и два тяжелых орудия. Общая численность колонны составляла 13 000 человек. С этими силами, не разрывая контакт с арьсгардом Луиса Боты, 4-го мая Ян Гамильтон продолжил свое наступление. 5-го мая произошла короткая стычка с участием кавалерии, в которой отличились Конница Китченера и 12-й Уланский, и в тот же день Гамильтон

овладел Винбургом, таким образом обезопасив правый фланг большого наступления Робертса.

Дислокация войск в восточной части Оранжевой Республики к моменту финального наступления главной армии была следующей: Ян Гамильтон со своей конной пехотой, бригадами Смит-Дорриена, Макдональда, Брюса Гамильтона и кавалеристами Бродвуда стоял у Винбурга. Рандл был у Табанчу. Колониальная дивизия Брабанта шла туда же. Чермсайд находился у Деветсдорпа, отрядив часть сил под командованием лорда Каслтауна нести гарнизонную службу в Вепенере. Харт занял Смитфилд, откуда его бригаду вскоре перевели к Кимберли. В целом, для зачистки и удержания в подчинении этой части страны задействовали не менее тридцати тысяч человек. Кавалерия Френча и дивизия Пол-Карю вернулись, чтобы принять участие в основном наступлении.

Перед тем как приняться за описание этого масштабного и решающего наступления, уделим внимание еще одной небольшой акции. Двадцать человек из Конницы Лумсдена, проводя рекогносцировку, были отрезаны у Кари. Небольшой пост под командованием лейтенанта Крейна по какому-то недоразумению попал в окружение. Отказавшись поднять унижительный белый флаг, они смогли прорваться через заслон, потеряв половину своих людей, при этом каждый из уцелевших мог продемонстрировать следы пуль на одежде или теле. Солдаты этого отряда, волонтеры из Британской Индии, променяли легкую и роскошную восточную жизнь на грубую пищу и ожесточенные стычки изматывающей южноафриканской кампании. Прибыв сюда, они продемонстрировали всей Империи доблесть духа, а пролив кровь в своем первом деле, привели армии наглядный пример сохранения воинской чести. Героические традиции Утремских Волонтеров подхвачены людьми из Конницы Лумсдена. Другое незначительное дело, которое, однако, нельзя обойти молчанием – защита конвоя (29-го апреля) Дербиширскими Йоменами (майор Дагдейл) и ротой Шотландских Гвардейцев. Конвой вагонов, направлявшийся к Рандлу, в десяти милях западнее Табанчу был атакован противником. Небольшой отряд доблестно отбил нападение и держал оборону, пока на следующее утро не был деблокирован Барбазоном.

Эта фаза войны отмечена определенными изменениями в настроениях британцев. Трудно найти что-либо снисходительнее первоначальных намерений и призывов лорда Робертса. Его попытки примирения горячо поддержал и генерал Прети-

мен, назначенный гражданским администратором Оранжевой Республики. Однако появились свидетельства, что некоторыми бюргерами эта доброта была воспринята как слабость. В ходе вторжения буров в Вепенер многие из них, ранее сдавшие ничего не стоящее старье, теперь вновь возникли на поле боя со своими надежно спрятанными до поры до времени "маузерами". По войскам вели огонь из фермерских домов, над которыми развевался белый флаг, добропорядочные домохозяйки изводили "рооинеков" непомерными ценами на молоко и пищу, в то время как их мужья посылали британцам пули с окрестных холмов. Возникло чувство, что с бюргерами можно или воевать, или жить в мире, но не находиться в двух состояниях одновременно. В некоторых случаях, когда обнаруживались свидетельства, что владелец ведет двойную игру, предпринимались показательные разрушения ферм и конфискация скота. В стране, где собственность является гораздо большей ценностью, чем жизнь, подобные меры, одновременно с ужесточением правил относительно обладания лошадьми и оружием, позволили затоптать зарождавшийся огонь неповиновения в нашем тылу. Худший вариант мира – это вынужденный мир, но если он установлен, время и справедливость могут довершить остальное.

Бурская ферма, сожженная британцами

Итог описанных операций можно суммировать одним коротким абзацем. Армия буров совершила бросок южнее бри-

танской линии и осадила британский гарнизон. Три британских отряда (Френча, Рандла и Яна Гамильтона) получили задачу их отрезать. Но противник успешно проскользнул через заслоны и ушел. Британцы преследовали его в северном направлении до самого Винбурга. План лорда Робертса отрезать армию Де Вета потерпел неудачу, но, ценой многочисленных маршей и стычек, юго-восток Республики оказался очищен от противника.

ОСАДА МАФЕКИНГА

Этот небольшой городок, в несколько недель прошедший путь от безвестности к славе, приютился у железнодорожной линии, соединяющей Кимберли на юге с Родезией на севере. Он напоминает один из тех западноавстралийских поселков, которые, располагая крохотными текущими активами, демонстрируют невероятные амбиции. За беспорядочным скоплением жестяных крыш, церковью и скаковым кругом – традиционных первоплодах англо-кельтской цивилизации, внимательный наблюдатель наверняка сумеет разглядеть семена будущего большого города. Станция Мафекинг служила складом товаров для западного Трансвааля, с одной стороны, (граница проходила в нескольких милях) и исходным пунктом всех попыток проникновения в пустыню Калахари, с другой.

Не совсем понятно, во имя чего имперская администрация желала удержать этот, открыто расположенный на широкой равнине поселок, не имевший каких-либо естественных оборонительных рубежей. Одного взгляда на карту достаточно для понимания, что железнодорожная линия будет перерезана к югу и северу от города, а гарнизон окажется изолированным в двухстах пятидесяти милях от ближайших британских войск. Буры могли бросить любое количество орудий и людей против этого узла сопротивления, и, вероятно, добились бы своего, если бы имели серьезные намерения овладеть Мафкингом. При обычных обстоятельствах любой отряд, оказавшийся в подобной западне, был заранее обречен на поражение. Но близоручая политика неожиданно обернулась образцом высочайшей мудрости благодаря беспримерному упорству и предприимчивости командира гарнизона – полковника Баден-Пауэлла. Его трудами городок стал приманкой для буров, отвлекая значительные силы противника на бессмысленную осаду, в то время как их присутствие на других театрах войны могло оказаться для британцев губительным.

Полковник Баден-Пауэлл – тип солдата, пользующийся чрезвычайной любовью британской публики. Опытный охотник и превосходный спортсмен. В его восприятии войны всегда присутствовал какой-то спортивный дух. В Матабельской

компании он вылавливал дикарей-разведчиков, выслеживая черных воинов в их родных горах. Он часто действовал в одиночку, ночью, полагаясь лишь на собственную ловкость и надежные ботинки на резиновой подошве. Баден-Пауэлл может служить образцом истинной, добротной храбрости – качества, достаточно редкого среди наших офицеров. Этого человека, прекрасно знавшего все хитрости и возможности вельда, было так же трудно провести, как и победить в бою. Но он обладал еще одной занятной чертой характера. Французы говорят об одном из своих героев: "в его храбрости присутствует определенная доля безрассудства, столь импонирующая французам", – эти слова вполне можно отнести к Баден-Пауэллу. Он весь искрился озорством, и часто сквозь воина и администратора проглядывал шаловливый школьник.

Полковник Баден-Пауэлл

Полковник встречал бурских командос язвительными насмешками, приводившими противника в замешательство не хуже проволочных заграждений и стрелковых ячеек. Удивительное разнообразие личных достоинств – его самая яркая черта характера. Он рисовал двумя руками одновременно, прекрасно танцевал, мог возглавить безнадежное предприятие – ему все было по плечу. К тому же Баден-Пауэлл обладал маг-

нетическим талантом лидера передавать часть своих качеств подчиненным. Таков был человек, сохранивший Мафекинг для Королевы.

Когда, еще до формального объявления войны, противник сосредоточил несколько коммандо из Зеерушта, Рустенбурга и Лихтенбурга на своей западной границе, Баден-Пауэлл опираясь на помощь прекрасных офицеров, в том числе полковника Гулда Адамса, лорда Эдварда Сесила (сына английского премьер-министра) и полковника Гора сделал все возможное для подготовки города к обороне. В этом деле он получил всестороннюю поддержку со стороны Бенджамина Уэйла – известного южноафриканского подрядчика, заблаговременно обеспечившего город провизией, в то время как высшие должностные лица Колонии продемонстрировали такую же выдающуюся степень глупости, граничащую с изменой, как и в случае с Кимберли, встречая все требования пушек и подкреплений близорукими сомнениями в необходимости каких-либо мер предосторожности.

Поезд, захваченный бурами у Краипана

Именно в ходе запоздалой попытки удовлетворить самые насущные потребности гарнизона мы пережили хотя и незначительное, но первое поражение в этой кампании. 12-го октября, через день после объявления войны, бронированный поезд, перевозящий два 7-ми фунтовых орудия для обороны Мафекинга, был пущен под откос и захвачен бурскими рейдерами у Краипана, в сорока милях южнее места назначения. Против-

ник в течение пяти часов обстреливал потерпевший крушение состав из орудия, пока капитан Несбитт, командовавший поездом, не приказал своему малочисленному отряду (около двадцати человек) сложить оружие. Будучи само по себе рядовым эпизодом, это событие, тем не менее, произвело сильное впечатление, поскольку первый тактический успех, окропленный первой кровью достался бурам.

Гарнизон города, чья доблесть, несомненно, войдет в историю Южной Африки, за исключением небольшой группы превосходных офицеров не имел в своем составе солдат регулярной армии. Костяк обороны Мафекинга составляли иррегулярные войска: триста сорок бойцов Протекторатского полка, сто семьдесят Полицейских, две сотни волонтеров, образовавших уникальную смесь авантюристов, младших сыновей, разорившихся джентльменов и никому ничем не обязанных спортсменов – людей, всегда выступавших в роли "вуртреккеров" Британской Империи. Это были люди того же сорта, что и прирожденные бойцы других подобных подразделений, прекрасно зарекомендовавшие себя в Родезии, Натале и на Капе. К ним присоединились около девятистот боеспособных добровольцев Городской Гвардии – владельцы магазинов, бизнесмены, рядовые жители. Гарнизон располагал крайне слабой артиллерией: двумя игрушечными 7-ми фунтовыми пушками и шестью пулеметами, но бодрый дух защитников и находчивость их командиров компенсировали все недостатки. Полковник Вивьен и майор Панцера распланировали оборонительные рубежи, и вскоре невзрачный торговый пост стал походить на крепость.

Буры появились у Мафекинга 13-го октября. В тот же день полковник Баден-Пауэлл вытолкнул из города два вагона, начиненных динамитом. Противник обстрелял вагоны, которые, естественно взорвались. 14-го октября буры начали теснить пикеты, стоявшие вокруг города. Для поддержки пикетов британцы выслали бронепоезд и эскадрон Протекторатского полка, отбросившие бюргеров. Получив подкрепление, противник попытался отрезать британцев от Мафекинга, но два свежих отряда при поддержке стрелявшего шрапнелью 7-ми фунтового орудия ликвидировали угрозу. В этой небольшой, но отчаянной схватке гарнизон потерял двух человек убитыми и четырнадцать ранеными, нанеся противнику ощутимый урон. Капитан Уильямс, капитан Фитц-Кларенс и лорд Чарльз Бентинк достойны глубокого восхищения за умелое руководство своими людьми на поле боя. Но операцию в целом вряд ли можно считать благоразумной.

Баден-Пауэлл со своими офицерами в Мафекинге

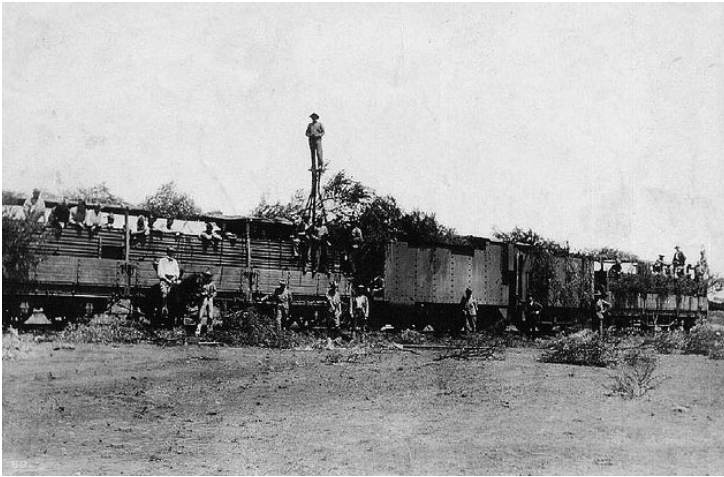
Обернись дело по-другому, Мафекинг, оставшись без гарнизона, несомненно бы пал. Никакой результат, достигнутый подобного рода вылазкой, не оправдывал подобного риска.

Капские Полицейские с "Максимом"

16-го числа началась настоящая блокада. К этому времени буры подвезли два 12-ти фунтовых орудия, и первые из бесконечного града снарядов обрушились на город. Противник ов-

ладел запасами воды, но гарнизон к этому времени уже выкопал колодцы. К 20-му октября у города собрались пять тысяч бюргеров под командованием самого Кронье. "Сдавайтесь во избежание кровопролития", – предложил грозный бур. "И когда же начнется это кровопролитие?" – поинтересовался в ответ Баден-Пауэлл. После того, как буры в течение нескольких недель засыпали город снарядами, беззаботный полковник отправил им послание, в котором предупреждал: если бюргеры продолжат в том же духе, он будет считать подобные действия объявлением войны. Будем надеяться, что Кронье обладал определенным чувством юмора, иначе (подобно испанским генералам, донимаемым причудами лорда Петерборо) он счел бы себя оскорбленным эксцентричной выходкой оппонента.

Маскировка бронепоезда

Среди многих трудностей, с которыми столкнулись защитники города, наибольшую проблему представлял растянутый на пять-шесть миль периметр обороны, удерживаемый всего тысячей бойцов, в то время как противник мог добиться превосходства в силах в любой момент и в любом месте. Для исправления ситуации британцы прибегли к оригинальной системе небольших фортов с блиндажами и крытыми переходами. В каждом из них находилось от десяти до сорока стрелков. Центральный блиндаж соединялся с другими телефонной линией, заменявшей привычных посыльных. В городе ввели систему оповещения о начале артобстрела. Удары колокола предупреждали жителей о необходимости укрыться в убежищах.

Каждая деталь свидетельствует об остроте ума человека, ответственного за оборону. Бронепоезд, окрашенный в зеленый цвет и замаскированный ветками, скрывался в зарослях кустарника, окружавших город.

24-го октября началась варварская бомбардировка с большими, перерывами продолжавшаяся семь месяцев. Буры доставили из Претории гигантское орудие, стрелявшее 96-ти фунтовыми снарядами, и оно, вместе со своими меньшими поделщиками, с воодушевлением принялось обрабатывать город. Однако результат этих обстрелов был столь же жалок, как и наш собственный артиллерийский огонь, направленный против буров.

Бурский "Крез" под Мафекингом

Поскольку пушки Мафекинга не могли противостоять вражескому огню, единственно возможным ответом представлялась вылазка, на которую и решился полковник Пауэлл. Ее осуществили ночью 27-го октября, когда сотня бойцов под командой капитана Фитц-Кларенса скрытно направилась к траншеям буров, имея приказ использовать только штыки. Позицию противника захватили решительным броском, и многие бюргеры отведали штык еще до того, как успели выбраться из-под укрывавшего их брезента. Следующая траншея открыла ожесточенный огонь, возможно, подстрелив не меньше своих людей, чем наших. Общий итог этого славного дела – мы потеряли шесть человек убитыми, одиннадцать ранеными и двоих пленными, потери противника как всегда покрыты мраком,

но определенно гораздо выше.

31-го октября буры предприняли атаку на Кэнон Коп – небольшую увенчанную фортом высоту к югу от города. Ее оборонял полковник Уэлфорд (Британская Южно-Африканская Полиция), и пятьдесят семь его бойцов с тремя небольшими орудиями. Атаку отбили, нанеся бурам серьезные потери. У британцев шесть убитых и пять раненых.

Опыт этой акции, похоже, вынудил буров отказаться от дорогостоящих попыток прорваться в город, и за несколько недель осада выродилась в примитивную блокаду. Кронье отбыл для более важной работы, передав незавершенное дело команданту Сниману. Время от времени гигантское орудие швыряло в сторону города шрапнель, но деревянные стены и крыши из рифленого железа сводили опасность обстрела к минимуму.

Почтовое отделение Мафекинга

3-го ноября гарнизон атаковал Брикфилдс, удерживаемый снайперами противника, а 7-го числа провел еще одну вылазку. 18-го ноября Пауэлл написал Сниману, что тот не сможет овладеть городом, если будет лишь смотреть на него и изредка пощипывать. Одновременно в отдельном обращении к бурам, он советовал бюргерам вернуться домой, к своим семьям. К этому времени часть командос ушла на юг помогать Кронье сдерживать Метуэна, и осада совсем зачахла. Однако 26-го декабря участники действия взбодрились благодаря отчаянной вылазке британцев, в результате которой гарнизон понес серь-

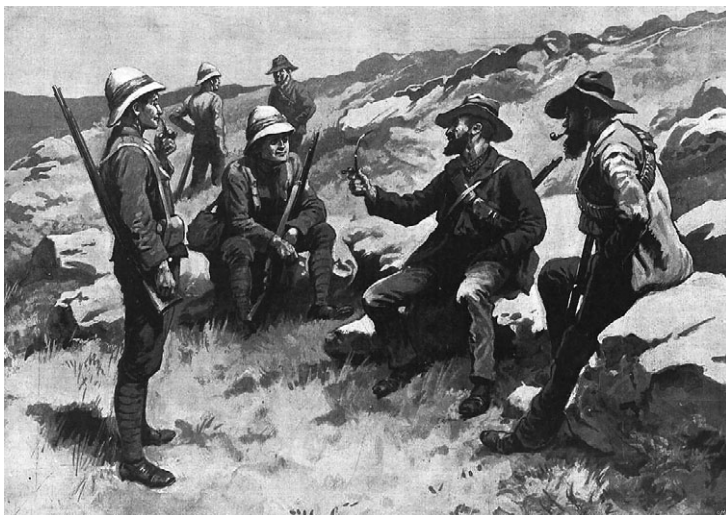
езные потери. Война в очередной раз преподала нам суровый урок – при современном оружии и равенстве сил все шансы на стороне обороны.

В тот день британцы предприняли решительную атаку на бургский форт, стоявший на севере. Почти нет сомнений, что враг подозревал о наших намерениях, поскольку лишь в последний момент выяснилось, что форт дополнительно укреплен и неприступен без штурмовых лестниц. В атаке участвовало два эскадрона: Протекторактского полка и Бечуаналендских Стрелков, поддерживаемых тремя орудиями. Атака оказалась настолько безрассудной и отчаянной, что атакующая партия (имевшая слишком малые шансы на успех, если вообще имевшая таковые) потеряла убитыми и ранеными пятьдесят три человека из восьмидесяти – двадцать пять человек из первого подразделения и двадцать восемь из второго. Из строя выбыли несколько прекрасных офицеров, являвшихся душой обороны. Капитан Фитц-Кларенс был ранен, а Вернон, Сэндфорд и Патон убиты у самых вражеских орудий. Должно быть, Баден-Пауэлл пережил один из самых горьких моментов в своей жизни, когда, сложив подозрную трубу, приказал: "Пусть выезжают санитары".

Тяжелый удар не поверг обороняющихся в уныние и не умалил их энергию, но послужил Баден-Пауэллу предостережением – не следует истощать свои и без того незначительные силы дорогостоящими попытками наступательных действий. С этого момента он довольствовался оборонительными мероприятиями, ожидая, пока Пламер с севера или Метуэн с юга протянут ему руку помощи. Бдительный, энергичный, не допускавший даже мысль о возможном проигрыше, Пауэлл и его закаленный в боях гарнизон встретили новый год с твердой решимостью не сдаваться ни при каких условиях.

Январские и февральские записи в документах отражают монотонное нервное напряжение, характерное для любого осажденного города. В один день противник выпускал больше снарядов, в другой меньше. Иногда дело обходилось безо всякого ущерба, иногда (как в случаях с капитаном Гридвудом или конным полицейским Уэббом) гарнизон лишался того или иного храброго солдата. Иногда британцы праздновали маленький триумф, когда слишком любопытного голландца, на мгновение высунувшегося из-за укрытия, чтобы лучше рассмотреть результат своего выстрела, уносили в лагерь на санитарных носилках. В воскресенье обычно соблюдалось перемирие, и тогда снайперы, до этого всю неделю посылавшие друг

в друга пули, встретившись, перебрасывались добродушными шутками.

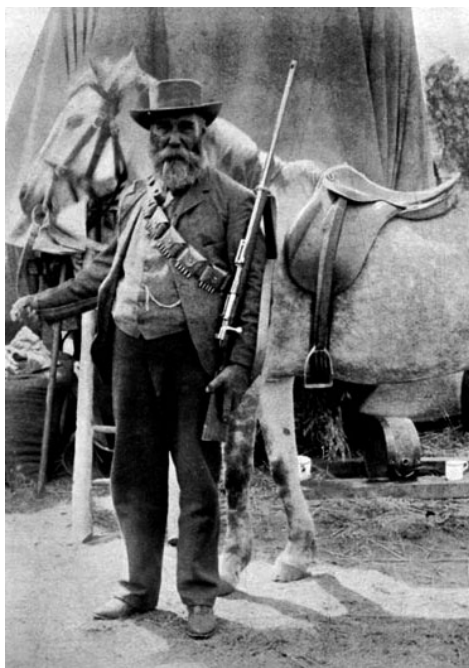

Воскресное перемирие

Бурский генерал Сниман не проявлял в Мафекинге благородства, отличавшего в Ледисмите старого галантного Жубера. Здесь не только не было нейтрального лагеря для женщин или немощных, но не подлежит сомнению, что орудия противника сознательно стреляли по жилым кварталам Мафекинга в надежде оказать давление на его обитателей. Многие женщины и дети стали жертвами этой варварской политики, ответственность за которую лежит на бесчеловечном лидере, а не на грубоватом, но добродушном народе, с которым мы сражались. Негодяи есть среди представителей каждой расы, и было бы политической ошибкой действовать под влиянием чувств, постоянно раздражаемых совершающимися преступлениями. Взыскивать по счетам следует с преступника, а не с его страны.

Несмотря на растущие потери и уменьшение запасов продовольствия, гарнизон сохранял оптимизм, которым буквально лучился их командир. В программу лишь одного праздничного дня (Бог знает, что они там отмечали) входили: утренний крикетный матч, послеполуденные спортивные соревнования и вечерний концерт. Все это завершалось танцами, устраиваемыми неженатыми офицерами. Сам Баден-Пауэлл спустился со своего "орлиного гнезда", откуда он, подобно капитану на

мостике, звонил в колокола и отдавал приказы по телефону, чтобы сорвать аплодисменты комическими куплетами и чтением юмористических рассказов. Бал прошел восхитительно, если не считать антракта на отражение атаки, слегка нарушившей программу. Усердно культивировались спортивные игры. Суровые обитатели казематов и траншей регулярно сражались на футбольном или крикетном поле (один из воскресных крикетных матчей настолько шокировал Снимана, что он пригрозил открыть огонь, если это "безобразие" не прекратится). Временами однообразие осады нарушалось визитом почтальона, изредка появлявшегося из бескрайнего, покрытого кустарником вельда, лежавшего к западу от города, и там же исчезавшего (у буров не хватало сил для полного контроля местности). Несколько слов от родных согревали сердца добровольных изгнанников, пользовавшихся возможностью послать ответную весточку тем же неверным и дорогим способом. Но письма, которые к ним доходили, не всегда оказывались желанными или хотя бы приятными. По меньшей мере, один человек получил неоплаченный счет от разгневанного торговца мужским платьем.

Генерал Сниман

Кое в чем Мафекинг, при несравненно меньших ресурсах, все же мог тягаться с Кимберли. В нем открылась оружейная фабрика, созданная на базе железнодорожных мастерских, где заправляли Коннели и Клуглан из Локомотивного Департамента. Дэниелс (Полиция) помог организовать выпуск пороха и взрывателей. Фабрика выпускала боеприпасы и даже изготовила 5,5-дюймовое гладкоствольное орудие, с высокой точностью посылавшее свои снаряды на значительное расстояние.

*Самодельное орудие и боеприпасы,
изготовленные защитниками Мафекинга*

В апреле гарнизон, вопреки всем невздам, оставался таким же боеспособным и решительным, каким встретил войну в октябре. Передовые траншеи противников почти сошлись, и время от времени противоборствующие стороны перебрасывались гранатами. Буры их метали по старинке, а изобретательный сержант Пейдж (Протекторатский полк) использовал для этого леску. Иногда количество бюргеров и орудий уменьшалась – их коммандо уходили, чтобы преградить путь колонне Пламера, пытавшейся пробиться с севера, но это мало сказывалось на жизни гарнизона, поскольку оставшиеся буры надежно удерживали форты, которые британцы по-прежнему не могли штурмовать из-за нехватки сил. Замените Мафекинг на Ледисмит, а Пламера на Буллера, и вы получите ту же ситуацию, что и в Натале.

В траншеях Мафекинга

Пришло время упомянуть о самом северном отряде, действовавшем в такой дали, что к нему не добирались даже вездесущие корреспонденты. Несомненно, в будущем появятся книга, компенсирующая недостаточное внимание газет, но сейчас упомянем лишь несколько фактов, касающихся действий Родезийской колонны. Ее дела не слишком сказались на общем ходе войны, но, действуя с бульдожьим упорством, Родезийцы, в конце концов, пробились к Мафекингу.

Изначально эти войска создавались для защиты Родезии. Их костяк составляли пионеры, шахтеры и фермеры, обитавшие на обширных территориях, усилиями м-ра Родеса не так давно вошедших в состав Британской Империи. Большинство ее бойцов – ветераны туземных войн, пропитанные духом приключений. Теперь вместо дикарей им противостояли жители западного Трансвааля – бюргеры Ватерсберга и Зоутпансберга – не менее закаленные обитатели пограничья, живущие в землях, где обед вначале нужно пристрелить, а потом уже съесть. Невежественные, косматые, полудикие, владеющие ружьем с той же сноровкой, с какой средневековые англичане обращался с луком, знакомые со всеми вельдскими хитростями – они были нашим наиболее грозным противником.

С началом войны первым побуждением родезийских лидеров было удержать максимально большой участок железнодорожной линии, соединявшей Мафекинг с югом. С этой целью, через три дня после истечения срока ультиматума, к пункту в четырех сотнях миль южнее Булавайо, туда, где соединяются

Трансваальская и Бечуаналендская граница, выслали бронепоезд. Небольшим британским отрядом командовал полковник Холдсворт. В это время к железной дороге спустилось бурское командо численностью около тысячи человек. Завязался бой, в котором бронепоезду повезло более чем обычно, что само по себе редкость для этой хитроумной штуковины. Буры были отброшены, потеряв несколько человек убитыми. Возможно, именно известия об этом деле, а не новости из-под Мафекинга стали причиной первых мрачных толков в Претории. Вскоре после начала боевых действий агентства телеграфировали о плачущих женщинах на улицах бурской столицы. Читая об этом, мы и не представляли, как скоро и насколько часто мы станем свидетелями подобного зрелища на Пелл-Мелл.

Рисковый бронепоезд проскочил до самого Лобатси, где наткнулся на разрушенный мост, после чего вернулся на исходную позицию, еще раз столкнувшись с командос и во второй раз чудесным образом избежав обычной для этих машин судьбы. До самого нового года, благодаря налаженной системе патрулирования, в сотне миль от Мафекинга железнодорожная линия оставалась открытой. На других театрах войны мы не часто встречались с подобной агрессивностью и лихостью британских операций. 24-го ноября у Секвани мы преподнесли бурам сюрприз, задуманный и исполненный полковником Холдсвортом. Ранним утром отряд, состоявший из ста двадцати пограничников, подкрался к лагерю буров и атаковал его. Наш огонь оказался настолько эффективным, что противник оценил численность нападавших в несколько тысяч. Тридцать бюргеров были убиты или ранены, а остальные рассеяны.

Пока британцы удерживали железную дорогу, на северной границе Трансваала также произошло несколько стычек. Вскоре после начала войны доблестный Блекберн, отправившийся на разведку с шестью своими товарищами, обнаружил, что находится по соседству с многочисленным командо. Британцы пытались укрыться, но остроглазый кафр приметил следы и донес о них своим хозяевам. Неожиданный залп буквально изрешетил Блекберна, но его товарищи сумели отбросить противника. Перед смертью Блекберн успел продиктовать официальный рапорт об акции.

В том же районе буры сумели отрезать небольшой отряд под командованием капитана Харе. Из двадцати человек большинству удалось уйти, но капеллан Дж. У. Лери и лейтенант Хесерик (проявивший замечательную храбрость) попали

в плен*.

Коммандо, атаковавшее эту партию, а чуть позднее отряд полковника Спрекли, располагало несколькими орудиями и было довольно многочисленным. Несомненно, буры собрали его, опасаясь вторжения с севера. Когда выяснилось, что британцы не намерены проводить крупные наступательные действия на данном участке, эти бюргеры присоединились к другим коммандо. Сарел Элофф, возглавлявший силы противника на севере, позднее попал в плен у Мафекинга.

Командование маленькой армией, пробивавшейся к Мафекингу с севера (вдоль железной дороги), принял полковник Пламер – офицер чрезвычайно опытный в африканских делах, маленький, спокойный, решительный, обладавший умением подчинять себе буйный материал, с которым ему пришлось иметь дело. Не имея в своем распоряжении и тысячи человек (обычно шесть-семь сотен), он умудрялся держать открытой железнодорожную линию позади, восстанавливать разрушенное полотно и постепенно, шаг за шагом, продвигаться вперед тесня грозного и предприимчивого противника.

*Неудачная попытка колонны Пламера
прорваться к Мафекингу*

Длительное время поселок Габороне (расположенный в восьмидесяти милях от Мафекинга), оставался его штаб-

* М-р Лери был ранен в ступню осколком. Когда в хижину, где он лежал, вошел германский артиллерист, Лери с юмором заметил: "Ваша работа!", на что добродушный германец ответил: "Лучше бы я выполнил ее похуже".

квартирой, из которой Пламер поддерживал ненадежную связь с осажденным гарнизоном. Когда в середине марта он продвинулся на юг к самому Лобатси, до Баден-Пауэлла оставалось менее пятидесяти миль, но противник доказал, что он все еще силен, и Пламер, с некоторыми потерями, откатился на исходную позицию у Габороне.

Кемп полковника Пламера у Габороне

Оправившись, британцы вновь устремились на юг и достигли Раматлабамы, расположенной в однодневном переходе от Мафекинга. В этот раз с Пламером было всего триста пятьдесят человек, и прорвись он сквозь кольцо осаждавших, то, скорее всего, лишь увеличил бы количество едоков голодающего гарнизона. Вскоре колонна подверглась ожесточенной атаке буров и вновь отошла к месту стоянки, потеряв двадцать человек убитыми, двадцать шесть ранеными и четырнадцать пропавшими без вести. Некоторые бойцы лишились лошадей, и факт, что Пламер сумел вывести их из-под удара напористого мобильного противника, характеризует его командирские качества с самой лучшей стороны. Он подал восхитительный пример самоотверженности, отослав собственного коня и отходя пешком вместе с арьергардом. Капитан Кру Робертсон и лейтенант Милликен (знаменитый Йоркширский игрок в крикет) были убиты, а Ролт, Джарвис, Макларен и сам Пламер – ранены. Родезийский отряд вернулся к Лобатси и принялся восстанавливать силы для новой попытки.

Тем временем Мафекинг, покинутый, казалось, на произвол судьбы, сражался, словно раненный лев. Его оборона не только

не ослабла, а напротив, стала еще агрессивнее. Стрелки по-прежнему были настойчивы и метки, вынуждая буров отводить свое большое орудие все дальше и дальше от города. Шесть месяцев, проведенных в траншеях и стрелковых ячеиках, превратили его обитателей в закаленных ветеранов. Время от времени извне до доходили слова восхищения и поддержки. Однажды это было специальное послание королевы, в другой раз обещание помощи от лорда Робертса, но рельсы, ведущие в Англию, поросли травой и заржавели. Храбрые сердца страстно желали увидеть лица соотечественников и услышать звуки их голосов. "Сколько же еще, Господи, сколько?" – не раз рвалось из глубины души, но флаг защитников продолжал реять над городом.

Апрель стал для британцев месяцем испытаний. Они знали, что Метуэн, дошедший до самых Фотин-Стримс на Вааль-Ривер, вновь отступил к Кимберли. Они знали, что отряд Пламера ослаблен поражением у Раматлабамы, и многие его люди лежат с лихорадкой. Шесть изнурительных месяцев поселок выдерживал безжалостный град пуль и снарядов. Помощь, казалось, не придет никогда. Если бы трудности можно было облегчить сочувствием! Мафекинг приковал к себе внимание всей Империи, и даже наступление лорда Робертса, в сравнении с судьбой этой отважной горстки людей, выглядело вторичным. На Континенте сопротивление британцев также вызвало немалый интерес, и многочисленные газеты, открывшие, что писатель с воображением, обходится гораздо дешевле военного корреспондента, время от времени объявляли о капитуляции так же, как однажды объявили о падении Ледисмита. Из простого поселка с крытыми жестью домиками Мафекинг превратился в страстно-желанный приз – веху, способную доказать превосходство доблести одной великой белой расы в Южной Африке над другой. Не подозревая о бушующих в мире эмоциях, гарнизон варил зельц из лошадиных шкур, в качестве закуски на ланч ловил саранчу, и убивал свободное от службы время в изрешеченном шрапнелью клубе проводя открытый турнир по бильярду. Но их бдительность, как и бдительность человека со все замечающими зоркими глазами, сидевшего там, наверху, в Боевой Рубке, никогда не ослабевала. Численность буров возросла, как и количество их орудий. Теперь, даже менее проницательный, чем Баден-Пауэлл, человек мог догадаться: до прихода помощи помощь, противник предпримет, по меньшей мере, одну решительную попытку овладеть городом.

Субботним утром 12-го мая, едва начало сереть (любимое время буров) бюргеры устремились на штурм. Отряд из трехсот добровольцев под командованием Элоффа прокрался к западной окраине города – стороне, наиболее удаленной от основных позиций осаждавших.

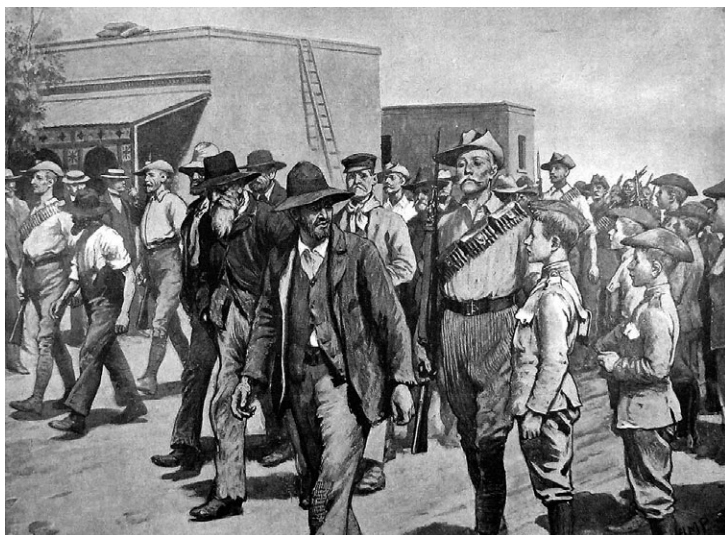
Гарнизон Мафекинга ведет бой с людьми Элофа

Броском они проникли в туземный квартал и сразу же его подожгли. Первым каменным зданием с этой стороны были казармы Протекторатцев, удерживаемые полковником Гором и двадцатью его людьми. Противник овладел казармами и с ликованием сообщил Баден-Пауэллу по телефону о своем успехе. Две другие узловые точки на этом рубеже (каменный крааль и высота), также оказались в руках буров, но подкрепления противника запоздали, а контратака британцев была столь быстрой и энергичной, что все три позиции были окружены, и прорвавшихся бюргеров отрезали от их траншей. Враг проник в город, но ни на шаг не приблизился к его взятию. Весь день британцы затыгивали удавку вокруг пойманных буров, не пытаясь атаковать, а лишь не давая сбежать. Какая-то часть бюргеров, группами по два-три человека, все же улизнула, но основной отряд вдруг обнаружил, что захватил собственную тюрьму, единственный выход из которой контролировался энергичным ружейным огнем британцев.

Около семи вечера бюргеры осознали безнадежность сложившейся ситуации, и 117 человек во главе с Элоффом сложи-

ли оружие. Буры потеряли десять человек убитыми и девятнадцать ранеными. По какой-то причине, из-за медлительности, трусости или предательства, Сниман не поддержал атаку, которая в противном случае могла бы закончиться совсем иначе. Эта доблестная акция, не менее доблестно встреченная, еще раз продемонстрировала, что британцы не утратили желания сражаться. Характерным выдался конец всего предприятия. "Добрый вечер, командант, – приветствовал Пауэлл Эллофа, – не желаете ли поужинать?". Пленники (голландцы, немцы и французы) получили на ужин все, что только можно было отыскать в опустевших кладовых города.

Этой маленькой яркой вспышкой закончилась историческая осада Мафекинга. Атака Эллофа стала последним, хотя, без сомнения, самым тяжелым испытанием, с которым столкнулся гарнизон. Британцы отлично справились с проблемой, потеряв при этом лишь шесть человек убитыми и десять ранеными.

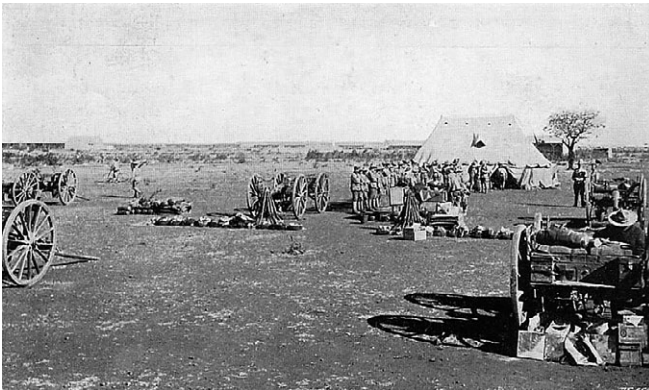

*Буры Эллофа, взятые в плен
после попытки овладеть Мафекингом*

17-го мая, через пять дней после боя, к городу подошла деблокирующая колонна, бюргеров рассеяли, и томившийся взаперти гарнизон обрел долгожданную свободу. Многие, рассматривая на карте этот одинокий пост, затерявшийся в самом сердце Африки, уже отчаялись когда-либо свидеться со своими героическими соотечественниками, как вдруг радостный пере-

звон колоколов и пламя костров вспыхнули от Торонто до Мельбурна, провозгласив, что на всем земном шаре нет такой точки, куда не дотянется рука Империи, если ее дети попали в беду.

Полковник Мехон, молодой ирландский офицер, еще в Египте заслуживший репутацию достойного кавалерийского командира, в начале марта вышел из Кимберли с небольшим, но мобильным отрядом: Имперской Легкой Конницей (переброшенной из Наталя), Кимберлийским Конным Корпусом, Конницей Алмазных Полей, Имперскими Йоменами, Капской Полицией и сотней волонтеров (Фузилеры), при поддержке батареи "М" (конная артиллерия) и нескольких "пом-помов". Общая численность колонны достигала двенадцать сотен человек. 4-го мая, пока Бартон перестреливался с бурами у Рооидама, Мехон со своими людьми обогнул западный фланг бюргеров и устремился на север. 11-го мая, пройдя за пять дней сто двадцать миль, они оставили за спиной Фрайбург, расположенный на полпути. Броску мешали лишь преграды, возведенные природой, но они знали, что враг постоянно держит их в поле зрения. У Коодоосранда выяснилось, что буры заняли позицию по фронту, но Мехон избежал боя, повернув западнее. К сожалению, этот маневр завел британцев в заросли буша, где противник, перехватив колонну, с близкой дистанции открыл огонь по вездесущей Имперской Легкой Коннице. Короткая стычка, стоившая нам тридцати человек убитыми и ранеными, закончилась поражением и рассеянием буров, несомненно, уступавших британцам в силе. 15-го мая освободительная колонна беспрепятственно достигла Масиби-Штадта, в двадцати милях западнее Мафекинга.

Лагерь Канадской Артиллерии под Булавайо

Тем временем северный отряд Пламера усилили батареей "С" (четыре 12-ти фунтовых орудия) Канадской Артиллерии под командованием майора Эудона и Квинслендцами. Эти подразделения были частью небольшой армии генерала Каррингтона, совершившей крюк в тысячи миль через Бейру. Благодаря неимоверному напряжению сил войска прибыли как раз вовремя и влились в состав освободительной колонны. Иностраным военным критикам, весь стратегический опыт которых сводится к переводу войск через границу, стоит задуматься о том, что приходилось совершать Империи до того, как бросить своих людей в бой.

"Пом-пом" Квинслендской Конной Пехоты

Эти контингенты собирались в ходе долгого путешествия по железной дороге, потом, одолев тысячи океанских миль, их перебросили в Кейп-Таун, затем еще две тысячи миль морем в Бейру, после чего узкоколейкой довели до Бамбу-Крик и опять по нормальной колее к Маранделлас, где они сели на повозки и отправились за сотни миль в Булавайо, откуда вновь поездами за пять сотен миль в Оотси, и, наконец, пройдя форсированным маршем последнюю сотню миль, прибыли к месту назначения как раз за несколько часов до выступления. Четыре дня, пешком, по отвратительным дорогам, они преодолевали по двадцать пять миль в сутки, и их бросок – одна из ярких страниц истории этой войны. Две колонны (подкрепления из

колоний и собственные несгибаемые Родезийцы Пламера) достигли деревушки Масиби с интервалом в какой-то час. Теперь объединенная мощь британцев превосходила любые силы буров, которые Сниман мог бы им противопоставить.

Но отважные и цепкие буры не желали упускать добычу без борьбы. Когда маленькая британская армия подошла к Мафекингу, выяснилось, что буры контролируют единственный источник воды и оседлали холмы вокруг него. В течение часа противник отважно удерживал позиции, а их артиллерийский огонь был как всегда очень точен. Но мы имели больше орудий, и наши расчеты стреляли ничуть не хуже, и вскоре бюргеры отошли за Мафекинг, засев в траншеях на восточной стороне, но Баден-Пауэлл со своим закаленным в боях гарнизоном вышел из города и, поддерживаемый артиллерией освободительной колонны, выбил их оттуда. С обычной, вызывавшей зависть предусмотрительностью, буры увезли свои большие орудия, но одна маленькая пушка, вместе с несколькими фургонами и значительным количеством провианта, все же досталась горожанам в качестве сувенира. Длинный шлейф клубящейся пыли, тянувшийся к восточному горизонту, свидетельствовал, что легендарная осада Мафекинга, наконец, завершилась.

Лондон празднует снятие осады Мафекинга

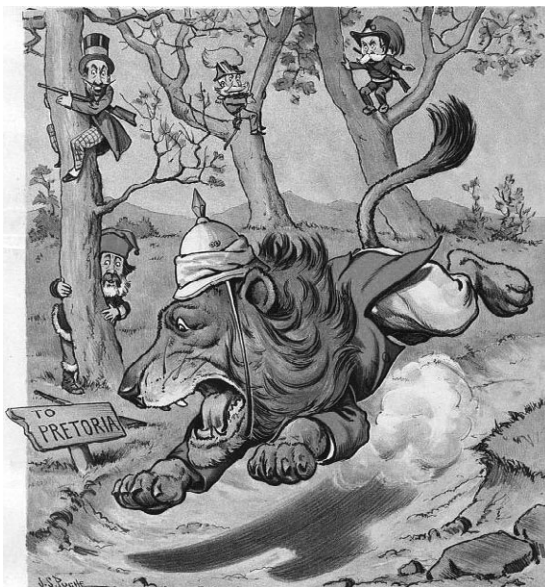
Так была поставлена точка в этой осаде, примечательной тем, что лежавший на равнине город, гарнизон которого почти не имел солдат регулярной армии и современных орудий, смог противостоять многочисленному и предприимчивому противнику, располагавшему тяжелой артиллерией. Честь и слава горожанам, столь долго и достойно переносившим это испы-

тание! Честь и слава несгибаемым солдатам, прошедшим в траншеях семь изнурительных месяцев! Их упорство оказало бесценную услугу Империи. В самые тяжелые и критические первые месяцы войны, по меньшей мере, четыре или пять тысяч буров были привязаны к Мафекингу и не присутствовали на других театрах, где их появление могло бы стать фатальным. Почти восемь месяцев гарнизон оттягивал на себя две тысячи человек и восемь орудий (включая одно большое "Крезо"). Мафекинг предотвратил вторжение в Родезию и на всем гигантском пространстве от Кимберли до Булавайо вдохновлял белых и туземцев, сохранивших лояльность Империи. Все это стоило нам две сотни жизней, и было совершенно патриотами, сумевшими убить, ранить или взять в плен не менее тысячи бойцов противника.

Критики могут сказать, что империя по этому поводу предавалась чрезмерному энтузиазму, но, по крайней мере, она восхищалась достойными людьми и достойным подвигом.

МАРШ НА ПРЕТОРИЮ

В начале мая, когда закончился сезон дождей, но вельд еще оставался зеленым, шесть недель вынужденного бездействия лорда Робертса подошли к концу. Он вновь изготавился к одному из своих грозных "прыжков тигра", позволивших ему в одночасье преодолеть пространство от Белмонта до Блумфонтейна, или, в былые дни, от Кабула до Кандагара. Болезни выкосили его армию, восемь тысяч человек прошли через госпитали, но оставшиеся в строю сохраняли бодрость духа и рвались в бой. Любые перемены, уводившие их прочь от охваченной мором, зловонной столицы врага, столь безжалостной к своим завоевателям, несли с собой надежду. И, когда 1-го мая центральная колонна покинула Блумфонтейн, устремившись под звуки оркестров на север, лица солдат сияли радостью, а шаг был бодр.

"Охотники не думали, что лев жив"
(рисунок из "Pink")

3-го мая, преодолев двадцать миль, главные силы британцев собрались у Кари. От Претории их отделяло еще двести двадцать, но, несмотря на разрушенную железную дорогу, реки и сопротивление противника, через месяц эти люди уже маршировали по главной улице трансваальской столицы. Не будь противника вовсе, подобный бросок все равно считался бы достойной работой, а если учесть, что армия двигалась фронтом шириной в двадцать миль и действия всех частей тщательно координировались между собой, труд британцев выглядит еще достойнее. Истории этого грандиозного марша мы и намерены посвятить главу.

Робертс подготовил себе дорогу, расчистив юго-восточный угол Республики, и к моменту начала наступления фронт располагался по дуге протяженностью около сорока миль, правым флангом (Ян Гамильтон) опираясь на Табанчу, а левым на Кари. Эту гигантскую сеть, постепенно затягивая, тащили с юга на север через всю Оранжевую Республику. Общая концепция была восхитительной, и, похоже, представляла собой адаптацию стратегии буров, которую те, в свою очередь, заимствовали у Зулусов. Прочный центр сковывал противостоявшего ему противника, в то время как мобильные фланги, Хаттон слева и Гамильтон справа, должны обойти и захлопнуть его в ловушке, как захлопнули Кронье у Паардеберга. На карте, в уменьшенном масштабе, план выглядит замечательно, но когда он воплощается в жизнь на местности при сорокамильном фронте (поскольку предстоит охватить позиции врага), и необходимости обеспечить снабжение широко разведенных крыльев, не опираясь на железную дорогу, успех операции во многом зависит от наличия под рукой мастера административной работы, подобного лорду Китченеру.

3-го мая, в день выступления с крайнего северного аванпоста – Кари, армия лорда Робертса имела следующую диспозицию. На левом фланге располагался Хаттон со своей конной пехотой, собранной со всех уголков Империи. Этот внушительный и мобильный отряд с батареями конной артиллерии и "пом-помами" действовал несколько миль западнее железной дороги, двигаясь на север параллельно ей.

Основная колонна Робертса держалась железнодорожной линии, с невероятной быстротой восстанавливаемой саперами (Железнодорожные Пионеры) и Инженерами под руководством Жирада и несчастного Сеймура. Просто удивительно, как они умудрялись за один день обеспечивать движение поез-

дов через взорванные кульверты (водопрпускные сооружения).

*Железнодорожное полотно,
взорванное бурами при отступлении*

Главную колонну составляли: 11-я дивизия Пол-Карю, включавшая Гвардейцев и бригаду Стефенсона (Уорикширцы, Эссекцы, Уэльсцы и Йоркширцы). Их поддерживали 83-я, 84-я и 85-я батареи Полевой Артиллерии, тяжелые орудия и небольшой отряд конной пехоты. Скользя взглядом по британскому фронту, через семь или восемь миль мы видим 7-ю дивизию Таккера, состоявшую из бригады Максвелла (ранее Чермсайда – Норфолкцы, Линкольнцы, Хемпширцы и Шотландские Пограничники) и бригады Уэйвлэ (Северные Стаффордцы, Чеширцы, Восточные Ланкаширцы и Южно-Уэльские Пограничники).

Правее Таккера находим конную пехоту Ридли. За нею на много миль, со значительными промежутками между подразделениями, растянулись кавалерия Бродвуда и бригада Брюса

Гамильтона (Дербиширцы, Суссекцы, Камеронцы и Имперские Волонтеры Сити). И, наконец, на самом правом фланге замечаем Яна Гамильтона с его Хайлендерами, Канадцами, Шропширцами и Корнуэльцами, кавалерией и конной пехотой. Этот отряд, выступив в сорока милях от лорда Роберса и, постепенно забирая западнее, на Винбург, соединился с правым флангом британцев. Такова была армия, насчитывавшая от сорока до пятидесяти тысяч бойцов, брошенная лордом Робертсом на Трансвааль.

Командир 14-й бригады сэр Джон Максвелл

Робертс ожидал, что мобильный и предприимчивый противник попытается нанести удар по нашим тылам. Для предотвращения подобного развития событий принимались все возможные меры. 8-я дивизия Рандла и Колониальная Дивизия Брабанта оставались в тылу правого фланга для отражения возможного нападения. У Блумфонтейна оставались 6-я (Келли-Кенни) и 3-я (Чермсайда) дивизии с кавалерией и орудиями. Метуэн, действуя от Кимберли в направлении Босхофа и пребывая в сотне миль от наступающих сил, играл роль их крайнего левого крыла. Лорд Робертс с присущим ему здравомыслием ожидал угрозу именно на правом фланге, и принял необходимые меры предосторожности.

Целью первого дня марша стал небольшой городок Бренд-форт, лежавший в десяти милях севернее Кари. Голова колонны остановилась перед ним, а правое крыло начало обход и вынудило буров оставить позицию. При этом дивизия Таккера, действовавшая справа, столкнулась с некоторым сопротивлением, но сломила его артиллерийским огнем. 4-го мая пехота отдыхала, а 5-го числа продолжила движение в том же походном порядке и, пройдя около двадцати миль, оказалась к югу от Вет-Ривер, где противник приготовился к энергичному сопротивлению. Произошла ожесточенная артиллерийская дуэль. Все как всегда – орудия британцев на открытой позиции против невидимого врага. После трех часов горячей перестрелки конная пехота перешла реку левее и начала обходить фланг буров, который те торопливо свернули. Первый плацдарм был захвачен Канадцами и Новозеландцами при энергичной поддержке 3-го батальона Конной Пехоты капитана Энли. Еще одним великолепным эпизодом этого боя стала атака копи двадцатью тремя Западноавстралийцами.

*Пулеметная секция
Западноавстралийской Конной Пехоты*

Наши потери в целом были незначительными. Люди Хаттона взяли "Максим" и двадцать-тридцать пленных. На следующий день (6-го мая) армия по трудному броду перешла Вет-Ривер и к ночи остановилась у Смаалдеела (в пяти милях севернее). Одновременно Ян Гамильтон смог достичь Винбурга, вследствие чего британцы сократили фронт почти вдвое, сохранив при этом общую диспозицию. Гамильтон, получив подкрепление у Якобсруста, оказался достаточно силен и сломил сопротивление противника. Его действия между Табанчу и Винбургом дорого обошлись бурам (в одной из акций он раз-

громил Германский легион). Неформальные боевые действия, что вели против нас представители многих наций при попустительстве их правительств – прискорбный факт, на который мы не жалуемся из гордости, или, возможно, по политическим соображениям. Но пусть эти правительства не удивляются, если подобная мягкость породит очень опасный прецедент. Европейским правительствам будет трудно выражать протест, когда в следующей небольшой войне, в которую окажутся вовлечены Франция или Германия, они столкнутся с несколькими сотнями британских искателей приключений, сражающимися на стороне противника.

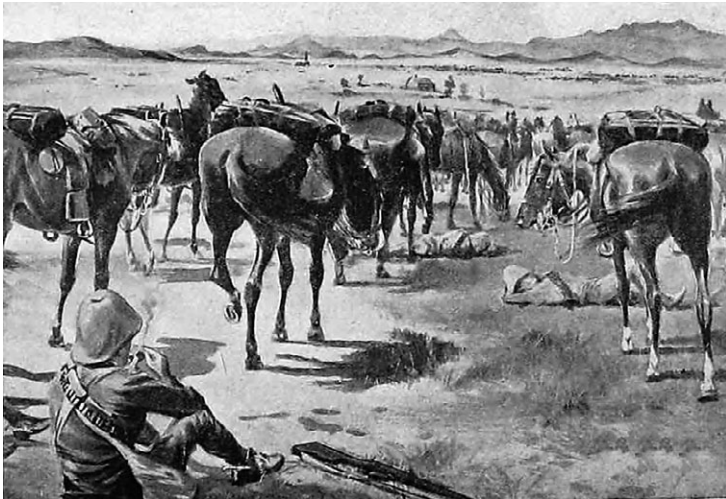

Голландские легионеры

Последующие отчеты о продвижении армии носят скорее географический, чем военный характер. Войска катились на север, не встречая препятствий, не считая необходимости строительства временных железнодорожных веток из-за разрушения противником большинства мостов. Пехота, как и в течение всей кампании, шла великолепно. Конечно, двадцатимильный дневной переход кажется нормой для здорового человека, шагающего по дорогам Англии, но брести под палящим африканским солнцем, с тридцатью-сорока фунтами за плечами – совсем другое дело.

Люди пребывали в отличном настроении, страстно желая настичь маячившего впереди, но постоянно ускользавшего противника. Огромные тучи дыма затянули северный гори-

зонт – буры жгли сухой вельд, отчасти пытаясь прикрыть отступление, отчасти чтобы униформа цвета хаки выделялась на черном фоне. Далеко на флангах солнечные блики гелиографов отмечали позиции наших широко распахнутых крыльев.

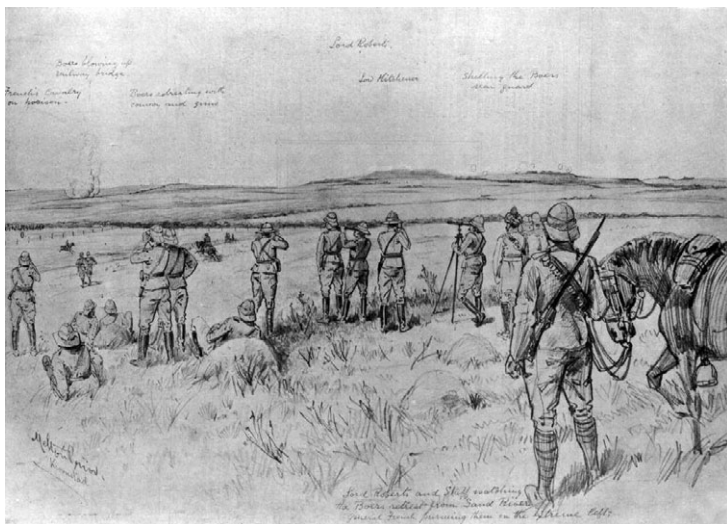

Конная пехота на привале

10-го мая войска лорда Робертса, три дня стоявшие у Сма-алдеела, двинулись на Велгелеген. Подошедшая кавалерия Френча усилила центр и левое крыло армии. Утром 10-го числа армия вторжения уткнулась во внушительный рубеж обороны, подготовленный бурами на северном берегу Санд-Ривер. Бюргеры под командованием двух Бота растянулись на двадцать миль, и все указывало на их решительное намерение дать британцам бой. Будь позиция атакована в лоб, сложились бы все предпосылки для второго Коленсо, но британцы к этому времени твердо усвоили урок, что такие бои выигрываются умом, а не кровью. Кавалерия Френча обошла буров с одной стороны, а пехота Брюса Гамильтона с другой. Обычно нам не удавалось прорывать фланги буров, но на этот раз их боевые линии оказались настолько растянутыми, что могли быть проткнуты в любой точке. Между противниками не происходило жестоких схваток. Вместо этого британцы медленно, но упорно продвигались вперед, а буры также медленно отходили.

На левом фланге отличились Суссекцы, бросившиеся в атаку на важный в тактическом плане копи. Потери были неболь-

шими, если не считать приданного кавалерийского подразделения, которое внезапно оказалось отрезанным сильным отрядом противника. Капитан Элворти погиб, а Хейг (Иннискиллингцы), Уилкинсон (Австралийцы) и двадцать бойцов попали в плен. Нам также достались сорок или пятьдесят пленных, притом, что общие потери противника были гораздо больше. В целом, прорыв фронта шириной приблизительно равной расстоянию от Лондона до Уокинга, стоил британцам самое большее пары сотен выбывших из строя, в то время как они овладели наиболее сильным из встречавшихся оборонительных рубежей.

Штаб лорда Робертса наблюдает за отступлением буров от Санд-Ривер (рисунок "Life")

На своей заключительной стадии эта война (учитывая число вовлеченных в нее людей и количество сожженного пороха) стала самой бескровной из всех известных истории войн. Пехота прокладывала себе путь, теряя преимущественно ботинки, а не жизни.

11-го мая армия лорда Робертса прошла двадцать миль до Женева-Сайдинг и изготовилась к ожидавшейся на следующий день битве. Британцы имели все основания полагать, что буры будут защищать свою новую столицу – Кроонстад. Но те не задержались и здесь. 12-го мая около часа дня лорд Робертс вошел в город. Стейн, Бота и Де Вет улизнули, провозгласив поселок Линдли новой резиденцией правительства. Теперь,

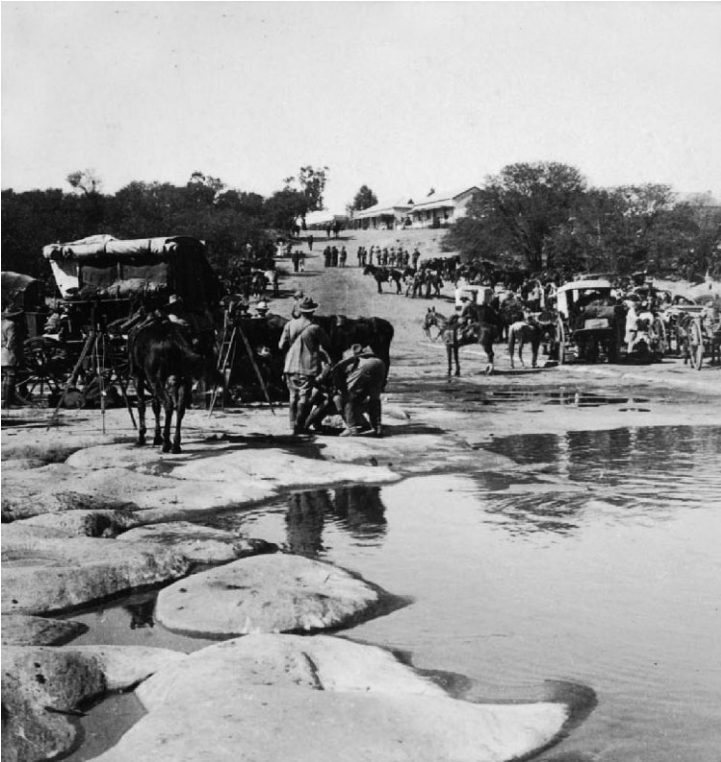
когда британцы преодолели половину пути до Претории, стало ясно, что на южном берегу Вааля они больше не встретят серьезных помех.

Британские войска переходят Санд-Ривер

Бюргеры массово покидали армию и возвращались на фермы. На юго-востоке Рандл и Брабант медленно теснили буров к Линдли. На западе Хантер пересек Вааль у Виндсортонна, при этом Фузилерная бригада Бартона встретила ожесточенное сопротивление бюргеров у Рооидама, в то время как Мафепингская освободительная колонна Мехона проскользнула мимо их фланга, избежав внимания британской публики, но не разведчиков противника. Потеряв у Рооидама девять убитых и тридцать раненных, Фузилеры продолжали идти вперед. Что касается буров, то, гонимые от копи к копи, они, похоже, потеряли гораздо больше людей, чем британцы. Йомены в очередной раз продемонстрировали, что в Южной Африке найдется не так уж много подразделений, способных превзойти по

храбрости великолепных спортсменов центральных графств Англии с их непреодолимой склонностью бросаться в атаку под охотничье "телли-хоу!".

*Журналисты ожидают вступления
лорда Роберта в Кроонстад*

После акции буры отходили вдоль Ваальской линии к Христиане и Блоемхофу. Преследуя их, Хантер оказался в Трансваале, первым перейдя границу республики (если не считать рейд Родезийцев в начале войны). Тем временем Метуэн двигался параллельно Хантеру, несколько южнее, имея ближайшей целью Хоопстад. Во множестве британских семей маленькие "Юнион Джеки", воткнутые в карты, стремительно перемещались вверх.

Войска Буллера также устремились на север. Наконец Ледисмитский гарнизон, восстановив здоровье и силы, получил шанс нанести ответный удар своим мучителям. Многие из лучших подразделений отправились на другие театры войны.

Бригаду Харта и Фузилерную бригаду Бартона передали под Кимберли в 10-ю дивизию Хантера, Имперская Легкая Конница отправилась освобождать Мафекинг. Однако в Натале по-прежнему оставались значительные силы, пополненные дополнительным призывом и волонтерами. Не менее двадцати тысяч клинков и штыков рвались на перевалы Биггарсберга.

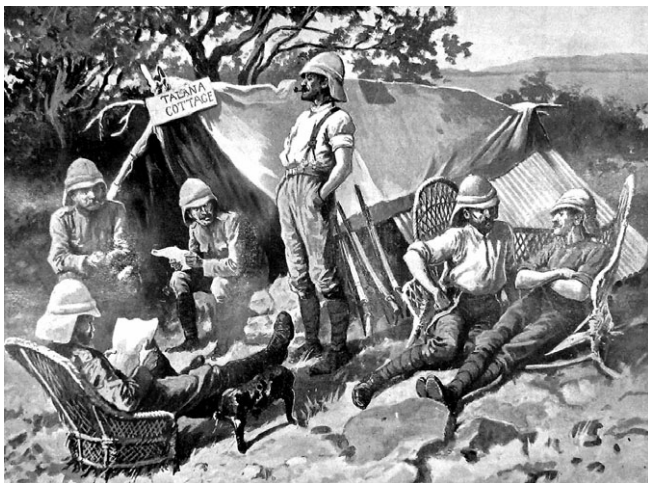

Первый "Юнион Джек" в Трансваале (рисунки из "Life")

Высокую гряду прорезали три прохода, каждый из которых удерживался сильным отрядом противника. Любая попытка прорыва гарантировала значительные потери. Однако Буллер, превосходно рассчитав маневр, приказал людям Хилдьярда

демонстрировать активность перед фронтом буров, в то время как остальная армия, совершив марш, обошла линию обороны и 15-го мая устремилась к Данди. Много событий произошло с того октябрьского дня, когда Пенн Саймон повел три батальона на Талана-Хилл, и вот, спустя семь непростых месяцев, земля, за которую он погиб – опять наша. Его ветераны пришли на могилу командира поднять национальный флаг над прахом храброго человека.

Несколько тысяч бюргеров быстро оставляли Северный Наталь. Длительное напряжение ледисмитской осады сказалось и на них. Теперь эти люди сильно отличались от воинов, противостоявших нам на Спирон-Копе и Николсонс-Неке. Они по-прежнему великолепно сражались, но существует предел человеческой выносливости, и фермеры не могли более противостоять лидитным снарядам и штыкам ожесточившихся солдат.

*"Томми" обживаютя в хижине,
брошенной бурами на Талана-Хилл*

На этом этапе войны у нас мало поводов для бахвальства. Мы можем гордиться кампаниями, в которых, терпя неудачи, сражались с численно превосходящим противником, но теперь нам оставалось лишь сочувствовать несчастным храбрым бюргерам, попавшим в подобную же ситуацию – этим жертвам разложившегося правительства и собственных заблуждений. Дети вельда сражались ничуть не хуже тирольцев Хофера, вандейцев Шаретта или шотландцев Брюса, но те бились с ре-

альными, а не воображаемыми тиранами. Сердце разрывается при мыслях о взаимной бойне, страданиях, невосполнимых потерях, о мужской крови и женских слезах – обо всем, чего можно было избежать, убедив одного упрямого и невежественного человека позволить стране следовать обычаям всех остальных цивилизованных государств.

Буллер двигался с быстротой и решительностью, ярко контрастировавшими с некоторыми из его ранних операций. 15-го мая, заняв Данди, 18-го авангард британцев достиг Ньюкасла, расположенного на пятьдесят миль севернее. В девять дней он покрыл 138 миль. 19-го мая армия уже стояла ввиду Маджубы, столь долго отбрасывавшей зловещую тень на южноафриканскую политику. Перед британцами находился исторический Лаингс-Нек – проход, ведущий из Наталя в Трансвааль, теперь пронзенный знаменитым железнодорожным туннелем. Здесь буры заняли позицию, девятнадцать лет тому назад оказавшуюся англичанам не по силам. И вот "красношеие" вернулись, чтобы предпринять новую попытку. Британцам требовалась пауза, поскольку десятидневный запас продовольствия, имевшийся в войсках, подходил к концу, и пришлось ждать починки железной дороги. Передышка дала время 5-й дивизии Хилдьярда и 4-й дивизии Литтелтона подтянуться ко 2-й дивизии Клери, которая вместе с кавалерией Дандоналда все это время шла в авангарде.

Упряжка мулов взбирается по косогору

Единственные потери во время этого блестящего марша выпали на долю конной пехоты Бетьюна. Эскадрон, высланный на разведку в направлении Врайхейда, чтобы убедиться в чистоте нашего фланга, попал в засаду и понес тяжелые потери от ружейного огня, открытого почти в упор. В этом несчастье, причина которого, как и в большинстве подобных случаев, кроется в небрежном несении дозорной службы, пострадало шестьдесят шесть человек, из которых почти половина погибли. Буллер, подтянув две дивизии и починив железнодорожную линию в тылу, принялся вытеснять буров с Лаингс-Нека, так же как он вытеснил их с Биггарсберга. В конце мая Хилдъярд и Литтелтон отправились на восток, демонстрируя намерения обойти проход со стороны Утрехта.

Уход за лошадьми в конно-артиллерийской батарее

12-го мая лорд Робертс занял Кроонстад, оставаясь там восемь дней. К концу этого срока его железнодорожные коммуникации были восстановлены, а войска, в достаточной степени

пополнив запас продуктов и боеприпасов, могли уверенно идти вперед. Страна, по которой он продвигался, изобилвала стадами и отарами, но при щепетильности Робертса касательно частной собственности (подобной щепетильности Веллингтона, выказанной на юге Франции), голодный британский солдат не мог позариться даже на цыпленка. Наказание за мародерство было скорым и жестким. То, что некоторые фермы сжигались, а скот конфисковался – правда, но подобные действия применялись как кара за особые проступки, не являясь системой.

Горит очередная ферма

Устало бредущий "Томми" угрюмо поглядывал на огромные стаи откормленных гусей у запруд, зная, что за попытку сомкнуть пальцы на соблазнительной белой шее ему придется заплатить жизнью. В цветущей изобильной стране ему приходилось довольствоваться грязной водой и мясными консервами.

Лорд Робертс использовал восьмидневную паузу для закрепления достигнутого успеха. Мы уже видели, что Буллер подкрадывался к границе Наталя. На западе, по мере продвижения умирив страну и собирая оружие, Метуэн достиг Хоопстада, а Хантер – Христианы. Рандл на юго-востоке овладел богатыми зерновыми районами и 21-го мая вступил в Ледибранд. Теперь перед ним лежала труднопроходимая холмистая местность

около Сенекала, Фиксбурга и Бетлехема, где ему пришлось надолго задержаться.

"Томми" в кемпе

Ян Гамильтон ощупью пробирался на север, правее железнодорожной линии, очищая район между Линдли и Хейлброном. Пройдя через оба города он вынудил Стейна вновь сменить столицу. Теперь ею стал городок Фреде на самом северо-востоке Республики. Гамильтон, имея перед собой двух грозных братьев Де Вет, в постоянных стычках, сопровождавших его продвижение, потерял почти сотню человек. Его правый фланг и тыл постоянно подвергались нападениям, и это присутствие противника вне нашей линии наступления таило в себе признаки будущей опасности.

22-го мая главная армия возобновила наступление, пройдя пятнадцать миль и достигнув Хонингс-Спруйта. 23-го мая еще один переход в двадцать миль по бескрайней холмистой степи вывел ее к Реностер-Ривер. На этом рубеже противник намеревался задержать британцев, но Гамильтон на левом фланге был уже возле Хейлброна, а Френч угрожал справа. Реку перешли беспрепятственно. 24-го армия была у Фредефортской дороги, а 26-го авангард перешел Вааль по Вильджоен-Дрифту. 27-го за ним последовала вся армия. Войска Гамильтона ловко перебросили с правого на левый фланг британцев, благодаря чему силы буров оказались сосредоточены на ложном направлении.

Пленный бюргер

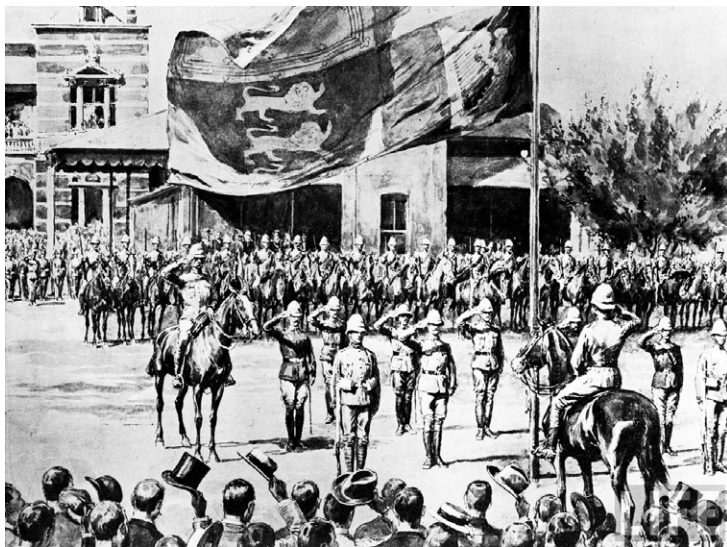
Противник готовился оказать сопротивление на линии железной дороги, но, благодаря широким охватывающим маневрам неутомимых Френча и Гамильтона, оборона данного рубежа стала невозможной. Британские колонны неукротимым потоком безостановочно рвались вперед.

На Преторию

Тяжелая поступь солдатских ботинок звучала все севернее, все ближе к конечной цели. Основная масса армии фристейте-

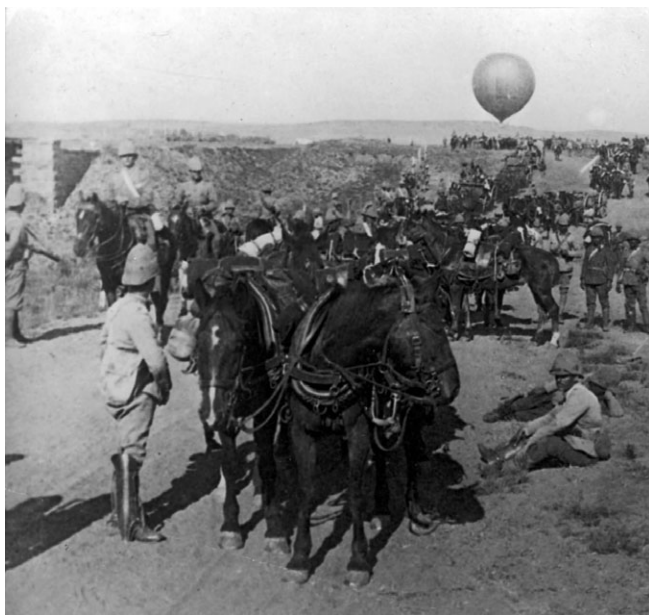
ров отказалась покинуть страну и ушла в восточные и северные районы Республики, где, как полагали британские генералы (и, как показало будущее, полагали ошибочно), они не будут доставлять забот. Государство, которое буры Оранжевой Республики защищали с оружием в руках, прекратило свое существование. В Блумфонтейне именем Королевы публично провозгласили, что республика присоединяется к Империи и впредь именуется "Колония Оранжевой Реки". Те, кто считают эту меру чрезмерно суровой, должны вспомнить, что на начальном этапе войны фрестейтеры официально аннексировали каждую захваченную ими милю земли. В то же время англичан, знавших историю Оранжевой Республики, страны – способной служить образцом государственного устройства, огорчала мысль, что эта республика добровольно совершила самоубийство ради одного из самых коррумпированных правительств, известных истории. Если бы Трансвааль управлялся так, как управлялась Оранжевая Республика, событие, подобное Второй Бурской войне, никогда бы не произошло.

Британский флаг в Блумфонтейне

Грандиозный марш лорда Робертса подходил к концу. 28-го мая войска преодолели двадцать миль и без боя перешли Клип-Ривер. Британцы с удивлением отмечали, что трансваалеры гораздо бережнее относятся к своей собственности, чем ранее относились к собственности союзников. Их отступавшие вой-

ска вовсе не разрушали железнодорожное полотно. Местность становилась все населеннее. Повсюду на изгибах холмов виднелись силуэты дымоходов и водонапорных башен, отзывавшиеся в сердцах солдат северной Англии щемящей тоской по дому. В отдалении высился гребень знаменитого Ранда, под пожелтой травой которого лежали сокровища, и не снившиеся царю Соломону. Победный приз, который, тем не менее, доставался не победителям. Запыленные солдаты и офицеры без особого интереса рассматривали эту сокровищницу мира. Они не стали богаче ни на пени оттого, что их кровь и энергия принесли справедливость и свободу золотоносным полям. Они открыли миру новую отрасль экономики, благодаря их подвигу станут богаче люди всех наций, горнодобытчики, финансисты и торговцы получают большую прибыль. А люди в хаки, не расточая жалоб и не требуя вознаграждения, пойдут дальше – в Индию, Китай, в любую точку, куда позовет их наша раскинувшаяся по всему земному шару Империя.

84-я батарея на пути к Йоханнесбургу

От Вааль-Ривер пехота, не встречая сопротивления, устремилась к знаменитой золотой гряде. Гигантские, удушливые тучи дыма днем и мерцающие огненные поля ночью свидетельствовали, что противник все еще не опустил руки. Гамиль-

тон и Френч, наступая на левом фланге, обнаружили усеянные бурами холмы. В результате хорошо организованного боя британцы очистили высоты, потеряв при этом около дюжины людей. 29-го мая, быстро продвигаясь вперед, Френч у Доорнкопа (в точке западнее Клип-Ривер-Берга) вновь наткнулся на хорошо закрепившегося противника, имевшего к тому же несколько орудий. Френч располагал тремя конными батареями, четырьмя "пом-помами" и тремя тысячами конных пехотинцев, но позиция показалась ему слишком сильной, чтобы атаковать ее собственными силами. Подоспевшая вскоре пехота Гамильтона (19-я и 21-я бригады) помогла выбить буров. Великолепные Гордонцы, атакуя на открытой местности, потеряли почти сотню человек. На другом фланге, словно испытанные ветераны, сражались Имперские Волонтеры Сити. Когда рафинированные горожане впервые шли в бой, многие были склонны смотреть на них с улыбкой, теперь же не улыбался никто, кроме их генерала, уверенного, что на таких бойцов можно положиться в любой ситуации.

Имперские Волонтеры Сити у Доорнкопа

Действия Гамильтона сопровождалось обходным маневром Френча на правом фланге буров (скорее угрозой, чем реальным давлением), но сама атака была чисто фронтальной, абсолютно такой же, как любая из наших атак начального периода войны. Лишь редкие цепи, мощная артиллерийская поддержка и, возможно, упавший моральный дух противника позволили

избежать тяжелых потерь, характерных в былые дни. Правда, следует заметить, что нехватка продовольствия вынуждала Гамильтона пробиваться, не обращая внимания ни на какие препятствия.

Пока на британском левом фланге шел бой у Доорнкопа, в центре конная пехота Генри двигалась прямо на важный железнодорожный узел – Гермистон, лежавший меж огромных белых шахтных отвалов.

Поселок Гермистон, 1900

Здесь линии из Йоханнесбурга и Наталья соединялись с линией из Претории. Атакую, полковник Генри изрядно рисковал, поскольку пехота отстала, но, после скоротечной беспорядочной стычки, бурских снайперов вытеснили с отвалов и близлежащих домов, и 8-й конно-пехотный овладел железной дорогой. Этот яркий подвиг тем заметнее, что в целом кампания продемонстрировала не так уж много примеров расчетливой дерзости, когда командир осознанно идет на риск небольших потерь во имя значительного выигрыша. Своим успехом Генри во многом обязан батарее "J" (Королевская Конная Артиллерия), действовавшей энергично и рассудительно.

Теперь Френч находился западнее города, Генри перерезал железную дорогу с востока, а Робертс приближался с юга. Его пехота за семь дней преодолела 130 миль, но мысль, что каждый шаг приближает их к Претории, возбуждала солдат не меньше чем звуки флейт и барабанов. 30-го мая победоносные войска разбили свои палатки у города, в то время как армия Боты без боя оставила сокровищницу страны.

Йоханнесбургский форт

В Йоханнесбурге царили хаос и смятение. Богатейшие шахты мира более суток зависели от милости не признающей законов многонациональной толпы. Мнения официальных лиц города разделились. Краузе стоял за закон и порядок, в то время как судья Кох склонялся к попустительству беспорядкам. Одной искры было достаточно, чтобы город охватило безумие. В критический момент толпа наемников с угрозами собралась у шахты Робинсона, но благодаря твердости и такту управляющего – мистера Такера и жесткой позиции комиссара Краузе, ситуацию удалось сохранить под контролем, и опасность миновала. 31-го мая без насилия над жизнью и разрушения собственности, над великим городом, созданным преимущественно британскими руками, взвился британский флаг. Пусть он развевается над ним до тех пор, пока под его сенью царят закон, честные чиновник и администраторы с чистыми руками – до тех пор, но не далее!

Завершающая стадия великого броска близилась к концу. Два дня армия стояла у Йоханнесбурга, ожидая подвоза припасов, а затем перешла на тридцать миль севернее, ближе к Претории. Здесь, прикрывшись дорогостоящими фортами, защищавшими каждую складку местности, меж холмов притаилась столица буров – резиденция их правительства, дом самого Крюгера и центр всего антибританского. Наконец-то было

найдено место, где судилось состояться великой битве, призванной навсегда решить: в британских или голландских руках окажется будущее Южной Африки.

Британцы в Йоханнесбурге

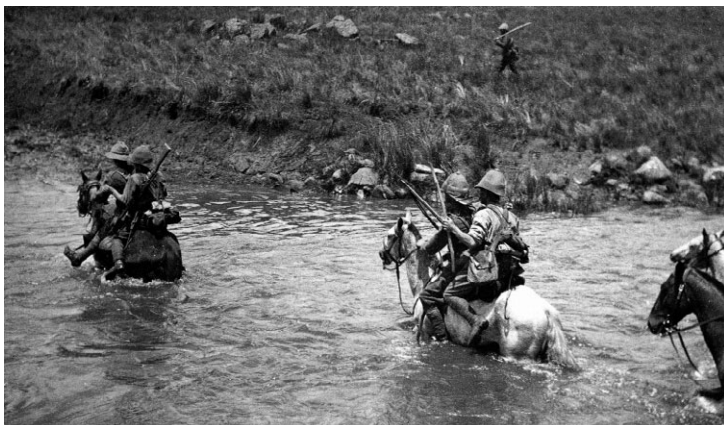
В последний день мая две сотни Улан под командованием майора Хантера Уэстона с Чарльзом (Саперы) и Бернхемом (Скауты) – отличившимся своим героизмом в ходе всей кампании, отделились от основных сил с намерением совершить набег на железнодорожную линию Претория-Делагоа и, взорвав мост, отрезать бурам пути отхода. Это было чрезвычайно смелое предприятие, но небольшому отряду не повезло. Его перехватило сильное командо буров, и после стычки британцы вынуждены были прорываться к своим, потеряв пять человек убитыми и четырнадцать ранеными.

Британский пост в йоханнесбургском форте

Кавалерия Френча ожидала исхода предприятия в девяти милях севернее Йоханнесбурга. 2-го июня Френч получил приказ идти вперед, чтобы, совершив широкий охват с запада, окружить столицу и перерезать Питерсбургскую линию, идущую на север. Местность между Йоханнесбургом и Преторией представляла собой череду ложбин, замечательно способствующих действиям кавалерии, но, выполняя обходной маневр, Френч оказался в диком и слишком пересеченном районе, севернее Малой Крокодайл-Ривер. Здесь он попал под жестокий обстрел, при этом его войска не могли развернуться из-за условий рельефа, но, тем не менее, с чрезвычайным хладнокровием и рассудительностью отразили нападение. Покрыть за

день тридцать две мили, а к вечеру попасть в засаду – тяжелое испытание для любого командира и любых солдат. Двое убитых и семеро раненых – незначительные потери в ситуации, способной обернуться серьезной бедой. Буры, похоже, эскортировали большой конвой, уходивший по дороге, лежавшей в нескольких милях впереди. На следующее утро и конвой и его защитники исчезли. Кавалерия продолжила движение по земле, покрытой апельсиновыми рощами, и солдаты то и дело привставали в стременах, чтобы сорвать золотистый плод. Боев больше не было. 4-го июня Френч вышел в заданную точку к северу от города, где узнал, что противник прекратил сопротивление.

Королевские Скауты форсируют реку

Пока кавалерия осуществляла охватывающий маневр, основная армия, оставив одну бригаду для обеспечения безопасности Йоханнесбурга, быстро продвигалась к цели. Ян Гамильтон наступал на левом фланге, в то время как колонна лорда Робертса придерживалась железнодорожной линии, а конная пехота полковника Генри производила разведку по фронту. Каждый раз, когда армия взбиралась на вершины небольших гряд, пересекавших вельд, она видела перед собой два хорошо заметных холма, каждый из которых венчало приземистое строение. Это были знаменитые южные форты Претории. Меж холмов лежал узкий перешеек, а за ним столица буров.

Какое-то время казалось, что вступление в город обойдется без крови, но гул орудийных выстрелов и треск "Маузеров" известил, что противник засел на гребне. Бота оставил силь-

ный арьергард, получивший задачу сдерживать британцев, пока всевозможные запасы и ценности не будут вывезены из города.

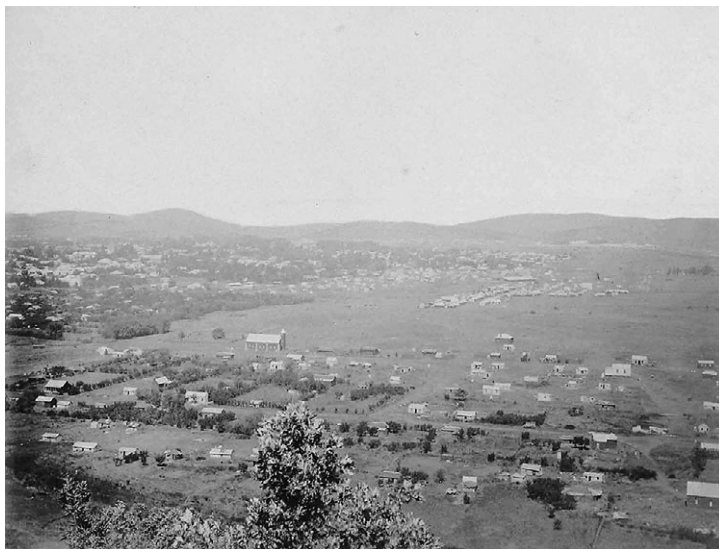

*Южные Форты Претории
со стороны Йоханнесбургской дороги*

Молчание фортов указывало, что тяжелые пушки буров уже отведены и длительная оборона не планируется. Тем не менее, решительные стрелки, поддерживаемые полевым оружием, защищали подступы к городу, и чтобы выполнить поставленную задачу, британцам предстояло сбить их с позиций. По мере подхода свежих подразделений давление британцев росло. Конные пехотинцы Генри при поддержке конной батареи "J" и артиллерии дивизии Таккера вступили в бой. Орудие и ружья противника отвечали чрезвычайно интенсивно, и на мгновение показалось, что наконец-то началась настоящая битва. Гвардейская бригада, бригада Стефенсона и бригада Максвелла вышли на рубеж атаки и ожидали, когда Гамильтон, находившийся на правом фланге противника, обозначит свое присутствие. К этому времени прибыли тяжелые орудия, и гигантские тучи обломков, взметнувшиеся над преторийскими фортами, свидетельствовали о точности нашего огня.

Но бургеры или пали духом, или не имели действительно-го намерения долго задерживаться на позиции. Около половины третьего их огонь ослаб, и Пол-Карю получил приказ наступать. Этот галантный солдат с готовностью повел две бри-

гады своих ветеранов, и пехота ворвалась на гребень, потеряв всего от тридцати до сорока человек (преимущественно Уорикширцев). Позиция была взята, и Гамильтон, подошедший позднее, сумел задействовать лишь конную пехоту Де Лисли, преимущественно Австралийцев, которые взяли один из бурских "Максимов". В целом акция стоила нам около семидесяти выбывших из строя. Среди раненых был и герцог Норфолкский, продемонстрировавший высокое чувство гражданской доблести, когда, не взирая на свой титул и пост в Кабинете Министров, поступил на службу в звании простого капитана волонтеров. К концу этого единственного боя столица противника была отдана на милость лорда Роберта. Поразмышляйте над боем, данный бурами у своей столицы, сравните его с тем, что сделали британцы для защиты забытого Богом Мафекинга и скажите, на чьей стороне негибемый дух самопожертвования и решимости, служащий признаком правого дела.

Претория в 1900 году

Ранним утром 5-го июня Колдстримские Гвардейцы взобрались на господствующие над Преторией холмы. Перед ними, в прозрачном африканском воздухе, утопая в зелени, лежал знаменитый город. Его великолепные центральные здания величественно вздымались над окружающим их широким кольцом особняков.

Часть Гвардейской бригады и бригады Максвелла прошли

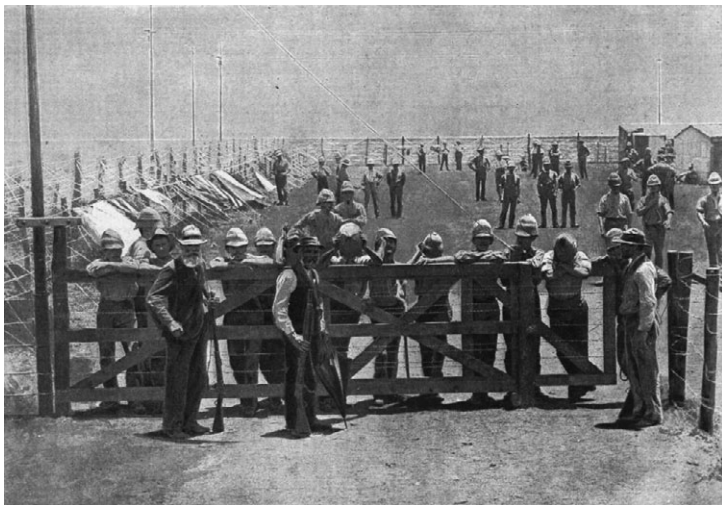
через перешеек и заняли станцию, откуда утром успел ускользнуть по меньшей мере один состав, груженный лошадьми. Два других, уже готовых к отправке, удалось задержать.

Британцы на улицах Претории

Первой мыслью британцев была мысль о наших пленных, и небольшая партия под командой герцога Мальборо отправилась на их розыски. Необходимо сразу признать, что буры гуманно обращались с пленными, и лучшим доказательством этого мог служить их внешний вид. Сто двадцать пять офицеров и тридцать девять солдат были обнаружены в Модел-Скулс, превращенных в тюрьму. День спустя наша кавалерия подошла к Ватервалу, расположенному в четырнадцати милях севернее Претории. Здесь содержались три тысячи наших солдат, чье питание, конечно, было гораздо скуднее, хотя в других

отношениях, похоже, с ними обращались вполне достойно*. Девять сотен пленных буры успели переместить, но кавалерия Портера поспела вовремя, чтобы под ожесточенным огнем орудия противника, стрелявшего с гребня холма, освободить остальных.

Лагерь британских военнопленных у Претории

Не раз в этой кампании нам сопутствовала удача, но освобождение наших пленных, лишившее противника действенного рычага давления, с помощью которого он мог бы добиться лучших условий мира, явилось одним из счастливейших событий.

В центре города раскинулась громадная площадь, украшенная (или обезображенная) пустым пьедесталом, предназначенным для статуи Президента. Неподалеку возвышалась унылая, напоминавшая амбар церковь, в которой он проповедовал, а по другую сторону Правительственные офисы и Суд – строения, достойные любой европейской столицы. На этой площади, в два часа пополудни 5-го июня, лорд Робертс, сидя в седле, смотрел на марширующих мимо солдат, шедших за ним так далеко и так верно – Гвардейцы, Эсекцы, Уэльсцы, Йоркцы, Уорикширцы, орудия, конная пехота, лихие бойцы

* Позднейшие сведения, к несчастью, выявили, что с больными и пленными из Колониальных войск обхождение было не настолько хорошим.

нерегулярной армии, Гордонцы, Канадцы, Шропширцы, Корнуэллцы, Камеронцы, Дербиширцы, Суссекцы и Лондонские Волонтеры. Более двух часов волны цвета хаки, поблескивая сталью, величественно катились мимо своего главнокомандующего. Высоко над их головами, на шпиле Раадзаала вперые развевался огромный "Юнион Джек".

Лорд Робертс принимает парад в Претории

Сквозь долгие месяцы тьмы и сумерек мы пробивали дорогу к свету. И, наконец, странная драма, казалось, близится к завершению. Бог войны вынес долго откладываемый вердикт. Но некоторых сердец из тех, что в этот величайший момент казалось разорвались от счастья, касалась тень жалости к храброму поверженному противнику. Он сражался и умирал за свои идеалы, мы сражались и умирали за свои. Надежда Южной Африки в том, что побежденные или их потомки осознают – флаг, развевающийся над Преторией, означает не расовую нетерпимость, не жажду золота, не махинации с законом или коррупцию, а один закон для всех и одну свободу для всех. Этот флаг символизирует закон, по которому живут люди на всех континентах необъятной Земли. Когда это будет понято, может случиться, даже они начнут отсчет более счастливой жизни и большей свободы с 5-го июня – дня, когда символ их нации перестал развеваться меж флагов других стран.

Претория сдалась!

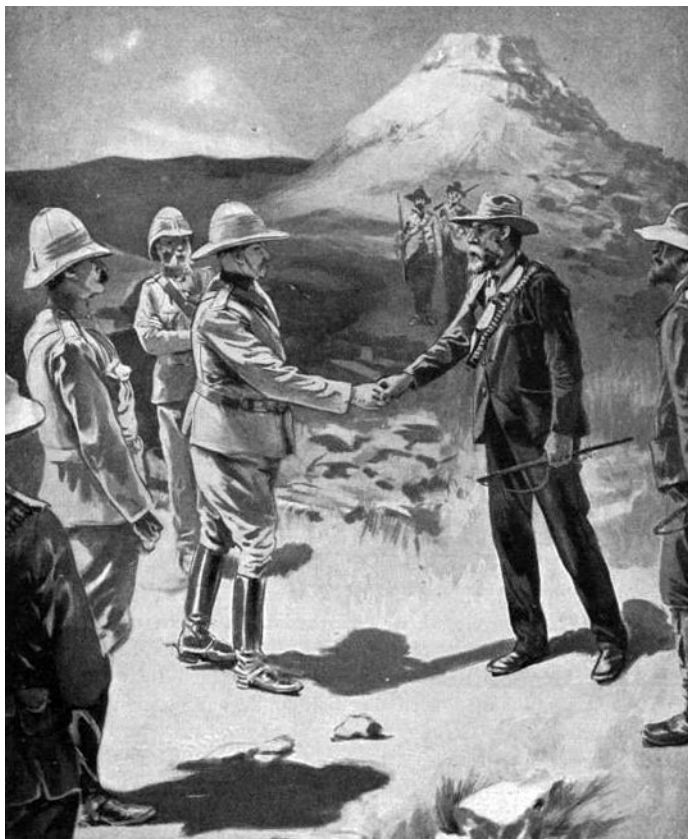
ДАЙМОНД ХИЛЛ – ОПЕРАЦИИ РАНДЛА

К моменту оккупации Претории сложилась следующая обстановка. Робертс с тридцатью тысячами солдат овладел столицей, но оставил растянутую линию коммуникаций без надежного прикрытия. На фланге, в восточном и северо-восточном углу Оранжевой Республики, продолжали борьбу фристейтеры, сплотившиеся вокруг президента Стейна. Их численность составляла от восьми до десяти тысяч человек, обеспеченных лошадьми и располагавших значительным количеством орудий.

Во главе этих бюргеров стояли такие способные командиры, как Де Вет, Принслоо и Оливер. Кроме того, они занимали великолепную позицию – гористую и труднодоступную, откуда, как из крепости, могли совершать набеги на юг и запад. Ядро этой армии составляли коммандо из Фиксбурга, Сенекала и Гаррисмита, плюс разоренные и доведенные до отчаяния бюргеры других округов, покинувшие свои фермы и укрывшиеся в горах. На юге, для их контроля, британцы задействовали объединенные силы дивизии Рандла и Колониальной дивизии, в то время как Колвил, а затем и Метуэн преградили бурам путь на запад. В итоге началась странная игра в "кошки-мышки": Де Вет раз за разом наносил удары по нашим железнодорожным линиям и исчезал, не понеся серьезных потерь. В свое время мы поведаем историю этих поучительных и унижительных эпизодов. Энергия и мастерство партизанского лидера изумляет, и мы бы искренне восхищались его успехами, не будь очками в этой игре жизнь британских солдат.

Генерал Буллер всю вторую половину мая продвигался от Ледисмита к Лаингс-Неку, и июнь застал его двадцатитысячную армию перед этой преградой. Заведя неопределенные разговоры о капитуляции, Христиан Бота, командовавший бурами, сумел выиграть несколько дней перемирия, закончившегося ничем. Трансваалеры, засевшие в проходах, располагали лишь несколькими тысячами бойцов, но занимали настолько сильные позиции, что выбить их оттуда составляло немалый труд. К счастью, буры оставили без прикрытия Ван-Викс-Хилл. Эта высота позволяла контролировать Бота-Пасс, и

Южноафриканская Легкая Конница, беспрепятственно овладев холмом, сделала большое дело.

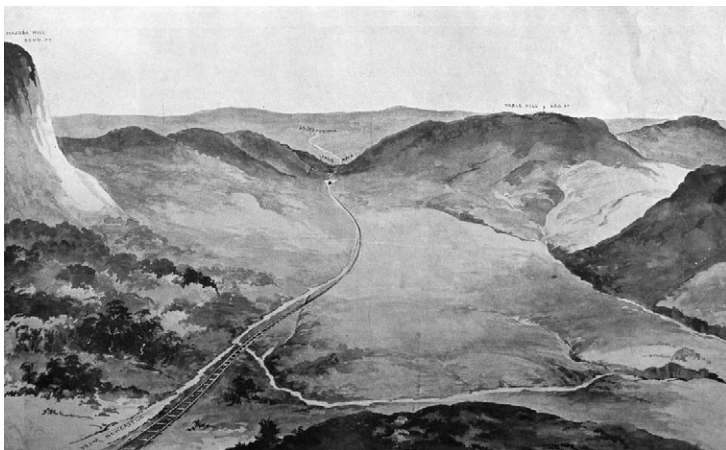

*Встреча генерала Буллера с командантом
Христианом Ботой*

8-го числа, при поддержке установленных на нем орудий, пехота атаковала и без особых потерь захватила другие высоты, таким образом, получив перевал в свое полное распоряжение. Бота поджег за собой траву и угрюмо отошел на север. 9-го и 10-го июня британские конвои прошли через Пасс, а 11-го за ними последовали основные силы армии.

Теперь акции шли в самом северном углу Наталя, зажатом между Трансваалем и Оранжевой Республикой. Преодолев Бота-Пасс, армия вступила в страну, уже именовавшуюся Колонией Оранжевой Реки, но основная цель маневра состояла в

обходе Лаингс-Нека и вторжении в Трансвааль через Аллеманс-Пасс. Доблестная Южноафриканская Легкая Конница после жаркой стычки, стоившей шесть человек убитыми и восемь ранеными, расчистила путь армии. К утру 12-го числа обходной маневр почти завершился. Армии оставалось преодолеть Аллеманс-Нек, который выводил в ее в тыл Лаингс-Нека к трансваальскому городу Фолксрусту.

Лаингс-Нек – ворота в Трансвааль

Будь это прежние буры, каких мы знали у Коленсо и на Спион-Копе, штурм Аллеманс-Нека стоил бы немалой крови. Бюргеры занимали сильную позицию, в то время как атакующие не могли ни укрыться, ни совершить обходной маневр. Британская пехота устремилась вперед с обычной решительностью, не встретив при этом обычного упорного сопротивления. Орудия подготовили атаку, а Дорсетцы, Дублинцы, Миддлсекцы, "Куинс" и Восточные Суррейцы довершили дело. Наконец распахнулась дверь, ведущая в Трансвааль. На следующий день Фолксруст был в наших руках.

Вся серия операций была великолепно задумана и исполнена. Даже памятуя о Коленсо, сложно отрицать, что генерал Буллер продемонстрировал выдающееся умение маневрировать огромными массами войск. Отступление армии от Спион-Копы, изменение направления атаки у Питерс-Хилл, фланговые марши в Северном Натале свидетельствуют о высоком уровне полководческого искусства. В данном случае позиция, которую буры готовили месяцами, изрыв траншеями и прикрыв тяжелой артиллерией, стала совершенно бесполезной благода-

ря умелому фланговому обходу. Общие потери во всем деле составили менее двухсот человек убитыми и ранеными. Наталь был очищен, нога Буллера стояла на высокогорном плато Трансвааля, а Робертс мог рассчитывать на дополнительные двадцать тысяч отличных солдат, подходивших к нему с юго-востока. И что самое важное – теперь британцы могли опереться на Натальскую железную дорогу, благодаря которой центральная армия получила возможность доставлять припасы из Дурбана, а не Кейп-Тауна, выигрывая почти две трети расстояния. В то время как отступавшие буры устремились на север, в направлении Мидделбурга, Буллер пошел к Стандертону, где принялся ждать, пока лорд Робертс, отправив часть войск через Хейделберг, войдет с ним в контакт.

Буры поджигают траву, прикрывая отход команды

Так обстояли дела в Натальской Армии к концу июня. С запада и юго-запада британские войска устремились к захваченной столице Трансвааля. Неугомонный Баден-Пауэлл, после долгого затворничества, искал отдыха и смены впечатлений изгоняя буров из Зееруста и Рустенбурга. Войска Хантера и Мехона встретились под Потчестроомом, откуда, после умирения округа, их могли перебросить железной дорогой к Крюгерсдорпу и Йоханнесбургу.

Полковник Браен Мехон

Прежде чем упомянуть о событиях, имевших место на коммуникационных линиях, следует вернуться в Преторию к лорду Робертсу и описать акции, последовавшие за оккупацией этого города. Оставляя в тылу боеспособные войска Оранжевой Республики, британский генерал шел на большой риск, прекрасно сознавая, что его железнодорожные коммуникации находятся под постоянной угрозой. Но, благодаря стремительности продвижения, он сумел овладеть столицей противника до того, как наступили предвидимые им трудности. Если бы Бота сумел задержать его у Претории, а Де Вет в это время ударил в тыл, могла бы сложиться очень серьезная ситуация. Но, решив основную задачу, Робертс хладнокровно воспринял давно ожидаемую новость, что Де Вет с мобильным отрядом

более чем в две тысячи человек 7-го июня перерезал железную дорогу севернее Кроонстада у Роодевала. И железнодорожная, и телеграфная линии были разрушены, а армия на несколько дней потеряла связь с внешним миром. К счастью, она располагала необходимыми запасами и смогла предпринять незамедлительные меры в отношении назойливого противника, который, подобно москиту, будучи согнан с одного места, тут же усаживался на другое.

Предоставив другим восстанавливать разорванные коммуникации, лорд Робертс взялся за Боту, который все еще имел от десяти до пятнадцати тысяч бойцов. Президент Крюгер ускользнул из Претории с огромной суммой денег (по некоторым оценкам превышавшей два миллиона стерлингов). Стало известно, что он живет в железнодорожном салон-вагоне, превращенном в резиденцию правительства, еще более неуловимую, чем резиденция президента Стейна. Из Ватервал-Бовена, за Мидделбургом, Крюгер мог или продолжить путешествие к Делагоа-Бей, таким образом сбежав из страны, или отправиться на север, в дикий Лиденбургский округ, всегда объявлявшийся последней линией обороны. Но пока он продолжал сидеть на мешках с золотом и ожидать дальнейшего развития событий.

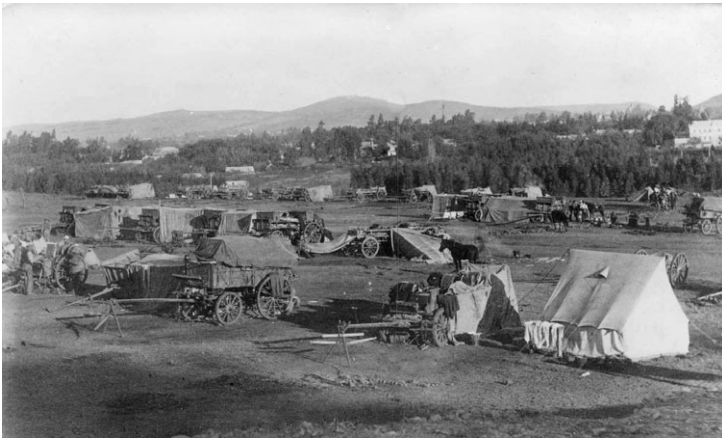

Перемещение капитала... (рисунок "Punch")

Бота со своими верными последователями оставался вблизи столицы. Пятнадцатью милями восточнее железнодорожная линия идет через узкий проход, именуемый Пинарс-Поорт, представлявший собой позицию особенно любимого бурами типа. Труднопреодолимая с фронта и защищенная с флангов высокими холмами, стесняющими обходной маневр, столь часто фатальный для бурских генералов. За проходом тянулась неповрежденная железная дорога, по которой в случае нужды можно было с легкостью отвести орудия. Вся позиция от крыла до крыла занимала пятнадцать миль, и бурский генерал прекрасно знал, что лорд Робертс не обладает превосходством в силах, достаточным для проведения охвата, как при недавнем наступлении с юга. Сила британской армии серьезно ослабла. Ее основа – конница имела настолько истощенных лошадей, что из бригады едва удавалось наскрести полк. Одна пехотная бригада (14-я) стояла гарнизоном в Йоханнесбурге, другая (18-я) выполняла специальную миссию в Претории. Бригада Смит-Дорриена отправилась нести службу на линиях коммуникаций. При таком распылении сил и убыли личного состава вследствие ран и болезней, оставшиеся войска не могли предпринять решительное наступление. Армия испытывала настолько острую потребность в людях, что три тысячи пленных, освобожденных у Ватервала, поспешно вооружив захваченным у буров оружием, отправили охранять наиболее уязвимые пункты железной дороги.

Отступи Бота на безопасное расстояние, лорд Робертс, несомненно, сделал бы паузу в ожидании свежих лошадей и пополнения людьми, как он поступил в Блумфонтейне. Но нельзя позволить себе вялую войну, когда деятельный противник находится всего в пятнадцати милях и в любой момент может нанести удар по двум городам и железнодорожной линии. 11-го июня, задействовав всех, способных стоять в строю, британский генерал направился выбивать Боту с позиции. Робертс располагал 11-й дивизией Пол-Карю (около шести тысяч человек с двадцатью орудиями), солдатами Яна Гамильтона (пехотная бригада Брюса Гамильтона, кавалерийская бригада, конная пехота, всего, скажем, шесть тысяч человек с тридцатью орудиями) и Кавалерийской дивизией Френча с конной пехотой Хаттона численностью не более двух тысяч клинков и ружей. Следовательно, Робертс, намереваясь взять тщательно подготовленную позицию, которую удерживали не менее десяти тысяч бюргеров с сильной артиллерией, располагал шестнадцатью-семнадцатью тысячами бойцов и семью десятками

орудий. Будь июньские буры такими же, как в декабре, шанс был бы на их стороне.

Кемп британских телеграфистов у Претории

Между Ботой и Робертсом шли какие-то переговоры о мире, но новости об успехе Де Вета на юге придали бурскому генералу твердости, переговоры прервались, и 9-го июня наша кавалерия получила приказ выступать. Гамильтон начал обходить левое крыло буров, а Френч – правое. Пехота действовала в центре. Фронт оказался настолько растянутым, что атака во всех трех пунктах (на флангах и в центре) к 11-му июня вылилась в три отдельные акции. Из них последняя имела наименьшее значение, поскольку пехота ограничилась выдвижением на позицию, с которой надеялась воспользоваться успехом обходных отрядов, когда те обозначат свое присутствие. При этом центр, в отличие от других подобных случаев в Южноафриканской компании, не совершил традиционной ошибки и не начал наступление до того как ему подготовили путь.

Измотанный отряд Френча в понедельник и вторник встретил ожесточенное сопротивление, и его люди едва не потеряли присутствия духа. К счастью, Френч имел при себе три великолепные батареи Конной Артиллерии ("G", "O" и "T"), стрелявшие столь энергично, что к концу боя в их зарядных ящиках оставалось лишь двадцать снарядов. Местность совершенно не подходила для действий кавалерии, и войска наступали в пешем строю, рассыпавшись в цепь с интервалом двадцать-тридцать шагов. Пролежав весь день под ружейным и артиллерийским огнем, не решаясь идти вперед и не желая отступить, они потеряли всего тридцать человек лишь благодаря большим

интервалам в стрелковых цепях. Имея буров перед собой, с фланга и даже в тылу, Френч решительно держался, понимая, что его отход, позволит бурам увеличить давление на других участках британского наступления. Ночь его утомленные бойцы провели на боевом рубеже. Весь понедельник и вторник Френч цеплялся за Камеелсдрифт, флегматично игнорируя попытки противника перерезать его линии коммуникаций. В среду Гамильтон на другом фланге одержал вверх, и давление на кавалеристов ослабло. Тогда Френч бросился вперед, но лошади находились в таком жалком состоянии, что эффективного преследования не получилось.

Пока Френч два дня не мог сломить сопротивление буров на правом фланге, Гамильтон испытывал серьезные затруднения на левом – настолько серьезные, что в один момент поражение казалось неизбежным. Этот бой в некоторой степени взбудрил солдат, уже порядком уставших от невидимого противника с невидимыми орудиями на вездесущих копи. В данном случае присутствовали все три составляющие – буры, орудия и копи, но, стараясь сбить врага с позиции, британцы применили несколько новых приемов, на краткое мгновение вернувших войне прежнюю колоритность. Нашупав слабое место в линии обороны противника, Гамильтон бросил вперед знаменитую батарею "Q" – прославившуюся у Санас-Пост. И вот, второй раз за кампанию, ее орудия оказались под угрозой неизбежного захвата. Неожиданно, стремительно и дерзко к ним подскакал отряд конных буров, открывших огонь с близкого расстояния.

Батарея "Q" отражает атаку бюргеров

Против бюргеров немедленно выслали 12-й Уланский. Как, должно быть, горевали уланы о прежних мощных, быстрых чистокровных кавалерийских лошадях, пытаясь выслать в галоп вялых, замученных аргентинцев! Хотя бы единожды в этой войне пика в руке кавалериста оказалась не просто обузой и пятью фунтами мертвого груза. Орудия были спасены, а буры бежали, оставив на земле дюжину своих товарищей. Но любая кавалерийская атака заканчивается перестроением и отходом. В данном случае мы получили урок, продемонстрировавший насколько опасен несломленный противник, остающийся на дистанции огня. Свинцовая метель обрушилась на ряды отходящих кавалеристов, и доблестный лорд Эрли – один из самых сдержанных и храбрых солдат, когда-либо извлекавших клинок из ножен, получил пулю в сердце. "Прошу следить за речью", – таким было его последнее характерное замечание, сделанное опьяненному боем сержанту. Вместе со своим полковником из строя выбыли два офицера и семнадцать солдат (большинство с легкими ранениями), плюс тридцать лошадей. Тем временем возросшее давление на правый фланг вынудило Бродвуда предпринять вторую атаку. В этот раз отбросить атакующих выпало Лейб-гвардейцам. Здесь победу одержал скорее внушительный внешний вид, чем клинки Гвардейцев, но кавалерия как род войск, едва ли не впервые в кампании, доказала свое право на существование. Орудия были спасены, а атака на фланге отбита. Правда, оставалась еще одна угроза – Хейделбергское коммандо (своего рода *corps d'elite*) обошло Гамильтона с фланга и могло зайти в тыл. Британский генерал, хладнокровно выделив батальон и одну секцию батареи, отеснил буров на менее опасную позицию. В это время главные силы бригады Брюса Гамильтона получили приказ атаковать возвышавшиеся впереди холмы. При активной артиллерийской поддержке британцы добились успеха и еще до наступления зимних сумерек овладели первой линией обороны противника. Некоторое время исход продолжавшегося в темноте боя оставался неясным, но, наконец, чаша весов склонилась в нашу сторону. Суссекцы и Имперские Волонтеры Сити вцепились в левый фланг противника, в то время как 11-я дивизия сдерживала его по фронту. Следующий день обещал быть удачным.

Приказом лорда Робертса ранним утром 12-го числа Гвардейцев отправили в обход, чтобы фланговой атакой поддержать пехоту Брюса Гамильтона. После полудня все было готово к наступлению, а затем Суссекцы, Лондонские Волонтеры и Дербиширцы овладели гребнем гряды. За ними по пятам сле-

довали три батальона Гвардии. Но гребень оказался краем обширного плато, интенсивно простреливаемого бурами, и любая попытка наступать по настолько открытой местности привела бы к значительным потерям. Пехота засела на кромке плато, но, из-за чрезмерной крутизны склона, целых два часа к ней не могло подняться ни одно орудие поддержки. Атакующим оставалось лишь ждать под градом шрапнели, роем пуль и фланговым огнем "Виккерс-Максима". Наконец майор Конноли вывел долгожданные орудия 82-й батареи на огневой рубеж. Стрелки противника находились всего в тысяче ярдов, и от артиллеристов потребовалась та же безрассудная храбрость, что и от их товарищей под Коленсо. Десять лошадей были мгновенно убиты, четверть артиллеристов получила ранения, но орудия одно за другим вступили в бой, и именно их шрапнель решила исход дня. Несомненно, Конноли и его люди честно заслужили свою славу.

Гвардейцы и Волонтеры Сити у Даймонд-Хилл

К четырем часам, когда солнце склонилось к западу, исход боя решился в пользу атакующих. Подтянулись еще две батареи, каждого стрелка отправили на огневой рубеж, и ответный огонь буров стал слабеть. Искушение бросится в атаку, было очень велико, но даже теперь это могло привести к большим потерям. Гамильтон отказался от подобного жертвоприношения, и утро подтвердило его правоту. Бота бросил позиции. Его армия отходила по всему фронту. Конница следовала за противником до самой Эландс-Ривер-Стейшен (в двадцати пяти милях от Претории), но не смогла его догнать. Войти с ним в

огневой контакт сумела лишь небольшая партия Австралийцев Де Лисли и Регулярной Конной Пехоты. Этот отряд, численностью не более сотни человек, занял копи, контролировавший путь отхода буров. Будь британцы многочисленнее, эффект их присутствия было бы трудно переоценить. В любом случае, Австралийцы выпустили в бегущую мимо них массу все патроны, до последнего, убив множество людей и лошадей. Следует разобраться, почему в подобном ключевом пункте присутствовал лишь этот маленький отряд, и почему, если он смог войти в соприкосновение с противником, остальные не сумели сделать то же самое.

Сбор раненых после боя у Даймонд-Хилл

Судьба предоставила британцам несколько удивительных возможностей реванша. Ранее Паардеберг пришлось на "День Маджубы". Победоносные солдаты Буллера взяли Лаингс-Нек. Теперь спруйт (пересохший ручеек), у которого бурам так досталось от Австралийцев, оказался тем самым Бронкерс-Спруитом, у которого девятнадцатью годами ранее был расстрелян британский батальон. Многие пророчествовали, что за это деяние бурам воздастся, но кто мог предвидеть, чьи руки свершат возмездие.

Так завершилось дело у Даймонд-Хилл (гряды холмов, преграждавшей путь Гамильтону). Затяжная двухдневная акция продемонстрировала, что боевой запал бюргеров еще не угас.

Лорд Робертс не разбил их наголову и не захватил их орудия, но сумел очистить окрестности столицы, нанеся противнику потери, не уступающие собственным, Робертс доказал бурам тщетность любых попыток остановить британцев. Затем последовало долгое стояние в Претории, нарушаемое незначительными тревогами и вылазками, порожденных скорее желанием избавить людей от скуки, чем насущной необходимостью.

В поисках тени

Не смотря на постоянные удары буров по линиям коммуникаций, армия быстро восполняла запас лошадей, амуниции и продовольствия, необходимый для активных действий, и к середине июля Робертс был вновь готов выйти в поле. К этому времени Хантер подошел от Потчестроома, а Гамильтон овладел Хейделбергом, почти соединясь с Буллером у Стандертонна. То там, то здесь вспыхивали спорадические бои, в том числе вновь объявился мафекингский Сниман с двумя орудиями, быстро отбитыми у него Канадскими Конными Стрелками. Противоборствующие стороны чувствовали, что пленение грозного Де Вета – единственная надежда вынудить буров прекратить сопротивление, столь противоречившее британским интересам и губельное для самих бюргеров. Честь не позволяла Боте сложить оружие, пока его союзник продолжал борьбу. Далее мы еще вернемся к знаменитому партизанскому

вождю и расскажем о некоторых его подвигах. Но для лучшего понимания следует дать краткое описание общей военной ситуации в Оранжевой Республике.

Своим последним броском на север лорд Робертс смел с пути цвет армии Оранжевой Республики, засевшей в громадном четырехугольнике на северо-востоке этого бывшего государства. 8-я дивизия Рандла и Колониальная Дивизия Брабанта получили задачу отделять "агнцев от козлищ", не позволяя бюргерам, продолжавшим борьбу, прорываться на юг и возмущать ранее умиротворенные округа. Для этого Рандл сформировал длинный фронт, служивший как бы кордоном. Идя через Троммел и Клоколан, 25-го числа Колониальная Дивизия оккупировала Фиксбург, в то время как в сорока милях северозападнее Рандл взял Сенекал. Небольшой отряд из сорока Йоменов, вступивший в город до подхода основных сил, был внезапно атакован бурами, и галантный Далбиак – знаменитый наездник и спортсмен был убит вместе с четырьмя своими людьми. Они (подобно многим в этой кампании) пали жертвой собственного высокомерного пренебрежения опасностью.

*2-й батальон Гвардейских
Гренадер пересекает дрифт*

Буры, отступали. Но, отступая, они, как всегда, оставались опасным противником. Их поступки невозможно предуга-

дать – поскольку в самый апогей поражения они порой решались на удивительные предприятия. Рандл, гнал буров от Сенекала. Обнаружив бюргеров, засевших на удобном для обозны копи в районе Биддулфсберга, он пытался сбить их с позиции, но потерпел неудачу. Бой сопровождался гигантским пожаром, повсюду полыхала сухая трава, и невозможно без ужаса думать о судьбе раненых. В схватке участвовали: 2-й Гренадерский, Шотландские Гвардейцы, Восточные Йоркширцы и Западные Кентцы, которых поддерживали 2-я и 79-я Полевые батареи и отряд Йоменов.

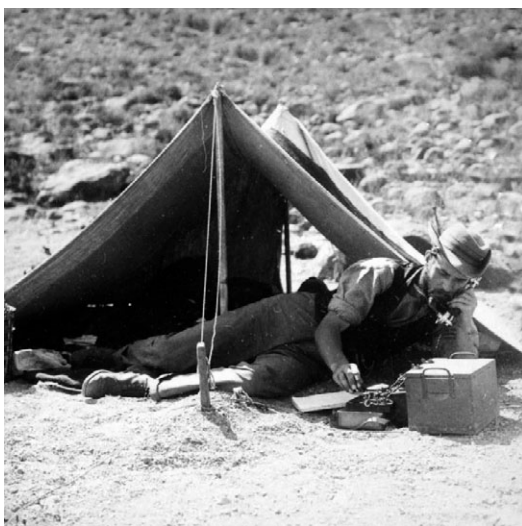

Группа пленных бюргеров

Продвигаясь по открытой местности, мы потеряли тридцать человек убитыми и 130 ранеными, включая полковника Ллойда (Гренадеры). Двумя днями позже Рандл соединился с Брабантом, идущим от Фиксбурга, и между этими пунктами образовалась оборонительная линия, удерживаемая в течение двух месяцев, пока операции не закончилась взятием в плен большей части действовавших в этом районе буров. На помощь Рандлу прибыла бригада Клементса (1-й Королевский Ирландский, 2-й Бедфордский, 2-й Вустерский и 2-й Уилтширский), и теперь под его командованием имелось не менее двенадцати тысяч человек. Но это не так уж много, если учесть, что мобильный противник располагал, по меньшей мере, восемью тысячами бойцов и мог нанести удар по любой точке растяну-

той заградительной линии. Рандл настолько грамотно выбрал позиции, что каждая попытка прорыва, а их предпринималось немало, заканчивалась для буров неудачей. Плохо снабжаемые продовольствием, его полуголодные люди достойно справились с поставленной задачей, и из всей громадной армии не в последнюю очередь заслужили благодарность своей страны.

К концу мая Колониальная Дивизия, дивизия Рандла и бригада Клементса сдерживали буров от Фиксбурга (на Басутолендской границе) до Сенекала. Они не позволяли противнику уйти на юг. Но что мешало ему двинуться на запад и обрушиться на железнодорожные коммуникации? Здесь было уязвимое место британцев. Сюда с шестью тысячами человек перебросили лорда Метуэна из Босхофа, в этом же районе находился Колвил со своей Бригадой Хайлендеров. Несколько мелких отрядов прикрывавших уязвимую железную дорогу дожидались неминуемого удара, дерзкого и предприимчивого противника. Кроонстад удерживался одним милицейским батальоном, каждый отдельный отряд снабжался конвоями в сопровождении слабых эскортов. При подобном раскладе энергичный и компетентный партизанский командир, имел бы обширнейшее поле деятельности. Как на зло, такой человек нашелся и сумел извлечь максимальную пользу из сложившихся обстоятельств.

Британский телеграфист за работой

ЛИНИИ КОММУНИКАЦИЙ

"Оранжевый" генерал Христиан Де Вет

Христиан Де Вет, старший из двух братьев, к началу войны был в расцвете сил. Ему исполнилось немногим более сорока. Крепко сбитый, среднего роста бородач компенсировал недостаток образования невероятной природной энергией и здравым смыслом. Он начал сражаться с британцами еще у Маджубы, и с тех пор сохранил изрядную долю расовой ненависти, вполне объяснимой, когда ею пылает трансваалер, но совершенно непонятной со стороны фристейтера, никогда не испытывавшего каких-либо ущемлений со стороны Британской Империи.

Некий порок зрения вынуждал Де Вета носить солнцезащитные очки, и вот, в конце мая 1900 года, пара внимательных глаз, скрывавшихся за тонированными стеклами, обратилась на рассеянные по вельду посты британцев и бесконечную незащищенную нитку железной дороги.

Отряд Де Вета представлял собой боковой пагонок армии фристейтеров под командованием Де Вилльерса, Оливера и Принслоо, пустивший корни на гористом северо-востоке Республики. Ему выделили пять орудий, полторы тысячи человек и лучший конский состав. Хорошо вооруженный, на отличных лошадях, действуя на холмистой равнине, усеянной копи – крепостями, созданными самой природой, его маленький отряд был обречен на успех. Перед Де Ветом лежало столько соблазнительных объектов для атаки, что он, должно быть, испытывал определенные колебания при выборе первой цели. Наконец, темные очки остановились на небольшом, одиноко стоящем городке – Линдли.

Колвил с Хайлендерской Бригадой вышел из Вентерсбурга с приказом двигаться на Хейлброн, умиряя по пути мятежные районы. Однако районы отказывались умиряться, и на каждой миле от Вентерсбурга до Линдли его войскам докучали снайперы. Обнаружив, что поблизости к тому же находится Де Вет со своими людьми, Колвил не стал задерживаться в Линдли, а поспешил к конечной точке маршрута. В целом марш протяженностью 126 миль обошелся ему в шестьдесят три человека, в том числе девять убитыми. Это был трудный и опасный переход, особенно для горстки всадников из Конницы Восточной Провинции, на чью долю выпала вся дозорная служба. По злополучному стечению обстоятельств отряд в пять сотен Йоменов 13-го батальона (включая Собственную Герцога Кембриджского и Ирландскую роты) были посланы из Кроонстада к Линдли на соединение с Колвиллом. Их вел полковник Спрагге. 27-го мая Йомены достигли пункта назначения, но обнаружили, что Колвилл уже ушел. Похоже, они намеревались денек передохнуть в Линдли, а затем следовать за Колвиллом в Хейлброн, но через несколько часов после вступления в город подверглись атаке Де Вета.

Казалось, полковник Спрагге сделал все возможное. Под ожесточенным огнем он заставил своих бойцов отойти назад к повозкам, оставленным в нескольких милях от города на Кроонстадской дороге, где три удобные для обороны копи защищали долину, позволявшую укрыть скот и лошадей. Более того, по долине протекал ручей. В наличии имелись все условия

для обороны, способной прославить британское оружие. Человеческий материал был особого качества – многие йомены пришли в батальон из публичных школ и университетов, и если от кого следовало ожидать борьбы не на жизнь, а на смерть, спортивного азарта и высокого чувства долга – то именно от них.

*Полковник Спрагге и Ирландские Йомены
во время церковной службы в вельде*

Еще один довод в пользу упорного сопротивления – они предприняли необходимые шаги, чтобы известить о своих трудностях Колвила и Метуэна. Первый продолжил движение к Хейлбруну (и его трудно за это винить), а Метуэн, получив сообщение, с огромным риском доставленное ему капралом Хэнки, немедленно бросился на выручку. К сожалению, он прибыл слишком поздно, и не сумел предотвратить или хотя бы уменьшить масштаб поражения. В оправдание Колвила стоит сказать, что он имел приказ достичь Хейлброна к определенной дате, а зывавший помощи отряд, был гораздо мобильнее его собственных войск (Колвил имел в своем распоряжении лишь сотню всадников из Конницы Восточной Провинции).

Люди полковника Спрагге первые три дня блокады не теряли присутствия духа. Все это время буры вели ружейный огонь с большой дистанции, не причинявший британцам серьезных потерь. Ядром обороны был каменный крааль площадью около двадцати ярдов, защищавший от пули, но очевидно представлявший собой смертельную ловушку, если буры подтянут артиллерию. Боевой дух британцев оставался на высоте. Осажденные под руководством капитана Хамби и лорда Лонгфорда даже предприняли несколько лихих вылазок. Послед-

няя, завершившаяся штыковой атакой и очисткой близлежащего гребня холма, была особенно энергичной. В самом начале осады встретил свою смерть отважный Кейт. На четвертый день буры подвезли пять орудий. Читатель может заметить, что за три дня командир отряда имел возможность предпринять все необходимые приготовления против очевидного развития событий, подобно тому, как позже действовала горстка осажденных в Ледибранде. Несомненно, даже без саперов не составляло труда соорудить траншеи, как это не раз делали буры, сводя на нет огонь нашей артиллерии. Предпринятые же меры оказались абсолютно недостаточны. Противник захватил один из двух меньших копи, гарнизон которого бежал на другой. Затем сдали второй, и, наконец, главный копи, также поднял белый флаг. Эти люди не заслужили упреков, поскольку само их присутствие в Южной Африке – достаточное доказательство мужества и преданности долгу. Но уроки войны, похоже, были ими совершенно не усвоены. Особенно главный урок, гласивший, что артиллерийский огонь, губительный для плотного строя, при рассредоточении людей и наличии даже небольшого укрытия никогда не заставит обороняющихся сдаться. Список потерь (80 убитых и раненых из отряда в 470 человек) доказывает, что Йомены немало претерпели перед тем, как выбросить белый флаг, но не позволяет назвать их оборону ни отчаянной, ни героической. Следует упомянуть, что следственная комиссия сняла с полковника Спрагге все обвинения, однако отметила, что сдача была преждевременной и вызванной несанкционированным поднятием белого флага на одном из копи. Что касается последующих дискуссий: следовало ли генералу Колвилу вернуться и деблокировать Йоменов, то трудно представить, что в сложившихся обстоятельствах он мог действовать как-либо иначе.

Требуются некоторые пояснения касательно появления лорда Метуэна на центральном участке театра военных действий, поскольку последний раз его дивизия упоминалась у Босхофа (близ Кимберли), где в начале апреля он провел удачную акцию, приведшую к гибели Вильбуа. Оттуда Метуэн двинулся вдоль Вааля, а затем южнее, к Кроонстаду, 28-го мая прибыв в город. При нем находилась 9-я бригада (Дугласа), в которой шли солдаты, шесть месяцев тому выступившие с ним освободить Кимберли – Нортумберлендские Фузилеры, Королевские Северные Ланкаширцы, Нортгемптонцы и Йоркширская Легкая Пехота. Вместе с Мюнстерцами, пятью ротами Йоменов Лорда Чесхема, 4-й, 37-й батареями, двумя гаубица-

ми и двумя "пом-помами" общая численность его колонны достигала 6000 человек.

Генерал Чарльз Дуглас (послевоенное фото)

По прибытии в Кроонстад Метуэн получил задачу – помочь британским войскам у Хейлбронна, где Колвил с Бригадой Хайлендеров, Колониальной Конницей, Скаутами Ловата, двумя морскими орудиями и 5-й батареей остро нуждался в продовольствии и боеприпасах. Однако тревожное послание Йоменов из-под Линдли побудило его 1-го июня броситься к этому городу. Погоня и попытка освобождения Йоменов были столь решительными, что передовые эскадроны Южно-Ноттингемширских Гусар и Шервудских Рейнджеров буквально врзались в бурский конвой, и, вовремя получив поддержку, могли бы отбить пленных. Но приказ вернуться вынудил кавалеристов с боем прорываться обратно в Линдли. При этом отряд потерял несколько человек, включая тяжело раненого командира (полковника Роллестона). В городке оставили гарнизон под командованием Паджета, а остальные войска вернулись к выполнению первоначального приказа, касавшегося

Хейлбронна. Когда 7-го июня они прибыли к месту назначения, Хайлендеры уже перешли на четверть рациона и, выражая свою благодарность, прозвали освободительную колонну Метуэна "Армией Спасения".

Предыдущему конвою, шедшему им на помощь, повезло меньше. 1-го июня двадцать пять вагонов отправились к Хейлбронну от железной дороги. Их эскортировали сто шестьдесят Хайлендеров под командованием капитана Корбаллиса, не имевшие при себе ни одного орудия. К несчастью им повстречался джентльмен в темных очках. "У меня две тысячи человек и пять орудий. Сдавайтесь немедленно!" Таково было послание, переданное эскорту, и британцам оставалось лишь подчиниться. Так одна беда породила другие, поскольку удержись Йомены под Линдли, 4-го числа Де Вет не наложил бы руки на наши вагоны, а не реквизируй он запасы из вагонов, еще вопрос – смогли бы буры атаковать Роодеваль – следующую точку на карте, куда мы теперь обратим наш взгляд.

В двух милях от станции Роодеваль, у железной дороги стоит хорошо заметный копи, правее и левее которого возвышаются еще два холма. Занять эту позицию отправили милиционное подразделение (4-й батальон Дербиширцев). Ходили слухи, что буры действуют вдоль линии. Майор Хейг, во главе сборного отряда численностью в тысячу человек охранявший пункт снабжения на железной дороге, был атакован 6-го июня, но отразил нападение. Де Вет, временами действовавший совместно, а иногда независимо от своего помощника Нела, высматривая добычу полегче, двигался вдоль линии и ночью 7-го июня наткнулся на отряд милиционеров, обосновавшийся на позиции, чрезвычайно уязвимой для артиллерийского огня.

Неправда, что британцы по небрежности не заняли копи, под которым разбили палатки – на вершине стояли две роты. Но, похоже, люди даже не догадывались о надвигавшейся опасности, поскольку батальон, разбив палатки, беспечно предался сну безо всякой мысли о джентльмене в темных очках. Среди ночи он известил о своем прибытии свистом пуль. Едва рассвело, открыли огонь орудия буров, и в рядах британцев начали рваться снаряды. Для необстрелянных солдат это стало ужасным испытанием. Основу контингента составляли шахтеры и сельхозрабочие, которые ранее видели кровь, текущую разве что из порезанного пальца. Они пробывали в Африке четыре месяца, но их служба, как свидетельствует роскошь обоза, скорее походила на пикник. Теперь, в одно мгновение, пикник закончился. Холодным серым утром к ним пришла война –

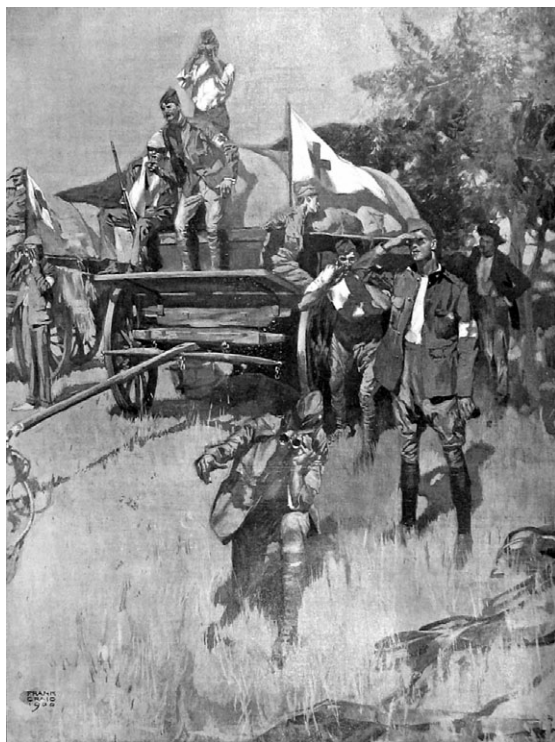
реальная война, со зловещим шипением пуль, воплями раненых, грохотом рвущихся снарядов, развороченными телами и оторванными конечностями.

Дербиширские Йомены

В безнадежном положении, которое стало бы тяжелым испытанием и для ветеранов, отважные шахтеры держались на высоте. С самого начала им оставалось лишь продемонстрировать, что они умеют достойно проигрывать. По меньшей мере, это Дербиширцы доказали. Пули летели сразу отовсюду, а враг оставался невидимым. Британцы залегли с одной стороны бруствера, но им стреляли в спину. Они залегли по другую сторону, и опять выстрелы сзади. Их полковник – Бэрд-Дуглас поклялся пристрелить любого, кто выбросит белый флаг, но, к счастью для него, был убит до того, как увидел ненавистный знак. Все же флаг пришлось поднять. Сто сорок человек вышло из строя, многие из них со страшными ранами, причиненными снарядами. Позиция походила на бойню. Когда взметнулся флаг, оставшиеся в живых наконец увидели буров. Уступавшие по численности, без командира, без орудий, британцы не запятнали чести своих мундиров и доброго имени единственного за всю войну милиционного подразделения, втянутого в серьезный бой. Они сдали изначально безнадежную позицию, щедро полив ее кровью, разгромленные, но не обесславленные.

В двух милях южнее Реностер-Копи располагалась станция Роодеваль, на которой этим июньским утром стоял поезд с почтой для армии, шинелями и вагоном, полным гигантских снарядов. С поезда сошла разношерстная команда численностью немногим более ста человек, из них двадцать волонтеров Почтовой Службы, несколько Пионеров Железнодорожного Корпуса, немного Шропширцев и сборная солянка отставших и догоняющих. К ним-то ранним утром и подошел джентльмен в темных очках, на руках которого еще не высохла кровь Дербиширцев. "У меня четырнадцать сотен человек и четыре орудия. Сдавайтесь!" – передал парламентар. Но не в природе почтальона безропотно отдавать почтовые мешки первому встречному. "Никогда!" – выкрикнули задорные почтальоны. Вражеские снаряды тут же принялись дырять жестяные крыши у них над головами, в то время как британцы не имели возможности даже отвечать на огонь орудий, быстро вытряхнувший из них боевой запал.

Персонал госпиталя наблюдает за боем у Роодеваля

Оставался один выход – сдаться, и Де Вет добавил представителей британских волонтеров и солдат регулярной армии к своей обширной коллекции милиционеров. Буры подожгли станцию и поезд. Запас шинелей был разграблен, большие снаряды взорваны, а письма сожжены. Последнее было недостойным поступком со стороны Де Вета, который до этого случая не заслужил упрека в "неспортивном поведении". Сорок тысяч человек к северу от станции могли простить ему шинели и пищу, но не долгожданные письма из дома, обгоревшие обрывки которых ветер еще долго носил по вельду*.

Плоды победы (рисунок из "Life")

Де Вет действовал на железной дороге три дня, и все это время он разрушал ее с неукротимой энергией. Миля за милей самым совершенным образом он уничтожал железнодорожное полотно. Реностерский мост был разрушен, та же участь вторично постигла мост в Роодевале. Рельсы корежили динамитом, до тех пор, пока они не стали напоминать незавершенную лестницу на небеса. Тяжелая рука Де Вета, все еще стоявшего лагерем на копи у Роодевала, чувствовалась повсюду. На про-

* Фрагменты писем постоянно попадались на глаза бурам, которые, должно быть, с удивлением их читали. "Надеюсь, ты уже убил всех этих буров", – так начиналось одно попавшее ко мне письмо.

тяжении десяти миль не уцелел ни один телеграфный столб.

К 10-му июня две британских колонны отправились решать возникшую проблему. Одна из них – колонна Метуэна, идущая из Хейлброна. Другая – небольшой отряд, состоявший из Шропширцев, Южно-Уэльских Пограничников и батареи орудий, направлявшийся на юг вместе с лордом Китченером. Лорд Робертс всегда посылал своего энергичного начальника штаба туда, где требовалась твердая рука, и тот редко проваливал порученное дело. Первым на место прибыл лорд Метуэн, сразу же атаковавший Де Вета. Буры ушли в восточном направлении. Со склонностью к преувеличениям, характерной для лобой войны, случившееся преподнесли как победу.

Починка Реностерского моста, взорванного бурами

В действительности это был тактически верный и почти бескровный маневр бюргеров. Партизанской войне не свойственны решающие битвы. Получив сведения о захвате Кроонстада, Метуэн продвинулся южнее, но вскоре, выяснив, что слухи не соответствуют действительности и надеясь настичь Де Вета, он вновь повернул на восток.

Хитрый и упорный бюргер ненадолго исчезает из нашего поля зрения. Но уже 14-го июня он вновь объявился у Реностера, где ремонтные поезда под руководством прославленного Жерарда день и ночь ликвидировали последствия его предыдущего набега. На этот раз охранение оказалось достаточно

сильным, чтобы дать отпор, и Де Вет вновь ушел на восток. Однако он все же сумел нанести определенный вред и чуть не захватил в плен самого лорда Китченера. У Реностера на попечение полковника Спенса (Шропширцы) оставили постоянный пост с его же людьми и несколько орудий. Смит-Дорриен, один из самых молодых и наиболее энергичных дивизионных командиров, осуществлял надзор и патрулирование линии.

5-дм орудие у Реностера

В это время коммандо численностью в несколько сот буров предприняло атаку у Сэнд-Ривер к югу от Кроонстада, где располагался наиболее важный мост. Попытку захвата пресекли Королевские Ланкастерцы и Железнодорожные Пионеры, которым помогали Йомены и отряд конной пехоты. В какой-то момент дело приняло серьезный оборот, но Пионеры, на долю которых пришелся основной удар, проявили незаурядную стойкость. Этот бой также знаменит гибелью майора Сеймура (Пионеры) – доблестного американца, отдавшего свои силы, а в конечном итоге и жизнь, за дело, которое, вопреки злословию и всевозможным передергиваниям, он считал борьбой за свободу и справедливость.

После всех принятых мер предосторожности, зародилась надежда, что джентльмен в темных очках больше не появится, но 21-го июня он вновь посетил свои любимые места. Стан-

ция Хонинг-Спруйт, расположенная приблизительно посредине между Кроонстадом и Роодевалем, стала ареной нового действия. В тот день на станции находился состав. Внезапно люди Де Вета подорвали рельсы за и перед ним. У британцев не было орудий, а охранение несли триста вчерашних военнопленных, освобожденных в Претории, вооруженных старыми винтовками "Мартини-Генри".

Лейтенант Железнодорожных Пионеров

Правда, у них был хороший командир – полковник Баллок из Девонцев, отличившийся у Коленсо. К тому же, эти полуголодные оборванцы ни за что не желали вновь пройти через пережитое в прошлом унижение. Семь часов они лежали под артиллерийским огнем, не имея возможности отвечать, но их стойкость вознаградилась прибытием полковника Брукфилда с тремя сотнями Йоменов и четырьмя орудиями 17-й батареи Полевой Артиллерии, вслед за которым к вечеру с юга поднялся большой отряд. Понесся некоторые потери, буры вышли из боя. Британцы потеряли майора Хоббса, четырех бойцов убитыми и девятнадцать ранеными. Бой трех сотен наполовину безоружных людей против семи сотен бурских стрелков,

имевших к тому же три орудия, стрелявших гранатами и шрапнелью – отличная работа.

Несмотря на полученный отпор, это же командо вскоре атаковало пост, удерживаемый полковником Эвансом с двумя ротами Шропширцев и пятьюдесятью Канадцами. И вновь, понеся потери, бюргерам пришлось отступить. Особенно отличились Канадцы под командованием Инглиса, оказавшие отчаянное сопротивление на открытой позиции.

Однако отдельные набег, какой бы докучливый и разрушительный характер они не носили, не могли повлиять на общий ход боевых действий. После боя у Даймонд-Хилл, конная пехота закрепились на отвоеванных позициях, а остальные войска вернулись на свои стоянки вокруг Претории, ожидая крайне необходимого пополнения конного состава. На других участках театра войны петля британских кордонов все туже затягивалась вокруг буров. Буллер добрался до самого Стандертона, а Ян Гамильтон в последнюю неделю июня занял Хейделберг.

Стандертон

Неделю спустя два отряда уже могли действовать рука об руку, совершенно отрезав фрестейтеров от трансваалеров. В этой операции Гамильтон, к несчастью, сломал ключицу, и командование его дивизией временно перешло к Хантеру – возможно единственному человеку, которого армия признавала достойным преемником.

Британское командование ясно понимало – пока неразгромленная армия в семь или восемь тысяч бюргеров под предводительством таких лидеров, как Де Вет и Оливер, скры-

ваются меж холмов, тянущихся вдоль железной дороги, на коммуникационных линиях покоя не будет. Надеясь зачистить эту территории, оно предприняло решительные шаги. Благодаря соединению Гамильтона и Буллера противник лишился единственной возможности выскользнуть из ловушки. Теперь внимание шести отдельных британских колонн сконцентрировалось на дерзких фристейтерах. С юга находились дивизии Рандла и Брабанта, на крайнем левом фланге стояла бригада Клементса, гарнизон Линдли под руководством Паджета, гарнизон Хейлбронна во главе с Макдоналдом, а с севера приближалось самое грозное соединение под командованием Хантера. Несомненно – близился переломный момент.

Арчибальд Хантер

Ближайшим важным городом, оставшимся в руках фристейтеров, был Бетлехем* – своеобразное названия для пункта на карте театра войны. Характер территории к югу от него препятствовал продвижению Рандла или Брабанта, но с запада район выглядел доступным. Поэтому действия британцев свелись к сосредоточению достаточных сил для наступления именно с этого направления. Клементс, выступив из Сенекала, к 1-му июля, у Линдли, соединился со стоявшим там Паджетом.

* В русской традиции Вифлеем.

В пути Клементс встретил определенное сопротивление, но, кроме имевшейся в его распоряжении превосходной пехоты (Королевские Ирландцы, Вустерцы, Уилтширцы и Бедфордцы) с ним был 2-й полк Конницы Брабанта (численность 600 человек, сформирован в Квинстауне в январе 1900, расформирован в Кейп-Тауне 31 декабря 1900), йомены, конная пехота, две пятидюймовые пушки и 8-я батарея Полевой Артиллерии. Благодаря демонстрациям, Гренфелла и Брабанта, проведя три дня в непрерывных стычках, Клементс сумел проложить себе дорогу.

Мюнстерские Фузилеры перед отправкой на фронт

Войдя в контакт с Клементсом, Паджет совершил вылазку из Линдли, оставив "Баффс" в качестве городского гарнизона. Он имел при себе конную бригаду Брукфилда силой до тысячи бойцов, восемь орудий и два прекрасных батальона пехоты – Мюнстерских Фузилеров и Йоркширскую Легкую Пехоту.

3-го июля возле Лиув-Коп он обнаружил сильный бурский отряд, располагавший к тому же тремя орудиями. В это время Клементс был еще слишком далеко, чтобы оказать поддержку. Четыре орудия 38-й батареи R.F.A. (майор Олдфилд) и два орудия Волонтеров Сити вступили в бой. Но артиллеристы заняли слишком открытую позицию, и попали под ожесточенный обстрел. Потери были настолько тяжелыми, что на некоторое время наши пушки смолкли. Эскорт оказался недоста-

точно солен, слабо продвинулся вперед и скверно управлялся. Стрелки буров сумели, прокравшись по донга, выйти прямо на 38-ю батарею, и отважный майор вместе с лейтенантом Белчером погибли, защищая орудия. Капитан Фицджеральд, единственный оставшийся в живых офицер, был дважды ранен, двадцать человек получили пули. Выбыли из строя почти все лошади одной из секций. Капитан Маркс (бригад-майор Йоменов Брукфилда) с лейтенантом Кевилом Дэвисом и Йоменами 15-го батальона пришли на помощь дезорганизованной и почти уничтоженной секции. Одновременно угроза нависла и над орудиями Волонтеров Сити, но адъютант батареи капитан Будворт сумел организовать энергичное прикрытие. К счастью, вскоре в дело вступила пехота (Мюнстерские Фузилеры и Йоркширская Легкая Пехота), выполнявшая обходной маневр, и вражеская позиция была взята. Британцы продолжили движение. 6-го июля они были у примостившегося в весьма холмистой местности Бетлехема.

Йоркширцы в Кейп-Тауне, 1900

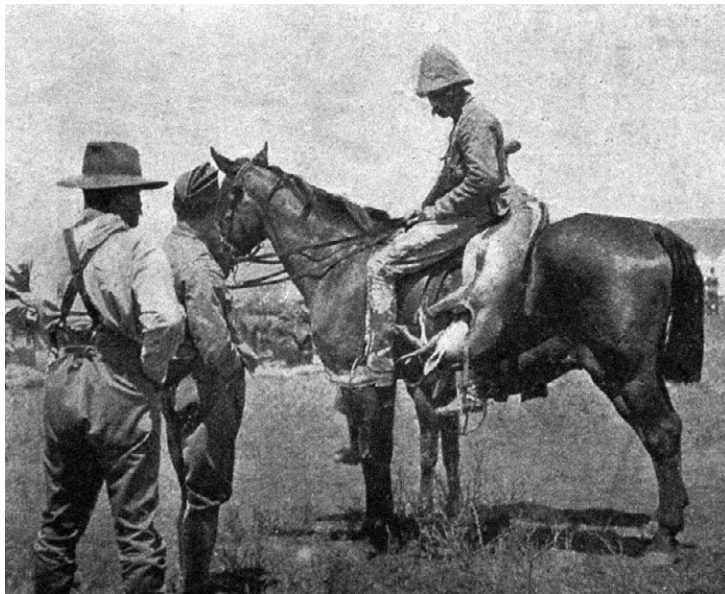
Вскоре выяснилось, что противник занимает очень сильную позицию. Войска Клементса действовали на левом флан-

ге, а Паджета на правом. И тот и другой безуспешно пытались обойти бюргеров. Весь день Клементс прорывал противника, ведя огневой бой с большой дистанции, в надежде обнаружить слабое место в обороне. Во второй половине дня два пехотных батальона Паджета пошли во фронтальную атаку на правый фланг и ворвались в траншеи буров. В этом доблестном деле Мюнстерские Фузилеры и Йоркширская Легкая Пехота потеряли сорок человек убитыми и ранеными, включая четырех офицеров. Большая часть потерь и славы досталась на долю солдат из Мюнстера.

В центре противник продолжал удерживать позицию, и утром 7-го июля Клементс дал инструкции полковнику Королевских Ирландцев, если тот посчитает, что обстоятельства складываются благоприятно, идти на штурм. Подобный приказ подобному батальону заранее подразумевал, что любые обстоятельства сложатся благоприятно. Ирландцы атаковали тремя растянутыми цепями, потеряв по пути сорок или пятьдесят человек. Вскоре тяжело дышащие, но полные энтузиазма, они уже стояли на гребне холма. Внизу, у его подножья, ютились дома Бетлехема. По склону отступало около сотни верховых буров, торопливо увозя с собой орудие. На какое-то мгновение показалось, что британцам не досталось никаких трофеев, как вдруг какой-то остроглазый сержант издал радостный клич, тут же подхваченный его товарищами и волной взметнувшийся над вельдом. За гребнем, завалившись на разбитое колесо, лежала 15-ти фунтовая пушка – одна из потерянных нами под Стормбергом. Ее возврат, несомненно, был делом чести. Артиллеристы неоднократно выручали пехоту в трудные минуты. Наконец пехотинцам представился случай, пусть отчасти, вернуть долг. Вечером Клементс занял Бетлехем. Еще один город ушел из рук фристейтеров.

Теперь скажем несколько слов о войсках под командованием генерала Хантера, приближавшегося с севера. Как мы знаем, отважный и энергичный Гамильтон, худощавый, выносливый, и внешне, и поведением напоминавший хищную птицу, сломал ключицу под Хейделбергом. Теперь его заместитель, Хантер, вел эту колонну из Трансвааля в Колонию Оранжевой Реки. Большую часть пехоты он оставил у Хейделберга, взяв с собой кавалерию Бродвуда (две бригады) и 21-ю пехотную бригаду Брюса Гамильтона с конной пехотой Ридли – всего около семи тысяч человек. 2-го июля эти войска, не встречая сопротивления, достигли Франкфорта на севере Оранжевой Республики, а 3-го июля соединились с людьми Макдоналда,

идушими из Хейлброна. Таким образом, Хантер оказался во главе одиннадцати тысяч человек. В его руках оказался инструмент, способный нанести COUP DE GRACE* умирающей Республике. Продвигаясь на юг, и по-прежнему не встречая серьезного сопротивления, он занял Рейтц и выслал кавалеристов Бродвуда к Бетлехему, где 8-го июля они встретились с людьми Паджета и Клементса.

Удачная охота. Шпрингбок для уланов

Сети были расставлены и готовились принять улов, но в последний момент самая крупная рыба яростным броском сумела вырваться и уйти. Бросив основные силы Оранжевой Республики в безнадежном положении, Де Вет с полутора тысячей людей на хороших лошадях и пятью орудиями проскочил через Слаббертс-Нек между Бетлехемом и Фиксбургом. Он стремительно пошел на север, преследуемый по пятам кавалерией Паджета и Бродвуда. Свой рывок к свободе он совершил 16 июля. 19-го числа Литтл с 3-й Кавалерийской Бригадой вошел с ним в соприкосновение у Линдли. Де Вет стряхнул его с себя и тут же с вызывающей дерзостью перерезал железнодорожную линию у Хонинг-Спруйт, попутно захватив

* Удар милосердия (фр.)

обоз и взяв в плен 200 человек. 22-го июля Де Вет прошел Фредерфорд. Бродвуд, Ридли и Литтл по-прежнему продолжали погоню, собирая по пути отставшие вагоны. Оттуда он бросился в холмистую местность, раскинувшуюся к югу от Вааль-Ривер, где скрывался неделю или более того, в то время как лорд Китченер уехал на юг руководить операциями, которые, как он надеялся, вынудят противника сложить оружие.

Оставив непокорного партизана в его убежище, вернемся к затягиванию сетей, которое все еще продолжалось, несмотря на то, что самая важная рыба ускользнула. Британцы все туже сжимали тиски, к тому же их войска были многочисленнее и лучшего качества. Стало ясно, что быстрым продвижением от Бетлехема к Басутской границе можно поймать в западню всех буров к северу от Фиксбурга. 22-го июля колонны начали движение. В этот день Паджет выступил от Бетлехема, а Рандл двинулся от Фиксбурга. К этому времени Брюс Гамильтон ценой двадцати Камеронских Горцев вгрызся в самое сердце горной страны, укрывавшей врага. 23-го числа буры сдерживали войска Хантера на сильной позиции у Ретифс-Нек, но к 24-му вынуждены были ее оставить, поскольку захват Клементсом Слаббертс-Нека угрожал их тылу. Слаббертс-Нек буры укрепили с особой тщательностью.

23-го числа Конница Брабанта и Королевские Ирландцы предприняли безуспешную попытку овладеть позицией бюргеров. Чуть позже залегли и две роты Уилтширского батальона, до наступления ночи оставаясь на расстоянии броска камня от траншей буров, хотя одна из рот потеряла семнадцать человек убитыми и ранеными. Цепи Королевского Ирландского так же лежали рядом с огненным рубежом противника. Под покровом темноты Клементс отправил четыре роты Королевского Ирландского и две Уилтширского батальонов под командованием полковника Гиннеса в обход вдоль гребня. Появление шести рот на фланге стало для врага полной неожиданностью и заставило поспешно бросить позицию. Британцы совершили труднейший ночной марш. Люди ползли на четвереньках по краю обрыва глубиной в 400 футов, но их усилия вознаградились сполна. Именно успехом этого обходного маневра мы обязаны падению Слабберс-Нека, без которого удержание бюргерами Ретифс-Нека утратило смысл. Теперь оба прохода оказались в наших руках, и пути бегства Принслоо были перекрыты.

Во всех распадах грохотали британские орудия, а головы британских колонн виднелись на каждой вершине. Бригада

Хайлендеров уверенно обосновалась на бурских позициях, стоивших ей тяжелого боя, в котором сотня бойцов Хайлендерской Легкой Пехоты были убиты или ранены. Сифортцы и Суссекцы, понеся потери, также овладели преграждавшим им путь рубежом обороны противника. Стены гигантской горной крепости пали, и 26-го июля британские колонны встретились у Форисбурга, в то время как Макдоналд удерживал Наувпорт, лежавший на возможном пути отступления противника. Вопрос окончательного разгрома запертых в ловушке буров стал вопросом времени.

Последний оплот коммандо Принслоо

28-го числа Клементс продолжал идти вперед, сокращая пространство, занимаемое нашим упрямым врагом. В ходе наступления он наткнулся на прочную позицию у Слаапкрантца, с которой буров удалось сбить после короткого, но ожесточенного боя. В нем принимали участие Конница Брабанта, Королевские Ирландцы и Уилтширцы. Три роты последнего батальона овладели фермой на левом фланге противника, потеряв при этом десять человек, а их доблестный полковник Картер получил два тяжелых ранения. Под грамотным командованием капитана Болтона, совместно с подошедшей на помощь горсткой Шотландских Гвардейцев, Уилтширцы удерживали ферму до вечера. Под покровом ночи буры отошли, и наступление британцев продолжилось. Противник не мог больше противостоять нашему давлению. Весь день скрывавшиеся в долинах бюргеры видели мерцание британских гелиографов на холмах, и даже ночью постоянные вспышки сигнальных фонарей говорили о неусыпной бдительности обложившего их врага. 29-го июля Принслоо обратился с просьбой о перемирии, которая была отвергнута. Позже в этот же день, к Хантеру прибыл посланец с белым флагом, объявивший о безоговорочной капитуляции бюргеров.

30-го июля пестрая армия, так долго приковывавшая к себе громадные силы британцев, начала выходить из ущелий. Но вскоре стало очевидно, что, говоря от имени всех, Принслоо превысил пределы своей власти. В бурской армии дисциплина не отличалась строгостью, а индивидуализм был развит сверх всякой меры. Любой боец мог отказаться выполнять приказ своего команданта, так же как любой бюргер мог игнорировать белый флаг, поднятый его товарищем. В первый день сдались не более одиннадцати сотен бюргеров Фиксбургского и Ледибрандского командо с пятнадцатью сотнями лошадей и двумя орудиями. На следующий – семьсот пятьдесят человек с восемьюстами лошадьми. К 6-му августа общая численность сложивших оружие достигла четырех тысяч ста пятидесяти человек с тремя орудиями, два из которых были нашими. Но Оливер с пятнадцатью сотнями и несколькими пушками откололся от капитулировавших сил и улизнул. По этому случаю генерал Хантер, честный солдат, отметил в своем рапорте: "я считаю этот поступок генерала Оливера недостойным нарушением доверия, за который возлагаю на него персональную ответственность. Оливер знал о том, что генерал Принслоо включил его в список безусловно сдающихся". Представляется странным, что Оливер, схваченный вскоре после этого, не

предстал перед военно-полевым судом за нарушение правил войны, но Империя – наш добродушный гигант быстро, возможно, слишком быстро забывает прошлые обиды. 4-го августа Макдоналд овладел Гаррисмитом, обеспечив безопасность Ван-Риинен-Пасс и конечного участка Натальской железнодорожной системы. Это имело важнейшее значение, поскольку снабжение огромной массы войск со стороны Капа сопровождалось невероятными трудностями. Базу снабжения сразу переместили в Дурбан, таким образом, сократив дистанцию на две трети. К тому же армия оказалась у железной дороги, а не в сотне миль от нее. Этот серьезный успех избавил коммуникации лорда Робертса от угрозы серьезных атак и имел громадное значение для безопасности его позиций у Претории.

ОСТАНОВКА В ПРЕТОРИИ

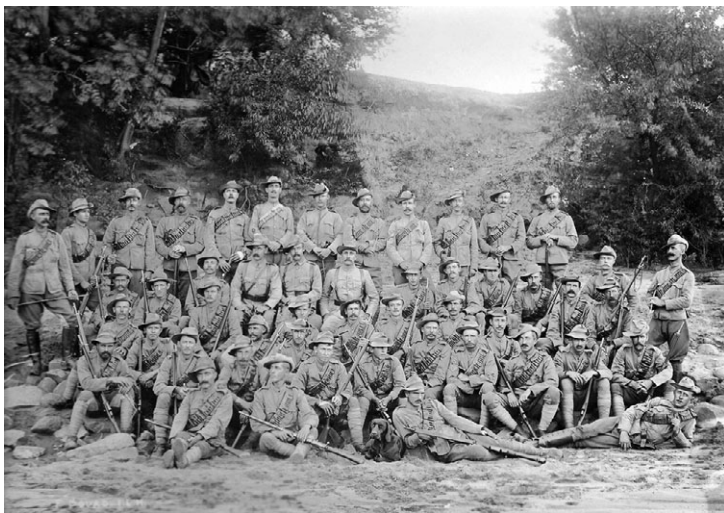

75-я батарея Полевой Артиллерии в Претории

Минуло шесть недель с тех пор, как лорд Робертс завладел столицей республики. Британские войска наводнили большую часть южного и западного Трансвааля, но вопреки всем ожиданиям, буры продолжали боевые действия. В районах, номинально считавшихся усмирёнными и разоружёнными, то и дело возникали очаги сопротивления. Жизнь лишней раз подтвердила истину, что республиканскую армию легче разбить, чем вынудить сдаться. Из Клерксдорпа, Вентерсдорпа, Рустенбурга приходили новости о мятежах против вновь назначенной британской администрации. Припрятанные "маузеры" и бандольеры извлекались из укромных уголков краалей, и фермеры вновь превращались в воинов. Молва о подвигах Де Вета разпалая боевой дух бюргеров и взывала к совести тех, кто подчинился захватчикам. Британцам удалось перехватить письмо вождя партизан к сыну Кронье, сдавшемуся возле Рустенбурга.

Де Вет писал, что одержал две крупные победы и имеет в своем распоряжении полторы тысячи трофейных винтовок, которые вполне могут компенсировать сданные бюргерами "маузеры". Но восстания вспыхивали не только в удаленных районах. Буры совершали нападения даже в окрестностях Претории, а оба главных города (Претория и Йоханнесбург) кишели мятежниками, готовыми в любой момент вновь взяться за оружие.

Уже к концу июня стало ясно, что буры понимают беспомощность лорда Робертса, лишившегося лошадей и ожидавшего прибытия свежего конского состава. Москиты вились вокруг охромевшего льва. 29-го июня противник атаковал Спрингс (рядом с Йоханнесбургом), но был без труда отбит Канадцами. В начале июля рядом со столицей подверглись нападению несколько патрулей кавалеристов и конной пехоты. В ответ лорд Робертс отдал приказ Хаттону и Мехону зайти в тыл бурам на правом фланге и вытеснить их за Бронкхорст-Спруйт. Мероприятие проводилось 6-го и 7-го июля. Британцы в ходе наступления столкнулись с ожесточенным стрелковым и артиллерийским противодействием, тем не менее, маневр позволил ослабить давление на наш правый фланг, способное спровоцировать обострение ситуации в Йоханнесбурге. Успех стоил нам тридцати четырех человек убитыми и ранеными, причем половина потерь пришлось на Имперскую Легкую Конницу.

Имперская Легкая Конница, эскадрон "F"

Этот знаменитый отряд, прибывший сюда вместе с Мехоном из-под освобожденного Мафекинга, несколькими днями ранее проехал по улицам Йоханнесбурга мимо покинутых домов, когда-то бывших их семейными очагами. Прошло еще немало изнурительных месяцев, прежде чем оставшиеся в живых смогли туда вернуться.

9-го июля бюргеры атаковали вкось, и вновь были отброшены к востоку. Возможно, эти демонстрации на правом фланге растянутой позиции лорда Робертса были всего лишь ложными атаками, отвлекавшими внимание от далеко идущих планов, вынашиваемых Ботой. На тот момент основные силы буров располагались следующим образом: Бота со своей армией занимал позицию вдоль железной дороги на Делагоа-Бей (восточнее Даймонд-Хилл), откуда высылал отряды, беспокоившие Хаттона на крайнем правом крыле британских позиций (юго-восточнее Претории). Вторая группировка, под командованием Гроблера, действовала севернее Претории, в то время как третья, возглавляемая Де ла Реем, скрытно перешла на левый фланг британцев северо-западнее Претории. Пока Бота отвлекал внимание лорда Робертса энергичными демонстрациями на правом фланге Гроблер и Де ла Рей предприняли внезапные атаки на левом, и в центре, на участках, находившихся в двенадцати-пятнадцати милях друг от друга. Операция буров была хорошо задумана и прекрасно осуществлена, однако имела один существенный недостаток: бюргерам уже не хватало людей, чтобы, распылив силы подобным образом, добиться чего-то большего, чем смять аванпосты.

На рассвете 11 июля Де ла Рей напал на пост у Витвалс-Нек*, находившийся в восемнадцати милях западнее столицы. Эта позиция не являлась частью кордонной линии лорда Робертса, скорее она представляла собой звено цепи, связывавшей его армию с Рустенбургом. Пост удерживался относительно незначительными силами в составе трех рот Линкольнцев плюс две роты поддержки, одного эскадрона "Скотс Грейс" и двух орудий батареи "О" Королевской Конной Артиллерии. Атака началась, лишь только стало сереть. Маленький гарнизон мужественно держался под убийственным огнем, ожидая помощи, которая так и не подошла. Весь день британцы не давали атакующим приблизиться, но к вечеру боеприпасы кончились, и они были вынуждены сдаться. Люди проявили себя великолепно: и пехота, и кавалерия, и артиллеристы, но

* Больше известный как Силкаатс-Нек

положение оказалось безнадежным. Потери составили восемьдесят человек убитыми и ранеными, почти две сотни попали в плен, кроме того, бургерам достались два орудия.

Зарисовка Витвалс-Нека

Британский блок-пост на дороге у Витвалс-Нек

В тот же день, когда Де ла Рей нанес удар у Витвалс-Нек, Гроблер продемонстрировал свое присутствие к северу от города, изрядно потрепав два атаковавших его эскадрона 7-го Гвардейского Драгунского полка. Благодаря секции вездесущей батареи "О" и 14-го Гусарского, полковник Лоу смог выпутать своих кавалеристов из ловушки, в которую те угодили, но это стоило от тридцати до сорока солдат и офицеров убитыми, ранеными или попавшими в плен. "Блек Хорс" (прозвище 7-го Драгунского) подтвердили свою историческую репу-

тацию и пробились из почти отчаянного положения под огнем тысячи стрелков и четырех орудий.

Капралы 7-го Драгунского полка (послевоенное фото)

В этот же "день перестрелок", 11-го июля, горячая работа выпала Гордонцам, столкнувшимся с бурами в двадцати милях южнее Витвалс-Нека. 19-я бригада (Смит-Дорриена) получила приказ идти к Крюгерсдорпу, а оттуда двигаться на север. С ней шли Шотландские Йомены и секция 78-й батареи Полевой Артиллерии. По идее, британской колонне следовало оттеснять на север любые формирования бюргеров, встречавшиеся

ей на пути, при этом в тылу у буров находился бы гарнизон Витвалс-Нека. Однако британцы застопорились в месте, называемом Долверкранц, крепко удерживаемом стрелками противника. Два орудия оказались слабо прикрыты, и бюргеры, подобравшись на близкое расстояние, подстрелили многих артиллеристов. Командовавший секцией лейтенант А.Дж.Тернер – знаменитый Эссекский игрок в крикет – лично работал за орудием, пока, получив три пули, не выбыл из строя. Дело приняло серьезный оборот, а когда пришли новости о поражении у Витвалс-Нека, британцы получили приказ отойти. Но они не могли бросить орудия, в то же время ожесточенный огонь противника не давал возможности увести их с собой. Добровольцы из Гордонцев – капитан Янгер и еще один храбрец заплатили жизнью за тщетную попытку добраться до пушек и взять их на передки. Наконец, под покровом ночи, упряжки были снаряжены, и два полевых орудия удалось спасти. Буров, намеривавшихся их захватить, рассеяли винтовочным огнем. В итоге мы потеряли тридцать шесть человек и ничего не добились. Решительно, 11-е июля оказалось для британской армии несчастливим днем.

Бота хорошо знал, что каждый поезд, идущий с юга, везет свежих лошадей для армии лорда Робертса, и что Де Вету все сложнее этому препятствовать. В Африканской войне выигрывал тот, кто имел больше лошадей, а Империя могла использовать ресурсы всего мира. Если буры хотели что-либо предпринять, действовать следовало немедленно, поскольку и британская кавалерия, и британская конная пехота быстрыми темпами восстанавливали прежнюю боеспособность. Должно быть, подобные рассуждения побудили Боту на активные действия, имевшие место 16-го июля. Первоначально бюргерам сопутствовал успех, но затем они отступили. Основной удар пришелся на солдат Пол-Карю и Хаттона, при этом в схватках участвовали Королевские Ирландские Фузилеры, Новозеландцы, Шропширцы и Канадская Конная Пехота. Противник непрерывно атаковал британские позиции, но всякий раз безуспешно. Бюргеры понесли тяжелые потери – около сотни убитых и раненых. Британцы потеряли шестьдесят человек, в том числе двух храбрых молодых офицеров-канадцев, Бордена и Бирча (первый был единственным сыном министра по делам милиции). Так закончилась последняя попытка Боты проверить прочность британских позиций вокруг Претории. Война еще не закончилась, но ее итог вырисовывался вполне определенно. И он стал еще очевиднее с того момента, как соединение

Гамильтона и Буллера отрезало Трансваальскую армию от армии Оранжевой Республики. Не имея возможности ни отослать своих пленников в тыл, ни кормить их, фристейтеры были вынуждены отпустить в Наталь пленных, взятых ими у Линдли и Роодевала. Эти люди – батальон изголодавшихся оборванцев, преодолев Ван-Риинен-Пасс, неожиданно появились у Ледисмита. Удивительно, но, ни в этом, ни в других подобных случаях, буры не ставили никаких предварительных условий.

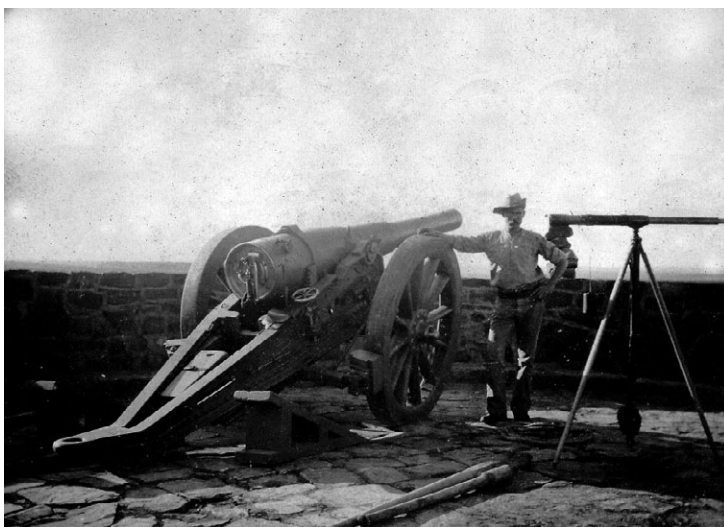

Лорд Китченер и Пол-Карю на ж/д станции Претории

К этому времени лорд Робертс, уже пополнивший большую часть конского состава своей кавалерии, был готов выступить на восток и дать бой Боте. Первым городом, расположенным на железнодорожной линии Претория-Делагоа и представлявшим хоть какую-либо ценность, был Мидделбург, находившийся в семидесяти милях от столицы. Он и стал первой целью британцев, к которой с севера устремились Мехон и Гамильтон, в центре Пол-Карю, а с юга Френч с Хаттоном. Противник не оказал серьезного сопротивления, и, несмотря на отвратительную погоду, 27-го июля город перешел в руки британцев. С этой даты и до финального броска на восток здесь располагался аванпост Френча, в то время как Пол-Карю охранял железную дорогу.

Мидделбург

5-дм орудие у Мидделбурга

Слухи о проблемах на западе вынудили лорда Робертса признать, что время развивать успех в восточном направлении еще не пришло, и он временно перебросил отряд Яна Гамильтона на другой участок театра боевых действий. На долю великолепной маленькой армии, состоявшей из конной пехоты Мехона и Пилчера, батареи "М" Королевской Конной Артиллерии, Илсвикской батареи, двух 5-дм и двух 4,7-дм орудий,

Беркширцев, Пограничников (Королевских), Аргайл-Сазерлендцев и Шотландских Пограничников, выпало столько боев и тяжелых переходов, что их с лихвой хватило бы на всю южно-африканскую кампанию.

Боевые действия на западе возобновились несколькими неделями ранее, и вскоре приобрели довольно ожесточенный характер из-за появления на этом участке коммандо Де ла Рея. В Трансваале нет округа, за который стоило бы сражаться упорнее, чем за эту прекрасную местность, усеянную фермами, зеленеющую апельсиновыми рощами, омытую множеством чистых свежих ручьев и речушек.

Первые признаки активности буров обозначились 7-го июля, когда коммандо, имевшее при себе несколько орудий, появилось на холмах возле Рустенбурга. Хэнбури Трейси – комендант Рустенбурга, получил требование капитулировать. Несмотря на то, что он имел в своем распоряжении лишь 120 человек и одно орудие, комендант не пал духом. При первых слухах об опасности полковник Хоулдсворт с небольшим отрядом Австралийских Бушменов выступил из Зееруста и поспел к Рустенбургу как раз вовремя. В ходе горячего боя британцы вынудили противника уйти. Вечером 8-го числа в дело вмешался Баден-Пауэлл, и гарнизон усилили людьми Пламера.

Туземный крааль возле Рустенбурга

Однако коммандо буров продолжало существовать. Оно

получило подкрепление, а успех Де ла Рея у Витвалс-Нека горячил сердца бюргеров. 18-го июля они вновь подошли к Рустенбургу и завязали небольшой бой с Австралийцами. Дивизия Метуэна, на долю которой в последние шесть недель выпала изнурительная служба на севере Оранжевой Республики, получила приказ отправиться в Трансвааль и через беспокойные районы двигаться на север к Рустенбургу, который, похоже, стал эпицентром шторма. Дивизию поездами перебросили от Кроонстада к Крюгерсдорпу, и вечером 18-го июля она приступила к выполнению своей миссии, двинувшись через голый, почерневший от выжженной травы вельд. 19-го числа лорд Метуэн рядом удачных маневров вынудил буров бросить сильную позицию, при этом обе стороны отделались незначительными потерями. 21-го числа, пройдя через Олифантс-Нек, он преодолел Магалисбергский хребет и установил контакт с Баден-Пауэллом, доблестные Бушмены которого, под командованием полковника Эйрея, прочно держались за позицию у Магато-Пасс. Они потеряли шести человек убитыми, девятнадцать ранеными и почти две сотни лошадей. К счастью, своевременное прибытие капитана ФитцКларенса с Протекторатцами предотвратило надвигавшуюся беду. Три сотни Австралийцев, не имевшие орудий, попали в западню. Лишь упорство и умение выпутываться из безнадежных ситуаций спасло Бушменов от, казалось, неминуемого поражения.

Австралийский Бушмен

Хотя Метуэн почти достиг Рустенбурга, он не соединился с Баден-Пауэллом. Без сомнения, генерал видел и слышал достаточно, чтобы сделать вывод – этот изобретательный солдат вполне способен позаботиться о себе сам. Узнав о присутствии буров в своем тылу, Метуэн повернул назад и 29-го июля вернулся в Фредерикстад на Потчестроом-Крюгерсдорпскую железнодорожную линию. Столь резкая смена планов, несомненно, диктовалась намерением преградить путь Де Вету, если последний пересечет Вааль. Но лорда Робертса поволновал вопрос полной зачистки окрестностей Рустенбурга. Поскольку Метуэн требовался для усиления кордона вокруг Де Вета, главнокомандующий отозвал людей Гамильтона с востока и отправил их, как уже упоминалось, на запад от Претории.

*Не смотря на появившиеся тягачи,
эта война еще не стала "войной моторов"*

Прежде чем коснуться деталей охоты на Де Вета, в которую вовлекались войска Метуэна, проследим за действиями дивизии Гамильтона. 1-го августа он выступил из Претории к Рустенбургу. В этот и последующий день его войска, проведя ряд жарких стычек и потеряв сорок человек ранеными (большей частью Беркширцев), успешно преодолели Магалисбергский хребет. Пятого числа Гамильтон подошел к Рустенбургу, отогнав противника, блокировавшего город. Еще одна не-

большая осада имела место к западу от Рустенбурга, у Эландс-Ривер, где другой мафекингский солдат (полковник Гор) отбивался от наседавших на него бюргеров. В течение нескольких дней существовали опасения (и даже объявлялось официально), что гарнизон сложил оружие. Предпринятая Каррингтоном 5-го августа попытка помочь окруженным провалилась, и положение в этом районе выглядело настолько угрожающим, что Каррингтон был вынужден (или вообразил, что вынужден) отступить до самого Мафекинга, эвакуировав людей из Зееруста и Отгос-Хупа. При этом британцы бросили значительные запасы, складированные в этих пунктах. Но, вопреки зловещим признакам и прогнозам, гарнизон продолжал держаться, пока 16-го августа не был деблокирован лордом Китченером.

Бои у Бракфонтейна на Эландс-Ривер достойны войти в список наиболее ярких деяний британского оружия в этой войне. В ходе кампании Австралийские Контингенты оказались настолько раздробленными, что, несмотря на неоспоримые бесстрашие и сноровку этих людей, на их счету не было ни одного подвига, который они могли бы назвать собственным. Но об Эландс-Ривер Австралийцы могут говорить с такой же гордостью, как Канадцы о Паардеберге. Их было около 500 человек: Викторянцы, Ново-Южноуэльсцы и Квинслендцы (самое крупное подразделение), плюс отряд Родезийцев. Под началом Гора находились майор Родезийцев Хоппер и майор Квинслендцев Тонбридж. Британцев блокировали две с половиной тысячи буров. Бюргеры предложили самые лестные условия капитуляции, но Австралийцы их отвергли. В течение 11 дней шесть орудий противника выпустили по нашим позициям 1800 снарядов. Река находилась в полумиле, и каждую каплю воды для людей и животных приходилось доставлять под огнем противника. 75 человек и почти все лошади были убиты или ранены. Но маленький отряд с такой невероятной энергией и изобретательностью зарылся в землю, что, по свидетельству очевидцев, их укрытия по глубине и надежности превосходили укрытия буров. Ни неудача Каррингтона, ни выход из строя единственного орудия, ни смерть отважного Аннета их не сломили. Британцы поклялись скорее умереть, чем поднять белый флаг. Судьба улыбнулась Австралийцам, как всегда улыбается храбрым и стойким. Вскоре солдаты Бродвуда, исполненные изумления и восхищения, въехали на позиции поредевшего, изнуренного, но несгибаемого гарнизона.

Когда австралийские поэты будут искать темы для своих баллад, пусть обратятся к Эландс-Ривер, поскольку в этой вой-

не трудно найти более яркий пример солдатской стойкости. И пусть они не пожалеют строк для 130 доблестных Родезийцев, сполна разделивших с Австралийцами славу и опасности этого деяния.

Майор Уолтер Тонбридж, фактически командовавший британцами у Эландс-Ривер

7-го августа Ян Гамильтон оставил Рустенбург, прихватив с собой людей Баден-Пауэлла. Стало ясно, что неразумно расплять силы, оставляя гарнизон в каждом городке. В тот момент все внимание армии сконцентрировалось на Де Вете и его броске в Трансвааль. Однако, перед тем как перейти к охоте на Де Вета стоит рассказать о менее значительных событиях, не укладываемых в канву основного повествования.

Одним из них стала акция у Фаберс-Пут, благодаря которой сэр Чарльз Уоррен подавил мятеж в Грикваленде. В малонаселенной местности с ее бескрайними просторами подавление волнений представляло собой труднейшую задачу, которую сэр Чарльз Уоррен смог решить, благодаря отличному знанию местных условий и интересов тамошних обитателей. Мы вдвойне радуемся успеху Уоррена, поскольку кроме победы он принес славу человеку, поседевшему на службе Империи (какой бы точки зрения мы не придерживались относительно его

действий на Спион-Копе). Командуя колонной, состоявшей преимущественно из солдат колониальных войск и йоменов, он преследовал мятежников до места, расположенного в двадцати милях от Дугласа. Здесь, в конце мая, противник неожиданно повернул навстречу и предпринял ожесточенную ночную атаку, при этом бургеры атаковали внезапно и решительно. Сумев отразить удар, генерал и его солдаты заслужили наше искреннее уважение. Бивак британцев был атакован на рассвете одновременно со всех сторон. Большая часть лошадей разбежалась. Вражеские стрелки укрывались совсем рядом. Ожесточенный бой продолжался около часа, после чего, бросив погибших товарищей, буры отступили. В этой акции, способной стать достойным испытанием даже для закаленных ветеранов, принимали участие четыре сотни волонтеров Герцога Эдинбургского, люди из Конницы Паджета, солдаты 8-го полка Имперской Йоменри, четыре канадских орудия и двадцать пять Скаутов Уоррена. Британцы потеряли восемнадцать человек убитыми, в том числе и полковника волонтеров Спенса, и тридцать ранеными.

*Канадские артиллеристы из батареи "Е",
раненные у Фаберс-Пут*

Несколькими днями ранее, 27-го мая, чуть западнее полковник Адей одержал победу в небольшой стычке у Кхейз. Эти успехи британского оружия положили конец открытому сопротивлению бургеров. 20-го июня командир буров –

Де Вилльер сдался сэру Чарльзу Уоррену вместе с двумя сотнями людей, оружием и боеприпасами. На какое-то время очаги пожара в колонии удалось затушить.

Остается упомянуть о нападениях на поезда и разрушениях железнодорожных линий – партизанской тактике буров, распространившейся из Оранжевой Республики на Трансвааль. 19-го июля потерпел крушение, к счастью, без серьезных последствий для пассажиров, поезд, следовавший из Потchefст-роома в Крюгерсдорп. Однако катастрофа, произошедшая 31-го июля, имела кровавый итог. Мчавшийся на полной скорости состав сошел с рельс. В этом печальном происшествии тридцать Шропширцев погибло, а тридцать семь получили ранения – потери, сравнимые с понесенными в достаточно серьезном бою. 2-го августа в нескольких милях южнее Кроонстада Сарел Тэрон со своими людьми пустил под откос состав, шедший из Блумфонтейна. Сгорели тридцать пять вагонов со снаряжением, и погибли или получили ранения шесть пассажиров (выздоровливающие солдаты). Подразделение конной пехоты некоторое время преследовало отряд противника (численностью около 80 человек) сумев убить и ранить нескольких бюргеров.

*Результаты диверсии на железной дороге.
Обратите внимание, перед локомотивом британцы
цепляли пустую платформу*

25-го июля буры предприняли решительную атаку на железнодорожный пункт выгрузки в тридцати милях восточнее Хейделберга, где Сотня Королевских Инженеров вела работы на мосту. Их прикрывали три сотни Дублинских Фузилеров под командованием майора Инглиша. В течение нескольких часов бюргеры при поддержке двух полевых орудий и "пом-пома" активно наседали на маленький британский отряд. Однако действия противника не произвели впечатления на стойкую ирландскую пехоту, а генерал Харт, прибывший вскоре с подкреплением, рассеял нападавших, которым, к сожалению, удалось увести свои пушки.

Следует признать, что к началу августа общая ситуация в Трансваале оставалась неутешительной. Спрингс, расположенный близ Йоханнесбурга, каким-то непостижимым образом, без боя, оказался в руках противника. Клерксдорп, важный пункт на юго-западе, также вернулся к противнику, а горстка людей, стоявшая там гарнизоном, сдалась без боя. Британцы вот-вот собирались бросить Рустенбург, и уже откатились от Зееруста и Отгос-Хупа, концентрируясь у Мафекинга. Однако последующие события доказали, что из этого не стоило делать трагедию. Лорд Робертс сосредоточил свои силы на жизненно важных задачах, не уделяя особого внимания второстепенным делам. Вполне очевидно, что на тот момент главными проблемами являлись поимка Де Вета и разгром армии Боты. Второе предприятие могло подождать, поэтому на две недели, пока летучие колонны британцев пытались изловить чрезвычайно активного и энергичного противника, все другие действия свернули.

В конце июля Де Вет укрылся вблизи Рейцбурга (семь миль южнее Вааль-Ривер), в местности с очень сложным рельефом. В это время у Фоурисберга еще продолжались активные операции против основной армии буров, и, как следствие, сил для уничтожения Де Вета не доставало. Однако кавалерия и конная пехота Китченера и Бродвуда вели за ним пристальное наблюдение. После капитуляции Принслоо у британцев высвободилось достаточное количество войск, и стало ясно, что останься Де Вет на месте, ему также придется сложить оружие. Отойти южнее бюргеры не могли, так как там отсутствовало подходящее убежище. С присущей ему отвагой Де Вет решил прорываться в Трансвааль, в надежде соединиться с Де ла Реем, или, пробившись севернее Претории, войти в контакт с армией Боты. В его отряде находился президент Стейн, которому происходившее должно было казаться совершенной фантазмагори-

ей – ведь его травили словно бешеную собаку там, где совсем недавно встречали, как почетного гостя.

Охрана президента Стейна

Отряд Де Вета обладал чрезвычайной мобильностью, каждый всадник имел запасную лошадь, а боеприпасы везли в легких "капских" картах. В начале августа британцы начали затягивать петлю, и Де Вет решил, что настало время действовать. Он устроил грандиозное шоу с возведением укреплений, введя в обман следивших за ним скаутов. А 7-го августа, передвигаясь налегке, Де Вет стремительно бросился к броду, носившему его имя, и ушел через Вааль. По пятам за ним неслась кавалерия и конная пехота Китченера. Метуэн в это время стоял у Потчестроома, где получил приказ блокировать броды с северного берега. Но когда британцы подошли к реке, выяснилось, что авангард противника уже переправился и оседлал отроги холмов, прикрывая переправу товарищей. Королевские Уэльские Фузилеры при интенсивной поддержке артиллерии брали гребень за гребнем, но Де Вет, до наступления темноты переправив свой обоз через реку, с непревзойденным мастерством оторвался от преследователей и устремился вначале на восток, а затем на север. 9-го числа противники вновь вошли в соприкосновение, и маленькие армии, словно два разъяренных терьера (пытавшийся вцепиться в ляжку ускользавшего противника Метуэн и скаливший зубы, огрызавшийся через плечо Де Вет), помчались на север по бескрайнему вельду. На каж-

дом гребне холма или копи бурские стрелки огнем отбрасывали наседавших преследователей, но как только местность становилась открытой, британские орудия вырывались вперед и пытались достать огнем цепочку ускользавших повозок. Непрерывный бой продолжался миля за милей, а другие британские колонны (Бродвуда и Китченера) все не подходили. Войска Метуэна численно уступали отряду Де Вета, но британцы продолжали погоню с удивительной энергией. Буров неизменно сбивали с высот, засев на которых, те пытались прикрыть отступление. Так двадцать Йоркширских Йоменов со штыками наперевес бесстрашно атаковали холм, хотя к вершине их осталось лишь двенадцать.

Всю ночь 9-го числа Де Вет уходил на север, избавляясь по пути от вышедших из строя повозок и обременявших его запасов. На встречающихся по пути фермах он менял истощенных животных. Утром 10-го Метуэн повернул западнее, отправив послание следовавшим за ним Бродвуду и Китченеру с предложением принять восточнее, чтобы зажать колонну буров в клещи. Одновременно генерал отрядил курьера (который, к сожалению, так никогда и не прибыл), к Смит-Дорриену, стоявшему у Банк-Стейшн, с просьбой преградить путь Де Вету. 11-го числа стало ясно, что, несмотря на все усилия пехотинцев Смит-Дорриена, прикрывавших железную дорогу, Де Вету удалось прорваться и оставить всех своих преследователей южнее. Но перед ним еще лежал Магалисбергский хребет, проходимый лишь в трех местах: через Магато-Пасс, Олифантс-Нек и Коммандо-Нек. Все три прохода находились в руках британцев, поэтому было очевидно: если Метуэн перекроет Де Вету лазейку, по которой тот намеривался уйти на запад, то неуловимый бур окажется в западне. Сзади его блокируют Бродвуд и Китченер, а с востока британская армия, стоявшая в Претории.

Метуэн продолжал действовать с большой энергией и рассудительностью. В три часа ночи 12-го числа он вышел из Фредерикстада и уже к пяти часам вечера во вторник (за шестьдесят часов) преодолел восемьдесят миль. Под его началом находилось 1200 всадников Колониальной Дивизии (1-й Бранта, Капские Конные Стрелки, Кафрские Стрелки, Пограничная Конница) и Йомены, плюс десять орудий. Пехота Дугласа шла следом. Эти отважные ребята, стремясь не ударить в грязь лицом, за семьдесят шесть часов покрыли шестьдесят шесть миль. Никто не смог бы приложить усилий больше, чем люди Метуэна. Каждый из них осознавал важность происхо-

дившего и стремился поскорее изловить хитрого бура, столь долго морочившего нам голову.

Коммандо-Нек

12-го числа авангард Метуэна вновь повис на хвосте Де Вета, возобновив прежнюю игру между заслонами бурских стрелков и нашей неутомимой артиллерией. Весь день бюргеры уходили через вельд, попятаям преследуемые британской конницей и пушками. Удачный выстрел 78-й батареи вывел из строя одно из орудий Де Вета, и бюргерам пришлось его бросить. Было взято много припасов, но еще больше буры сожгли вместе с фургонами. В тот день, с непрерывными стычками, противоборствующие армии прошли тридцать пять миль.

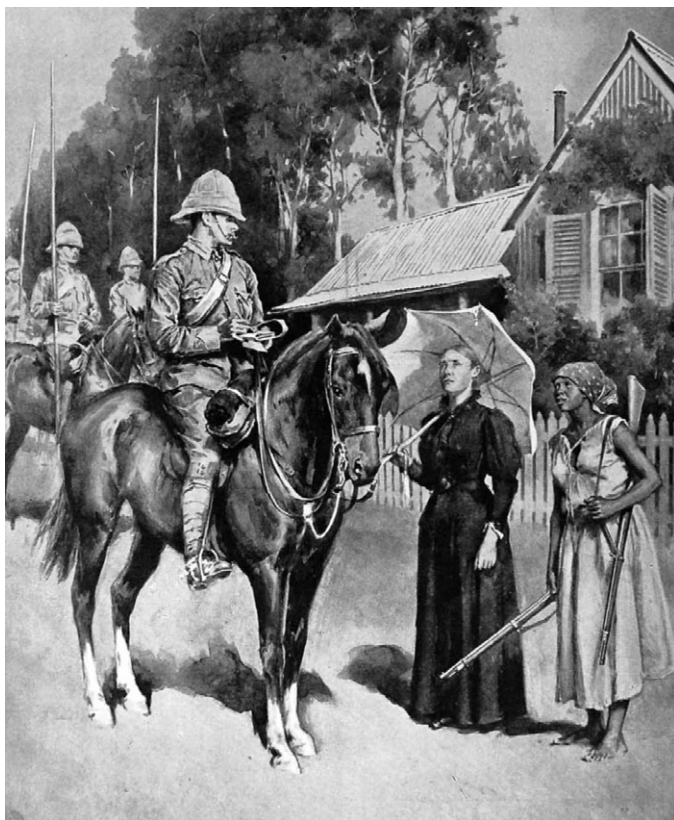
Само собой разумелось, что Олифантс-Нек удерживается британцами, поэтому Метуэн считал, что если он сможет блокировать Магато-Пасс, все будет в порядке. Он позволил Де Вету двигаться прямо, зная, что британцы по-прежнему будут висеть у того на хвосте, а сам продолжил движение, пока не достиг намеченной позиции. Теперь казалось, что удачливого рейдера, наконец, зажали в угол. Но, увы, жаль несбывшихся надежд, и жаль сил, напрасно растраченных доблестными солдатами Метуэна. Олифантс-Нек оказался свободным и Де Вет спокойно спустился через него на равнины, все еще контролируемые людьми Де ла Рея. Тщетно измученная колонна Метуэна преодолела Магато-Пасс и спешила к Рустенбургу. Противник вновь был в безопасности. Чья в том вина, и виноват ли кто-либо вообще – решит будущее. По край-

ней мере, мы можем воздать искреннюю хвалу лидеру буров за восхитительный маневр, каким он сумел избавить себя и своих людей от множества опасностей. 17-го числа, двигаясь вдоль северных склонов хребта, он возник перед Коммандо-Нек на Малой Крокодайл-Ривер, где потребовал от Баден-Пауэлла сложить оружие, на что британец ответил традиционными насмешками. Затем, повернув восточнее, Де Вет отважился пройти севернее Претории. 19-го о нем слышали у Хеброна. Однако Баден-Пауэлл и Паджет преградили ему путь и Де Вет (отослав от себя Стейна в сопровождении небольшого эскорта), повернул назад в Оранжевую Республику. 22-го числа сообщалось, что он с горсткой последователей по вьючным тропам вновь преодолел Магалисберг и ушел на юг. Наконец, лорд Робертс смог уделить все внимание Боте.

Отдых на марше

В течение первой половины августа было раскрыто два заговора буров, один в Претории, другой в Йоханнесбурге. Каждый имел целью поднять в городе восстание против британцев. Первый из них, более серьезный, предусматривавший похищение лорда Робертса, был раскрыт благодаря аресту его организатора Ганса Кордуа – германского лейтенанта Трансваальской Артиллерии. На наш взгляд, это преступление, принимая во внимание роль агента-provокатора, не заслуживало столь сурового наказания. Но постоянные нарушения слова, благодаря которому наши пленники вновь и вновь объявлялись на поле боя, требовали показательной расправы, и Кордуа был казнен скорее за обман доверия, чем за свой легкомысленный план. В то же время невозможно избавиться от чувства сожаления к юном идеалисту, умершему за чужое дело. Его расстреляли в саду тюрьмы Претории 24-го августа.

Вдова бюргера сдает его оружие (рисунок из "Sphere")

Новое и более строгое обращение лорда Робертса продемонстрировало, что британский командующий начал терять терпение из-за массового возврата на поле боя буров, отпущенных под честное слово. В обращении подчеркивалось, что в будущем подобное вероломство будет жестоко караться. Печально известен факт, что одного и того же человека брали в плен и отпускали несколько раз. У другого убитого в бою бюргера обнаружили в кармане девять подписанных пропусков. Именно против подобных злоупотреблений и были направлены суровые меры британцев.

НАСТУПЛЕНИЕ НА КОМАТИПООРТ

Наконец подошло время большого общего наступления, должного отбросить основную армию противника от железнодорожной ветки Претория – Делагоа. Таким образом, буров отрезали от источников снабжения и оттесняли в гористый Лиденбургский округ, считавшийся последним убежищем бюргеров. Перед тем, как выступить в один из самых трудных походов, лорд Робертс полностью обновил лошадей в кавалерии и конной пехоте. Когда все было готово, первый шаг сделал генерал Буллер, поведя армию натальских ветеранов от железной дороги на позицию, откуда его солдаты могли угрожать флангу и тылу Боты, если последний попытается остановить лорда Робертса. Кавалерия Буллера усилилась с прибытием Конницы Стратконы – великолепного отряда канадцев, созданного волей равнодушного к судьбе Империи аристократа, чье имя и носило подразделение.

Боец Конницы Стратконы

Эти люди отличались от бойцов других отрядов великолепным телосложением, притороченными к седлам лассо, ковбойскими стремянами и большими шпорами, распространенными на просторах Северо-Западных Равнин Канады.

В первую неделю июля Клери соединился с гарнизоном Хейделберга, в то время как Кук с 10-й бригадой, дойдя до самого Амерсфоорта, расчистил правую сторону железнодорожной линии. 6-го июля британцы восстановили Натальские коммуникации, а 7-го числа Буллер прошел Преторию и встретился с Главнокомандующим. Войска буров и их тяжелые орудия все еще угрожали железной дороге, и, пока их оттесняли, на участке между Флакфонтейном и Грейлингстадом произошло несколько небольших стычек. К середине июля окрестности железной дороги очистили от мародеров, пытавшихся разрушать мосты и рельсовый путь, а к концу месяца вся Натальская Армия вытянулась вдоль линий коммуникаций от Хейделберга до Стандертонна, накапливая достаточное количество фуража и транспортных средств, для марша на север.

8-го августа войска Буллера выступили на север от Паардекопа, гоня перед собой небольшой отряд буров с пятью пушками. Ценой двадцати пяти раненых (преимущественно из 60-го Стрелкового) враг был оттеснен, а городок Амерсфоорт захвачен. 13-го числа, двигаясь в том же направлении и встречая слабое сопротивление, Буллер овладел Эрмело. По-видимому, это наступление произвело нужное впечатление на жителей округа, поскольку 12-го числа Стандертонское командо численностью 182 человека сдалось Клери. 15-го, ведя небольшие бои, люди Буллера были у Твифелаара и овладели Каролиной. То там, то здесь, на оливкового цвета холмах, угадывался силуэт всадника, напоминавший, что за британцами ведется пристальное наблюдение, но, не считая одиноких выстрелов на флангах, боевых столкновений не было. Здесь Буллер вошел в контакт с кавалерией Френча, действовавшей от Мидделбурга, а чуть ранее, 14-го числа, установил гелиографную связь с бригадой Гордонцев.

Колонна Буллера приблизилась не только к своим товарищам, но и к главным силам буров, поджидавшим британцев в труднодоступном гористом районе, между Белфастом и Махадорпом. Из этой скалистой твердыни они выслали мобильные группы, беспокоившие приближавшихся с юга британцев. С каждым днем Буллер входил во все более тесный контакт с передовыми отрядами противника. 21-го августа он продвинулся на восемь миль к Белфасту. Действовавший на левом

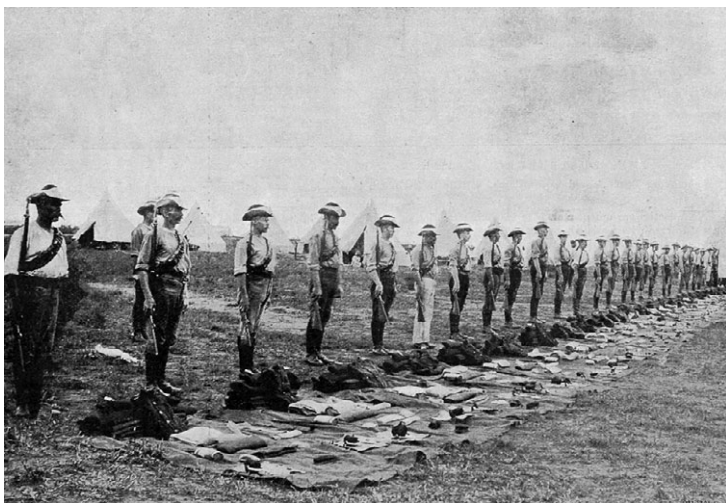
фланге Френч, столкнулся со значительными силами буров, но, используя кавалерию, конную пехоту и артиллерийскую поддержку, сумел оттеснить противника на север.

Церковь в Эрмело после взятия города британцами

Потери Френча составили от тридцати до сорока человек убитыми и ранеными (большой частью люди из 18-го Гусарского и Хайлендеры Гордона). В результате этого броска Френч оказался всего в пятнадцати милях южнее Белфаста. В то же время Пол-Карю с центральной колонной лорда Роберта продвигался вдоль железнодорожной линии и к 24-му августа, сломив незначительное сопротивление, оккупировал Белфаст. Вскоре он обнаружил, что противник оседлал горный хребет, лежавший между Белфастом и Далманутой, и демонстрирует все признаки подготовки к сражению, создав прочный фронт как на юге против Буллера, так и на западе против армии Роберта.

23-го числа попыткам буров сдержать наше продвижение на юг сопутствовал определенный успех. Весь день, не обращая внимания на сильный огонь противника, Буллер рвался вперед. Вечер застал его в шести милях южнее Далмануты – центра оборонительного рубежа бюргеров. Но, по злощастному стечению обстоятельств, с наступлением темноты две роты Ливерпульцев оторвались от своих товарищей, и попали под ожесточенный обстрел. Слишком вырвавшись вперед, они оказались на грани уничтожения. Ливерпульцы потеряли пятьдесят шесть человек, а тридцать два бойца, включая раненого капитана, попали в плен. В целом этот день стоил нам сто двадцать одного бойца.

Сроевой смотр в вельде

25-го августа стало ясно, что надвигаются важные события. В этот день лорд Робертс прибыл в Белфаст для встречи с Буллером, Френчем и Пол-Карю. Генерал изложил им свой план, и уже на следующий день (26-го августа) итоги встречи воплотились в ряд стремительных маневров, выдавивших буров с сильнейшей позиции, которую они имели с тех пор, как покинули берега Тугелы.

Орудия буров у Махадодорна

Наступление лорда Робертса велось, как обычно, двумя широко раскинутыми крыльями и мощным центром. Такой боевой порядок оставлял противника в сомнении, какой из его флангов будет действительно атакован. Если для усиления флангов буры решились бы оголить свой центр, над ними висела угроза фронтального удара, способного расколоть оборо-

ну. Френч с двумя кавалерийскими бригадами образовал левое крыло, Буллер – правое. В центре действовал Пол-Карю. В целом операция развернулась на фронте протяженностью в тридцать миль отвратительной местности. Возможно, лорд Робертс считал правый фланг буров самым сильным, поскольку, потеряв его, противник лишался возможности отступить к Лиденбургу. Исходя из этого, генерал нацелился на левый фланг противника. Удар 26-го и 27-го августа наносил Буллер.

В первый день наступления Буллер осторожно прощупывал подходы к позиции врага, а его люди провели ночь на только что отвоеванной земле. На следующий день, обнаружив, что дальнейшему продвижению препятствует высокий Бергендальский хребет, он тщательно подготовил атаку артиллерийским огнем и, лишь затем, пустил пехоту. Обе стороны сражались великолепно. У буров позицию удерживал отряд Йоханнесбургских Полицейских (в мирное время задиры и хвастуны, а во время войны настоящих героев). Шестьдесят орудий два часа вели огонь по участку шириной в несколько сотен ярдов. Полицейские, уцелевшие в адском огне, когда даже камни пожелтели от лиддита, тем не менее, стойко ждали наступающую пехоту. Они защищались прекрасно. 2-й батальон Стрелковой Бригады и Иннискиллингские Фузилеры – люди, прославившиеся у Питерс-Хилл, атаковали по открытому пологому склону.

Стрелковая Бригада в бою под Бергендалом

Под убийственным огнем доблестная пехота овладела позицией, хотя храбрый Меткалф (полковник Стрелков), восемь офицеров и семьдесят солдат были убиты или ранены. Лисли, Стюард и Кемпбелл пали, ведя свои роты в атаку – более дос-

тойную смерть трудно представить. Следует отдать должное ротам "А" и "В" Иннискиллингских Фузилеров, которые первыми ворвались на позиции буров.

Артиллерийская поддержка была спланирована прекрасно. Огонь орудий прекратился в самый последний момент. "94-фунтовый снаряд разорвался в каких-то тридцати ярдах перед нами, – рассказывал один из командиров рот, – вонь лиддита была ужасной". "Пом-пом" и двадцать пленных полицейских, включая командира – таковы трофеи, доставшиеся нам в этот день. Передовая линия обороны противника пала, и среди бюргеров поползли слухи о поражении и катастрофе. В мире нет людей мужественнее буров, но и они достигли предела человеческой выносливости. Многочисленные поражения на поле боя расшатали их нервы и ослабили боевой дух. Это уже были не те люди, что бросались на траншеи Спидон-Копы и мрачным январским утром сражались с защитниками Ледисмита у Кисарс-Кемп. Голландское упрямство не позволяло им сложить оружие, но, в то же время, они понимали, всю безнадежность борьбы. Почти пятнадцать тысяч их лучших людей попали в плен, а, по меньшей мере, десять тысяч вернулись на фермы, дав слово не участвовать в войне. Еще десять тысяч были убиты, ранены или стали инвалидами. Большинство иностранных наемников уехало. Под контролем буров оставался небольшой клочок страны, они потеряли контроль над железной дорогой, они испытывали нехватку продовольствия и боеприпасов. К такому состоянию за одиннадцать месяцев войны скатилась некогда грозная армия, столь уверенно выступившая на завоевание Южной Африки.

В то время как Буллер прочно утвердился на левом крыле бурских позиций, Пол-Карю двинулся вперед, на север от железнодорожной линии, а Френч добрался до Сварт-Копи на правом фланге буров. Эти операции 26-го и 27-го августа встретили некоторое сопротивление и стоили нам сорок или пятьдесят человек убитыми и ранеными. Но вскоре стало очевидным, что урок, полученный у Бергендала, подточил боевой дух буров, и эта неприступная позиция была покинута ими так же, как были покинуты другие. 28-го числа бюргеры отступили, и войска Буллера вошли в Махадодорп, где Крюгер столь долго сидел в своем президентском вагоне, торжественно заявляя, что вскоре двинется не на восток, а на запад. В тот же день, направившись севернее и оттеснив небольшой отряд буров, стоявший на ее пути, кавалерия Френча вошла в Ватерваллондер. Сквозь дождь и туман, британские колонны рвались

вперед, но армия буров по-прежнему оставалась нерасчлененной и сохраняла свою артиллерию. Она быстро отступала, но это не было бегством.

Кавалерия Френча у Махадодорна

30-го числа британские кавалеристы, находясь поблизости Ноойтгедахта, увидели длинную колонну оборванцев, спешившую к ним вдоль железной дороги. Это были пленные британцы общей численностью около 1800 человек, половина из которых попала сюда из-под Ватерваля, после падения Претории, а другая была прислана Де Ветом с юга и Де ла Реем с запада. Рассматривая обращение с пленными, следует принимать во внимание, что противник сам испытывал недостаток в провианте, но трудно оправдать жестокое обращение буров с пленными из колониальных войск, оказавшимися в их власти, или бессердечное отношение к больным пленникам у Ватерваля. Унизителен, но интересен факт, что за время войны в плену противника побывало не менее семи тысяч наших людей. Все они были освобождены, за исключением шестидесяти офицеров, которых буры увели с собой.

1-го сентября, обнаружив прокламацию (напечатанную еще 4-го июля), провозглашавшую Трансвааль частью Британской Империи, Лорд Робертс продемонстрировал, что, по его мнению, эти операции являются завершающим этапом войны. В тот же день генерал Буллер, приостановивший продвижение на восток и отошедший по собственным следам до самой Хелветии, двинулся на север, в направлении Лиденбурга, распо-

ложенного в пятидесяти милях к северу от железной дороги.

Британские военнопленные в лагере у Ноойтгедахт

Его войска прошли четырнадцать миль, выйдя на Крокодайл-Ривер у Бадфонтейна. 2-го сентября Буллер обнаружил, что упрямый Бота все еще продолжает сопротивление. Британцы столкнулись с настолько мощным артиллерийским огнем, ведущимся с неприступной позиции, что вынуждены были остановиться и ждать, пока какая-либо другая колонна не обойдет буров с фланга. Генерал считал, что дни бессмысленных фронтальных атак остались в прошлом, а его солдаты, по-прежнему готовые выполнить любой приказ, уже достаточно поработали в последних операциях. С 21-го августа почти каждый день они находились под огнем, и потери, пусть не слишком крупные в каждом отдельном деле, тем не менее, достигли 365 человек. Они форсировали Тугелу, освободили Ледисмит, преодолели Лаингс-Нек и теперь именно им выпала честь преследовать врага в его последней твердыне. Как бы мы не критиковали отдельные эпизоды Натальской кампании, не

стоит забывать, что на долю Буллера и его людей в этой войне пришелся ряд труднейших задач, и что эти задачи, в конце концов, всегда успешно решались. Полемика о злосчастном послании Уайту и память о потерянных у Коленсо орудиях не должны заслонять от нас деяний, совершенные этими людьми.

3-го сентября лорд Робертс, обнаружив, насколько сильна позиция, в которую уперся Буллер, приказал колонне Яна Гамильтона обойти ее справа. Кавалерийская бригада Броклехарста присоединилась к маневру Гамильтона.

Генерал-майор Дж. Ф. Броклхарст

4-го числа он зашел в тыл противнику на правом фланге, одновременно поддерживая сигналами связь с Буллером. Захват высоты Зваггенхок помог бы Гамильтону чувствовать себя увереннее. Непростую задачу ночной атаки поручили полковнику Дугласу и его славным Королевским Шотландцам. Это было повторение Спион-Коба, но со счастливым концом. На рассвете буры обнаружили, что их позиция стала непригодной для обороны и отступили, расчистив Буллеру дорогу на Лиденбург. Буллер и Гамильтон заняли город 6-го сентября. Силы буров разделились на две части. Большая, с орудиями, откатилась до Крюгерс-Пост, а меньшая отступила к Пилгримс-Рест. Среди окутанных облаками горных пиков и труднопроходимых ущелий две армии продолжали упорную борьбу за окончательную победу.

Иннискиллингские Фузилеры на марше

К северо-востоку от Лиденбурга, между ним и Спицкопом лежит сложный хребет, именуемый Маухберг. Здесь противник вновь занял оборону. Буры сделали больше, чем обещали: они всегда говорили, что будут сражаться до самого Лиденбурга, но теперь продолжали борьбу даже за ним. Правда, их сопротивление слабело. Даже этот прекрасный оборонительный рубеж не смог устоять под натиском Девонцев, Королевских Ирландцев и Королевских Шотландцев. Артиллеристы великолепно поддержали атаку. "Они действовали прекрасно, – рассказывал один из участников боя, – невозможно переоценить значение их поддержки. Огонь прекратился в самый последний момент. Мгновением позже они бы накрыли нас". Горные туманы спасли разгромленных бюргеров от непосредственного преследования, но высоты были взяты. В этот день, 30-го сентября, потери британцев составили тринадцать человек убитыми и двадцать пять ранеными, но из этих тридцати восьми человек не менее половины пришлось на долю одного

из тех злосчастных капризов судьбы, которые невозможно ни предвидеть, ни предотвратить. Шрапнель, выпущенная с невероятного расстояния, разорвалась как раз над колонной Волонтерской роты Гордонцев. Из строя выбыло девятнадцать человек, но следует отметить, что после такого неожиданного и ужасного удара доблестные Волонтеры спокойно и уверенно продолжили развертывание.

Окрестности Лиденбурга

9-го числа Буллер все еще пробивался к Спицкопу. Его орудия и 1-й батальон Стрелков подавили слабое сопротивление арьергарда буров. К 10-му числу он достиг Клипгата, расположенного посередине между Маухбергом и Спицкопом. Преследование велось настолько плотно, что, отступая через горные проходы, буры в спешке сбросили с утесов тринадцать вагонов с боеприпасами, чтобы те не достались британцам. Один раз казалось, что бурские орудия слишком задержались, прикрывая отход бюргеров. Люди из Конницы Стратконы подобрались к ним совсем близко. Буров спасла лишь невероятная выдержка и отвага их артиллеристов. "Когда наши кавалеристы находились едва ли в полумиле от первого орудия, – рассказывает очевидец, – и мы считали, что оно уже в наших руках, второй "Лонг Том" неторопливо развернулся и через голову своего брата открыл огонь по преследователям, плотной группой поднимавшимся от подножья холма. Великолеп-

ный и весьма действенный прием. Бросив нескольких раненых, кавалеристы тут же отступили. К моменту прибытия наших тяжелых орудий оба "Лонг Тома" беспрепятственно удалились".

Но стрелки буров не могли долго удерживать позиции. Устав от непрерывной напряженной одиннадцатимесячной борьбы, бюргеры, чувствуя себя поверженными, дезорганизованной толпой устремились на восток. Их объединяло лишь убеждение, что в столь отчаянном положении держаться вместе – спокойнее и безопаснее. Война, казалось, близилась к концу. 15-го числа Буллер, подойдя с севера, занял Спицкоп, захватив там большое количество разнообразных припасов, в то время как 14-го Френч с юга овладел Барбертоном, освободив последних британских военнопленных и, к тому же, захватив сорок неповрежденных локомотивов. Тем временем Пол-Карю, действуя вдоль железнодорожной линии, занял Каапмуиден – железнодорожный узел, где Барбертонская линия соединяется с линией на Лоренцо-Маркес. Отряд Яна Гамильтона, после овладения Лиденбургом и последовавшей затем стычки, повернул назад, предоставив Буллеру самостоятельно разбираться с противником. 24-го сентября Гамильтон достиг Коматипоорт. Таким образом, его люди, находясь в седлах с 9-го сентября, без передышки действовали на одной из самых труднопроходимых территорий.

Барбертон

11-го сентября произошло еще одно событие, должное продемонстрировать тем, кто еще верил в стойкость буров, что их дело окончательно проиграно. В тот день Пауль Крюгер, бежав из страны, которую он погубил, прибыл в Лоренцо-Маркес.

*Пилгрим-Рест ("Прощай мое величие")
рисунок из "Punch"*

Он бросил и разгромленных командос, и обманутых бюргеров. Сколь много всего случилось с тех времен, когда маленький погонщик вел упряжку в великий северный Трек. Сколь жалкий конец всех его усилий и интриг! Жизни, которая могла завершиться почитанием нации и восхищением всего мира, судилось окончиться в бессильном и недостойном изгнании. Должно быть, в последние часы бегства его одолевали разные мысли: воспоминания о доблестной и бурной юности, о первых поселениях на этих великих равнинах, о войнах с ди-

карями, в которых он сурово обходился с туземцами, о триумфальных днях войны за независимость, когда пули бюргеров, казалось навсегда, остановили Англию. Затем годы процветания, годы, когда простой фермер оказался среди сильных мира сего, а его имя обрело известность Европе. Его государство стало богатым и могущественным, а сундуки наполнились сокровищами, отобранными у бедных работяг, тяжело трудившихся и с готовностью плативших налоги. То были дни его величия. Дни, когда он ожесточил свое сердце и не слышал их взываний к справедливости. Именно в те дни он обратил свой взгляд на родственный ему народ, живший за границей Трансвааля, в надежде, что вся Южная Африка будет принадлежать ему. А чем все закончилось? Горстка преданных спутников и старый беглец, вцепившийся в бумаги и денежные мешки. Последний пуританин старого мира – он уходил, уткнувшись в зачитанную Библию, убежденный, что во всех бедах его страны виновна не его собственная узколобая и ограниченная администрация, а отход части собратьев-бюргеров от строгих догматов допперовской секты. Так Пауль Крюгер покинул страну, которую любил и которую, в конце концов, разрушил.

Пауль Крюгер с семьей в Европе

Пока главную армию Боты сталкивали с позиции у Махадорпа, рассеивали у Лиденбурга и Барбертона, на различных участках театра военных действий произошел ряд не связан-

ных между собой инцидентов, вполне достойных внимания. Главным из них стало внезапное возобновление военных действий в Колонии Оранжевой Реки, где отряд Оливера все еще бродил по северо-восточным районам. Хантер, двинувшийся на север после капитуляции Принслоо у Фоурисбурга, 15-го августа наткнулся на Оливера у Хейлбронна и в скоротечном бою потерял сорок человек, главным образом Хайлендерской Легкой Пехоты. На какое-то время британцы совершенно потеряли Оливера из виду, но 24-го августа тот атаковал небольшое подразделение Куинстаунских Стрелков под командованием полковника Ридли, проводивших рекогносцировку в окрестностях Винбурга. Колониальные солдаты прекрасно оборонялись. Засев в доме на ферме Хелпмакаар и заняв все удобные позиции вокруг нее, они приняли бой, несмотря на то, что противник имел более тысячи бойцов и три орудия, подтянутые бурами позднее. По дому выпустили сто тридцать два снаряда, но гарнизон отверг предложение о сдаче. Солдаты, участвовавшие в бою у Вепенера, утверждали, что, несмотря на меньший масштаб, бой у Хелпмакаара был гораздо ожесточеннее. Утром третьего дня подоспевшая освободительная колонна рассеяла врага. В этой акции британцы потеряли тридцать два человека убитыми и ранеными. Ничуть не обескураженный неудачей, Оливер направился к Винбургу и попытался им овладеть, но его коммандо вновь потерпело поражение и распалось, а сам Оливер с тремя сыновьями оказался в плену. Этим успехом британцы обязаны отваге и ловкости горстки Куинстаунских Волонтеров, устроивших засаду в донга и разоружавших буров по мере того, как те спускались в овраг (зеркальное отражение событий у Санас-Пост). Благодаря этой акции один из самых отважных и изобретательных голландских лидеров попал в руки британцев. К сожалению, биография Оливера запятнана постыдным нарушением договора, заключенного во время капитуляции Принслоо, и если бы не британское великодушие, то, вместо гостеприимства цейлонских плантаторов, его мог ожидать военно-полевой суд.

2-го сентября другое коммандо фристейтеров во главе с Фурье вышло из горного района на Басутолендской границе и напало на Ледибранд, охранявшийся маленьким гарнизоном в составе роты Вустерцев и сорока трех Уилтширских Йоменов. Буры, имевшие при себе несколько орудий, похоже, были тем же отрядом, что получил отпор у Винбурга. Майор Уайт, доблестный моряк, чьи боевые качества ничуть не ухудшились из-за отсутствия соленой воды, организовал оборону на одной

из высот на манер Вепенера и держался в высшей степени решительно. Силы были слишком неравны, и несколько дней нас не покидала тревога, что очередная унижительная капитуляция прервет череду британских побед, вдохновив буров на продолжение сопротивления. Бой шел далеко, и для оказания помощи требовалось некоторое время. Но темнокожие вожди, с вершин диких гор наблюдавшие за драмой, разыгравшейся вблизи их владений, вновь увидели, как отвага буров разбилась о стойкость британцев. Тонкая цепь бойцов (150 человек защищали рубеж протяженностью в полторы мили) достойно перенесла ожесточенный артиллерийский и ружейный огонь, отразила все атаки бюргеров и не спустила британский флаг. Наконец солдаты Уайта и Брюса Гамильтона пришли на помощь отважному гарнизону. Спеша к попавшим в беду товарищам, пехота Гамильтона за четверо с половиной суток преодолела восемьдесят миль.

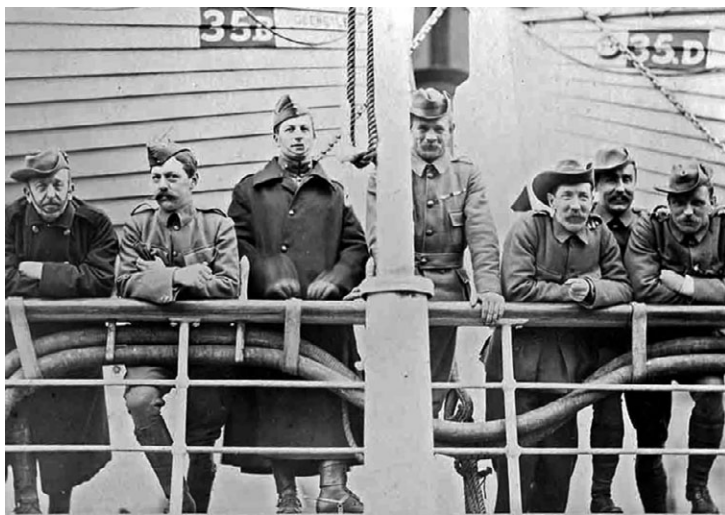

Пулеметный расчет выдвигается на позицию

Поджарые и выносливые, закаленные в боях, избавленные от искушения вином и женщинами на этой стадии кампании британские пехотинцы были настолько тренированные и передвигались так великолепно, что часто лишь немного уступали в скорости кавалерии. Лучший результат показали люди Метуэна во время преследования Де Вета. Тогда пехота Дугласа прошла шестьдесят шесть миль за семьдесят пять часов, Имперские Волонтеры Сити покрыли 224 мили за четырнадцать дней, при этом на один из переходов в тридцать миль они по-

тратили всего семнадцать часов. Сорок три мили в тридцать два часа у Шропширцев, сорок пять миль в двадцать пять часов у Эссексцев, вышеупомянутый марш Брюса Гамильтона и много других аналогичных примеров прекрасно иллюстрируют боевой дух и стойкость наших солдат.

Несмотря на поражение у Винбурга и отпор, полученный у Ледибранда, в Оранжевой Республике все еще оставалось изрядное количество доведенных до отчаянья, но несломленных бойцов, продолжавших укрываться в труднодоступной местности на востоке страны. Одна из таких партий, объявившаяся в середине сентября, попыталась перерезать железную дорогу возле Брендфорта. Их преследовал и разбил Макдоналд, которому в этой операции во многом помог отряд скаутов, набранных лордом Ловатом в Шотландии. Они взяли нескольких пленных плюс большое количество вагонов и волов. Остатки этой же партии бюргеров напали на небольшой пост у Булффонтейна, удерживаемый шестнадцатью Йоменами под командованием лейтенанта Слейтера, но британцы сумели продержаться до подхода помощи из Брендфорта.

*Скауты Ловата. Отплытие из Саутгемптона, Март 1900.
Второй справа лорд Ловат, четвертый – полковник Муррей*

В ходе этой серии операций буры и британцы сражались еще дважды. Один раз к северу от Претории, где командос Гроблера встретились с людьми Паджета. 18-го августа буры, понеся потери, были выбиты с Хорнис-Нек, расположенного в

десяти милях севернее столицы. А 22-го числа еще одно, более существенное столкновение, произошло в том же районе у Пинаарс-Ривер, где люди Баден-Пауэлла, гнавшиеся за Де Ветом, столкнулись с отрядом Гроблера. Авангарды бюргеров и британцев неожиданно, на полном скаку, налетели друг на друга, и их бойцы буквально заглянули в стволы противников. Доблестные Родезийцы, великолепно зарекомендовавшие себя в ходе войны, пострадали больше всех. Полковник Спрекли и еще четыре человека погибли, шесть или семь бойцов были ранены. Однако буры потерпели поражение и бежали, оставив победителям двадцать пять пленников.

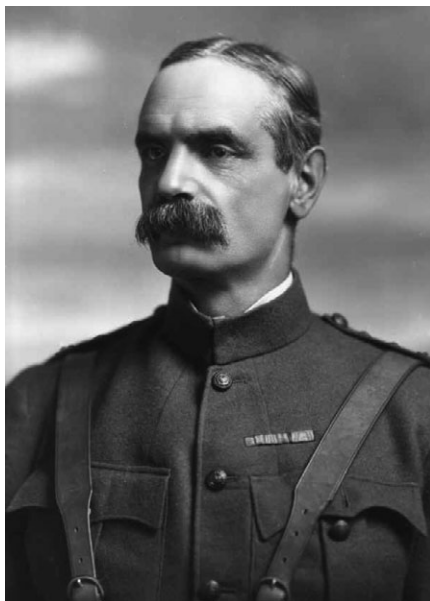

Полковник Спрекли

Баден-Пауэлл и Паджет продвинулись до самого Нилстрома, но, попав в дикую, безжизненную местность, вернулись к Претории, выставив самые северные британские аванпосты у места, называемого Вармбад. Командование взял на себя Паджет, а Баден-Пауэлл вскоре отбыл в Кейп-Таун готовиться к принятию под свое начало полицейских сил, создаваемых для поддержания порядка на завоеванных территориях. Соотечественники в Колонии с энтузиазмом встретили героя Мафекинга.

Пламер, небольшой колонной действовавший из Вармбада, 1-го сентября рассеял команду буров, взяв несколько пленных и большое количество военного снаряжения. 5-го сентября в тех же местах произошла еще одна стычка. Противник атаковал копи, удерживаемый ротой Мюнстерских Фузилеров, но

понес потери и был отбит. На этом театре военных действий британцы захватили несколько тысяч голов скота и отправили его в Преторию, обеспечив провизией сражавшуюся на востоке армию.

Полковник Гарольд Паджет

Тем временем западные провинции Трансвааля продолжали бурлить, и конный отряд, направленный в конце августа от Зееруста к Крюгерсдорпу, столкнулся с ожесточенным сопротивлением. После неудачной погони за Де Ветом, Метуэн дошел до самого Зееруста, а затем отвел своих солдат к Мафепингу для отдыха и пополнения. Однако, перед тем как покинуть Зееруст, он отрядил к Претории полковника Литтла. Эта колонна, сформированная из личного состава его собственной третьей кавалерийской бригады, включала Австралийцев Бранбанта (1-й полк), Кафрских Стрелков, батарею "R" Конной Артиллерии и четыре Колониальных орудия. Она сопровождала очень большой конвой "возвращаемого порожняка". Район, который предстояло пересечь британцам, считался одним из самых плодородных в Трансваале — земля, изобиловавшая прозрачными ручьями и апельсиновыми рощами. Но населявшие ее фермеры оказались многочисленными и воинственно настроенными. Колонна в 900 всадников, пробивая себе путь, ни

как не могла избавиться от снайперов, наседавших с флангов и тыла. В самом начале похода британцы лишились одного из своих доблестных командиров – полковника Литтла. Пуля нашла его, когда полковник ехал в авангарде вместе со скаутами. Командование конвоем принял полковник Далгети. Многочисленные разрозненные нападения завершились ожесточенной схваткой у Квагафонтейна, имевшей место 31-го августа. В этом бою британцы потеряли шестьдесят человек. Дело принимало серьезный оборот, так как, похоже, на колонну обратили внимание основные силы Де ла Рея. Основной удар приняли на себя Кафрские Стрелки. Но, ускорив движение, британцы смогли выкрутиться и благополучно добрались до Крюгерсдорпа. Следует признать, что на этот раз мы едва успели вырваться из волчьей пасти. Когда колонна уже вышла на открытое пространство, люди увидели, как орудия Де ла Рея несутся к проходу, через который только что прошли британцы. В дальнейшем этот отряд отправился на юг к Кроонстаду на отдых и пополнение.

*Имперская Йоменри за работой в Колонии Оранжевой Реки
(рисунок "Graphic")*

28-го августа, после долгих маршей и изнурительной работы, армия лорда Метуэна подошла к Мафекингу где надеялась восстановить силы. С момента выступления из Босхофа (14-го мая) люди непрерывно находились на марше и за это время

провели четырнадцать боев. 8-го сентября, со свежими лошадьми и прежней энергией Метуэн вновь вышел на "тропу войны", и уже 9-го числа вместе с генералом Дугласом рассеял отряд буров у Малопо, захватив тридцать пленных и большое количество припасов. 14-го числа он перехватил конвой противника, вернув одно из орудий, потерянных у Коленсо и большое количество боеприпасов. 20-го числа Метуэн вновь взял трофеи. Если на ранней фазе войны буры доставили Полу Метуэну немало горьких минут, то теперь он с лихвой возвращал долги. В то же время из Претории с небольшим мобильным отрядом выступил Клементс. Перед ним стояла задача расчистить Рустенбургский и Крюгерсдорпский районы – эпицентры постоянных волнений. Колонны Метуэна и Клементса металась по стране, гоня перед собой разрозненные отряды бюргеров и охотясь за ними, пока те полностью не рассеивались. Клементс провел успешные бои у Кекепоорта и Хексपोर्टа, потеряв в последнем лейтенанта Стенли из Йоменов (Сомерсетширского игрока в крикет, сумевшего, подобно многим другим, подтвердить старую истину, что хороший спортсмен всегда хороший солдат). 12-го числа Дуглас взял тридцать девять пленных вблизи Лихтенбурга. 18-го Рандл захватил орудие у Бронкхорстфонтейна. Харт у Потчестроома, Хилдьярд в Утрехтском округе, Макдоналд в Колонии Оранжевой Реки, повсюду британские генералы энергично гасили последние угли еще недавно грозного пожара.

Много беспокойства при не очень значительном реальном ущербе на этой стадии войны причинили нападения разрозненных бургских отрядов на железнодорожные линии. Реальное нарушения графика движения поездов было незначительным, поскольку неутомимые Саперы и толпы рабочих-басуто всегда находились под рукой и быстро исправляли повреждения. Гораздо серьезнее выглядели потери военного имущества, а иногда и жизней. Едва ли случался день без того, чтобы, машины или кочегары не становились жертвой снайперов, засевших на каком-нибудь копи. Иногда уничтожался весь состав*. Наиболее удачливым из рейдеров противника был неистовый Тэрон, командовавший многонациональным отрядом – той

* Мы очень надеемся, что власти позаботятся, и эти люди получат медали или иные награды, подтверждающие нашу благодарность за их верную службу. В Колонии Оранжевой Реки один из них, рассказывая мне о многих случаях, когда он оказывался на волоске от гибели, сокрушался, что память о его заслугах сотрется, как только исчезнет потребность в его службе.

самой шайкой, что, как уже упоминалось, уничтожила поезд в Колонии Оранжевой Реки. 31-го августа он пустил под откос еще один – южнее Йоханнесбурга у Клип-Ривер. При этом буры взорвали локомотив и сожгли тринадцать вагонов. Почти одновременно, у Кроонстада, был захвачен еще один поезд и стало ясно, что грозный Де Вет вернулся в свои охотничьи угодья. В тот же день бюргеры разрушили дорогу у Стандертонна. К счастью, несколько дней спустя безнаказанность, с которой совершались эти трюки, закончилась. При дерзком нападении близ Крюгерсдорпа, Тэрон и несколько его компаньонов расстались с жизнью.

Коммандант Дени Терон

Можно упомянуть еще о двух небольших эпизодах, имевших место в описываемый период. Одним из них стала ожесточенная стычка у Крааи-Рейлвей-Стейшн, в ходе которой майор Броук (Саперы) с сотней людей атаковал превосходившего по численности противника, засевшего на копи, и с потерями сбросил его оттуда – дело, (если говорить с полной откровенностью), еще шесть месяцев тому совершенно немыслимое. В другом случае мы имеем прекрасный оборонительный бой, в котором 125 Канадских Конных Стрелков, охранявших железную дорогу, были атакованы большим отрядом

буров с двумя орудиями. Канадцы еще раз продемонстрировали, что при наличии провизии, боеприпасов и мозгов даже самое маленькое, решительно обороняющееся подразделение, может оказаться достойным противником.

Канадские Конные Стрелки

Теперь всем стало очевидно, что дело буров ковыляет к концу. Бегство Президента ускорило начавшийся процесс распада. Схалк Бюргер вступил в должность вице-президента, а печально известный Бен Вилджоен стал первым помощником продолжавшего борьбу Луиса Боты.

Лорд Робертс опубликовал обращение, в котором чрезвычайно рассудительно доказывал бесполезность дальнейшего сопротивления, объявляя, что партизанские действия будут беспощадно преследоваться. Он информировал бюргеров, что уже не менее пятнадцати тысяч их соотечественников в качестве пленников находятся в руках британцев, причем ни один из них не будет освобожден, пока последняя винтовка не будет положена на землю. В ходе третьей недели сентября британские войска со всех сторон устремились к Коматипоорт – пограничному городу Трансвааля. Улицы Лоренцо Маркес заполнили странные люди в оборванной и затертой одежде, в боях под открытым небом проводившие почти год. Португальские обитатели взирали на них с изумлением и некоторой опаской. Беглецы, угрюмо бродя по улицам, могли видеть своего прези-

дента-изгнанника, сидевшего в углу губернаторской веранды, со знаменитой резной трубкой в зубах и Библией у кресла. Изо дня в день число беженцев росло. 17-го сентября в португальскую колонию прибыли специальные поезда, набитые потерявшими свои дома бюргерами и многочисленными наемниками – французами, немцами, американскими ирландцами и русскими, рвущимися домой. К 19-му числу через город проследовало не менее семи сотен человек.

На рассвете 22-го сентября коммандо Эрасмуса предприняло неуверенную попытку атаковать Эландс-Ривер-Стейшн, успешно отраженную гарнизоном. Пока шел бой, Паджет обрушился на кемп Эрасмуса и захватил все его запасы.

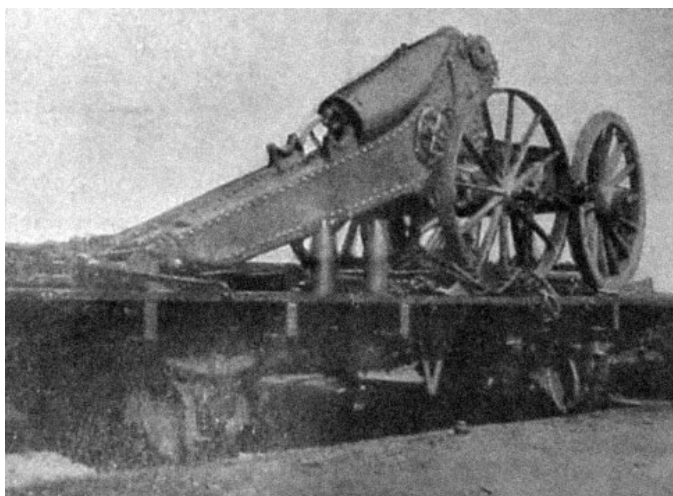
Со всех сторон: от Бушменов Пламера, от Бартона под Крюгерсдорпом, от Колониалов у Хейлброна, от Клементса на западе приходили похожие друг на друга донесения о подавлении сопротивления и покинутом скоте, оружии, боеприпасах.

Лафет 155-мм "Крезю", взорванного бурами при отступлении

24-го сентября в главе о Восточно-Трансваальской кампании была поставлена последняя точка. В восемь часов утра Пол-Карю и его Гвардейцы заняли Коматипоорт. Они совершили несколько отчаянных переходов, один из которых сквозь безводный густой буш, но никакие трудности не могли уменьшить радостное возбуждение этих людей. Им выпала честь, и эта честь в ходе кампании была ими полностью заслужена, занять самый восточный город буров. Британцы ожида-

ли встретить сопротивление и были к нему готовы, но зловещее приближение закаленной в боях пехоты лишило защитников города боевого духа. Коматипоорт был занят без единого выстрела. Мост, по которому войска могли получать снабжение через Лоренцо-Маркес, остался нетронутым. Генерал Пинаар и большая часть его отряда численностью около двух тысяч человек пересекли границу и отправились к Делагоа-Бей, где к ним проявили уважение, какого заслуживают отважные люди, попавшие в беду. Небольшие группы буров ускользнули на север и юг, но они были незначительными по численности и павшими духом. На какое-то время показалось, что кампания окончена. Но бюргеры обладали большей волей к борьбе и меньшим уважением к произнесенным клятвам, чем можно было предположить.

Остатки еще одного "Крезо"

Там же, возле Коматипоорт и Гектор-Спруйт на Крокодайл-Ривер, были сделаны находки величайшей важности. Великолепные орудия, столь умело противостоявшие нашей многочисленной артиллерии, были обнаружены взорванными и брошенными. Пол-Карю у Коматипоорт нашел одного "Лонг Тома" (96-ти фунтовый "Крезо") и одно меньшее орудие. Ян Гамильтон у Гектор-Спруита наткнулся на останки многих орудий, включая две наших двенадцатифунтовые пушки Конной Артиллерии, два больших "Крезо", два "Круппа", один скорострельный "Виккерс-Максим", два "пом-пома" и четыре горных орудия.

КАМПАНИЯ ДЕ ВЕТА

De Wet or De Wisp (рисунок "Punch")

Ожидалось, что рассеяние армии буров, захват их орудий, эмиграция многих бюргеров и отъезд иностранных наемников знаменуют собой окончание войны. Однако эти ожидания не оправдались. Южная Африка (а вместе с ней и Империя), продолжала страдать от бессмысленной партизанской войны. После великих и драматических событий предшествующей фазы борьбы Британца и Бура за власть над Южной Африкой, есть что-то мелкое в необходимости отвлекать внимание читателя

на разрозненные, рассеянные на огромном пространстве стычки, продолжавшиеся почти год, и унесшие с обеих сторон так много бесценных жизней. Рейды и нападения, питаемые скорее жадной мщеньем, чем надеждой на победу, навлекли на страну множество несчастий и страданий. Мы можем скорбеть по поводу отчаянной решимости храбреца скорее предпочесть смерть, чем покориться, но не нам, соотечественникам Херфорда и Уоллеса, ее порицать.

Многочисленные мелкие конфликты, по своему характеру существенно отличались от боев ранней стадии войны. Британцы хорошо усвоили полученные уроки и часто платили учителям той же монетой. Раз за разом сюрпризы преподносила не нация охотников, а "красношеие", чье неумение хитрить и ориентироваться в вельде столь долго являлось предметом насмешек и издевок. Год, проведенный среди копи и донга, не прошел даром. Заметно изменилось и соотношение потерь. Было время, когда в любом бою один к десяти казалось привычной для нас платой. Так было при Стромберге, так было при Коленсо, должно быть, так было бы и при Магерсфонтейне. Но на второй стадии войны баланс сместился в пользу британцев. Возможно, благодаря тому, что теперь они в основном оборонялись, возможно, метче стреляли, а возможно, бюргеры вели себя безрассуднее. В любом случае, факт остается фактом – каждое столкновение бесповоротно прорежало ряды буров, в то же время почти не сказываясь на полнокровности британских колонн.

Изменился и характер войны, вызвав у части наших соотечественников больше моральных страданий, чем самые черные дни неудач. Война ожесточилась, и в новых обстоятельствах британским командирам приходилось применять более суровые меры для подавления сопротивления. Трудно превзойти милосердие ранних воззваний лорда Робертса к жителям Оранжевой Республики. Но проходили месяцы, а буры не думали складывать оружие. Конфликт становился все бесчеловечнее. Каждая ферма являлась потенциальным фортом противника и базой его снабжения. Чрезвычайная мера (уничтожение ферм) в большинстве случаев применялась как наказание за конкретное преступление, например, предоставление убежища снайперам, или в качестве меры устрашения при защите железнодорожных коммуникаций, но в любом случае очевидно – женщины и дети, часто являвшиеся единственными обитателями ферм, не могли собственными силами предотвратить нападение на линии коммуникаций или удержать снайпе-

ров от стрельбы. Вполне возможно, буры умышленно проявляли активность в окрестностях тех ферм, об уничтожении которых они менее всего сокрушались. С точки зрения гуманизма, в политике разрушения не стоило заходить так далеко, а политические соображения выглядят еще весомее – бездомный бюргер угомонится последним, а семья, у которой сожгли дом, вряд ли будет сторонницей британского правления. С другой стороны, нетерпимость армии к тому, что она считала оскорблением милосердия, была чрезвычайно велика. Войска доказывали, что, если позволить женщинам на фермах снабжать снайперов на копи, эта война не кончится никогда. Партизанский, разбойничий характер борьбы, раздражал солдат. Хотя случаев самовольного насилия или несанкционированных разрушений было немного, но слишком часто приказы выполнялись с излишней суровостью. В целом, к гражданскому населению применялись репрессивные меры, безусловно оправданные с военной точки зрения, но которых цивилизованный человек не может не стыдиться.

Подготовка бурской фермы к взрыву

После рассеяния основной армии у Коматипоорт, под ружьем у противника все еще оставалось значительное число бойцов. Частью это были непримиримые бюргеры, частью иностранные искатели приключений, частью капские мятежники, страшившиеся британского закона больше, чем британских пуль. Эти люди, хорошо вооруженные, на хороших лоша-

дях, бродили по всей стране и действовали с такой энергией, что производили впечатление наличия у буров больших сил. Они пробирались в густонаселенные районы и приносили с собой свежие надежды и свежие бедствия согражданам вообразившим, что война уже далеко. Под принуждением непримиримых соотечественников, значительное число фермеров нарушило данное британцам слово, оседлало лошадей, оставленных им британской снисходительностью и вновь окунулось в борьбу, добавив свою честь к жертвам, уже принесенным на алтарь отечества.

"Неожиданная находка" на разоренной урской ферме

Описания стычек между разрозненными бандами и британскими отрядами настолько похожи друг на друга по сценарию и результатам, что их детальное изложение слишком утомительно и для писателя, и для читателей. В общих чертах можно сказать, что в течение нескольких месяцев не было ни одного британского поста в Трансваале и восточной части Колонии Оранжевой Реки, гарантированного от нападения бродячих стрелков. Не было конвоя, чувствовавшего себя в безопасности, и ни на одной из трех железнодорожных веток не было поезда, застрахованного от взорванных рельс и затаившейся сотни рейдеров с "Маузерами". Имея две тысячи миль железных дорог, нуждавшихся в прикрытии, множество гарнизонов, требовавших снабжения, обеспечивая эскортом каждый конвой, громадная британская армия в Южной Африке для теку-

щих операций могла выделить не так уж много отрядов. Эти отряды действовали в различных округах, зачастую далеко друг от друга. Каждая колонна была достаточно мощна для подавления местного сопротивления, но не вызывало сомнения, что в любой момент концентрация разрозненных сил буров поставит британцев в крайне затруднительное положение.

В общих чертах, диспозиция британцев в октябре-ноябре была следующей: Метуэн находился в Рустенбургском округе, Бартон действовал вдоль линии железной дороги от Крюгерсдорпа до Клерксдорпа, Сеттл был на Западе, Паджет – у Пинаарс-Ривер. Клементс у Магалисберга, Харт у Потчестрома, Литтелтон у Мидделбурга, Смит-Дорриен у Белфаста, Китченер у Ледибранта, Френч в Восточном Трансваале, Хантер, Рандл, Брабант и Брюс Гамильтон – в Колонии Оранжевой Реки. Каждая колонна занималась одной и той же работой – уничтожением небольших отрядов противника, поисками оружия, отселением беженцев в лагерь, сбором припасов и реквизицией скота. Некоторые из них сталкивались с организованным сопротивлением, некоторые нет. Действия каждой из колонн кратко описаны ниже.

Вначале я обращаюсь к операциям генерала Бартона, поскольку они будут лучшим введением к рассказу о действиях Христиана Де Вета, описанным в этой главе.

В октябре наиболее серьезные испытания выпали на долю британского генерала, прикрывавшего со своими верными фузилерами, ветеранами натальской кампании, железнодорожную линию от Крюгерсдорпа до Клерксдорпа. Этот большой участок, как показал опыт, оказался в равной степени уязвим для ударов, как со стороны фристейтеров, так и со стороны трансваалеров. 5-го октября Бартон вышел из Крюгерсдорпа с отрядом, состоявшим из Шотландских и Уэльских Фузилеров, пяти сотен всадников, 78-й батареи Королевской Полевой Артиллерии, трех "пом-помов" и 4,7-дюймового морского орудия. Две недели, в течение которых маленькая армия медленно двигалась вдоль железной дороги, вылились в одну непрерывную стычку. 6-го октября они сбросили противника с сильной позиции, при этом волонтерская рота Шотландских Фузилеров заслужила плодисменты ветеранов. 8-е и 9-е число вновь прошли в жарких перестрелках, главная тяжесть которых выпала на долю Уэльских Фузилеров, потерявших трех офицеров и одиннадцать солдат. Коммандос Доутвайта, Либенберга и Ван дер Мерве, казалось, задались целью измотать колонну во время ее перехода через Гатсрандский хребет. 15-го октября

бессистемная стрельба вновь переросла в стычку, в которой слава и победа достались Уэльсам вместе со знающей свое дело и энергичной Шотландской Йоменри. Шесть буров остались лежать на земле. 17-го октября колонна достигла Фредерикстада, где и остановилась. Днем, при заготовке провизии, британцы потеряли шестерых человек из Конницы Маршалла. Тем же вечером к колонне присоединились триста бойцов Имперской Легкой Конницы, подошедшие из Крюгерсдорпа.

Шотландский Йомен

До этого момента буры, постоянно следившие за колонной, хотя и досаждали британцам, но действовали не слишком решительно. Однако 19-го числа дело приняло неожиданный оборот. Британские скауты донесли об огромном облаке пыли, быстро движущемся от Вааль-Ривер в северном направлении. Вскоре его увидели все, и, по мере приближения британцы могли различить неясные очертания длинной колонны всадников. Темная одежда всадников и скорость движения выдавали в них буров. Тут же поползли слухи, что это ни кто иной, как сам Христиан Де Вет и его разбойники, с присущей ему дерзостью спешит в Трансвааль, намереваясь разгромить колонну Бартона.

Мы достаточно давно расстались с этим энергичным джентльменом в темных очках, но, поскольку повествование

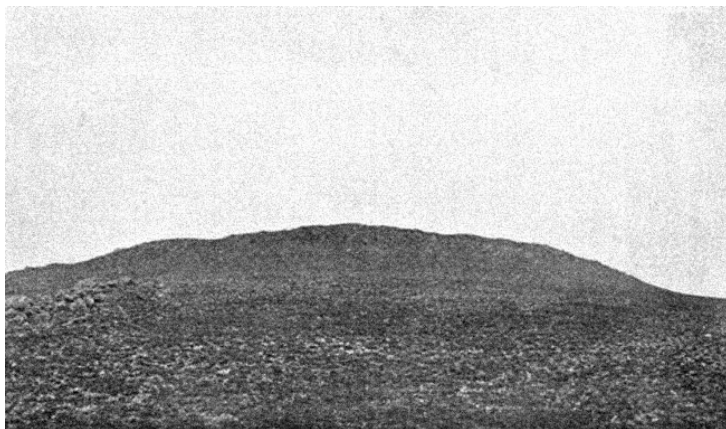
уделит ему немало внимания в будущем, стоит сказать несколько слов, освещающих прошлое. Уже упоминалось, как во время капитуляции Принслоо Де Вет улизнул из сети, в которую попались многие его соотечественники, и как яростно он уходил от погони за Вааль к Магалисбергу. Там он оторвался от преследователей, расстался со Стейном, отправившимся на восток к Крюгеру, а затем, к концу августа, вернулся в свой любимый район на севере Колонии Оранжевой Реки, где всегда мог рассчитывать на новых рекрутов. Здесь Де Вет таился почти два месяца, собирая и приводя в порядок свое разбросанное по всей Колонии коммандо. Теперь, вновь готовый воевать и снедаемый желанием уничтожить изолированную колонну британцев, Де Вет с двумя тысячами всадников скакал в клубящемся облаке, замеченном дозорными у Фредерикстадта.

Однако на этот раз перед знаменитым бюргером стояла задача серьезнее, чем те, что ему приходилось решать ранее. Здесь бурам противостояло не отдельное подразделение или слабый пост, а полностью укомплектованная небольшая армия, готовая к сражению. Едва прибыв на поле боя, бюргеры Де Вета спрыгнули с пони и, под прикрытием огня нескольких орудий, сразу же вступили в дело в своей обычной манере – невидимые, но эффективно действующие. Однако британские солдаты быстро сложили брустверы из камней, и, несмотря на ожесточенный огонь, ведущийся с нескольких направлений, смогли удержаться до наступления темноты. Ночью оборону укрепили. 20-го, 21-го, 22-го, 23-го и 24-го кольцо окружения сжималось. Буры практически полностью блокировали британцев, и стало понятно, что они ищут уязвимый участок.

25-го октября британцы располагались следующим образом: Шотландские Фузилеры удерживали южный гребень, генерал Бартон с остальными войсками занимал холм, стоявший в некотором отдалении. Их разделяла долина, где проходила железная дорога и протекал спруйт, из которого британцы брали воду. По обе стороны дороги были небольшие овраги. На рассвете седьмого дня выяснилось, что ночью их заняли снайперы противника, лишившие британцев водопоя для животных. У Бартона было два выхода: его людям следовало либо сменить позицию, либо выбить бюргеров из укрытий. Ни артиллерийский, ни ружейный огонь в данном случае помочь не мог. Оставалась надежда на штыки.

После полудня несколько рот Шотландских и Уэльских Фузилеров с разных направлений редкими цепями двинулись к оврагам. Рота капитана Бейли (Шотландцы) первая вызвала на

себя огонь бургеров. Дважды раненый, храбрый офицер продолжал идти вперед, пока третья пуля не оборвала его жизнь. Рядом с ним полегло еще шесть шотландцев. Затем под жестокий огонь попали другие роты, но, продолжая движение, они быстро сближались с противником. За войну можно припомнить не так уж много пехотных атак, лучших, чем эта. Вельд был совершенно плоским, а огонь скорострельных винтовок – ужасен. Фузилеры преодолели под огнем почти милю открытого пространства. Три доблестных офицера – Дик, Эллиот и Бест выбыли из строя. Но сдержать этот порыв буры не могли. Британцы достигли края оврагов и хлынули в них стремительным потоком. Теперь снайперы буров оказались в тяжелейшем положении. Они попали между молотом и наковальней. Для бегства оставался лишь один путь – по открытому вельду, и выбор, сделанный бургерами, много говорит в пользу их отваги. Буры предпочли белому флагу, гарантировавшему жизнь, рискованный бросок через пространство, где многим из них предстояло лишиться жизни.

*Фредерикстадт. Южный гребень,
удерживавшийся Шотландскими Фузилерами*

Последовавшая сцена по-своему уникальна. Полторы сотни бургеров выскочили из оврагов и бросились к месту, где укрывались их лошади. По ним стреляли винтовки, "пом-помы", над головами рвалась шрапнель... "черная бегущая толпа: пиджаки, накидки, ботинки, ружья, казалось, возникла из ниоткуда и мчалась в никуда, бросая по пути все, что мешало бежать". Один из выживших описывал, насколько ужасно было это дикое слепое бегство в тучах пыли, поднятой разрывами

снарядов. Тела павших отметили целую милю вельда. Британцы нашли тридцать шесть убитых и тридцать раненых бюргеров. Еще тридцать сдались в плен. Некоторые из них были настолько деморализованы, что, забежав на территорию госпиталя, сдались британскому врачу. По какой-то причине Имперская Легкая Конница замешкалась с преследованием. Выступила она вовремя, и, по мнению очевидцев, ни один бур бы не ускользнул. С другой стороны, возможно, ее командир не хотел мешать работе британских орудий.

Один из эпизодов этого боя, вызвал в свое время определенные толки. Небольшая партия Имперской Легкой Конницы под командованием капитана Йокни (эскадрон "В") настигла группу буров. Пять бюргеров подняли руки, Йокни проехал мимо и двинулся к их товарищам. Неожиданно пленники вновь схватились за винтовки и начали стрелять. Завязалась жестокая перестрелка, противники стреляли друг в друга практически в упор. Три бура были убиты, пять ранены, восемь взяты в плен. Из этих восьми троих на следующий день, по приговору военно-полевого суда, расстреляли, как вновь взявших оружие после сдачи в плен. Двое были оправданы. Хладнокровное убийство этих людей достойно сожаления, но, с другой стороны, какими иными методами можно поддержать соблюдение цивилизованных правил войны, если быстро и жестко не карать их вопиющее нарушение.

После жесткого урока Де Вет немедленно снял осаду и поспешил вернуться в свое любимое убежище. В тот же день к Бартону прибыло значительное подкрепление: Дублинцы, Эссексы, Конница Стратконы и "Илсвикская" батарея, вместе с долгожданным продовольствием и боеприпасами. Теперь в распоряжении Бартона имелось более тысячи великолепных всадников, и трудно понять, почему он не добил поверженного противника. Похоже, он недооценил плоды победы. Вместо немедленного преследования солдаты занялись усилением оборонительных рубежей. Общие потери британцев во всей операции не превышали сотни человек, и нет оснований считать, что их боеспособность сильно пострадала. Но, поскольку Бартон имел постоянную телеграфную связь с Преторией, возможно, его действия определялись полученными приказами.

Однако в этот раз Де Вету не судилось улизнуть с обычной безнаказанностью. 27-го числа, через два дня после отступления от Фредерикстадта на него, по чистой случайности, наткнулась кавалерия Чарльза Нокса и Де Лисли. Буры громадной бесформенной тучей неслись вдоль северного

берега Вааля, ища место для переправы, в то время как британцы, висая на хвосте, при каждом удобном случае поливали их шрапнелью. Темнота и разыгравшаяся гроза помогли Де Вету оторваться и перейти реку, но близость преследователь вынудила бюргеров бросить два орудия: одно из них "крупп", а второе британская двенадцатифунтовая пушка, потерянная у Санас-Пост. К восторгу артиллеристов, последнюю вернули в ее родную батарею "U".

Пересекши реку и оказавшись в родных местах, Де Вет, оторвавшийся от преследователей на семьдесят миль, посчитал, что находится вне досягаемости британцев, и остановился на отдых возле поселка Ботавилль. Но британцы не расставались с надеждой его поймать, и им улыбнулась удача. Сведения о местопребывании противника, похоже, были слишком туманны, поскольку за день до того, как британские скауты вновь обнаружили буров, генерал Чарльз Нокс с большей частью людей отвернул на север и не смог принять участие в последующих событиях. Конница Лисли также взяла севернее, но, к счастью, ушла не далеко. Вся слава акции, которую я собираюсь описать, выпала на долю третьего, наименьшего отряда конников под командованием Ле Галласа.

Генри Де Лисли

Возможно, направляясь на север, Чарльз Нокс и Де Лисли неожиданно для самих себя сбили буров с толку, поскольку те уверились, что британцы отступают. На самом деле так оно и было, если не считать отряд Ле Галласа, который перед тем, как признать, что противник сумел оторваться, решил в по-

следний раз пройтись южнее. И серым утром 6-го ноября майор Леан с сорока бойцами 5-го батальона Конной Пехоты наткнулся на трех измученных буров, спавших в вельде. Пленив этих людей и понимая, что обнаружил бюргерский аванпост, Леан продолжил движение и поднялся на холм, высившийся в нескольких сотнях ярдов дальше. Он и его люди увидели замечательную сцену. Перед ними лежал лагерь буров: люди спали, лошади паслись, пушки на передках, а вагоны распряжены.

Для раздумий времени не оставалось. Кафры-возницы уже встали и пошли к лошадам или разложили костры, чтобы приготовить утренний кофе для хозяев. С удивительной решимостью, имея всего сорок человек против более чем тысячи, Леан отправил гонца за подкреплением, а сам открыл огонь по лагерю. В мгновение ока лагерь превратился в растревоженный улей. Спавшие бюргеры вскочили на ноги, бросились к лошадям и галопом умчались в вельд, бросив и орудия, и вагоны. Однако наиболее стойкие остались и к ним вскоре присоединились те, чьи лошади убежали, и кому, таким образом, некуда было деваться. Буры заняли огороженный крааль и ферму и принялись яростно отстреливаться. К этому времени вернулись буры, ускакавшие в вельд и, осознав, насколько малочисленны нападавшие, начали обходить британцев с флангов.

Подошел Ле Галлас со своими людьми, но британский отряд все еще сильно уступал бюргерам в численности. Секция батареи "U" смогла сняться с передков и открыть огонь в четырех сотнях ярдов от позиции буров.

Ферма, которую обороняли британцы

Британцы не пытались атаковать, а удовлетворились удержанием позиции, с которой не позволяли противнику увести

орудия. Бюргеры отчаянно пытались сбить огнем тонкую, но решительную цепь стрелков. Противник сосредоточил стрельбу на небольшом каменном сарае, в котором засели британцы, и именно в его стенах Росс (Даремцы) получил ужасную рану разрывной пулей, и именно там пал отважный Ле Галлас. Незадолго до гибели он отрядил своего штабного офицера, майора Хики, поторопить подкрепление.

После ранения Росса и гибели Ле Галаса командование принял майор Тейлор (батарея "U"). К этому времени положение британцев было достаточно сложным. Значительные силы буров обошли их с флангов, одновременно ведя огонь из-за каменного забора в центре. Со стороны британцев в схватке реально участвовали: сорок человек 5-го батальона Конной Пехоты и два орудия в центре, сорок шесть человек 17-го и 18-го батальонов Имперских Йоменов на правом фланге и сто пять бойцов 8-го батальона Конной Пехоты на левом, или всего 191 ствол. Чтобы отразить фланговые атаки буров, крошечному отряду пришлось растянуть свой фронт на полмили, но бойцам придавала стойкости мысль, что товарищи уже спешат к ним на помощь. Тейлор, понимая, что для перелома хода событий необходимо напряжение всех сил, отправил в тыл приказ запарковать конвой, а всех людей, способных вести бой, отправить на усиление наиболее уязвимого правого фланга. Противник сумел подобраться к одному из орудий и уничтожил весь расчет, но горстка людей из Суффолкской Конной Пехоты под командованием лейтенанта Пиблиса сумела отстоять орудие. В течение часа противник наседал чрезвычайно сильно. Вовремя подошедшие две роты 7-го батальона Конной Пехоты помогли удержать фланги. Вскоре после этого во главе еще двух рот того же подразделения прибыл майор Уэлч, и дело потихоньку стало принимать благоприятный для нас оборот. Теперь буры оказались охвачены с флангов и были вынуждены отступить. К половине девятого Де Лесли, чьи люди проскакали почти двадцать миль, привел с собой несколько рот Австралийцев, тем самым решив исход боя. Даже дым прусских орудий под Ватерлоо едва ли был столь желанным зрелищем, как облако пыли, вздымаемое всадниками Де Лесли. Оставался нерешенным вопрос, сумеют ли извернуться буры, засевшие за каменной оградой и в фермерском доме, в центре позиции. Бюргеров обстреливали, но, как часто случалось и ранее, против каменных стен шрапнель оказалась совершенно бесполезным боеприпасом. Оставался только штурм. Небольшая решительно настроенная штурмовая партия

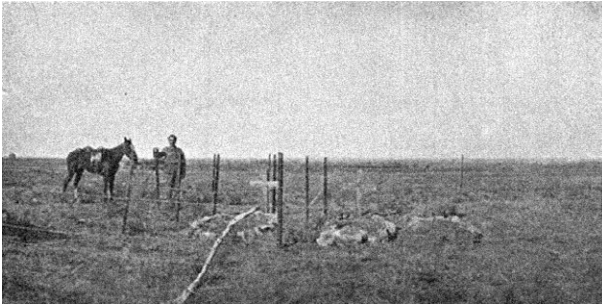
численностью в пятьдесят человек (половина британцы, половина австралийцы), примкнув штыки, уже ожидала условного свиста, чтобы броситься в атаку, когда над фермой взвился белый флаг, и все было кончено. Наученные неоднократными трагическими случаями британцы, несмотря на сигнал капитуляции, по-прежнему лежали за укрытиями. "Выходите, выходите!" – кричали они бюргерам. Один за другим из-за ограды вышли восемьдесят два бюргера, считая раненых, общее число пленников достигло 114 человек. От двадцати до тридцати бюргеров были убиты. В качестве приза победителям достались шесть орудий, "пом-пом" и около 1000 голов скота.

Подполковник 8-го Гусарского полка Филип Ле Галлас

Эта великолепная небольшая акция продемонстрировала, что британская конная пехота достигла великолепной формы и могла играть на равных и даже переигрывать буров на их собственном поле. Уступая противнику в численности, они смогли сдерживать его в течение нескольких часов, а затем, когда силы уравнились, вынудили бюргеров отступить и бросить орудия. Этим успехом мы в значительной мере обязаны майору Леану, сумевшему быстро отыскать лагерь противника и майору Тейлору, умело руководившему боем в самый крити-

ческий момент. Но более всех достоин чести павший в бою Ле Галлас, сумевший заразить каждого бойца собственным духом безрассудной отваги. "Если я умру, передайте моей матери, что мы взяли их пушки, и я умер счастливым", – таковы были его последние слова. Британцы потеряли двенадцать человек убитыми (из них четыре офицера) и тридцать три ранеными (семь офицеров). В числе павших оказался майор Уэлч – воин, подававший большие надежды и обожаемый своими людьми.

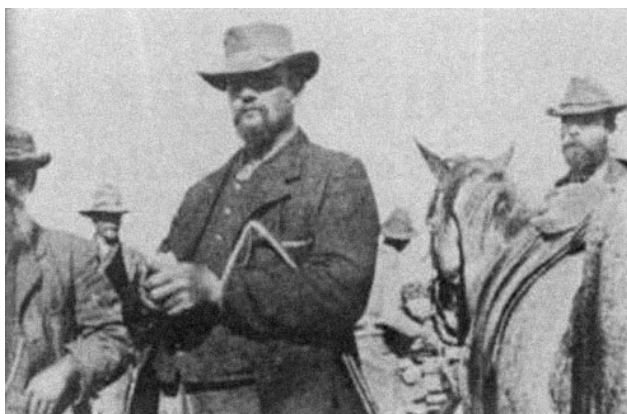
Могилы Ле Галласа у Ботавилля

Последовав сразу же за неудачей у Фредерикстадта, эта акция оказалась для Де Вета тяжелым ударом. Наконец, британцы начали хоть как-то расплачиваться с отчаянным рейдером, но, до того как счет окончательно закроют, обеим сторонам придется еще немало потрудиться.

Де Вет ускользнул на юг, но прошло совсем немного времени, как он вновь доказал, что представляет собой силу, с которой нам стоит считаться. Пренебрегая хронологией, для создания более ясной общей картины, я продолжу описание действий Де Вета с момента потери им орудий у Ботавилля, а лишь затем вернусь к изложению хода кампании в Трансваале и краткому перечислению разрозненных и не связанных между собой акций, нарушающих общий ход повествования. Однако перед тем, как последовать за Де Ветом, коснемся общего положения дел в Колонии Оранжевой Реки и некоторых событий, имевших там место.

Под мудрым и спокойным руководством генерала Претимена фермеры юга и запада вернулись в свои дома, и какое-то время казалось, что на территории значительной части колонии, наконец, наступил мир. Граждане охотно платили необременительные налоги, школы приняли учеников, и вновь заявила о себе "партия мира", наиболее заметными сторонниками

которой выступали Фразер и Пит Де Вет – брат непримиримого Христиана.

Генерал Пит Де Вет в командо

Не считая командо Де Вета, в Колонии Оранжевой Реки, казалось, не было крупных боевых формирований противника, но в начале октября 1900 маленький, очень мобильный и боеспособный отряд буров обошел восточные аванпосты британцев и нанес удар по южной линии коммуникаций, а затем, появившись на западном фланге, где только возможно, атаковал каждый изолированный и слабо защищенный городишко, попадавшийся ему на пути. Попутно рейдеры интенсивно рекрутировали людей из округа, едва тронутого тяготами войны, который своим процветанием свидетельствовал о мягкости британского правления. Этот отряд без боя обошел Вепенер – злополучное для буров место, а дальнейшее его движение легко проследить по серии боевых столкновений.

1-го октября угроза нависла над Роуксвиллем. 9-го подвергся нападению аванпост Чеширской Милиции, и на несколько часов прервалось железнодорожное сообщение в окрестностях Бетули. Неделий позже бурские рейдеры отметились вблизи Филлиполиса, Спрингфонтейна и Ягерсфонтейна (последний город был занят ими 16-го октября, а британский гарнизон засел на ближайшем копи). Город был вновь отбит у врага Кингом Холлом и его людьми (Сифортские Хайлендеры и полицейские). В ходе ожесточенных уличных перестрелок от двадцати до тридцати человек с каждой стороны были убиты или ранены. 19-го октября серьезной атаке подвергся Фауэр-смит, но, будучи в надежных руках Сифортцев, город остался

за британцами. Между 18-м и 24-м октября последовала серия нападений на Филлиполис, но мистер Гостлинг во главе сорока гражданских лиц великолепно организовал оборону. Почти неделю эти доблестные бойцы противостояли шестистам бурам, пока осада не была снята колонной, прибывшей по железной дороге. Однако не все столкновения закончились для британцев так же успешно, как вышеупомянутые.

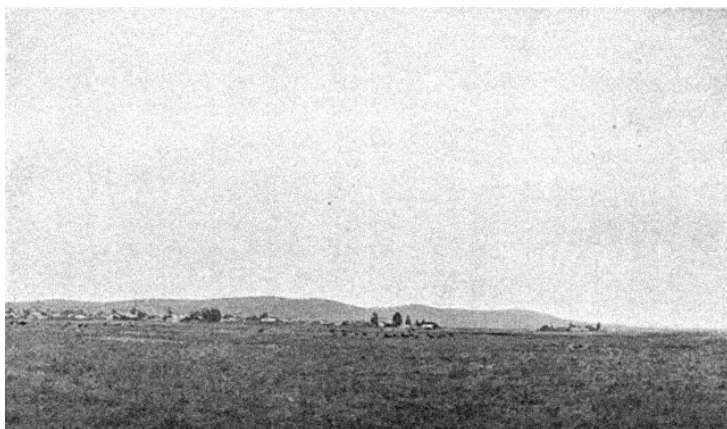
24-го октября попала в засаду партия кавалеристов, принадлежавших к различным подразделениям. На следующий день атаке подвергся Якобсдал, при этом британцы понесли значительные потери. Противник вошел в город ночью и занял дома вокруг центральной площади, на которой располагался кемп гарнизона, состоявшего из шестидесяти Кейптаунских Хайлендеров. Когда рассвело и буры открыли огонь, эти люди оказались в безвыходном положении. Спротивления практически не было, но в течение часа по палаткам, за которыми пытались укрыться британцы, велся ожесточенный огонь. Дело больше походило не на бой, а на избиение. Две трети людей из маленького отряда были убиты или ранены. Количество нападавших, по-видимому, также было невелико, поскольку при подходе со стороны Моддер-Ривер британского отряда они сразу же исчезли.

После бойни устроенной в Якобсдале, враг направился к Кимберли, где 1-го ноября захватил небольшой конвой. Страна бурлила, и для ее усмирения на юг отправили колонну Сеттла. Таким образом, мы отследили, как маленький циклон, зародившись в традиционном эпицентре бурь на северо-востоке Колонии Оранжевой Реки, обрушиваясь на наши посты, пронесся по всей стране, и, в конце концов, затих на другом краю театра военных действий.

Теперь вернемся к Де Вету. Последний раз мы встречались с ним 6-го ноября, когда он уходил от Ботавилля, лишившись орудий, но не решимости продолжать борьбу. Перейдя железную дорогу и, по счастью, не перехватив при этом ни одного состава, он отправился в восточную часть Колонии Оранжевой Реки, которая вновь находилась под контролем его соотечественников. Здесь, в окрестностях Табанчу, он смог пополнить свой отряд свежими людьми (возможно, командос Хаасбрука и Фурье, у которых к тому же имелось несколько орудий). Во главе этого мощного отряда он напал на британский гарнизон в Деветсдорпе, городке в сорока милях юго-восточнее Блумфонтейна.

Де Вет атаковал город 18-го ноября, а 24-го числа, после

упорной обороны, Деветсдорп пал. Несколько небольших британских колонн были посланы на юго-восток колонии, но ни одна из них не успела предотвратить поражение – труднообъяснимый факт, поскольку городок находился на расстоянии дневного перехода от Блумфонтейна. Поселение с западной стороны окаймлено полукольцом крутых скалистых холмов, прорезанным в центре глубоким оврагом. Позиция, занимаемая британцами, была слишком растянута и имела тот фатальный недостаток, что потеря любой ее части означала потерю всей позиции. Гарнизон состоял из роты Хайлендерской Легкой Пехоты, занимавшей южный сектор полукольца, и трех рот 2-го батальона Глостерцев, стоявших в центре и на северном участке. Кроме того, британцы располагали двумя орудиями 68-й батареи, людьми из Королевской Ирландской Конной Пехоты и горсткой полицейских. Таким образом, общая численность гарнизона под командованием майора Масси превышала четыре сотни человек.

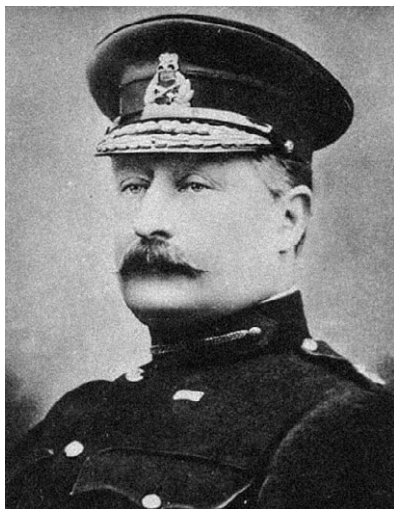

Деветсдорп, видны холмы с западной стороны городка

Атака началась с края гребня, удерживаемого ротой Хайлендеров. Каждую ночь бурские стрелки подбирались ближе, и каждое утро положение британцев становилось все отчаяннее. К 20-му числу гарнизон оказался отрезанным от воды, хотя по ночам добровольцам еще удавалось ее доставать. Жажда в душных траншеях была невыносимой, но, несмотря на пересохшие языки и почерневшие губы, гарнизон продолжал сражаться. После атаки буров 22-го числа Хайлендеры не могли более удерживать рубеж и отошли. На следующее утро их позиции заняли бюргеры, и весь гребень оказался во власти про-

тивника. Из восемнадцати человек, обслуживавших одно из британских орудий, шестнадцать были убиты или ранены. Последние выстрелы были сделаны сержантом-ветеринаром, который сам подносил снаряды, заряжал орудие и стрелял. Весь день британцы держались, но, в конце концов, безнадежное положение и жажда вынудили их поднять белый флаг. В половине шестого гарнизон, потеряв около шестидесяти человек убитыми и ранеными, сложил оружие. Насколько известно, британцы не предприняли попыток повредить два орудия, доставшиеся противнику. Де Вет одним из первых вошел в британские траншеи, и пленники с интересом рассматривали невысокого крепкого человека в темном фраке и приплюснутом котелке – одного из самых легендарных бурских командиров.

Однако с нескольких сторон уже подходили британские колонны, и Де Вет сразу же исчез. 26-го числа генерал Чарльз Нокс с пятнадцатью сотнями бойцов вновь занял Деветсдорп.

Командир 13 бригады генерал-майор Нокс

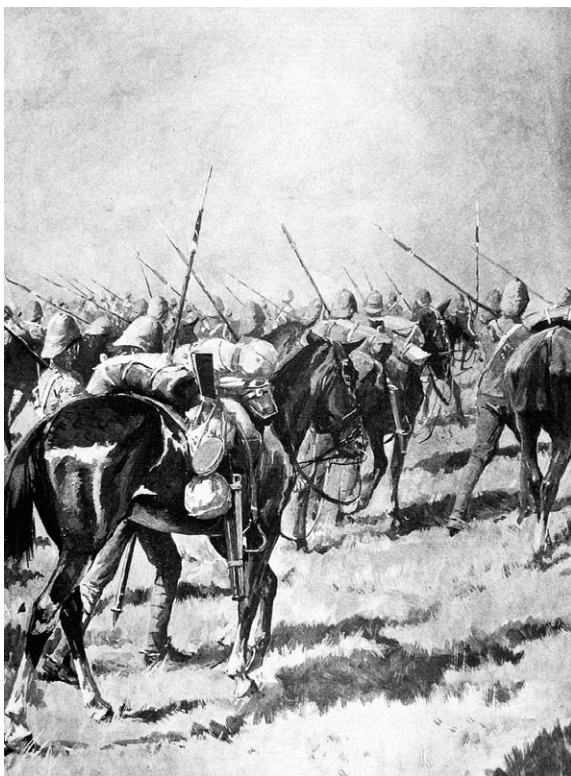
Де Вет выигрывал два дня, но Нокс двигался настолько быстро, что 27-го октября догнал бурав у Ваалбанка, где обстрелял их лагерь. Однако Де Вет вырвался и, без передышки уходя на юг в течение восемнадцати часов, сумел сбросить преследователей с хвоста. В это время с ним было около восьми тысяч бюргеров под командованием Хаасбрука, Фурье, Филипа Боты и Стейна. Стало очевидным, что генерал, вместе с измученными пленниками и не успевшими еще завянуть лаврами

победителя у Деветсдорпа, намеревается вторгнуться в Капскую Колонию. Исполнению его плана во многом способствовала наша непростительная беспечность и непонимание факта, что в этой стране лошадь – такое же оружие, как и ружье. На фермах оставалось большое количество лошадей, и Де Вет мог легко получать свежих животных взамен требовавших отдыха. Лошадей было столько, что многие буры имели в своем распоряжении по две-три. Можно с уверенностью сказать, что недооценка роли лошади неминуемо ляжет большим темным пятном на репутацию наших военных экспертов. Наше собственное, не имеющее оправдания, фантастическое попустительство продлило эту войну на многие месяцы, стоив британскому народу многих жизней и многих миллионов фунтов.

Плану Де Вета вторгнуться в Капскую Колонию не удалось реализоваться, поскольку этот негибачый человек сам же его и разрушил. Несколько небольших, но мобильных британских колонн – Пилчера, Баркера и Херберта под общим управлением Чарльза Нокса прилагали отчаянные усилия, пытаясь перехватить бюргеров. Под проливными дождями, превратившими каждый спруйт в реку, а каждую дорогу в болото, британские конники мужественно исполняли свой долг. Торопясь на юг, Де Вет переправился через Каледон-Ривер и направился к Одендаал-Дрифту. Но Нокс, после стычки у Ваалбанка, также быстро пошел на юг к Бетули, и теперь, имея три мобильные колонны и обширную сеть скаутов и патрулей, был готов нанести удар в любом направлении. На несколько дней он потерял бюргеров из виду, но заранее принятые меры позволяли обнаружить противника при первой же попытке Де Вета пересечь железную дорогу или подойти к реке. 2-го декабря Нокс получил надежную информацию, что Де Вет перешел Каледон, и британские колонны немедленно бросились по свежему следу, контролируя фронт шириной в пятнадцать миль. 3-го и 4-го числа, несмотря на ужасную погоду, две маленькие армии, утопая в грязи и не обращая внимания на хлещущий в лица дождь, с трудом тащились по вельду.

Проведя ночь без крыши над головой – продрогшие, промокшие до нитки, солдаты падали на мокрую землю, пытаясь урвать несколько часов сна перед возобновлением бесконечной гонки. Брод через вздувшуюся от дождей Каледон-Ривер бурлил, но если здесь прошел Бур, значит, обязан пройти и Британец. Тридцать орудий направились к реке и совершенно скрылись в кофейных волнах, но вскоре их стволы уже поблескивали на южном берегу. Повсюду виднелись следы движе-

ния противника – брошенные охромевшие или загнанные лошади, покинутая у брода "крупповская" пушка. Деветсдорпские пленники, отпущенные на свободу и теперь, в изношенных ботинках, с растертыми, перевязанными обмотками ногами, ковляющие навстречу соотечественникам. Горько говорить, но с пленниками обращались жестоко и грубо, что выглядит особенно контрастно на фоне беззлобного приема, оказываемого Британским Правительством невольным гостям.

Преследуя Де Вема ("Illustrated London News")

6-декабря Де Вет, наконец, достиг Оранжевой Реки, на целый день опередив своих преследователей, но лишь для того, чтобы убедиться в тщетности затраченных усилий. У Одендаала, где он надеялся переправиться, река была слишком полноводной, а на противоположном берегу развевался британский флаг. Это укрепленный, хорошо укомплектованный пост Гвардейцев с нетерпением поджидал неуловимых бюргеров. Ментально поняв, что игра проиграна, лидер буров, резко раз-

вернувшись, ушел на север. У Роуксвилля он заколебался, стоит ли трогать маленький британский гарнизон, но командовавший британцами Рандл не проявил признаков слабости и Де Вет направился к Коомасси-Бридж через Каледон-Ривер. Маленький гарнизон, прикрывавший мост, не позволил себя запугать, и буры, нахлестывая лошадей, поскакали дальше и пресекли реку через брод у Амстердама. Их арьергард переправился на другой берег едва ли не на глазах Нокса, уже подошедшего к Каледон-Ривер.

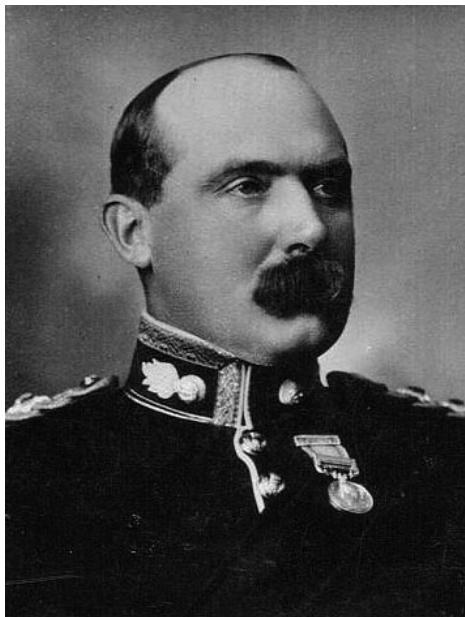

Переправа через Каледон-Ривер

10-го числа британцы вели бой с прикрытием буров у Хелветии. 11-го числа противники промчались через Реддерсберг с разницей в несколько часов. Буры в этой гонке по пересеченной местности двигались очень быстро, или, как говорил один из их пленников, "неслись сломя голову". А поскольку бюргеры с непревзойденными мастерством управляют волами и мулами и настолько хорошо знают местность, что способны двигаться и ночью, мы можем по достоинству оценить настойчивость людей Нокса, умудрившихся две недели висеть на хвосте противника.

Теперь стало очевидно, что у британцев мало шансов догнать бюргеров, поэтому была предпринята попытка

подключить свежие силы, способные их перехватить. Между Табанчу и Ледибрандом располагалась линия постов, кроме того, там же дислоцировалась мобильная колонна полковника Торнейкрофта.

Полковник Торнейкрофт

Нокс планировал помешать бурам прорваться на запад и надеялся загнать их к басутской границе. Небольшая колонна Парсона, посланная Хантером из Блумфонтейна, принялась давить на фланг Де Вета, 12-го числа вернувшегося к Деветсдорпу. Преследование вновь становилось горячим, но время Де Вета еще не пришло. Он направился к Спрингхаан-Неку, в пятнадцати милях восточнее Табанчу. Этот проход имел ширину около четырех миль, обе стороны прикрывались британскими фортами, между которыми пролегал единственный путь к спасению, поскольку конная пехота и уланы Нокса уже виднелись на южном горизонте. Без колебаний отряд бюргеров (к этому времени насчитывавший около 2500 человек) увеличил интервалы между всадниками, пустил лошадей галопом и на полном скаку устремился через Нек, игнорируя огонь британских стрелков и орудий, ведущийся с дальней дистанции. Бюргеры поступили подобно генералу Френчу при его броске к

Кимберли, и получили такой же великолепный результат. Успех был полный. Люди Де Вета преодолели последний барьер и исчезли в горной стране у Фиксбурга, где могли спокойно отдохнуть и привести себя в порядок.

В результате этих шумных и суматошных операции Де Вет и его люди сумели выжить, но их план вторжения в Колонию потерпел крах. Бюргеры потеряли около пятисот лошадей, два орудия и около сотни людей. Коммандо Хаасбрука было отправлено для отвлекающего прорыва через другой проход, маскирующего основной бросок сквозь Спрингхаан. Отряд Парсона погнался за Хаасбруком, настиг его и завязал бой, но под покровом ночи бурский командир сумел оторваться и присоединиться к своему лидеру севернее Табанчу. 13-го декабря вторая большая облава на Де Вета, можно сказать, завершилась.

ПАРТИЗАНСКАЯ ВОЙНА В ТРАНСВААЛЕ. НООЙТГЕДАХТ

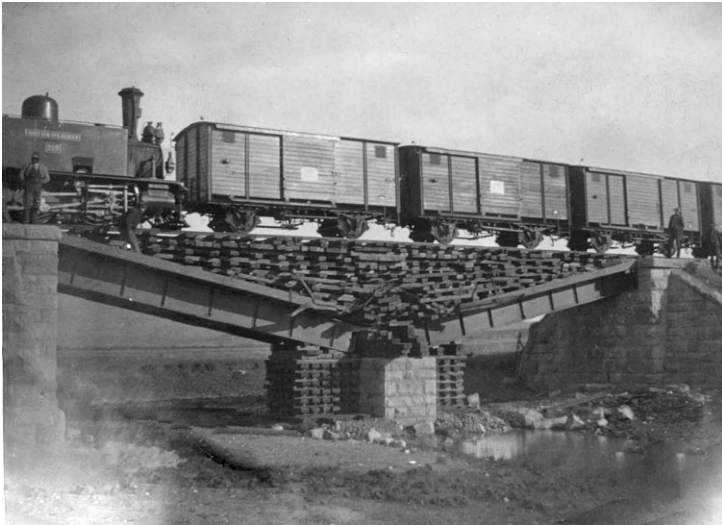
Оставив Де Вета в Фиксбургских горах, где он укрывался до наступления нового года, перейдем к изложению операций в Трансваале. Здесь мы сталкиваемся с той же проблемой – помимо одного серьезного боя, история сводится к описанию множества мелких, разбросанных в пространстве столкновений. К сожалению, для стройного рассказа не находится какого-либо центрального стержня, и мне трудно решить, с какой стороны лучше подойти к вопросу. Тем не менее, продолжим. На пространстве от Лихтенбурга до Комати, протяженностью в четыреста миль, происходили постоянные столкновения: налеты на посты, конвои, поезда, нападения на все и вся, хоть в какой-то степени беспокоящие и изнуряющие захватчиков.

Коммандос на втором этапе войны

Как правило атаки отбивались, но иногда увенчивались успехом. Каждый генерал в своем районе ответственности применял собственные меры подавления сопротивления, и, возможно, наиболее цельную картину событий, имевших место в

Трансваале до конца 1900 года, мы сумеем получить поочередно отследив действия каждого из британских командиров.

*Британский состав проходит по временному мосту
через Васбанк*

После августовской погони за Де Ветом лорд Метуэн ушел к Мафекингу на отдых и пополнение. Оттуда с войсками, большей частью Йоменами и Австралийскими Бушменами, он провел серию операций в трудном и важном районе, между Рустенбургом, Лихтенбургом и Зеерустом, где действовали несколько сильных и мобильных бурских командо, имевших артиллерию. Здесь, между Леммером, Сниманом и Де ла Реем с одной стороны и войсками Метуэна, Бродвуда и лорда Эррла с другой, то и дело вспыхивали энергичные, хотя и не очень кровопролитные бои. Метуэн без отдыха метался по холмам, выигрывая небольшие схватки и страдая от постоянных укусов снайперов. Время от времени в качестве приза ему доставались запасы продовольствия, фургоны и небольшие группы пленников. Начало октября выдалось удачным для него и Дугласа. 15-го числа боевые действия вел Бродвуд. 20-го нападению подвергся конвой. 25-го Метуэн вновь добился успеха и взял двадцать восемь пленников. 9-го ноября он застал Снимана врасплох и пленил тридцать бюргеров. 10-го числа захватил "помпом". Чуть ранее, в начале ноября, Дуглас отделился от Метуэна и ушел на юг от Зееруста через Вентерсдорп к Клексдорпу, пересекая территории, которые британцы ранее почти не тро-

гали. В итоге он прибыл в Клерксдорп с большим количеством скота и несколькими пленниками. В конце месяца к Зеерусту подвезли большое количество провианта. Для его защиты в городе оставили гарнизон, развязав Метуэну руки.

Харт первоначально отвечал за район вокруг Потчфестома. 9-го сентября он совершил великолепный форсированный марш к этому городу, который ранее, имея совершенно неадекватный своему значению гарнизон, оказался в руках противника. Пехота Харта покрыла тридцать шесть, а его кавалерия сорок четыре мили за пятнадцать часов. Операция завершилась полным успехом. После небольшого сопротивления город и восемьдесят буров оказались в руках британцев. 30-го числа Харт вернулся к Крюгерсдорпу, где, не считая одной стычки 22-го ноября на Гатсранде, до конца года не вел настоящих боев.

После зачистки восточной границы Трансвааля движением Пол-Карю вдоль железной дороги и совместными действиями Буллера и Яна Гамильтона в горах к северу от линии, в этом районе не было важных операций. На границе организовали систему охраны, препятствовавшую возвращению бежавших к португальцам бюргеров и контрабанде оружия. Генерал Китченер, брат сирдара*, разгромил несколько небольших лагерей буров в окрестностях Лиденбурга. Смит-Дорриен охранял линию на Белфаст и дважды, 1-го и 6-го ноября, сталкивался с противником. В первом случае жестокая буря помешала добиться успеха его людям, действовавшим совместно со Шропширцами полковника Спенса. Второй случай – двухдневная экспедиция, встретившая ожесточенное сопротивление, требует более подробного рассмотрения.

Британцы выступили от Белфаста. Колонна, насчитывавшая около четырнадцати сотен бойцов, направилась на юг к Комати-Ривер. Пехоту представляли Суффолкцы и Шропширцы, кавалерию – Канадцы и 5-й Уланский, артиллерию – два Канадских орудия и четыре орудия 84-й батареи. Весь день колонну обстреливали бургские снайперы, подобно тому, как в этом же районе они щипали кавалерию Френча. Марши по очевидному маршруту, производимые без определенной и адекватной цели, скорее раздражают местное население, чем внушают благоговейный страх, и пока колонна идет вперед, самый робкий фермер не удержится от искушения выстрелить ей вслед из дальнобойного ружья. Британцы достигли реки и сби-

* Британский главнокомандующий англо-египетской армией

ли буров с занимаемых позиций, но наши сигнальные огни приманивали к себе конных бюргеров с каждой фермы, и, возвращаясь в Белфаст, войска постоянно чувствовали на себе давление противника. Сложились все предпосылки для прерывания этого отхода в южно-африканский Лексингтон.

Уланы 5-го Ирландского

Самую трудную задачу – прикрыть колонну от ударов многочисленного и агрессивного противника, прекрасно исполняли Канадские артиллеристы и драгуны под командованием полковника Лессарда. Давление бюргеров было настолько сильным, что шестнадцать драгун на какое-то время попали в руки противника, предпринявшего атаку на стойкий арьергард. Нападение было отбито, похоже, со значительными потерями со стороны буров, поскольку два их лидера командант Хенри Принслоо и генерал Йоахим Фурье были убиты, а генерал Йоханн Гроблер ранен. Если рядовые бюргеры несли потери пропорционально званию, они должны быть очень тяжелыми. За два дня у британцев из строя выбыли восемь человек убитыми и тридцать ранеными – совсем немного, если принять во внимание сложность ситуации. В этой тяжелой обстановке большая часть работы и заслуг, похоже, пришлась на долю Канадцев и Шропширцев.

Королевские Канадские Драгуны

Во второй неделе октября генерал Френч с тремя бригадами кавалерии (Диксона, Гордона и Мехона) отправился в рейд из Махадодорпа. Три бригады кажутся внушительной силой, но действительная численность колонны не превышала двух полностью укомплектованных полков (около 1500 клинков). Кроме того, в походе участвовало крыло Суффолкцев. 13-го октября бригада Мехона столкнулась с сильным сопротивлением, потеряв десять человек убитыми и двадцать девять ранеными. 14-го числа британцы вступили в Каролину. 16-го потери составили шесть убитых и двадцать раненых. С момента выступления и до самого прибытия в Хейделберг (27-го октября) едва ли был день, когда кавалеристам удавалось стряхнуть с себя докучливых снайперов. В целом колонна потеряла около девяноста человек, но захватила шестерых пленных, большое количество скота и различных припасов. Этот поход ярко демонстрирует, что перемещение войсковой колонны, обремененной багажом по территории с враждебно настроенным населением – одна из самых неэффективных мер усмирения. Вероятно, большего успеха добились бы легкие и мобильные партии, действующие с центральной базы.

Определенную долю потерь на этой фазе войны, привнесли инциденты, вызванные с нападениями противника на железную дорогу. В первые десять дней октября произошло четыре крушения, в которых погибли или получили ранения два Сапера, двадцать три Гвардейца (Колдстримцы) и восемнадцать

артиллеристов 66-й батареи. В последнем случае, произошедшем 10-го октября возле Флакфонтейна, подкрепление, прибывшее на помощь пострадавшим, в свою очередь попало в засаду и потеряло убитыми, ранеными и пленными двадцать человек (большой частью из Стрелковой Бригады). Не проходило дня, чтобы железную дорогу не повреждали. Вопрос обеспечения продовольствием осложнялся тем, что в лагерь беженцев свозилось все больше бурских женщин и детей, которых британцы должны были кормить. И часто разыгрывались странные сцены, когда снайперы убивали или ранили машинистов и кочегаров тех самых поездов, что везли пищу в лагерь беженцев, спасая жизнь женам и детям этих снайперов. Принимая во внимание, что бюргеры придерживались подобной тактики более года, и что она стоила британским офицерам и солдатам многих сотен жизней и увечий, совершенно необъяснимо, почему британские должностные лица не обратились к мерам, используемым в подобных обстоятельствах всеми армиями мира – помещать в поезда заложников. Вагон буров за каждым локомотивом прекратил бы подобную практику навсегда. Вновь и вновь в этой войне британцы дрались в перчатках, в то время как противник использовал каскет.

Май 1901. Спустя час все эти люди убиты или ранены

Теперь перейдем к разбору действий генерала Паджета, который с двумя подразделениями пехоты, тысячей всадников и

двенадцатью орудиями проводил операции севернее и северо-восточнее Претории. Конниками командовал Пламер. В начале ноября эта колонна была отведена от Варм-Бата к Пинаар-Ривер, где коротала время в постоянных стычках с противником. Ближе к концу ноября, Претории достигли слухи, что большая группа буров под командованием Эразмуса и Вилд-жоена сосредоточилась в месте, называемом Реностер-Коп, расположенном в двадцати милях севернее железнодорожной линии на Делагоа и в пятидесяти милях северо-восточнее столицы. Было решено, что Паджет атакует их с юга, в то время как Литтелтон, выйдя из Мидделбурга, попытается зайти в тыл. Силы Паджета выглядели не слишком внушительно. В его коннице были Куинслендские, Южно-Австралийские, Новозеландские и Тасманийские Бушмены плюс Йомены Йорка, Монтгомери и Уорвика. Пехоту представляли 1-й батальон Вест-Райдингского полка и четыре роты Мюнстерцев, артиллерию – орудия 7-й и 38-й батарей, две скорострельные морские двенадцатифунтовки и несколько орудий меньшего калибра. Общая численность колонны не превышала двух тысяч бойцов. Еще раз повторимся – несмотря на то, что Британия держала в поле около двухсот тысяч солдат, охрана коммуникаций отвлекала на себя львиную долю сил, и в реальных боевых столкновениях мы редко превосходили противника, зачастую уступая ему в численности. Использование Натальской линии и дороги на Делагоа (несомненно, ценных во многих отношениях), отвлекало от полевых операций дополнительные войска. Когда каждый кульверт требовал пикет, а каждый мост роту. Охрана сотен и сотен миль железной дороги – дело не из легких.

Ранним утром 29-го ноября люди Паджета вошли в контакт с противником, занимавшим великолепную позицию. Высокий гребень в центре, копи на флангах, обеспечивавшие перекрестный огонь, травянистый гласис перед позицией – идеальное поле боя для буров. Колониалы и йомены на левом фланге и Хикман справа попытались вспугнуть противника, но бюргеры продолжали удерживать позицию. Британцы попали под сильнейший огонь. Всадники спешили и, как смогли, укрылись. Первоначально Паджет замышлял обходной маневр, но у буров оказалось больше людей, и британцы не смогли нащупать фланги их позиции, растянувшейся, по меньшей мере, на семь миль. Пехота переместилась в центр, между крыльями, образованными спешившимися всадниками, а орудия получили приказ поддержать наступление. Однако местность оказалась не-

удобной для артиллерии, поскольку рельеф не позволял вести огонь прямой наводкой. Стрелять пришлось через небольшую, покрытую травой складку. Орудия стреляли много. Одной секции 38-й батареи, весь день работавшей в восьмистах ярдах от линии обороны бюргеров, после трехсот выстрелов пришлось выйти из боя, так как износилась нарезка орудийных стволов. Сразу за складкой каждый ярд вельда контролировался хорошо укрытыми стрелками противника. Пехота начала наступление, но была остановлена ураганным огнем. Короткими перебежками атакующие цепи смогли подобраться к врагу на 300 ярдов, но все-таки залегли. На правом фланге Мюнстерцы захватили стоявшее на пути копи, но мало чем могли помочь главной атаке.

Полевая артиллерия британцев ведет огонь

Трудно перехвалить упорство Йоркширцев и Новозеландцев, атаковавших чуть левее. Когда наступление замерло, они отказались отходить, поскольку в их положении это было нелегко. Полковник Ллойд (Вест-Райдингцы) получил три пули и был убит. Пять из шести офицеров-новозеландцев выбыли из строя. У британцев не оказалось резерва, способного придать наступлению свежий импульс, и тонкая, беспорядочно разбросанная цепь укрылась за испещренными пулями валунами и муравейниками. Солнце медленно ползло по небосклону. Людям казалось, что этот день никогда не кончится. После полуд-

ня к бюргерам подошло подкрепление. Давление противника настолько возросло, что британцам, с большими проблемами, пришлось отводить полевые орудия.

Квинслендские Имперские Бушмены у Реностер-Кон

Многие пехотинцы к этому времени расстреляли все патроны. Ровно год назад британские солдаты точно так же лежали на равнине, ведущей к Моддер-Ривер, и вот вновь разыгралась подобная, хотя и менее масштабная, драма. К счастью фиолетовая вечерняя дымка сгустилась в непроглядную тень, треск винтовочных выстрелов начал стихать и вскоре замер. Вновь, как на Моддер-Ривер, британская пехота лежала на отвоеванном рубеже, не желая отходить ни на шаг, и вновь, оставив столь доблестно защищаемый гребень, буры растворились в ночи. Сотня убитых и раненых – такова цена, заплаченная британцами за гряду холмов, усеянных валунами. Пропорционально задействованным силам, наши потери оказались тяжелее, чем в свое время выпавшие на долю лорда Метуэна. О потерях буров как всегда судить трудно, но несколько свежих могил красноречиво говорили, что и им было о ком скорбеть. Однако отступление противника объяснялось не истощением сил, а демонстрацией, предпринятой Литтелтоном в тылу бюргеров. Артиллерия, и пехота отлично проявили себя в трудном бою, но по общему признанию более всех отличились бойцы из Новой Зеландии. И вовсе не пустым славословием

выглядит телеграмма сэра Альфреда Милнера, отправленная Премьеру Новой Зеландии с благодарностью за великолепное поведение его соотечественников.

В дальнейшем на этой части театра военных действий не происходило ничего существенного.

Теперь с северо-востока переместимся на северо-запад от Претории, где присутствие Де ла Рея и укрытия, предоставляемые хребтами Магалисберга, поддерживали силы бурского сопротивления. Труднопреодолимые гребни, перемежающиеся плодородными долинами, предоставляли защищавшей их армии непрерывный ряд фортов и житниц. Колонна генерала Клементса получила задачу зачистить этот непростой участок. Численность отряда время от времени менялась, но никогда не превышала трех тысяч человек. В распоряжении Клементса находились Пограничники, Йоркширская Легкая Пехота, 2-й батальон Нортумберлендских Фузилеров, конные пехотинцы, йомены, 8-я батарея Полевой Артиллерии, батарея "Р" Конной Артиллерии и одно тяжелое орудие. С этой маленькой армией он направился в заданный район, громя небольшие отряды бюргеров, захватывая продовольственные припасы и отселяя семьи буров в лагеря беженцев. 13-го ноября он был у Крюгерсдорпа – крайней южной точки своего участка. 24-го Клементс повернул обратно на север, но, приблизившись к холмам, обнаружил отряд буров с орудием. Это был грозный Де ла Рей, иногда действовавший на участке Метуэна севернее Магалисберга, а иногда южнее. Теперь он, по-видимому, обратил свое внимание на Клементса. Отряд Де ла Рея численно уступал британцам, и в этом первом столкновении Клементсу не составило труда с некоторыми потерями сбить буров с позиции. 26-го ноября со скотом и пленниками Клементс прибыл в Крюгерсдорп. В первых числах декабря он вновь отправился на север, где на этот раз его поджидала беда. Но перед тем как коснуться обстоятельств, связанных с боем у Ноойтгедахта, следует рассказать об еще одном инциденте, случившемся в том же районе.

Имеется в виду нападение на конвой, следовавший из Претории к Рустенбургу, предпринятое людьми Де ла Рея 3-го декабря у Буффелс-Хок. Это был большой конвой, состоявший из 150 вагонов, растянувшийся в пути почти на три мили. Его сопровождали две роты Западных Йоркширцев, два орудия 75-й батареи и горстка Викторианских Конных Стрелков. Эскорт выглядит совершенно неадекватным, особенно если вспомнить, что имевший большую ценность груз, доставлялся через

территорию, кишевшую отрядами противника. Случилось именно то, что должно было предвидеть. Пять сотен буров неожиданно налетели на фактически беззащитный конвой и захвати его. Однако эскорт сумел засесть на одном из копи, и весь день, до подхода помощи, отбивал атаки противника. Он не дал бурам уничтожить или угнать ту часть конвоя, которую мог прикрыть огнем орудий, но остальные вагоны были разграблены и сожжены. Инцидент крайне неприятный поскольку, противнику досталось большое количество разнообразных припасов, в которых он остро нуждался. Но возмутительнее всего то, что слухи о готовящемся нападении циркулировали еще до отправки конвоя. Есть свидетельства, что командование конвоя перед выходом из Риетфонтейна обращалось с протестом к генералу ответственному за район, указывая на грозящую грузу опасность. В результате мы потеряли 120 вагонов и более половины эскорта. Ожесточенность этой, в общем-то небольшой схватки, и упорство обороняющихся хорошо иллюстрируют потери маленького отряда, засевшего на копи – пятнадцать убитых и двадцать два раненых. Артиллеристы потеряли девять человек из пятнадцати. Помощь подошла к концу боя, но немедленное преследование не было организовано (хотя стояла сырая погода, а буры, увозя шестьдесят тяжелогруженных вагонов, двигались очень медленно). Следует признать, что рассказывать историю Буффелс-Хокского конвоя начиная с бессмысленного, обреченного на крах выступления до робкого, бесцветного конца, дело не из приятных.

Клементс, вновь отправившийся к Магалисбергскому хребту, разбил палатки своего кемпа в месте, называемом Ноойтгедахт (не следует путать с постом на Делагоа-Рейлвей, где содержались британские военнопленные). Здесь, у самого подножья гор, он стоял пять дней и с обычной беспечностью, характерной для британских командиров, не удосужился приказать хотя бы откопать траншеи. Несомненно, он знал, что его колонна Де ла Рею не по зубам, а вот о том, что вскоре на сцене объявится второй бурский отряд, чтобы объединенными силами сокрушить британцев, Клементс не подозревал, хотя как командир обязан был предусмотреть такой вариант. Вторым отрядом бюргеров было коммандо Бейерса из Варм-Бата. Совершив неожиданный и искусный маневр, оба бурских коммандо соединились, и, подобно удару молнии, обрушились на британскую колонну, которая, в придачу ко всему, была ослаблена отсутствием Пограничников. В результате произошла катастрофа, какую британцы не переживали со времен Санас-

Пост – катастрофа, продемонстрировавшая, что хотя регулярной бурской армии больше не существует, быстрое объединение разрозненных групп может практически мгновенно создать мощную ударную силу, способную, при благоприятных условиях, представлять опасность для любой британской колонны. Нам казалось, что дни крупных битв в этой войне миновали, но бой, в котором мы потеряли 550 человек, продемонстрировал, что в этом, как и во многих других вопросах, мы ошибались.

Коммандант Христиан Бейерс

Как уже упоминалось, кемп Клеменса располагался под обрывистым утесом, на вершине которого разместились четыре роты 2-го батальона Нортгумберлендских Фузилеров. Этот сильный пост располагался на тысячу футов выше основной стоянки. Внизу расположились главные силы – еще две роты Фузилеров, четыре роты Йоркширской Легкой Пехоты, 2-й батальон Конной Пехоты, Конница Китченера, йомены и артиллерия. Последняя состояла из одного тяжелого морского орудия, четырех орудий 8-й батареи Полевой Артиллерии и батареи "Р" Конной Артиллерии. Общая численность британцев достигала полутора тысяч человек.

Бой начался едва засерел восток – роковой час для британцев в Южно-Африканской войне. Пост конной пехоты, стоявший между кемпом и горами, заметил приближавшиеся силуэты. В предрассветной мгле британцам показалось, что люди

одеты в униформу и широкополые шляпы, похожие на те, что носят бойцы некоторых наших иррегулярных подразделений. В ответ на вопрос "Кто идет?" раздался залп. Уцелевшие бойцы пикета открыли ответный огонь. Атака буров была настолько ожесточенной, что до подхода помощи из состава поста лишь один человек не успел получить пулю. Единственный уцелевший – Дейли (из Дублинцев) не отступил ни на шаг и продолжал вести огонь, пока из проснувшегося кемпа не подоспела подмога.

Вид на холмы со стороны британского лагеря

Последовала дикая стычка, в ходе которой люди падали друг в друга как на стрельбище. Полуодетые конные пехотинцы, бросившиеся на выручку товарищам, наткнулись на толпу бурских стрелков, которые, зайдя с фланга, открыли свой любимый перекрестный огонь. Легге – командир конных пехотинцев, маленький крепкий ветеран Египетского Похода, пал вместе со своими людьми сраженный пулей в голову. Несколько минут судьба боя, как часто бывает на войне, висела на волоске. Но Клементс лично появился на сцене, и его хладнокровие помогло склонить чашу весов в нашу сторону. Приливная волна начала спадать. Растянув линию обороны, британцы сумели подавить перекрестный огонь, и в свою очередь охватить противника с флангов. Буры стали отходить, затем дрогнули и побежали к своим лошадям. Небольшую группу бюргеров удалось отрезать. Многие из них были убиты или ранены, а несколько человек взяты в плен.

В ходе жесткого почти часового боя атака была отражена, хотя и дорогой ценой. Обе стороны понесли тяжелые потери. Погиб почти весь штаб, хотя сам генерал остался невредим. С каждой стороны пало от пятидесяти до шестидесяти человек. Но то, что, несмотря на артиллерийский обстрел, буры продолжали удерживать левый фланг, было дурным предзнамено-

ванием. Где они нанесут следующий удар? Подсказок не было. Бюргеры, собравшись в группы, всматривались в нависающие утесы. Чего они ждут? Наконец, внезапный треск смертоносных "маузеров" и ответные залпы британской пехоты, донесшиеся с вершины, дали ясный ответ на все вопросы.

Только сейчас Клементсу стало понятно, что он имеет дело не со спонтанной, сымпровизированной на скорую руку атакой своего давнего противника Де ла Рея, а с тщательно задуманной операцией, для проведения которой враг сумел сосредоточить силы, почти вдвое превышавшие силы британцев. Его кемпу продолжали угрожать бюргеры, атаку которых он только что отразил, и Клементс не решился ослабить оборону, отослав часть людей на холм. Треск выстрелов нарастал, сливаясь в сплошной грохот. Становилось ясно, что именно там противник наносит основной удар. Там, наверху, похоже, повторялась вторая Маджуба. На отряд британцев, стоявший на холме, со всех сторон атаковали толпы бюргеров. Фузилеры безнадежно уступали противнику в численности, а война в горах – тот род боевых действий, в котором буры, бесспорно, на голову выше солдат регулярной армии. Гелиограф с вершины вызывал подкрепление. Он докладывал, что потери тяжелые, а атакующих слишком много. Буры быстро смыкали фланги, а фузилеры, ввиду малочисленности, не могли им помешать. Гелиограф молил о помощи до самого конца, и говорят, что его оператор, до конца исполнивший долг, был сброшен с утеса во время последнего победного броска буров.

Конная пехота вела бой в половине пятого утра. В шесть буров атаковали высоту, и Клементс в ответ на отчаянные сигналы гелиографа направил туда сотню Йоменов из Файфского и Девонского эскадронов. Взобраться с винтовкой, бандольером и шпорами на тысячу футов по крутому склону – дело нешуточное, но их подстегивал грохот боя, доносившийся сверху. К сожалению, они успели лишь разделить горечь поражения. Запыхавшиеся йомены поднялись на плато в момент, когда буры, смяв последних Нортумберлендских Фузилеров, достигли края обрыва. Один за другим Йомены выскакивали на плато и пытались найти хоть какое-нибудь укрытие от адского огня, ведущегося почти в упор. Штабной офицер, капитан Мади, шедший первым, упал замертво. Такая же судьба постигла Парвиса (Файфский эскадрон), поднимавшегося за ним. Остальные, перепрыгнув через их тела, укрылись в маленькой траншее и пытались продолжить бой. Лейтенант Кемпбелл, отважный юноша, погиб, пытаясь собрать своих людей.

Из двадцати семи Файфширцев, достигших вершины, шесть человек были убиты, а одиннадцать ранены. Цифры Девонцев не менее героические. Йомены, не успевшие подняться на плато, оказались в совершенно безнадежном положении. Буры засели прямо над ними, и, под прикрытием валунов, спокойно расстреливали британцев. Йоменам оставалось выбирать между сдачей и бессмысленной смертью. К семи часам всякий британский солдат на холме, будь он йомен или фузилер, был убит, ранен или взят в плен. Некоторые говорят, что у наших людей закончились патроны, но это неправда. Фузилеры, словно какой-то злой рок преследовал их 2-й батальон, честно проиграли более многочисленному и умелому противнику.

Рядовой 20-й роты (Файфширцев) Имперской Йоменри

Редко кто из командиров оказывался в столь трудном положении, как Клементс, и мало кто вышел из него достойнее. Генерал не просто потерял почти половину своих людей. Его кемп находился под угрозой, а оставшиеся войска под огнем стрелков, засевших на утесе. До холма было 800-1000 ярдов, и по кемпу гуляла свинцовая метель. О плотности огня можно судить по факту, что маленькая ручная обезьянка, принадлежавшая йоменам – цель сама по себе крохотная – была ранена трижды (удивительно, но этот покрытый шрамами ветеран остался жив). Солдатам, раненным в предыдущем бою, при-

шло и вовсе несладко. Они лежали под убийственным огнем вне всяких укрытий. Один из них – капрал Цейлонской Конной Пехоты, вспоминал: "мы были незащитны, словно Тетушка Салли". Следовало поднять флаг с красным крестом, или нас стерли бы с лица земли. У нас была наволочка, но не было красной краски. Нам в голову пришла одна идея, и мы нарисовали вертикальную полосу моей кровью, а горизонтальную – кровью Поля". Приятно добавить, что буры с уважением отнеслись к этому мрачному знаку.

Убитые волы и мулы громоздились кучами, и стало очевидным, что вопрос не в том, можно ли выиграть бой, а в том, можно ли спасти орудия. Приказав прикрытию из йоменов, конных пехотинцев и Конницы Китченера сдерживать буров, уже спускавшихся по тому самому склону, каким ранее взбирались йомены, генерал прилагал все усилия к выводу из-под удара большого морского орудия. Из сорока волов в упряжке осталось шесть. Сложилось настолько отчаянное положение, что под орудие дважды закладывали динамит. Однако всякий раз вмешательство генерала предотвращало подрыв. Наконец, подстегиваемое бурским "пом-помом", громадное орудие нехотя стронулось с места, и, по мере того как люди впрягались в лямки, а волы, хрипя, пытались перейти в тяжелый галоп, набирало скорость. Его отход прикрывали пушки меньшего калибра, поливавшие шрапнелью гребень холма и буров, спускавшихся к лагерю. Как только угроза тяжелому орудью миновала, остальные пушки взяли на передки и стали выводить из боя. Отступление прикрывали стойкие конные пехотинцы, на долю которых выпала основная тяжесть этой фазы боя. Куксон и Брукс с 250 бойцами несколько часов стояли между Клементсом и полной катастрофой. Кемп бросили, как был: со всеми припасами, четырьмя сотнями привязанных лошадей, и, что самое серьезное – с двумя вагонами боеприпасов. Все это богатство досталось победителям. Однако спасение орудий после того, как половина колонны выбыла из строя под ударами многочисленного и мобильного противника – подвиг, в значительной степени смиряющий с разгромом. Можно утверждать, что этот бой скорее укрепил, чем подорвал доверие, питаемое войсками к Клементсу. Отойдя на пару миль, генерал приказал развернуть большое орудие на холме, называемом Йоменри-Хилл, и открыл огонь по кемпу, где хозяйничали бу-

* Чучело старухи с трубкой в зубах, которую в игре следовало выбить палкой или мячом

ры. Он действовал настолько дерзко, что противник так и не решился атаковать его потрепанных в предыдущем бою людей, хотя с девяти утра до четырех вечера британцы оставались на Йоменри-Хилл под непрерывным ружейным и артиллерийским огнем. В четыре часа Клементс приказал отступить и к шести утра отошел на двадцать миль к самому Риетфонтейну. Его выбившиеся из сил солдаты находились на ногах двадцать шесть часов, из которых четырнадцать провели в бою, но горечь поражения смягчало осознание того, что каждый, от рядового до генерала, сделал все от него зависящее, а случай поквитаться с врагом не заставит себя ждать.

Дональд Фармер, сержант Камеронских Хайлендеров, получивший "Крест Виктории" за бой у Ноойтгедахта

Потери британцев в бою у Ноойтгедахта составили 60 убитых, 180 раненых и 315 пленных, которых несколько дней спустя доставили в Рустенбург. О потерях буров, как обычно, нельзя говорить уверенно, но все свидетельствует о том, что по тяжести они сравнимы с британскими. Долгий бой у кемпа, в котором бюргерам пришлось несладко, бой на холме, где они шли в атаку с несвойственным им безрассудством, и финальный артиллерийский обстрел шрапнелью и лиддитом. Все свидетели подтверждают, что они действовали открытее обычно. Один из очевидцев, участвовавших в бою, говорил: "их вы-

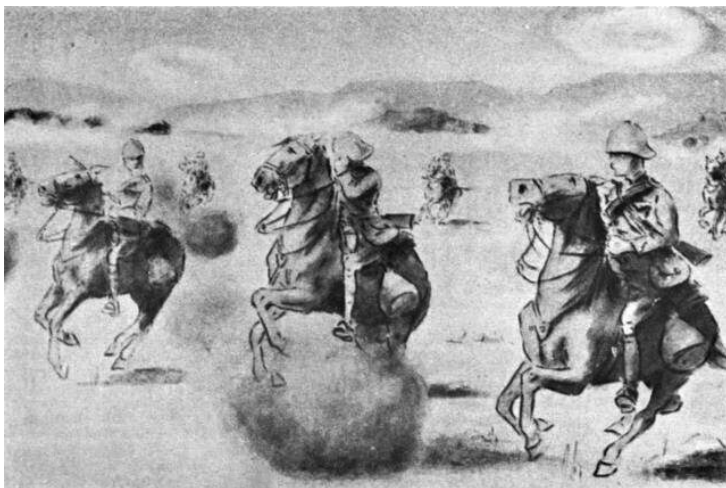
бивали в тот день дюжинами, но это не возымело никакого эффекта, они вели себя словно фанатики". С начала до конца бургеры демонстрировали восхитительную доблесть. Также следует отдать должное их командирам, за мастерски быстрое и внезапное сосредоточение, благодаря которому они сумели бросить все силы на неготового к бою противника. Варм-Бат отделяют от Ноойтгедахта всего восемьдесят миль, и факт, что наш Разведывательный Департамент прозвал столь серьезный маневр, выглядит по меньшей мере странно.

2-я Кавалерийская Бригада генерала Бродвуда стояла к северу от Магалисберга, в двенадцати милях западнее Клементса, являясь следующим звеном длинной цепи британских войск. Однако Бродвуд, похоже, недооценил серьезность боевого столкновения, и не предпринял попыток принять в нем участие. Если уж Колвил открыт для нападков, в связи с тем, что медлил "выдвинуться к пушкам" у Санас-Пост, то в данном случае Бродвуд, несомненно, заслуживает упрека в недостатке энергии и ошибочной оценке ситуации. Утром 13-го числа его войска могли слышать ожесточенную канонаду, доносящуюся с востока, и, наверняка, могли наблюдать разрывы снарядов на вершинах Магалисберга. Расстояние до поля боя составляло от десяти до двенадцати миль, в то время как его "Илсвикские" орудия могли стрелять почти на пять. Даже незначительное продвижение вперед позволило бы ему продемонстрировать активность на фланге буров и уменьшить их давление на Клементса. Но, по каким-то соображениям, Бродвуд не предпринял активных действий. Узнав о результатах боя, он откатился к Рустенбургу – ближайшему британскому посту, и его небольшая колонна оказалась в опасной изоляции.

Тот, кто был убежден, что Клементс рано или поздно расквитается с противником, ждал недолго. Через несколько дней генерал вновь вышел в поле. Остатки его колонны отправились в Преторию для отдыха и пополнения. С ним остались 8-я батарея Полевой Артиллерии и стойкая "коровья пушка", испещренная ноойтгедахтскими пулями. Кроме того, Клементс располагал батареей "Р" Конной Артиллерии, Иннискиллингцами, Пограничниками и отрядом конной пехоты под командованием Алдерсона.

Однако самым важным было оговоренное взаимодействие с генералом Френчем, выступившим из Претории для оказания помощи в операциях. 19-го числа, всего через шесть дней после разгрома, Клементс оказался в том же месте, столкнувшись, скорее всего, с тем же самым противником. На этот раз

неожиданностей не последовало, и британцы смогли приступить к выполнению задачи основательно и неторопясь. Как результат, 19-го и 20-го числа буры, понеся большие потери от интенсивного артиллерийского огня, были выбиты с позиций и ушли из этого района Магалисберга. Вскоре генерала Клементса отозвали в Преторию, где он принял командование 7-й дивизией. Генерала Таккера назначили военным комендантом Блумфонтейна вместо доблестного Хантера. Последний, к искреннему сожалению всей армии, отбыл домой по инвалидности. С этого момента колонну, которую Клементс привел к Магалисбергу, возглавил генерал Каннингхем.

Британская конная пехота (рисунок современника)

13-го ноября противник предпринял первую серию нападения на посты, охранявшие железнодорожную ветку на Делагоа. В этом районе действовало коммандо Вилджоена. Буры, быстро подойдя с севера, обрушились на маленькие гарнизоны Балморала и Вилге-Ривер – станций, расположенных в шести милях друг от друга. Первую охраняли "Баффс", вторую Королевские Фузилеры. Нападения были хорошо организованы, но в обоих случаях отбиты с тяжелыми потерями со стороны атакующих. Пользуясь внезапностью, буры захватили пикет "Баффс", при этом гарнизон потерял шесть человек убитыми и девять ранеными. Но первая неудача не произвела на британцев особого впечатления, и двойная атака, похоже, обошлась бюргерам очень дорого. Другим инцидентом, достойным упоминания, стала решительная атака, предпринятая бюргерами

на гарнизон Фрихейда – городка, расположенного на самом юго-востоке Трансвааля, близ натальской границы.

Бурский генерал Вилджоен (сидит)

Весь ноябрь в округе было очень беспокойно, и маленький британский гарнизон, выйдя из города, расположился на соседнем холме. 11-го декабря буры попытались овладеть нашими траншеями. Гарнизон состоял из людей 2-го батальона Королевских Ланкастерцев (около пятисот человек), ста пятидесяти Ланкаширских Фузилеров, пятидесяти бойцов Королевской Гарнизонной Артиллерии и небольшого отряда конной пехоты. Британцы удерживали командную высоту в полумиле севернее города. Внезапно среди ночи буры атаковали британские пикеты. Англичане, сохранив присутствие духа, повели себя, возможно, опрометчиво с тактической точки зрения, но, несомненно, героически. Вместо того, чтобы, осознав серьезность положения, отойти назад, молодые офицеры, командовавшие аванпостами, решили удерживать позиции, и вскоре пикеты оказались в зоне настолько сильного огня, что к ним не смогли выслать подкрепление. У нас было четыре аванпоста под командованием Вудгейта, Теобалда, Липперта и Менгlesa. Атака началась холодной темной ночью в 2 часа 15 минут.

Первым нападению подвергся пост Вудгейта, к которому буры незаметно подкрались почти вплотную. Вудгейт, будучи в тот момент без оружия, схватил молоток и бросился на ближайшего к нему бура, но, получив две пули, был убит. Его люди бежали или попали в плен. Теобальд и Липперт, предупрежденные стрельбой, засели в сангарах, изготовившись встретить надвигавшийся на них шторм. К несчастью, Липперт был убит, а десять его бойцов подстрелены или взяты в плен, зато юный Теобальд держался под огнем в течение двенадцати часов. Менглес – достойный сын достойного отца, также с невероятным упорством весь день удерживал позицию. Солдаты, сидевшие в траншеях позади аванпостов, благодаря отчаянному сопротивлению их товарищей, так и не подверглись серьезной атаке, но Гоун (полковник Ланкастерцев), к сожалению, был убит. К вечеру буры прекратили бой и отошли, оставив на земле четырнадцать своих соотечественников, из чего можно предположить, что их общие потери составили не менее сотни человек. С нашей стороны погибли три офицера и пять бойцов, двадцать два человека получили ранения и тридцать солдат с одним офицером пропали без вести (большой частью солдаты аванпостов, сметенных первой волной атакующих).

Среди ежедневных сводок о снайперах, перестрелках и бесконечных переходах, составлявших основу скучной хроники последних месяцев 1900 года, все же можно выделить несколько акций. Мы просто перечислим эти эпизоды, безо всякой попытки связать их между собой. Первый – длительная осада или блокада Швайцер-Ренеке. Этот маленький городок приютился на берегу Хартс-Ривер, в районе западной границы Трансвааля. Трудно понять, почему одна сторона решила удерживать, а другая взять столь незначительный пункт. Начиная с 19-го августа, этот населенный пункт оборонял гарнизон из 250 человек под весьма умелым командованием полковника Шамьера, проявившего себя в этом небольшом деле настоящим лидером. Силы буров, численность которых менялась от пятисот до тысячи человек за все время осады, так и не решились атаковать, поскольку Шамьер, помня опыт Кимберли, так организовал оборону, что она стала прочной, можно смело сказать – неприступной. В конце сентября освободительная колонна полковника Ситтла доставила в населенный пункт свежие припасы, но когда она, завершив длительный поход, вошла в город, враг вновь захлопнул ловушку и возобновил блокаду. В целом осада продолжалась несколько месяцев, пока Ситтл не вывел гарнизон, бросив данную позицию.

Изо всех британских подразделений, активно действовавших в этот период, наиболее тяжелая работа и самые длинные марши выпали 21-й бригаде генерала Брюса Гамильтона (Дербиширцы, Суссекцы и Камеронцы) и колонне под командованием Ситтла, действовавшей вдоль западной границы Колонии Оранжевой Реки. Люди Ситтла вновь и вновь обходили район с такой настойчивостью, что колонну в шутку прозвали Имперским Цирком Ситтла. Много тяжелой и неприятной работы, более тягостной, чем реальные опасности войны, выпало на долю Брюса Гамильтона и его солдат. Действуя из Кроонстада, как из центра, они постоянно совершали рейды по беспокойным округам Линдли и Хейлброн, возвращаясь к железной дороге лишь затем, чтобы получить новое задание. Его бойцам пришлось исполнять работу конной полиции, а не пехоты, но они делали все, что было в их силах. Люди Ситтла занимались тем же неблагодарным трудом. В ноябре от окрестностей Кимберли небольшая колонна Ситтла двинулась вдоль границы Колонии Оранжевой Реки, конфискуя запасы продовольствия на фермах и отселяя их обитателей. Колонна провела один жаркий бой с командо Герцога у Клоофа, а затем, двигаясь через колонию, 7-го декабря с караваном пленников и скота вновь вышла на железнодорожную линию у Эденбурга.

Уничтожение скота на бурской ферме

Рандлу в свою очередь пришлось немало потрудиться, контролируя отданный на его попечительство сложный район на северо-востоке Колонии. В ноябре он вновь с севера на юг пересек территорию, которую ранее столь болезненно преодолел с юга на север. С небольшими стычками он двигался от Фреде к Рейтцу, а затем к Бетлехему и Гаррисмиту. Порочная система размещения маленьких гарнизонов в различных городках накладывала на него, как и на других командиров, бремя ответственности за судьбу этих людей и постоянную заботу, чтобы изолированные небольшие отряды не голодали или не были уничтожены.

Конец года и столетия ознаменовался для британского оружия небольшим, но неприятным ударом судьбы. Бурам удалось захватить наш пост у Хельветии, который занимало подразделение Ливерпульцев, усиленное 4,7-дюймовым орудием. Лиденбург, расположенный в семидесяти милях от железной дороги, соединялся со станцией Махадодорп цепью постов. Семь постов располагались через каждые десять миль, и каждый имел гарнизон в 250 человек. Пост у Хельветии был вторым по счету. Ключом позиции была хорошо укрепленная командная высота, возвышавшаяся за три четверти мили от главного кемпа. Людьми на высоте командовал капитан Кирке, имевший в своем распоряжении сорок артиллеристов Гарнизонной Артиллерии, обслуживавших орудие и семьдесят пехотинцев (Ливерпульцы). Не обращая внимания на проволочные заграждения, буры дерзко атаковали позицию. Они действовали столь быстро, а гарнизон столь медленно, что пост был взят почти без перестрелки. Майор Коттон, командовавший гарнизоном, обнаружил, что в мгновение ока лишился почти половины людей, при этом его решительно атакует вдохновленный блистательным успехом противник. Позиция британцев оказалась слишком растянутой для обороны, оставшимися в строю людьми. Линия траншей была прорвана во многих местах, а удерживаемые участки попали под фланговый огонь. Следует отметить, что оборону спланировали из рук вон плохо – недостаточное количество колючей проволоки, слабые стены, слишком большие бойницы. Кроме того, аванпосты располагались так близко к главным траншеям, что атакующие, смяв пикеты, ворвались в них почти одновременно с поднятым по тревоге гарнизоном. С рассветом Коттон увидел, что его положение не просто серьезное, а отчаянное. Его людей окружили и могли обстреливать с Ган-Хилл. Возможно, после ранения, с его стороны было бы разумнее передать командование Джонсу, сво-

ему заместителю. Человек, получивший пулю, редко бывает столь же рассудительным, как невредимый. Так или иначе, Коттон решил, что позицию не удержать, и лучше избежать напрасных потерь. Пятьдесят Ливерпульцев были убиты или ранены, двести сдались в плен.

Атака буров на Ганн-Хилл у Хельветии

Хотя бурам и не удалось забрать снаряды к орудию, они смогли благополучно скрыться, уведя с собой унижительное свидетельство нашего поражения. Один пикет с четырьмя десятками бойцов под командованием капитана Уилкинсона не только сумел успешно отразить атаку, но и пытался беспокоить противника во время его отступления. Как после Деветсдорпа и Ноойтгедахта, буры не имели возможности удерживать пленных, поэтому реальный ущерб от их предприятия был незначительным, тем не менее, это один из тех инцидентов, которые заставляют уважать нашего врага и критичнее относиться к себе*.

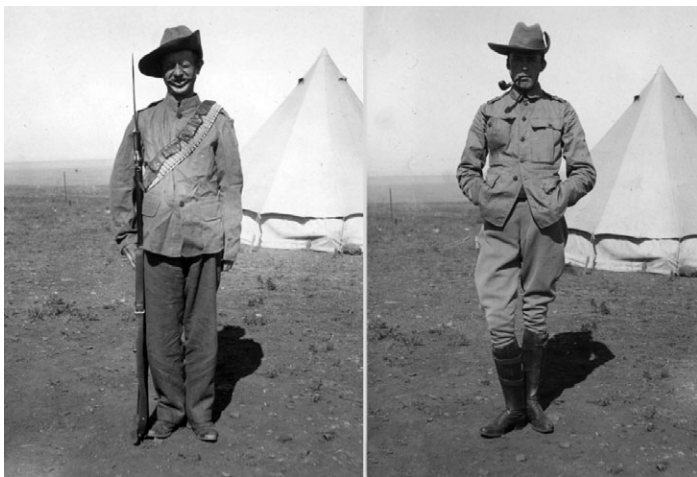
В конце года подразделениям, отслужившим свой срок или необходимым где-либо еще, позволили покинуть театр военных действий. В середине ноября три группы Имперских Во-

* Принимая во внимание, что майор Степелтон Коттон в этом бою был трижды ранен, причем один раз в голову, нам кажется, что он был наказан чересчур жестко. Военно-полевой суд, состоявшийся через восемь месяцев после описываемых событий, лишил его звания. Очень хотелось бы, чтобы столь суровый приговор был пересмотрен.

лонтеров Сити, два Канадских контингента, Конница Ламсдена, Сводный Гвардейский Полк, шесть сотен Австралийцев, батарея "А" Королевской Конной Артиллерии и волонтерные роты регулярных подразделений отправились домой.

Транспорт с войсками готовится покинуть Кап

*Семнадцать месяцев в Южной Африке.
Рядовой и лейтенант Королевских Ирландских Стрелков*

Отзыв нескольких тысяч ветеранов до фактического окончания войны достоин всяческого сожаления. Но, если отъезд волонтеров по окончании контракта был неизбежен, то трудно предположить, где в это время могли понадобиться регулярные войска. Как результат, в начале года Правительство было вынуждено отправить им на смену новый многочисленный контингент.

В начале декабря, сложив обязанности главнокомандующего, страну покинул лорд Робертс. Какой бы доброй репутацией он ни пользовался, сходя на Кейп-Таунский причал в январе, можно с уверенностью сказать, что десятью месяцами позже, когда с квартердека "Канады" он смотрел на тающую в дымке Столовую Гору, его слава достигла немыслимых высот. Прибыв в Африку, Робертс застал британскую армию увязшей в разрозненных операциях, где она неизменно терпела поражение. Он сумел в кратчайшие сроки воплотить в жизнь серию взаимосвязанных акций, в которых нам почти неизменно, сопутствовал успех. Прибыв на фронт в начале февраля, через две недели Робертс снял осаду с Кимберли, через месяц разбил Кронье, а через шесть месяцев вошел в Блумфонтейн. Затем, после вынужденной шестинедельной паузы, он совершил очередной "прыжок тигра", за месяц овладев Йоханнесбургом и Преторией. С этого момента исход кампании был предрешен. И хотя понадобился третий прыжок, чтобы достигнуть Коматипоорт, а отважным и упорным людям еще предстояла долгая и нелегкая борьба, Робертс свершил главное. Все остальные задачи, сколь трудными бы они не выглядели, оставались лишь деталями кампании. Лорд Робертс – пример настоящего джентльмена и великого солдата, жестокость претила всей его натуре. И, возможно, человек с менее выдающимися душевными качествами оказался бы лучшим лидером на последней фазе войны. Без сомнения, Робертс помнил, как Грант оставил солдатам армии Ли лошадей, но тогда Ли был полностью разбит, а его люди сложили оружие. Подобное благодеяние в отношении частично покоренных буров привело к совершенно противоположному результату, и продолжением войны мы, в значительной мере, обязаны этому акту милосердия. В вопросе гуманности политические и военные соображения находятся в непримиримом конфликте, и позиция Роберта в отношении применения суровых мер к повстанцам ужесточалась по мере того, как политика согласия терпела провал. Лорд Робертс вернулся в Лондон, пользуясь любовью и уважением как своих солдат, так и соотечественников.

Лорд Робертс – главнокомандующий британскими войсками в Южной Африке 1900-1901 г.г.

Выдержка из его прощального обращения к войскам великолепно демонстрирует качества, которым он обязан этой любовью:

"Я осмелюсь утверждать, что действия Южно-Африканских войск не имеют аналогов в военной истории, ввиду того, что они, почти без перерыва, длились целый год, а в некоторых случаях и более года. Не было ни отдыха, ни пополнений, ни зимних квартир, как это бывало в других длительных кампаниях. Месяцами в невыносимую жару, жестокий холод, под проливными дождями, вы, мои товарищи, сражались и шли вперед, не останавливаясь, ночуя без крыши над головой, открытые всем невзгодам. Когда время было настолько дорого, что вы не успевали получить новое обмундирование, вы продолжали движение, даже если ваша одежда превращалась в лохмотья, а у ботинок отваливались подметки.

Когда не было больших боев, с близлежащих копи в вас неизменно стреляли невидимые снайперы, знавшие каждый дюйм этой земли, и, благодаря особой природе страны, способные наносить тяжелые удары, в то же время оставаясь в безопасности. Вы пробились через непроходимые заросли, через крутые горы, на своих руках перетаскивая через них тяжелые орудия и неподъемные вагоны. Вы с невероятной скоростью покрывали огромные расстояния, часто испытывая нехватку продовольствия. Будучи далеко от баз, вы переносили неизбежные на войне раны и болезни без ропота и даже с бодростью".

Эти слова делают честь и войскам, которым они адресованы, и человеку, который их сказал. С середины декабря 1900 года руководство кампанией взял на себя лорд Китченер.

ВТОРОЕ ВТОРЖЕНИЕ В КАПСКУЮ КОЛОНИЮ (декабрь 1900-апрель 1901)

В ходе войны задача британцев в значительной мере осложнялась явной симпатией к бурам со стороны политической ассоциации, известной как Африканерский Союз (Afrikaner Bond), то ли инспирировавшей, то ли представлявшей точку зрения большинства жителей Капской Колонии голландского происхождения. О силе этой симпатии можно судить по факту, что в части пограничных округов не менее девяноста процентов граждан присоединились к бурским коммандо во время их первого вторжения в Колонию. Не стоит лицемерить и утверждать, что эти люди страдали от каких-либо политических притеснений. Их поведение гораздо легче объяснить природной симпатией к северным родственникам, расовыми амбициями и личной неприязнью к британским соседям. Особенно раздражала голландцев либеральная политика Британии в отношении туземного населения. Эта политика провела в Южной Африке четкую разделительную линию, подобную той, что в Соединенных Штатах провел пресловутый вопрос о рабстве.

После британских побед брожение в Капской Колонии если и не утратило остроты, то приняло менее заметные формы. Но к концу 1900 года обстановка накалилась и стала угрожающей. Политика уничтожения ферм на завоеванных территориях и измышления о зверствах британских войск породили бурю негодования. Аннексия Республик, означавшая окончательное изгнание голландского флага из Южной Африки, унижала национальный дух капских буров. Тон голландских газет становился все нетерпимее, а фермеры все возбужденнее. 6-го декабря, на гребне волнений, в Вустере состоялось собрание нескольких тысяч делегатов. То, что встреча голландских африканеров происходила под угрозой направленных на них стволов канадских орудий и надзором австралийских кавалеристов, наводит на мысли о всеимперском характере разгоравшейся борьбы. Если бы произнесенные гневные речи получили продолжение на деле, общий кризис был бы неизбежен.

К счастью, возобладал здравый смысл, и общий тон собрания, несмотря на всю резкость заявлений, оставался в широких пределах, допускаемых британским законом. Африканеры приняли три резолюции: одну с требованием прекратить войну, вторую касательно восстановления независимости Республики, третью протестующую против действий сэра Альфреда Милнера. Делегация, передавшая эти резолюции Губернатору, получила учтивый, но бескомпромиссный ответ. Сэр Альфред Милнер указал, что Домашнее Правительство, все большие колонии и половина Капа единодушны в проводимой политике, и глупо воображать, что эта политика претерпит изменения из-за местных волнений. Желание покончить с войной было всеобщим, но поддержка непримиримых бюргеров в их намерении продолжать борьбу за безнадежное дело – не самый короткий путь к достижению благородной цели. Такова, в общих чертах, суть губернаторского ответа, который, как и следовало ожидать, нашел полную поддержку Британского Правительства и народа.

Если бы Де Вету, в описанной ранее операции, удалось ускользнуть от Чарльза Нокса и пересечь Оранжевую Реку, его вторжение в Колонию совпало бы по времени с конгрессом в Вустере, и ситуация, несомненно, обострилась бы. К счастью, эту угрозу удалось предотвратить. Однако волнения в Колонии внушили бурским вожакам мысль, что на Капе существует нетронутый источник ресурсов, и что вторгшиеся в Колонию небольшие мобильные партии смогут собрать достаточно бойцов, со временем превратившись в грозную силу. К тому же, с расширением театра военных действий у британского главнокомандующего добавиться проблем, и, как следствие, давление на бурских повстанцев в Республиках ослабнет. Поэтому, несмотря на провал попытки Де Вета проникнуть в Колонию, через Оранжевую отправились несколько мелких отрядов под командованием менее известных лидеров. Используя сведения и помощь, предоставляемые местными фермерами, эти партии много месяцев рыскали по Колонии, в трудные времена укрываясь в горах. Располагая возможностью легко получать свежие лошадей, они быстро меняли районы действия и избегали любых мало-мальски серьезных акций, если не имели существенного перевеса в силах. Бесконечные блокады небольших постов и патрулей, многочисленные перестрелки, одна-две железнодорожные аварии – таковы плоды их активности, продолжавшейся до самого конца войны и державшей Колонию в постоянном напряжении. Мы кратко остановимся на описании

действий этих рейдеров, по возможности избегая упоминания всяческих "фонтейнов" и "копи", отмечавших их путь.

Вторжение осуществлялось двумя основными группами (затем рассыпавшимися на небольшие мобильные партии). Одна из них действовала в западной части Колонии, доходя до морского побережья в Кланвильямском округе. Крайняя точка района активности этой группы располагалась менее чем в сотне миль от Кейп-Тауна. Другая группа проникла еще глубже, в самое сердце Колонии, дойдя почти до берегов Моссел-Бей. Однако столь глубокий рейд не возымел значительного эффекта, поскольку рейдеры контролировали лишь удерживаемую в текущий момент территорию и прокладывали себе путь не столько уничтожая, сколько обходя противника. Они сумели пополнить свои ряды местными бюргерами, но, похоже, общая численность рейдеров так и не превысила нескольких сотен бойцов, набранных в основном из той социальной прослойки, которая мало что теряла и также мало могла предложить.

Западными бурами командовал Судья Оранжевой Республики Гецог. При нем находился Бранд – сын бывшего президента и около двенадцати сотен бойцов на отличных лошадях. 16-го декабря, перейдя Оранжевую Реку севернее Колесберга по Санд-Дрифт, они задержались у Камилфонтейна, пытаясь смять небольшой британский пост (тридцать йоменов и гвардейцев) под командованием известного гребца лейтенанта Флетчера.

Судья Оранжевой Республики Барри Герцог

Столкнувшись с упорным сопротивлением и зная, что к месту стычки уже стягиваются британские войска, буры прекратили атаку и ушли на запад от Колесберга, попутно разрушив железнодорожную линию в двадцати милях севернее Де Ара. 22-го числа они заняли Бритстаун, лежащий в восьмидесяти милях от границы, и в тот же день захватили преследовавший их небольшой отряд йоменов. Через несколько дней пленников отпустили. Затем, круто повернув к Приске и Стрейденбургу, рейдеры вновь устремились на юг. К концу года Герцог углубился в Колонию на 150 миль и, проскочив пустынные малонаселенные западные земли, явно нацелился на Фразербург и Бофорт-Вест.

Вторую группу возглавил Критцингер – бюргер из Застрона (Колония Оранжевой Реки). Его отряд насчитывал около 800 человек. 16-го декабря, перейдя границу у Реностер-Хок, буры направились к Бюргерсдорпу, но им преградила путь британская колонна. Пройдя Вентерстад, командос пошли к Стейнсбергу, по пути дважды вступая в перестрелки с небольшими британскими отрядами. Конец года застал их на железнодорожной линии у Шербурне (севернее ж/д узла Росмид), где, пересекая дорогу, они захватили поезд, везший солдат колониальных войск. Углубившись в Колонию на сотню миль, Критцингер действовал в трехстах милях от группы Герцога.

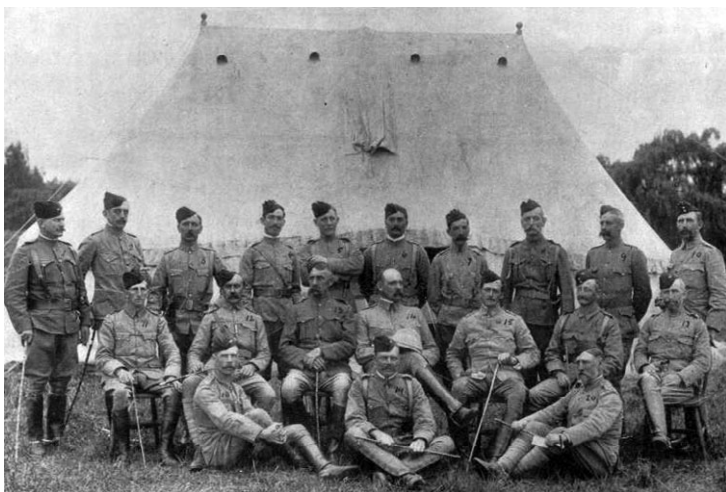

Британский аванпост у Росмида

Коммандант Питер Критцингер

Тем временем лорд Китченер, прибывший в Де Ар на несколько дней, принялся энергично формировать небольшие мобильные колонны для преследования, а при удачном стечении обстоятельств, и уничтожения рейдеров. В некоторых районах Колонии ввели военное положение, и по мере того, как рейдеры продвигались на юг, лояльная Правительству часть населения с энтузиазмом принялась создавать отряды городской самообороны. Существующие колониальные подразделения, такие, как: Конница Брабанта, Имперская и Южно-Африканская Легкая Конница (Торнейкрофта), Римингтонцы и другие, были вновь усилены до полного состава. Кроме того, из местных добровольцев сформировали два новых подразделения: Телохранителей Китченера и Боевых Скаутов Китченера (последнее создал Йохан Коленбрандер, составивший себе имя в Родезийских войнах). В этот период под ружьем стояли от двадцати до тридцати тысяч капских колонистов. Многие из них были новобранцами и мало что умели, но присущий этим людям боевой дух и спортивный азарт позволял поручить им определенную работу, тем самым, высвободив более подготовленные контингенты для серьезного дела.

Офицеры Конницы Торнейкрофта

Удобнее отследить действия западной группы рейдеров (Герцога), а уж затем перейти к людям Критцингера. В начале года мы застаем отряд фристейтеров в 150 милях от границы. Бюргеры стремительно движутся на юг по бесплодным пустошам Кару – стране одиноких ферм и редкого населения, унылым равнинам, постепенно поднимающимся к еще более пустынным и необитаемым горам. 4-го января (или около того) они овладели небольшим городком Калвиния, который оставался их штаб-квартирой более месяца. Отсюда мобильные партии бюргеров добирались до самого побережья (в направлении Кланвиллиама), надеясь в Ламбертс-Бей встретить судно из Европы с наемниками и орудиями. В южном направлении их аванпосты достигали Сазерленда и Бофор-Веста. 15-го января странного всадника видели слоняющимся у железной дороги в районе Таус-Ривер, и обитатели Кейп-Тауна с удивлением осознали, что война идет в какой-то сотне миль от дверей их собственных домов.

Чтобы задержать и положить конец дерзкому вторжению буров на западном участке, генерал Сеттл организовал несколько мобильных колонн. Самым крупным отрядом командовал полковник Де Лисли – офицер, привнесший в военные операции те же энергии и основательность, с какими выводил команду своего полка в чемпионы Британской Армии. Его колонна включала 6-й батальон Конной Пехоты, Конную Пехоту Нового Южного Уэльса, Ирландскую Йоменри, секцию бата-

реи "R" (Конная Артиллерия) и "пом-пом". С этим небольшим, но закаленным в походах мобильным отрядом, он устремился в поле, чтобы преградить путь рейдерам Герцога. 13-го января Де Лисли занял Пикетбург, в восьмидесяти милях южнее штаб-квартиры бюргеров. 23-го числа он был уже у Кланвиллиама, в пятидесяти милях юго-западнее противника. Правее находились еще три небольших британских колонны под командованием Бетьюна, Торнейкрофта и Хенникера (последний расположился на железнодорожной линии у Матъесфонтейна). Таким образом, барьер, преграждавший рейдерам путь на юг, растянулся более чем на 120 миль.

Хотя Герцога в Калвинии отделяло от Де Лисли в Кланвиллиама всего пятьдесят миль, лежавший между ними район можно смело отнести к одному из самых гористых и труднопроходимых в Южной Африке. Между этими двумя населенными пунктами, ближе к Де Лисли, чем к Герцогу, протекает Доорн-Ривер. Здесь двигавшиеся из Калвинии буры 21-го января столкнулись со скаутами британцев и немного их потрепали. 28-го января Де Лисли, усиленный колонной Бетьюна наконец, смог перехватить инициативу. Отряд Бетьюна состоял преимущественно из Колониалов (Боевые Скауты Китченера, Капская Конная Полиция, Капские Конные Стрелки, Конница Брабанта и Конница Алмазных Полей).

Подполковник Эдвард Бетьюн

В конце января объединенные силы Бетьюна и Де Лисли двинулись к Калвинии. Главную трудность представлял рельеф местности, а не сопротивление противника, который явно избегал боя. 6-го февраля, после превосходного марша, Де Лисли и его люди овладели покинутой бурами Калвинией. Горько говорить, но в ходе месячной оккупации города противник вел себя чрезвычайно сурово, особенно по отношению к кафрам. Порка и расстрел цветного по имени Исау – еще одна страница, добавленная в мрачную историю отношений бу- ров с туземцами.

Патруль Конной Пехоты Бетьюна

Теперь британцы, двигаясь широким фронтом, принялись зачищать территорию в северном направлении. Коленбрандер занял Ван-Ринс-Дорп к северу от Калвинии, в то время как люди Бетьюна действовали западнее. Де Лисли, не задерживаясь в Калвинии, устремился к Виллестону, покрыв семьдесят две мили пересеченной местности в сорок восемь часов – один из самых великолепных результатов в этой войне. Но буры оказались проворнее, и в ходе всего северного марша он так и не смог вступить в настоящий контакт с противником. Линия отступления бюргеров лежала через Карнарвон. 22-го февраля они пересекли железную дорогу к северу от Де Ара, а 26-го февраля соединились с новыми силами вторжения под командованием Де Вета, пересекшего Оранжевую Реку. Де Лисли, во время своего выступления из Пикетбурга прошедший более пятисот миль по пустынной территории, направился к железной дороге у Виктория-Вест откуда 22-го февраля был отправ-

лен на север, где и буры, и британцы концентрировали свои силы: одни желая поддержать, а другие предотвратить набег знаменитого партизана.

Перед тем, как приняться за описание последующих событий, будет не лишним вспомнить о восточном рейде (Критцингера). Это не займет много времени, так как буры, принимавшие в нем участие, не добились каких-либо особых результатов, хотя действовали довольно долго даже после того, как отряд Герцога рассеяли. Для отлова этих командос были созданы несколько небольших колонн, возглавляемых Уилльямсом, Бингом, Гренфеллом и Лоу под общим командованием Хейга.

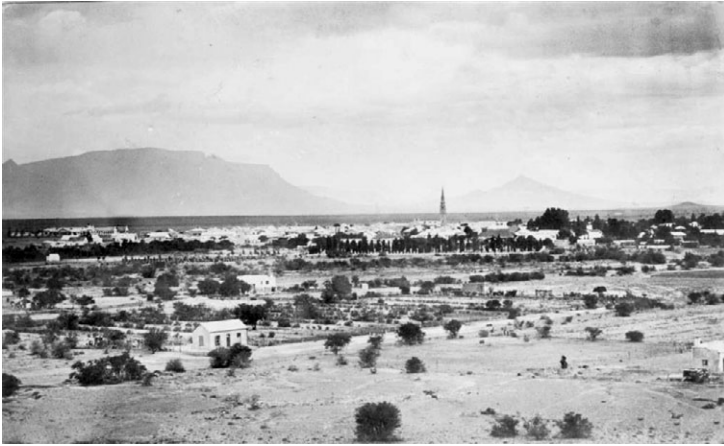

Двадцатитрехлетний гусар Дуглас Хейг в 1885 году

Но противник оказался столь проворным, пространства столь обширными, а местность столь пересеченной, что войскам редко удавалось войти с бурами в огневой контакт. Операции проводились в крайне проголландски настроенной части Колонии, и противник, хотя и не сумевший серьезно пополнить свои ряды местными рекрутами, всегда располагал свежими припасами, лошадьми и информацией.

Последний раз мы упоминали о Критцингере, когда его

люди 30-го декабря пересекли железную дорогу севернее Росмида, перехватив поезд с Колониальными войсками. В дальнейшем часть буров осталась в Мидделбургском и Грааф-Рейнетском округах, в то время как другая двинулась на юг. 11-го января последовала ожесточенная стычка у Муррейсбурга, в которой колонна Бинга потеряла двадцать человек из Конницы Брабанта (Южно-Африканской Легкой Конницы). 16-го буры устремились на юг. В этот день они объявились у Абердина, а 18-го у Уиллоумора, за два дня покрыв семьдесят миль.

Абердин, Капская Колония

Тонкой рваной линией партии бюргеров растянулись более чем на 150 миль, и слухи об их присутствии гуляли от Мараисбурга на севере до Юниондейла, расположенного всего в тридцати милях от побережья. В этом пустынном районе, так же как и в районе Оудсхоорна, буры металась по холмам, а люди Хейга безуспешно пытались втянуть их в бой. Хорошо информированный противник легко избегал районов концентрации наших войск, в то время как одинокий британский аванпост или патруль мог считать себя везунчиком, если ему удавалось избежать беды. 6-го февраля небольшой отряд под командованием капитана Оливера численностью в двадцать пять человек (Гвардейцы 7-го Королевского Драгунского и Западно-Австралийцы), подвергся нападению у Клипплаат. В ожесточенном бою британцы восемь часов противостояли двумстам бурам, но, потеряв почти половину людей, вынуждены были сдаться. 12-го числа возле Уиллоумора подвергся неожидан-

ному нападению и сдался патруль йоменов.

Вторжение Де Вета, очевидно, послужило сигналом к концентрации сил для всех бурских рейдеров. Во второй неделе февраля Критцингер также стал откатываться назад. Британские колонны шли за ним по пятам. Однако в действительности он не соединился с Де Ветом и не покинул Колонию, подобно людям Герцога. 19-го числа Критцингер с повисшими у него на хвосте Горринжем и Лоу был у Бетесда. 23-го числа бюргеры атаковали важный железнодорожный мост через Фиш-Ривер севернее Крадока, но горстка Капских Полицейских и Ланкастерцев сумели отразить нападение. 3-го марта партия буров вошла в поселок Пеарстон, захватив небольшое количество ружей и боеприпасов. В тот же день произошла перестрелка между колонной полковника Парсонса и партией рейдеров севернее Абердина. Главные силы бюргеров, похоже, скрывались где-то по соседству, поскольку 7-го апреля буры смогли отрезать сильный британский патруль (сотню Уланов и Йоменов), в итоге семьдесят пять британцев на какое-то время оказались в плену. После этой удачной для буров акции мы на время расстанемся с Критцингером и его заместителем Схиперсом, командовавшим партией рейдеров, проникших на юг Колонии.

*Нападение бюргеров на патруль
Южноафриканской Легкой Конницы*

Оба рейда – Герцога на запад и Критцингера во внутренние районы, могут показаться незначительными в военном плане операциями небольших отрядов, старавшихся скорее обойти,

чем уничтожить встречавшиеся британские части. Однако их значение сразу возрастет, если вспомнить, что в действительности они были предвестниками вторжения отряда Де Вета. Целью двух первых рейдов являлась разведка, чтобы по прибытии главных сил все было готово ко всеобщему восстанию голландцев Колонии – последнему шансу пусть не победить, но хотя бы затянуть войну. Должно признать, даже если разум капских голландцев соглашался с действиями правительства, под руководством которого они жили, их чувства подвергались в ходе войны неизбежному, но от этого не менее жестокому испытанию. Появление в сердце Колонии такого популярного лидера, как Де Вет во главе пары-тройки тысяч ветеранов, стало бы для местных африканеров слишком сильным искушением. Сжигаемые расовой ненавистью, всегда тлевшей в их душах, речами лидеров и выдумками газет раздутой в бушующее пламя, капские буры созрели для бунта. Тем более, они имели наглядные доказательства неспособности нашей военной системы обуздать небольшие банды, так долго державшие страну в состоянии брожения. Все благоприятствовало попытке Стейна и Де Вета перенести боевые действия на территорию противника.

Последний раз мы упоминали Де Вета, когда, после длительной погони, британцы сумели оттеснить его бюргеров от Оранжевой Реки, и рейдеры, оторвавшись от преследовавшего их Нокса, в третьей неделе декабря пробили британский кордон между Табанчу и Ледибрандом. Оттуда Де Вет направился к Сенекалу и продолжил, вопреки полученной трепке, набирать новых людей и восстанавливать силы с удивительной быстротой, свойственной бурам. Наверное, в мире нет другой армии, которую так легко гонять по театру военных действий, но так трудно уничтожить. Британские колонны все еще сохраняли контакт с Де Ветом, укрывшемся в труднодоступной местности, но никак не могли принудить бурав вступить в бой. Его командо рассыпалось на мелкие группы, способные вновь объединиться по первому сигналу лидера. Эти мобильные, отряды в случае серьезной атаки моментально исчезали, но с готовностью вонзали когти в любое британское подразделение, которое можно было разгромить до подхода помощи. Такая возможность представилась командо Филипа Боты, и, в результате, британское оружие постиг еще один удар судьбы.

К 3-му января небольшая колонна полковника Уайта вместе с колоннами Нокса, Пилчера и другими британскими отрядами двигалась на север. В этот день Уайт забрался севернее

Линдли – округа, где чужакам всегда не везло. Патруль недавно сформированных Телохранителей Китченера (120 человек под командованием полковника Лейнга) был выслан вперед разведать дорогу от Линдли к Рейтцу.

Дозорная служба, похоже, неслась небрежно, на каждый фланг было выслано лишь по два человека. Патруль достиг одной из столь любимых бурами подковообразных позиций и лишь по залпу со стороны располагавшегося справа крааля узнал о присутствии сильного отряда противника. При попытке отойти выяснилось, что буры были со всех сторон, в том числе и в тылу, а их численность, по меньшей мере, в пять раз превышала численность патруля. Кемп основной колонны располагался всего в четырех милях, и Телохранители, отправив гонца с донесением о сложившемся положении, делали все, что могли, пытаясь продержаться до подхода помощи. Полковник Лейнг погиб, получив пулю в сердце, и его преемником стал отважный молодой адъютант – Неан. Часть отряда вместе с Неаном и Милном бросилась к донга, в какой-то мере спасавшему от свинцового града. Другие, возглавляемые капитаном Баттерсом, засели в развалинах крааля. Однако буры перешли в атаку и благодаря численному превосходству заняли удобную позицию, открыв по донга продольный огонь. Овраг из укрытия превратился в смертельную ловушку. Все еще надеясь на почему-то мешкавшее подкрепление, уцелевшие британцы продолжали стойко держаться, но и в краале, и в донга с каждой минутой их оставалось все меньше и меньше. Не было ни формальной сдачи, ни белого флага. Просто, когда половина британцев выбыла из строя, буры решительным броском взяли позицию. Командовавший бюргерами Филип Бота, брат команданта, обошелся с выжившими учтиво и гуманно, но многие из ран были нанесены теми ужасными разрывными и экспансивными пулями, применение которых цивилизованными противниками раз и навсегда должно считаться вопиющим нарушением правил войны. Вывод из строя вашего врага есть печальная необходимость любой войны, но ничто не может извинить сознательного причинение увечий и мучений, какими сопровождается использование столь бесчеловечного оружия.

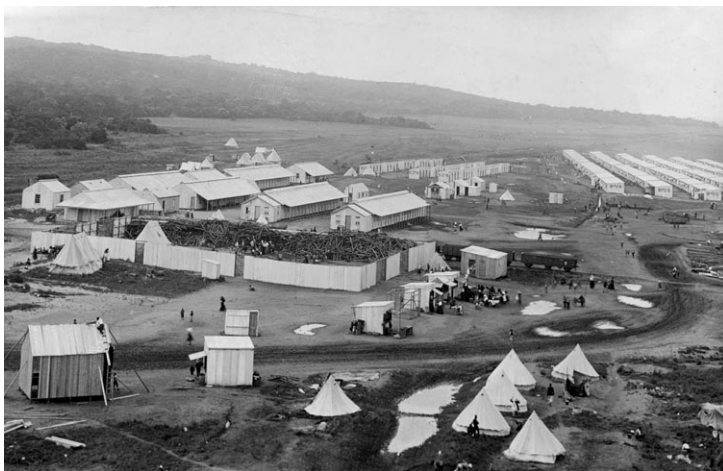
"Сколько вас?" – спросил Бота. "Сотня", – ответил офицер. "Неправда. Вас сто двадцать человек. Я считал, когда вы подходили". Ответ бурского командира демонстрирует, насколько тщательно "вели" небольшой патруль, пока он не оказался на удобной для нападения позиции. Как часто лишь какая-то малость отделяет поражение от победы! Всего через пятнадцать

минут после окончания боя заговорили пушки Уайта. Определенно, могут быть вопросы касательно заминки с подходом помощи, но вопросов относительно поведения в бою Телохранителей быть не может. Погибли: полковник Лейнг, три офицера и шестнадцать бойцов. Четыре офицера и двадцать два бойца получили ранения. Большой процент погибших объясняется убийственными характеристиками использовавшихся бурами пуль. Из принадлежавших Телохранителям лошадей едва ли одна уцелела, а поскольку буры не могли забрать пленных с собой, то добычу победителей составили исключительно британские винтовки. Стоит особо упомянуть, что британских раненых отправили в Хеилброн (через территорию, контролируемую бурами) без охраны. Их беспрепятственным прибытием туда мы обязаны снисходительности нашего противника, а также такту и энергии хирург-капитана Портера, командовавшего конвоем.

Ободренный последним успехом и новостями, что Герцог и Критцингер сумели беспрепятственно проникнуть в Колонию, Де Вет приготовился следовать за ними. Британские разведчики к северу от Кроонстада сообщали о появлении всадников, иногда одиночных, иногда небольших групп, едущих на юг и восток. Это были бюргеры, спешившие к Де Вету. 23-го января железную дорогу пересекли пять сотен буров, двигавшихся в том же направлении. К концу месяца, собрав у Доорнберга (в двадцати милях севернее Винбурга) около 2500 человек на свежих лошадях, бургский лидер изготовился к одному из своих молниеносных треков. 28-го января, прорвав британскую сеть, которая, похоже, имела слишком крупные ячейки, Де Вет ушел на юг. Перейдя Блумфонтейн-Ледибрандскую линию у Израэль-Поорт, он продолжил свой стремительный бег, преследуемый измученными британскими колоннами, напоминавшими добросовестных бульдогов, из последних сил, пытающихся достать грейхаунда.

Перед тем, как отправиться за Де Ветом в его новое рискованное предприятие, необходимо сказать несколько слов о вскользь упомянутом ранее мирном движении в Бургских Республицах. 20-го декабря лорд Китченер в новом воззвании пообещал покровительство бюргерам, желавшим прекратить борьбу, но опасавшимся сложить оружие и вызвать гнев более непримиримой братии. "Сим доводится до сведения всех бюргеров, – говорит документ, – что, если они добровольно сдадутся, им будет позволено жить с их семьями в Правительственных лагерях все время, пока продолжается партизанская

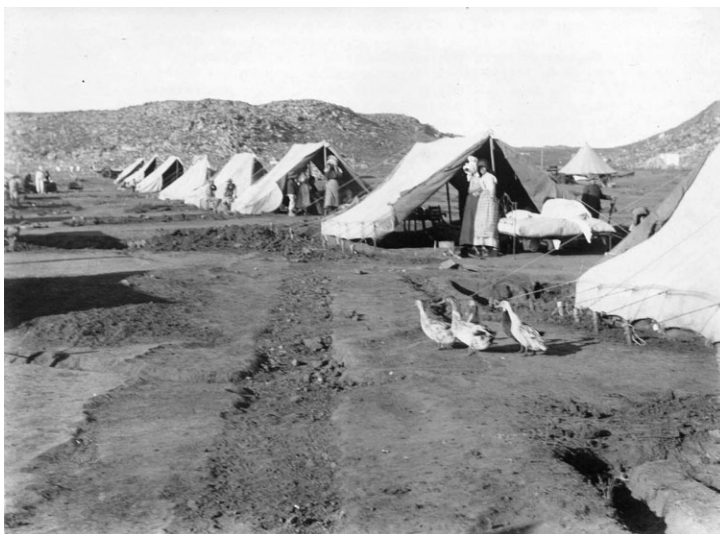
война, после завершения которой они смогут беспрепятственно вернуться в свои дома. Весь скот и собственность, арестованная до момента сдачи бургеров, будет уважаться и оплачиваться, в случае если была реквизирована". Это мудрое и щедрое предложение тщательно скрывалось лидерами командос от своих людей, но положительно действовало на тех, кому попадало в руки. Лагерь беженцев были созданы в районе Претории, Йоханнесбурга, Кроонстада, Блумфонтейна, Уоррентона и в других местах. Постепенно в них переводилось все гражданское население. Это был возрожденный аналог кубинской "концентрационной системы", с той существенной разницей, что гостей Британского Правительства хорошо кормили и с ними хорошо обращались во все время задержания. В целом, через несколько месяцев в лагерях обитало 50000 человек.

Концентрационный лагерь у Мербанка

Природно, что некоторые из этих людей, испытавшие мягкость британского правления и убежденные в безнадежности продолжения борьбы, желали довести свои чувства до друзей и родственников, оставшихся в поле. И в Трансваале, и в Колонии Оранжевой Реки были сформированы Мирные Комитеты, пытавшиеся убедить своих соотечественников принять неизбежное. Было опубликовано примечательное письмо Пита Де Вета – человека, храбро сражавшегося за дело буров, к своему знаменитому брату-генералу. "Что лучше для Республик, – спрашивал он, – продолжать борьбу, рискуя полностью погубить нацию, или покориться? Можем ли мы хоть на мгновение

принять назад страну, даже если нам ее предложат, с тысячами граждан, которых предстоит поддерживать правительству, не имеющему и фартинга?... На минуту отвлечись от эмоций, обратись к здравому смыслу, и ты согласишься со мной, что лучше всего для наших людей и страны сдаться, быть лояльным к новому правительству и получить ответственное правительство... Если война продлится еще несколько месяцев, народ настолько обнищает, что станет рабочим классом в собственной стране и в будущем исчезнет как нация... Британцы убеждены, что завоевали и землю, и ее людей, и считают, что дело сделано. Теперь, пытаясь предотвратить бессмысленное кровопролитие, они лишь проявляют великодушие к тем, кто продолжает борьбу".

Концентрационный лагерь у Крюгерсдорпа

Таковы были настроения бюргеров, желавших мира. Их глаза открылись, и, ища выход, обратились с Британского Правительства на отдельных представителей Британии, которые, руководствуясь частично идеализмом, частично партийными соображениями, фактически поощряли этих бюргеров идти на смерть. Двое несчастных – Моргендаал и Уэсселс, приехавшие в лагерь Де Вета, по приказу последнего были осуждены на смерть. В случае Моргендаала приговор действительно был приведен в исполнение, и, похоже, сопровождался бесчеловечным обращением, так как перед смертью осужденный был вы-

порот бичом. Однако обстоятельства дела все еще остаются туманными и невозможно сказать, предназначалось ли обращение, доставленное посланцем мира, лично Генералу или людям, находившимся под его командованием. В первом случае человека просто убили, во втором Де Вет действовал в пределах своих прав, хотя эти права были жестко истолкованы и достаточно бессердечно проведены в жизнь.

Расстрел предателя

29-го января, прорываясь на юг, люди Де Вета (или их часть) задали трепку небольшой британской колонне (Креве) у Табаксберга, лежавшего в сорока милях северо-восточнее Блумфонтейна. Небольшой британский отряд в семьсот человек внезапно обнаружил, что имеет дело с бурским коммандо, значительно превосходящим его по численности. Несмотря на некоторые проблемы, британцам удалось выкрутиться из сложного положения, правда, в этом деле они потеряли "пом-

пом". Криве отошел к Ноксу, и объединенная колонна отправилась в Блумфонтейн, где смогла воспользоваться железной дорогой. Тем временем Де Вет продвинулся на юг до самого Смитфилда, а затем, выделив несколько небольших групп для отвлечения внимания британцев, рванул точно на запад и пересек железную дорогу между Спрингфонтейном и Ягерсфонтейнской дорогой, попутно захватив поезд с припасами. 9-го февраля, порядочно оторвавшись от преследователей, он достиг Филиппописа и провел пару дней в последних приготовлениях к переносу войны на территорию Колонии. К этому моменту он имел почти 3000 бойцов, два 15-ти фунтовых орудия, один "пом-пом" и один "Максим". В соответствии с политикой концентрации британские гарнизоны были убраны из всех городов юго-запада Колонии Оранжевой Реки, и Де Вет оказался на дружественно настроенной территории.

Британцы, понимая, насколько осложнится ситуация, если Де Вет сумеет проникнуть в Колонию и соединится с Герцогом и Критцингером, предпринимали все возможное, чтобы отрезать его от Капской Колонии, в то же время преградив путь к отступлению. Операциями руководил генерал Литтелтон, находившийся у Наувпоорта. Благодаря железной дороге, он мог быстро концентрировать свои колонны на опасном направлении. 11-го февраля Де Вет перешел Оранжевую у Занд-Дрифт и вновь оказался на контролируемой британцами территории. План кампании, намеченный Литтелтоном, похож, заключался в следующем: позволить Де Вету немного углубиться на юг, а затем, удерживая его по фронту людьми Де Лисли, обложить с тыла небольшими мобильными колоннами Пламера, Краббе, Хенникера, Бетьюна, Хейга и Торнейкрофта. Перейдя реку, Де Вет вновь отправился на запад, где 12-го февраля колонна Пламера (Куинслендская Конная Пехота, Имперские Бушмены и часть Королевских Гвардейских Драгун) села на хвост его арьергарду. Все 13-е и 14-е число, под ужасным проливным дождем, закаленные бойцы Пламера преследовали противника, подобрав несколько брошенных вагонов с боеприпасами, "Максим" и нескольких пленных.

Ранним утром 15-го февраля рейдеры Де Вета, растянувшись по фронту на семь-восемь миль, пересекли железную дорогу близ Хоутнека, севернее Де Ара. В это время с севера и юга подошли два британских бронепоезда, Пламер продолжает шуметь у них в тылу, а маленькая колонна Краббе насадала с юга. В африканской войне этот крепкий полковник Гренадеров был четырежды ранен, и можно простить, если, столь безжало-

стно преследуя противника, он руководствовался не только патриотическими, но и личными мотивами.

*Офицерское собрание Гвардейских Гренадеров.
Крайний справа сидит полковник Краббе*

Перейдя дорогу, Де Вет резко развернулся лицом к преследователям, заняв великолепную позицию вдоль линии копи, выступавшими над бескрайними просторами Кару. Предоставив возможность своему конвою уйти вперед, он дал упорный арьергардный бой. Тем не менее, после решительной атаки Австралийских Бушменов, захвативших центральный копи, противник был сбит с позиции, и, подстегиваемый огнем орудий, устремился на запад. Бросив вагоны и запасы амуниции, партизанский лидер рванул на северо-запад. Он двигался очень быстро, но никак и не мог сбросить вцепившегося в него Пламера. Погода оставалась ужасной, лошади отказывались идти против неистово хлеставшего дождя, то и дело сменявшегося градом. Целую неделю две промокшие до нитки, измученные бессонницей, забрызганные грязью маленькие армии неслись по Кару. Де Вет через Стриденбург мимо Хоуптауна ушел на север к Оранжевой Реке, которая от дождей стала слишком полноводной для переправы. Здесь 23-го числа после сорокапятимильного перехода Пламер, наконец, сумел его догнать, и после короткого боя взял пятнадцатифунтовое орудие, "помпом" и почти сотню пленников. Ускользнув на восток, 24 февраля Де Вет вновь пересек железную дорогу между Кранкуй-

лом и Оранж-Ривер-Стейшн, преследуемый колонной Торнейкрофта.

Люди Де Вета на отдыхе

Теперь вопрос, как убраться из Колонии, волновал вожака буров, пожалуй, более, чем проблема проникновения в нее. Он растерянно метался вдоль берега, надеясь найти брод через бурную мутную реку, отрезавшую его от родной страны. Здесь к нему присоединилось коммандо Герцога с большим количеством бесценных подменных лошадей. Кроме того, по слухам, он смог восстановить конский состав в Хоуптаунском округе, который не был очищен – упущение, за которое, будем надеяться, кто-то ответит. Пони буров, привыкшие к сочным травам вельда, мало чем могли поживиться на пустошах Кару и выходили из строя одна за другой. Преследователи получили бы громадное преимущество, но наше невезение и плохое штабное руководство позволили рейдерам восстановить мобильность именно в тот момент, когда под конниками Пламера лошади начали падать замертво.

Силы буров оказались столь раздроблены, что, несмотря на объединение с Герцогом, у Де Вета оставалось меньше бойцов, чем в момент вторжения в Колонию. Несколько сотен попало в плен, многие дезертировали, некоторые погибли, и у британцев появилась надежда расправиться с рейдерами. Колонны Торнейкрофта, Краббе, Хенникера и других командиров быст-

ро сближались с Де Ветом, в то время как вздувшаяся от дождей река все еще отрезала ему путь к отступлению. Но внезапно вода спала, и один из бродов стал проходимым. Именно по нему в последний день февраля Де Вет и его перепачканное грязью, павшее духом коммандо ушли в свою страну. Однако в хвосте осы еще оставалось жало. В тот же день один из его отрядов сумел взять в плен шестьдесят и подстрелить двадцать человек из нового подразделения под командованием Коленбрандера (Боевые Скауты Китченера). Правда, в качестве утешения, того же числа Де Вет окончательно избавился от забот о своих орудиях. Последнее из них (плюс тридцать три бюргера) было захвачено пятнадцатью Викторянцами капитана Даллимора. В итоге рейда Де Вет, фактически ничего не добившись, потерял почти четыре тысячи лошадей, все орудия, вагоны и около трехсот бойцов.

Попав в родные места, партизанский вождь с присущими ему стремительностью и удачей продолжил движение на север. Как только выяснилось, что Де Вет ускользнул, неутомимый Пламер, выносливый, цепкий боец, железной дорогой отправился в Спрингфонтейн, в то время как колонна Бетьюна продолжала преследование. Бетьюн перешел Оранжевую по мосту и двинулся на Лукхофф и Фауэрмит. В Фауэрмите он соединился с Пламером, который вновь шел по пятам Де Вета. Совместно они гнали его через Риет-Ривер на север к Питерсбургу, пока не сочли это дело безнадежным, узнав, что Де Вет всего с пятьюдесятью бойцами переправился через Моддер-Ривер у Абраамс-Крааля. Британцы прекратили преследование и отошли к Блумфонтейну восстановить силы для новой попытки настичь неуловимого противника.

В то время как Пламер и Бетьюн двигались по следам Де Вета, пока не бросили его у Моддер-Ривер, Литтелтон использовал имевшиеся в его распоряжении многочисленные колонны для очистки юго-восточного сектора Колонии Оранжевой Реки. Больно вспоминать, что вся эта огромная территория с апреля по ноябрь жила мирной жизнью и процветала, словно Кент или Йоркшир. Вторжение партизанских отрядов и давление, оказанное ими на фермеров, вновь всколыхнули страну, и вновь потребовалась работа по усмирению населения, но с применением более жестких мер.

Непрерывный барьер проволочных заграждений, охраняемый британскими постами, протянулся на восемьсот миль от Блумфонтейна до границы с Басуто. С юга Брюс Гамильтон, Хикман, Торнейкрофт и Хейг устремились вверх, подобно

Френчу в Восточном Трансваале, прочесывая и опустошая страну, в то время как колонна Пилчера выжидала севернее проволочного барьера. Было известно, что в этом районе скрывалось большое коммандо Фурье. Бурский командир со своими людьми сумел уйти, проскользнув ночью между британскими колоннами, однако Пилчер, Бетьон и Бинг взяли 200 пленников и большое количество скота. 10-го апреля Монро с Конной Пехотой Бетьона пленил восемьдесят вооруженных буров у Деветсдорпа и еще шестьдесят были захвачены врасплох ночной атакой у Бошберга. В сводках об этих операциях мы не встречаем описаний ярких побед, но они являются важной частью процесса изматывания, истощавшего волю буров к сопротивлению и приближавшего конец войны.

Уничтожение бурской фермы

Было ужасно смотреть на опустевшую землю и думать о страданиях и нищете, в которые скатилась когда-то счастливая и процветающая Оранжевая Республика, ввязавшаяся в ссору с нацией, от которой знала лишь искреннюю дружбу и благожелательное расположение. Ничего не выиграв и всего лишившись, в этой южноафриканской драме Оранжевая Республика сыграла одну из самых бессмысленных ролей за всю историю. Ни одна нация не совершала настолько сознательного и беспричинного самоубийства.

СЕВЕРНЫЕ ОПЕРАЦИИ С ЯНВАРЯ ПО АПРЕЛЬ 1901 ГОДА

Пленные бюргеры

В трех предыдущих главах мы рассмотрели операции Де Вета, ход партизанской войны в Трансваале до конца 1900 года и вторжение буров в Капскую Колонию до апреля 1901. Настоящая глава затронет события в Трансваале, приняв за точку отсчета начало нового столетия. Боевые действия, развернувшиеся на огромном пространстве, можно разделить на две категории – нападение буров на британские посты и энергичную зачистку территории британскими колоннами. К первой категории относятся нападения на Белфаст, Зуурфонтейн, Каалфонтейн, Зееруст, Моддерфонтейн, Лихтенбург и множество менее значимых акций. Вторая включает операции Бабингтона и Каннынгхема к западу и юго-западу от Претории, действия Метуэна еще юго-западнее и большой поход Френча на юго-восток. Куда бы ни направлялись наши колонны, выйдя в поле, они нигде не встречали активного сопротивления. Пока

войска двигались, москиты вились вокруг, не осмеливаясь пристесть, но стоило британцам остановиться, как тут же доносился назойливый звон, и москиты принимались за дело.

Январь 1901 года для британского оружия начался не очень удачно. За неприятностями, постигшими Телохранителей Китченера у Линдли, последовал жаркий бой у Нааупоорта (Зандфонтейна) близ Магалисберга, в котором Де ла Рей оставил следы когтей на шкуре Имперской Легкой Конницы. Коммандос буров, загнанные Френчем и Клементсом в горы к концу декабря, постоянно выискивали возможность нанести удар по какому-нибудь неосторожно подставившемуся британскому отряду. Для зачистки территории были созданы несколько конных колонн под командованием Кекевича, Гордона и Бабингтона. Утром 5-го января две последние, неожиданно столкнувшись в тумане, открыли друг по другу огонь. Недоразумение, к счастью, обошлось без жертв, но британцев уже поджидала настоящая дуэль.

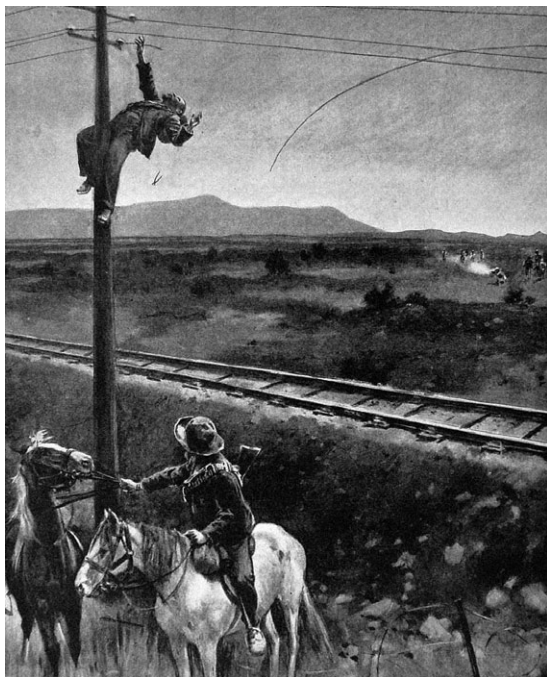

Имперские Йомены, 1901 год

Не успел туман рассеяться, как показались бюргеры, спешившие к высоте, контролировавшей дорогу, по которой двигался наш обоз и орудия. Два эскадрона ("В" и "С") Легкой Конницы получили приказ опередить противника и захватить высоту. Похоже, они не подозревали, что враг находился совсем рядом, и вообразили, что пространство впереди разведано людьми 14-го Гусарского. Действительно, четыре скаута Гуса-

ров были высланы вперед, но поскольку оба эскадрона шли галопом, они опередили разведчиков. Вскоре эскадрон "С", шедший вторым, получил приказ примкнуть слева к эскадрону "В", и 150 всадников одной тонкой линией помчались к низкому, поросшему травой холму. В это время в высокой траве по другую сторону гребня скрывались несколько сотен людей Де ла Рея. Первый же залп бюргеров, произведенный с каких-то пятидесяти ярдов, выбил из седла два десятка конников. Наверное, было бы мудрее, пусть и менее доблестно, сразу же отступить перед численно превосходящим противником. Вместо этого эскадроны получили приказ спешиться и открыть ответный огонь. Они выполнили приказ, но свинцовый шквал был ужасающим, и люди один за другим выбывали из строя. Капитан Норман (эскадрон "С") сумел сохранить управление и отвел своих бойцов. Эскадрон "В", потеряв Йокни, своего храброго командира, приказа на отход не слышал и продолжал удерживать рубеж, пока каждый из его бойцов не получил свою порцию свинца. Многие из них были ранены три-четыре раза. Капитуляции не последовало. Бойцы уничтоженного эскадрона "В" ценой своих жизней вплели еще одну лавровую ветвь в венок славы полка, в очередной раз подтвердившего репутацию доблестного подразделения. Победители ходили меж ранеными и убитыми людьми и лошадьми, в беспорядке разбросанными по склону. "Практически все они были одеты в хаки, имели наши флаги и вещмешки. Один из них отцепил штук у нашего убитого бойца, собираясь добить раненого, но в последнее мгновение был остановлен человеком в черном костюме, который, как я впоследствии узнал, был самим Де ла Реем... Но гвоздем программы был несравненный героизм нашего полковника старины Вулс-Сэмпсона". Так написал один из уцелевших бойцов роты "В", также получивший пулю. Прошло четыре часа, прежде чем свежее британское подразделение заняло высоту, но к этому времени буры исчезли. На месте катастрофы было найдено около семидесяти убитых и раненых, многие из которых получили страшные увечья. Факт, что в двух отдаленных друг от друга районах, с разницей в каких-то три дня, наши иррегулярные подразделения получили два сокрушительных удара, несомненно является невероятным совпадением. Но оба боя скорее подняли, чем опустили их престиж. С другой стороны, эти инциденты заставляют усомниться в справедливости расхожего мнения, гласившего, что в Колониальных частях разведка поставлена лучше, чем в регулярных.

Из общего ряда нападений буров на британские посты крайней храбростью, можно сказать, отчаянностью, выделяется атака Белфаста ранним утром 7-го января. В тот же день несколько менее масштабных атак, скорее диверсий, произошли у Вондерфонтейна, Ноойтгедахта, Вилдфонтейна, Пана, Далмануты и Махадодорпа. Эти семь отдельных атак на участке протяженностью более шестидесяти миль продемонстрировали, что буры все еще являют собой организованную силу, находящуюся под единым и эффективным контролем. Главной целью операций, несомненно, было нарушение местных коммуникаций армии лорда Робертса и разрушение большого участка железной дороги.

Иногда за перерезанный провод буры платили кровью...

Город Белфаст имел сильный гарнизон под командованием Смит-Дорриена, численностью в 1750 человек, из которых 1300 приходились на пехоту (Королевские Ирландцы, Шропширцы и Гордонцы). Однако периметр обороны растянулся на пятнадцать миль, а небольшие форты находились слишком далеко друг от друга, чтобы оказывать взаимную поддержку, хотя и имели телефонную связь со штабом. Возможно, часть

командиров и бюргеров, замешанных в этом дерзком нападении, ранее участвовала в успешной акции у Хелветии (26-го декабря), поскольку атака развивалась по тому же плану, началась в такое же время и, возможно, имела ту же основную задачу – захват грозного при свете дня, но абсолютно беспомощного ночью 5-ти дюймового орудия. У Хелветии они достигли цели, сумев не просто уничтожить, но и увести гигантский трофей. И, наверняка, у Белфаста бюргеры смогли бы повторить свой трюк, если бы предусмотрительный Смит-Дорриен не приказал вводить тяжелое орудие в город на ночь.

Вначале противник атаковал Монумент-Хилл – пост, удерживаемый капитаном Фосбери с восьмьюдесятью тремя Королевскими Ирландцами. Случай или измена вывела буров к слабому месту в проволочном ограждении, и они лавиной хлынули в форт, игнорируя отчаянное и самоотверженное сопротивление гарнизона. Под проливным дождем, в густой мгле появление неясных, едва различимых силуэтов стало первым, но запоздалым предвестником стремительной атаки. Волна нападавших захлестнула Ирландцев, тем не менее успевших подтвердить свою репутацию. Капитан Фосбери погиб как настоящий джентльмен, но и Барри, скромный рядовой, отдал свою жизнь не менее героически. Окруженный бурами, не думая ни о них, ни о себе, Барри крушил мотыгой свой "Максим", пока не упал изрешеченный пулями. К моменту взятия поста половина гарнизона лежала на земле.

*Рядовой 1-го батальона Королевского Ирландского,
Джон Барри*

Второй пост на другой стороне города защищал лейтенант Маршалл с двадцатью бойцами (главным образом Шропширцами). Они держались почти час, пока Маршалл и девять из двенадцати Шропширцев не выбыли из строя. Этот пост также был взят.

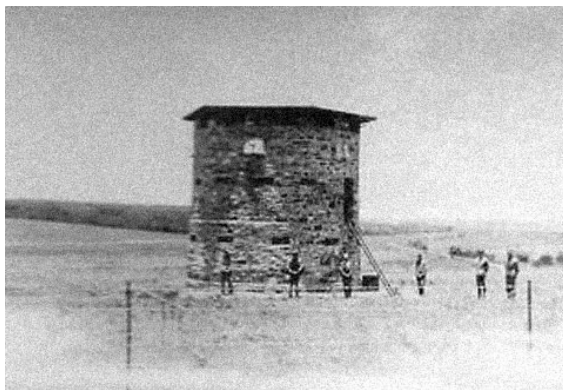
Хайлендеры Гордона удерживавшие два поста на юге и юго-западе города, так же подверглись ожесточенным атакам. Здесь успех сопутствовал британцам. Тщетно командос Эрмело и Каролины штурмовали пикеты Гордонцев. Наша пехота отбросила их уверенным огнем. Еще один небольшой пост (двадцать Хайлендеров) был взят, но остальные сумели отразить атаку. Видя, что его надежда на COUP-DE-MAIN* провалилась, Вилджоен еще до полудня отвел своих людей. Точные потери буров неизвестны, но на британских позициях подобрали тела двадцати четырех бюргеров. Британцы потеряли шестьдесят человек убитыми и ранеными, и почти столько же попали в плен. В целом это был быстрый и великолепный бой, которого не должна стыдиться ни одна из сторон. Синхронные атаки на шесть других станций были скорее отвлекающими маневрами, чем реальными нападениями, и ни одна из них не отличалась решительным характером.

Акции у Каалфонтейна и Зуурфонтейна были предприняты ранним утром 12-го января. Две маленькие железнодорожные станции приютились на линии, соединявшей Йоханнесбург и Преторию. Вполне очевидно, что буры, вторгшись в самое сердце британских позиций, были уверены, что в случае неудачи в любой момент сумеют уйти от преследования. Дальнейшее развитие событий подтвердило правоту их расчетов. Будучи отличными наездниками, на лучших лошадях, с лучшей поставленной разведкой, лучше зная местность – они всегда имели шанс избежать возмездия.

Похоже, посты атаковало сильное командо, по слухам возглавляемое командантом Бейером, направлявшееся к месту концентрации буров в Восточном Трансваале. Однако бюргеры лишились удовольствия увести с собой гарнизоны британских постов, поскольку атаки были решительно отбиты. В Каалфонтейне стояли 120 Чеширцев под командованием Уиллиамс-Фримана, а в Зуурфонтейне столько же Норфолкцев и небольшое подразделение Линкольнцев под командованием Кордо и Аткинсона. В течение шести часов защитники Каалфонтейна сдерживали противника, находясь под ожесточен-

* внезапную решительную атаку

ным артиллерийским и ружейным обстрелом, в то время как бой у Зуурфонтейна проходил без использования артиллерии. В конце концов, к месту боя прибыли два бронепоезда с подкреплением, и враг продолжил свой трек на восток. 2-я кавалерийская бригада Нокса последовала за ним, но безо всякого видимого результата.

Британский блокгауз у Каалфонтейна

Перед тем как увести свою колонну на юго-запад, где его ждало много тяжелой, но нужной работы, лорд Метуэн оставил гарнизоны в Зеерусте и Лихтенбурге. Оба города были сразу же окружены противником и подверглись нападению. Атака Зееруста 7-го января была довольно вялой, и ее легко отбили. У Лихтенбурга 3-го марта дело обстояло гораздо серьезнее. Ранним утром Де ла Рей, Смутс и Селлье с 1500 всадниками галопом атаковали британские пикеты. Оборону держали 600 бойцов: Конница Паджета и три роты 1-го батальона Нортумберлендских Фузилеров – ветеранов, с большим опытом заморской службы, которых не следует путать со 2-м батальоном того же полка, несколько раз попадавшего в неприятные ситуации. Наше счастье, что дело обстояло именно так, поскольку менее стойкий человеческий материал наверняка был бы сметен атакующими. Гарнизон отступил в последнюю траншею, но сумел продержаться весь день под сильным огнем. На следующее утро буры ушли. Противник, похоже, потерял более пятидесяти человек, включая команданта Селлье, получившего тяжелое ранение и позднее взятого в плен у Варм-Бата. Потери доблестного гарнизона составили четырнадцать человек, в том числе два офицера-нортумберлендца убитыми и двадцать человек ранеными.

Церковь в Лихтенбурге, в которой британцы, во время боя, укрывали лошадей (фото мирного времени)

В каждом из этих примеров британские посты сумели отразить атаки буров собственными силами. Однако в конце января, при нападении на пост у Моддерфонтейна (на Гатсранде) противнику повезло больше. Пост защищали 200 Южно-Уэльских Пограничников и 59-я рота Имперской Йоменри, эскортировавшая конвой из Крюгерсдорпа. Бой, продолжавшийся весь день, вело командо Смутса численностью около 2000 человек, взявшее позицию британцев следующим утром. Как обычно, буры, не имевшие возможности содержать пленных, извлекли из своего успеха мало пользы. Британцы потеряли от тридцати до сорока человек, преимущественно ранеными.

22-го января генерал Каннингхем с небольшой колонной, включавшей Пограничников, Вустерцев, 6-й батальон Конной Пехоты, Конницу Китченера, 7-й полк (или роту?) Имперской Йоменри, 8-ю батарею Полевой Артиллерии и батарею "Р" Конной Артиллерии, покинул Олифантс-Нек. Он получил приказ двигаться на юг, где, по сведениям разведки, концентрировался противник. Уже к полудню британской колонне был оказан "теплый" прием, и Каннингхем обнаружил, что окружен значительными силами буров под командованием Де ла Рея. Британцы провели ночь у Мидделфонтейна, а ранним утром подверглись нападению. Буры были настроены столь решительно и занимали настолько удобные позиции, что наши войска оказались в довольно трудном положении. К счастью, колонна поддерживала гелиографную связь с Олифантс-Нек и знала, что 23-го числа ей на выручку отправляется Бабингтон. Весь день буры обстреливали людей Каннингхема издалека, но 24-го подоспевший Бабингтон успешно вывел колонну из ловушки. Наши потери составили семьдесят пять человек. Занят-

но отметить, что акция у Мидделфонтейна началась при королеве Виктории, а закончилась при короле Эдуарде VII.

Колонна Каннингхема направилась к Крюгерсдорпу, и здесь, услышав о разгроме Моддерфонтейнского поста, часть подразделений ушла к Гатранду преследовать Смутса. Однако вскоре выяснилось, что буры засели на сильной оборонительной позиции, а британцы не располагают достаточными силами, чтобы ее атаковать. 3-го февраля Каннингхем, приказав пехоте наступать по фронту, своей немногочисленной кавалерией попытался обойти противника с фланга, но ни то, ни другое предприятие не удалось. Кавалерия не смогла нащупать фланг, а пехота залегла сильным огнем. Одна из рот Пограничников оказалась в очень сложном положении, при этом большая часть ее личного состава была убита, ранена или взята в плен. Этой неудачей и завершились Моддерфонтейнские события. 4-го числа Каннингхем с помощью подошедшей Южно-Африканской Констебьюлари сумел обойти с фланга и оттеснить буров, отступивших в южном направлении. Несколькими днями позже люди Смутса предприняли нападение на железную дорогу у Банка, но были отбиты, потеряв двадцать шесть человек. Именно после этой акции Смутс ушел на запад, где совместно с командо Де ла Рея участвовал в упоминавшейся выше атаке Лихтенбурга.

Шесть рассмотренных столкновений – основные акции, предпринятые бурами в первые три месяца 1901 года против британских постов в Трансваале. Нападения на поезда в этот период стали делом обыденным, так же как снайперские обстрелы, по своему характеру варьировавшиеся от приемлемых правилами войны засад до чего-то мало отличавшегося от подлого убийства.

В предыдущей главе уже упоминалось, что лорд Китченер фактически предложил бурам амнистию, и часть бюргеров под влиянием британцев принялась создавать мирные комитеты, направляя командос информацию о бессмысленности продолжения борьбы и мягком отношении к побежденным со стороны Британии. К несчастью, предложение Китченера сделанное из лучших побуждений, лидеры буров приняли за признак слабости. Из делегатов, решившихся передать условия амнистии своим соотечественникам, по меньшей мере двое были расстреляны, несколько приговорены к смерти и лишь немногие вернулись домой, не испытав на себе дурного обращения. Более того, ни один из них не добился благоприятного ответа. Единственным ощутимым результатом воззвания Китченера

стало то, что на попечении британцев оказалась огромная толпа женщин и детей, которых приходилось содержать и кормить в лагерях беженцев, в то время как их отцы и мужья в большинстве случаев продолжали сражаться.

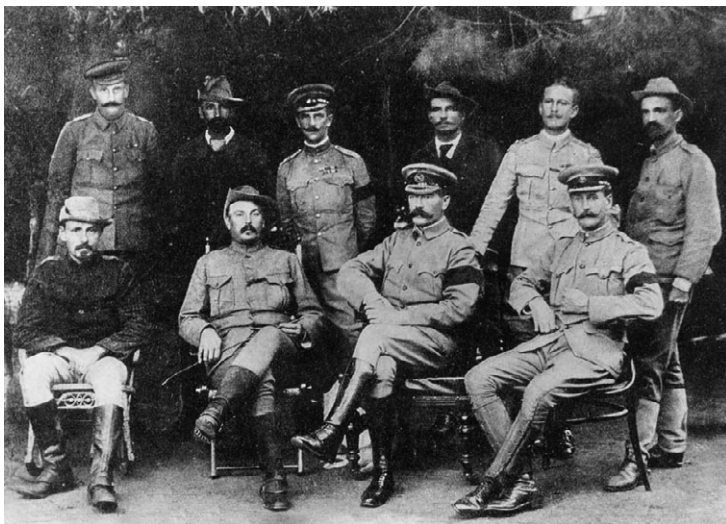

Колонна беженцев проходит мимо британского поста

Упоминание о проявившемся среди бюргеров стремлении к миру может служить введением к рассказу о попытке прекратить войну путем переговоров, предпринятых лордом Китченером в феврале 1901 года. Решимость Великой Британии и всей Империи довести дело до конца не ослабевала ни на мгновение, но британское общество с горечью взирало на разруху и запустение, охватившее громадную часть Южной Африки, и было готово приветствовать любое урегулирование, гарантирующее, что проделанная работа не оказалась напрасной и не потребует повторения. Мир на любых других условиях переложил бы на плечи потомков груз проблем, который у нас не хватило мужества нести самим.

Как упоминалось, среди бюргеров, находившихся в лагерях беженцев и лагерях военнопленных, зародилось довольно сильное движение сторонников мира, и была надежда, что оно найдет определенное понимание у лидеров буров. В конце февраля лорд Китченер передал устное послание Луису Боте, и

27-го числа того же месяца бурский генерал в сопровождении эскорта Гусар появился в Мидделбурге. "Загорелый, с приятным полноватым лицом германского типа, с эспаньолкой", – так описал его один из очевидцев. В ходе беседы, судя по взрывам смеха, доносившимся наружу, оба лидера быстро нашли общий язык, и возникла надежда, что из этой встречи родится взаимоприемлемое решение, позволяющее положить конец войне. С самого начала лорд Китченер объяснил, что сохранение независимости двух республик невозможно, но по всем другим пунктам, надеясь удовлетворить бюргеров и расположить их к себе, Британское Правительство готово пойти на значительные уступки.

*Участники переговоров в Мидделбурге.
(сидят: Н. де Вет, Луис Бота, Китченер, Ян Гамильтон;
стоят: Хендерсон, Ван Велден, Ватсон, Фразер, Максвелл,
Фразер)*

7-го марта из Претории лорд Китченер отправил Боте письмо, где кратко, по пунктам, повторил выдвинутые требования. Предлагаемые бюргерам условия были гораздо мягче тех, к которым склонялось общественное мнение Империи. Если буры соглашались сложить оружие, они получали полную амнистию, распространявшуюся в том числе и на мятежников, при условии, что те не вернуться в Капскую Колонию или Наталь. Через определенный промежуток времени, в течение которого оба государства управлялись бы как колонии Ко-

роны, они получали самоуправление. Суды сразу же обрели независимость от исполнительной власти, а оба языка – статус официальных. Бюргерам обещалась компенсация в миллионы фунтов – удивительный пример в истории, когда победители соглашались оплатить издержки войны. Фермерам для восстановления их бизнеса предлагались займы, а сами фермы освобождались от налогов. Кафры не имели права голоса, но пользовались защитой закона. Таковыми, в общих чертах, были условия, предлагаемые Британским Правительством. Домашнее общественное мнение, получившее горячую поддержку в колониях и особенно в армии, считало, что Британия, стремясь к примирению, пошла на крайние уступки. Дальнейшие шаги означали бы не предложение мира, а вымалывание его. К сожалению, буры категорически настаивали на единственном условии, которое Британия не могла предложить. Возможно, мягкость выдвигаемых Китченером требований они восприняли как слабость. 15-го марта генерал Бота прислал ответ, смысл которого заключался в том, что бюргеров могла удовлетворить лишь полная независимость. Переговоры были прерваны.

Есть предположения, что буры пытались их возобновить, поскольку 10-го мая Бота обратился к лорду Китченеру за разрешением по кабелю связаться с президентом Крюгером, чтобы получить его совет касательно заключения мира. Упрямый старик, заседавший в Гааге, оставался непреклонен. Его ответ гласил, что есть большие надежды на удачный исход войны, и что он предпринимает шаги для обеспечения нормального снабжения продовольствием буров-военнопленных и женщин в лагерях беженцев. Его шаги (надо признать, достаточно эффективные) заключались в том, чтобы оставить этих людей всецело на попечении правительства, которое Крюгер так любил оскорблять.

В тот же день, когда Бота обратился за разрешением использовать британский кабель, Государственный Секретарь Трансваля Рейтц отправил письмо Стейну, в котором ясно описал отчаянное положение буров. Он объяснял, что бюргеры регулярно сдаются в плен, что боеприпасы подходят к концу, провиант заканчивается, а нация находится на грани угасания. "Пришло время сделать последний шаг", – писал Государственный Секретарь. В ответном письме Стейн, подобно своему собрату-президенту, продемонстрировал суровую решимость продолжать борьбу, иррационально веря, что какая-то помощь извне даст ему то, чего он не сумел добиться собственными

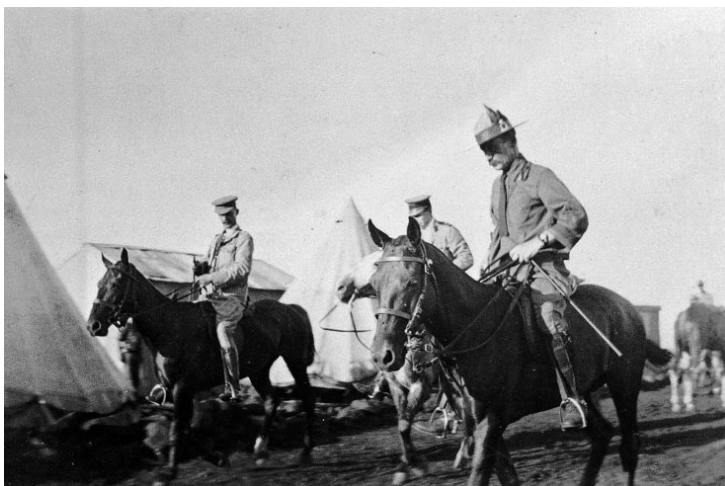
силами и собственным оружием. Его позиция, как и позиция Крюгера, побудила бурских лидеров воевать еще много месяцев – решение, возможно и неверное, но несомненно, героическое. "На этот раз сражаться до конца", – заявляли два бойца на рисунке в "Панче", вышедшем в начале войны. Что касается буров – так оно и вышло. Как победители, мы можем себе позволить признать, что ни одна нация в истории не оказывала такого отчаянного и длительного сопротивления столь превосходящему ее по мощи противнику. Британия может лишь молить Господа, чтобы ее народ в час испытаний оказался столь же стойким и верным.

Президент Стейн

На данной стадии войны, благодаря концентрации сил, положение британцев упрочилось. Гарнизоны отдаленных городов были оттянуты, соответственно уменьшилась потребность в конвоях. Жителей отселили в лагеря, расположенные вдоль железных дорог, облегчавших снабжение беженцев продовольствием. На расчищенной таким образом сцене британские

солдаты и вооруженные бюргеры остались лицом к лицу. Убедившись в провале политики примирения, лорд Китченер с чистой совестью решил приблизить конец войны, проведя серию решительных операций по прочесыванию театра военных действий. Необходимым условием для успешного осуществления задуманного являлось наличие конницы, и его просьбы о подкреплениях встретили полное понимание. Пять тысяч всадников прислали колонии, двадцать тысяч кавалеристов, конных пехотинцев и йоменов отправили из метрополии. Кроме того, десять тысяч конников уже были собраны в Великой Британии, Южной Африке и Канаде для Констебьюлари, формируемой Баден-Пауэллом. В целом до конца апреля в Африку прибыло около тридцати пяти тысяч всадников.

Генерал-майор Баден-Пауэлл инспектирует конский состав

С остатками старых подразделений на финальном этапе войны лорд Китченер имел под своим командованием от пятидесяти до шестидесяти тысяч кавалеристов – силу, о какой ни один из британских генералов не мог мечтать в самом сладком сне, и (учитывая проблемы снабжения) ни один из британских военных министров не мог вообразить в самом ужасном кошмаре.

Задолго до прибытия подкреплений, когда Йомены еще толпились в длинных очередях на лондонских тротуарах перед рекрутскими пунктами, лорд Китченер нанес противнику несколько болезненных ударов, существенно ослабив его материальную и людскую базу. Главной из этих акций стала боль-

шая "зачистка" Восточного Трансвааля, предпринятая семью колоннами под общим командованием Френча. Однако, перед освещением этих событий, следует сказать несколько слов о действиях Метуэна на юго-западе.

Боец Канадской Констебьюлари

Утренняя зарядка на борту военного транспортника, направляющегося в Южную Африку

Этот трудолюбивый генерал, оставив гарнизоны в Зеерусте и Лихтенбурге, покинул свой старый район и с колонной, состоявшей главным образом из Бушменов и Йоменов, направился в беспокойные округа Бечуаналенда, где орудовал Де Вилльер. Метуэн расчистил страну до самого Фрайбурга, куда добрался в середине января, затем повернул к Курумуну, а оттуда к Таунгсу. Затем его колонна перешла трансваальскую границу и направилась к Клерксдорпу, пробираясь по территории, где британские войска ранее не появлялись, в том числе через труднопроходимые гребни Масакани. Метуэн оставил Таунгс 2-го февраля и имел несколько стычек у Утвалс-Коп, Паардефонтейна и Лиллифонтейна, каждый раз отбрасывая противника с дороги. Пройдя Волмаранстад, он повернул на север, где 19-го февраля у Хаартебиистефонтейна провел жаркий бой с крупными силами буров под командованием Де Вилльера и Либенберга. Днем ранее он сумел провести буров: зная, что те покинули лагерь, направившись занимать позиции для предстоящего боя, Метуэн совершил набег на их опустевшую стоянку, захватив 10000 голов скота, сорок три вагона и сорок пленных. Вдохновленный этим успехом, на следующий день он атаковал буров и после тяжелого пятичасового боя сумел прорваться через удерживаемый ими проход. Учитывая, что у Метуэна было лишь 1500 человек, и он атаковал не уступавшего ему по численности противника, к тому же занимавшего сильную позицию – успех делал ему честь. Йомены зарекомендовали себя отлично, особенно 5-й и 10-й батальоны. То же можно сказать об Австралийцах и Северных Ланкаширцах. Британцы потеряли шестнадцать человек убитыми и тридцать четыре ранеными, в то время как на покинутых позициях осталось восемнадцать мертвых бюргеров. Небольшая колонна Метуэна вернулась к Клерксдорпу, неплохо послужив стране. От Клерксдорпа Метуэн бросился на запад, двигаясь южнее предыдущего маршрута, и 14-го марта был в Варрентоне. Туда же в апреле прибыла небольшая колонна Эрролла, приведя с собой гарнизон и жителей Хоопстада – поста, покинутого в соответствии с проводимой лордом Китченером политики централизации.

В январе 1901 наблюдалась значительная концентрация трансваальских буров в большом треугольнике, очерченном линией на Делагоа с севера, Натальской железной дорогой с юга и границами Свази и Зулулена с востока. В это время года бушveld представляет собой довольно нездоровое место для

людей и домашних животных, поэтому, заботясь о себе, своих семьях и стадах, бюргеры вынуждены уходить в открытый вельд. Похоже, им никто не препятствовал, и таким образом этот участок территории, хотя по нему ранее проходили и Буллер, и Френч, все еще оставался оплотом буров и их кладовой. В пределах данного треугольника располагались Каролина, Эрмело, Фрайхейд и другие эпицентры беспорядков. Контроль над этой территорией имел особые стратегические выгоды, поскольку базировавшиеся здесь отряды в удобный момент могли атаковать любую железнодорожную линию, или, как это не раз случалось, спускаться в Наталь. Таким образом, заботясь как о стратегических преимуществах, так и о собственном здоровье, здесь собралось изрядное количество бюргеров под командованием Боты и Смутса.

Их сосредоточение не ускользнуло от внимания британских военных, приветствовавших любой маневр противника, если тот приводил к концентрации в одном районе неуловимых командо, обычно рассеянных на громадных пространствах. Лорд Китченер, обнаружив, что враг любезно собрался в своем просторном убежище, решился на непростую задачу – прочесать эту территорию из конца в конец. Возглавить мероприятие поручили генералу Френчу, отдав под его командование семь колонн, выступивших из исходных пунктов на Натальской и Делагоаской железных дорогах. Поддерживая между собой постоянный контакт, британские войска устремились к югу и востоку. Однако беглого взгляда на карту достаточно, чтобы убедиться – для семи охотников предстоящий театр боевых операций слишком уж обширен, и требуется максимум расторопности и бдительности, чтобы преследователь не превратился в дичь. Итак, три колонны выступили от железной дороги на Делагоа: Смит-Дорриен из Вондерфонтейна (восточнее всех), Кемпбелл из Мидделбурга и Алдерсон из Эрстефабрикен (близ Претории). Четыре другие отправились от западной железной дороги: генерал Нокс от Каалфонтейна, майор Алленби от Зуурфонтейна (обе станции расположены между Преторией и Йоханнесбургом), генерал Дартнелл от Спрингса (вблизи Йоханнесбурга) и, наконец, генерал Колвилл (не путать с Колвиллом) от расположенного на юге Грейлингстада. В целом операция напоминала огромный невод, концы которого находились в Вондерфонтейне и Грейлингстаде, разделенных сотней миль. 27-го января сеть начали тянуть. Было известно, что на окруженном участке находятся несколько тысяч бюргеров с орудиями, и была надежда, даже если коман-

дос, пользуясь своей мобильностью, сумеют улизнуть, по меньшей мере, захватить их транспорт и артиллерию.

Каждая британская колонна насчитывала около 2000 бойцов. Всего в операции задействовали 14000 человек и около пятидесяти орудий. Каждый отряд контролировал по фронту не менее десяти миль. Первый решительный удар на крайнем левом фланге нанесла колонна Смит-Дорриена, направившаяся на юг к Каролине, а затем к Ботвеллу, расположенному вблизи озера Крисси. Тяжкий труд доставки припасов от железной дороги выпал, главным образом, на ее долю, соответственно эта колонна была сильнее других, и насчитывала 3500 человек при тринадцати орудиях. Когда Смит-Дорриен подошел к Каролине, остальные колонны также пришли в движение, стремясь к Эрмело. На протяжении семидесяти миль мерцание гелиографов днем и вспышки сигнальных фонарей ночью отмечали передний фронт этой своеобразной приливной волны. То там, то тут колонны входили в соприкосновение с противником, сбивали его с позиций и гнали перед собой.

Австралийская конная пехота перед боем

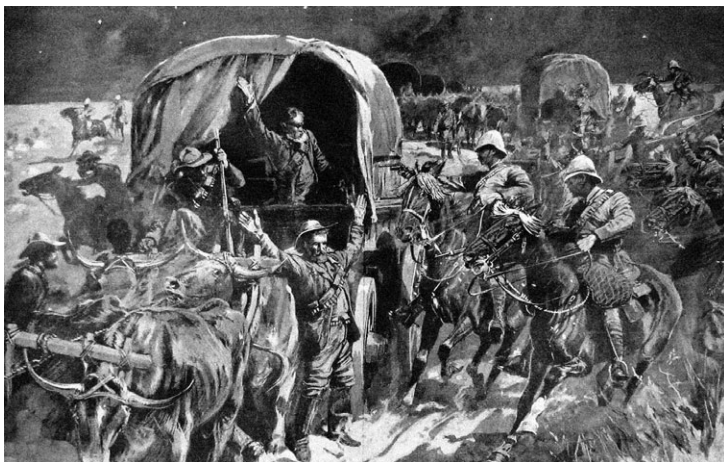
В конце января Френч столкнулся с бурами у Вилге-Ривер, а Кемпбелл южнее Мидделбурга (потеряв при этом двадцать человек). 4-го февраля Смит-Дорриен был у озера Крисси. Френч прошел через Бетел, а противник отступил к Амстердаму. Расстояние между краями стомильной сети сократилось на две трети, а дичь все еще оставалась внутри. 5-го числа британцы оккупировали Эрмело. Свежие глубокие колеи, исчертившие вельд, красноречиво подсказывали британским конникам, что впереди движется большой бурский конвой. Дни напролет огромные стада, бесчисленные отары и цепочки вагонов, тянувшиеся от горизонта до горизонта, уходили на восток. Кавалерия и конная пехота сразу же взяли след.

Однако Бота был не из тех лидеров, которые позволяют себя безнаказанно погонять. Имея несколько тысяч бюргеров, он понимал, что, неожиданно атаковав любой участок британской линии, буры могут некоторое время вести бой в равных условиях, а возможно, даже выиграть его. Сбив Смит-Дорриена, Бота получал шанс расчистить дорогу и увести свой конвой на север, в то время как разгром любой другой британской колонны мало чем помогал. Поэтому он бросился именно на Смит-Дорриена. Но британский генерал располагал отличным войсками. В его распоряжении находились Суффолкцы, Западные Йоркцы, Камеронцы, 5-й Уланский, 2-й батальон Имперской Легкой Конницы и 3-й Конной Пехоты плюс восемь полевых орудий и три тяжелых. Такую колонну вряд ли можно разбить в открытом бою, но трудно предсказать результат хорошо организованной внезапной ночной атаки. Именно такую атаку начал Бота в три часа ночи 6-го февраля, когда его оппонент разбил бивак у Ботвелл-Фарм.

Черная и туманная ночь благоприятствовала бурам. Однако, к счастью, британский командир позаботился о безопасности стоянки и был готов отразить нападение. Последней надеждой бюргеров оставалась дерзкая стремительная атака. Буры пустили лошадей галопом, рассчитывая мгновенно смять аванпосты британцев и неожиданно ворваться на бивак. Но Западные Йоркширцы, принявшие на себя основной удар, были ветеранами Тугелы, которых не заставишь паниковать, ни в три часа дня, ни в три часа ночи. Атаку отбили, а двадцать мертвых буров вместе с их отважным лидером – Спруйтом остались лежать перед британским рубежом обороны. Основные силы бюргеров довольствовались ожесточенной пальбой из темноты, наша пехота отвечала тем же. Утром от противника, не считая его мертвых, не осталось и следа, но двадцать убитых и пятьдесят раненых бойцов из колонны Смит-Дорриена подтверждали силу урагана, обрушившегося на спящий лагерь. Атака командос Каролины, планировавшаяся одновременно с ударом Хейделбергцев, из-за каких-то неувязок и сложности рельефа так и не началась, что в дальнейшем привело к взаимным обвинениям и раздорам в рядах буров.

Не считая серии стычек и арьергардных боев, нападение, предпринятое Ботой, было единственной серьезной попыткой остановить движение британских колонн. Однако бюргеры не сумели задержать Френча ни на час. С этого момента начинается регулярный отлов беглецов, окруженных с севера, запада и юга – монотонные отчеты о захвате людей, скота, орудий и

вагонов. Операция проводилась в высшей степени тщательно. Населенные пункты в оккупированных округах лишились своих обитателей, отправляемых в лагеря беженцев. Страна превратилась в безжизненную пустошь, где командос едва ли могли рассчитывать на пополнение припасов. Двигаясь на юго-восток и гоня перед собой дезорганизованную толпу в 5000 человек, колонны Френча добрались до Пит Ретифа, расположенного на границе Свазиленда.

*Конная пехота захватывает бурский конвой
(рисунок из "Graphic")*

Бурская гаубица, доставшаяся британцам у Пит Ретифа

В середине февраля часть буров, в том числе Каролинское коммандо, сумело прорвать британский заслон и ускользнуть. Тогда же из ловушки вырвался и Луис Бота. Но в целом операция оказалась чрезвычайно успешной. Докладывая о результатах, Френч мог отчитаться о 292 убитых или раненых и 500 сдавшихся в плен бурах. В качестве трофеев ему достались три орудия, один "Максим", 600 винтовок, 4000 лошадей, 4500 трековых волов, 1300 вагонов и картов, 24000 голов крупного рогатого скота и 165000 овец. Громаднейший кусок восточного вельда покрылся разбитыми и сожженными бурскими вагонами.

Полковник Эдвин Алдерсон

Непрекращавшиеся проливные дожди превратили вельд в одно гигантское болото, в котором вязли британские колонны. Тем не менее, каждая из них продолжала сообщать о новых уловах. 3-го марта Дартнелл доложил о захвате 50-ти пленных и "Максима", Френч еще о 50-ти, а Смит-Дорриен о 80-ти пленных. 6-го марта Френч взял еще два орудия, а 14-го доносил о том, что противник потерял 46 человек, при этом кроме 146 пленников британцам достались 500 вагонов плюс изрядное количество овец и крупного рогатого скота. К концу марта Френч дошел до самого Фрайхеида. Его войска выбивались из сил, измученные бесконечными дождями и постоянными про-

блемами со снабжением. 27-го марта он сообщает, что буры потеряли еще 17 человек, а 140 сдались в плен. В последний день месяца его люди вновь взяли одно орудие и два "пом-пома".

Противник, преследуемый Алдерсоном и Дартнелом, продолжал отступать на восток. 4-го апреля Френч объявил о захвате последнего орудия врага в этом районе. Оставшиеся силы буров, ночью, вернувшись по собственным следам, сумели проскочить между британскими колоннами и ускользнуть в Зулуленд, где 200 из них сдались. В целом трофеи Френча, добытые в Восточном Трансваале, составили одиннадцать сотен убитых, раненых или плененных буров – самый богатый улов со времен сдачи Принслоо. Нет сомнений, что результаты операции были бы еще лучше, не столкнулись британцы со столь неистовой стихией. Но значительные потери в, живой силе, вместе с захватом всей здешней артиллерии, громадного количества вагонов, снаряжения, скота, нанесли бурам удар, от которого они так и не смогли полностью оправиться. 20-го апреля Френч вновь был в Йоханнесбурге.

В то время как Френч в юго-восточном углу Трансваала выследил последнее бурское орудие, на западе Де ла Рей умудрился сохранить значительную часть артиллерии, уведя ее через Магалисбергские проходы или укрыв в безопасных районах юго-западнее хребта. Британские колонны уже несколько раз прочесывали эту часть страны, но так и не смогли ее усмирить. Буры подобны сухой траве вельда: достаточно оставить за собой несколько незатоптанных искр, как вновь разгорается пожар. В марте, именно в этот огнеопасный район, опираясь на Клерксдорп в качестве базы, и направился Бабингтон. 21-го марта он достиг Хартбиистфонтейна – сцены, на которой недавно столь успешно действовал Метуэн. Здесь он соединился с Конной Пехотой Шеклетона, и теперь под его командованием находились: 1-й полк Имперской Легкой Конницы, 6-й Имперских Бушменов, Новозеландцы, эскадрон 14-го Гусарского и по крылу Сомерсетской Легкой Пехоты и Уэльских Фузилеров. Из артиллерии с ним были орудия Картера и четыре "пом-пома". С этой небольшой, но мобильной и достаточно грозной колонной Бабингтон принялся разыскивать Смутса и Де ла Рея, скрывавшихся где-то рядом.

На самом деле, буры были не просто рядом, а находились ближе и были гораздо сильнее, чем предполагалось. 22-го числа три эскадрона Имперской Легкой Конницы под командованием майора Бриггса наткнулись на 1500 бюргеров, но, благо-

даря самообладанию и отваге, сумели спасти себя и "пом-пом" от, казалось, неминуемой катастрофы. Имея противника по фронту и на флангах, они провели великолепный арьергардный бой. Дело выдалось настолько жарким, что только эскадрон "А" потерял двадцать человек. Колониалы отважно сдерживали противника, пока их оружие не оказалось в безопасности, и лишь тогда организованно отступили к лагерю Бабингтона, нанеся противнику не меньший урон, чем понесли сами. С Эландслааге, Ваггон-Хилл, освобождением Мафекинга, Нааупоортом и Хартбиистфонтейном, начертанными на ее штандарте (будь Имперская Легкая Конница регулярной воинской частью), подразделение открыло бы свою историю деяниями, достойными многих полков-ветеранов.

Хартбиистфонтейн во время войны

Если 22-го марта Легкая Конница, общаясь с бурами, пережила несколько неприятных часов, то совсем скоро она вместе с товарищами-колониалами сумела отплатить противнику той же монетой. 23-го числа Бабингтон устремился вперед, через Кафир-Крааль, тесня противника перед собой. На следующее утро британцы возобновили наступление. Когда Новозеландцы и Бушмены, составлявшие авангард под командованием полковника Грея, миновали горный проход, на равнине перед собой они увидели двигавшихся навстречу буров со всеми их пушками. Трудно сказать, было ли это ранее задуманным маневром, или буры, вообразив, что британцы повернули назад, собирались их преследовать, но, в любом случае, возможно, впервые за кампанию значительные силы противника столкнулись лицом к лицу в открытом поле.

Это был славный момент. Пришпорив лошадей, офицеры и

рядовые с воинственным кличем устремились на врага. Одно из бурских орудий снялось с передка и пыталось открыть огонь, но волна британцев захлестнула его. Всадники буров рассыпались и бросились наутек, предоставив артиллеристов собственной судьбе. Орудия противника понеслись по вельду бешеным галопом, но преследовавшие их кавалеристы словно сошли с ума. На этот раз отважных и хладнокровных голландцев охватила настоящая паника. Буров, похоже, заботило лишь спасение собственных шкур, поскольку в преследователей никто не стрелял. Два полевых орудия, один "пом-пом", шесть "Максимов", пятьдесят шесть вагонов и 140 пленных – таковы плоды этой замечательной атаки. Еще пятьдесят четыре подстреленных бура британцы подобрали по завершении акции. Погоню с большой неохотой прекратили лишь, когда лошади окончательно выдохлись.

"Rough Riders" Новозедандцы 4-го контингента

Пока авангард рассеивал главные силы противника, отряд бурских стрелков совершил обходной маневр, намереваясь атаковать тыл и конвой британцев. Однако эскорт несколькими залпами отбросил противника. Учитывая потерю девяти орудий и, по меньшей мере, двухсот человек, разгром у Хаартбиистфонтейна оказался жестоким ударом по делу буров. Две недели спустя колонна сэра Х.Роулинсона, действуя совместно с Бабингтоном, среди бела дня атаковала лагерь Смутса, захватив еще два орудия и тридцать пленников. Учитывая успехи Френча на востоке и Пламера на севере, эта серия ударов мо-

жет показаться смертельной, но изнурительной борьбе судилось продолжаться далее. Порой казалось, что не умиротворение, а лишь полное истребление всего живого способно принести печальный мир на эту несчастную землю.

ABEL ERASMUS CAPTURED.

**He Was Once Described by Wolseley as
"a Fiend in Human Form"—Park
Also Captures a Laager.**

LONDON, March 17.—A dispatch from Lord Kitchener, dated Pretoria, March 16, announces that the notorious Abel Erasmus of Lydenberg has been brought in, with his family, by Lieut. Col. Park's column.

Lord Kitchener, in another dispatch to the War Office, dated Pretoria, March 15, reports as follows:

"Yesterday a column under Lieut. Col. Park of the Devonshire Regiment, operating from Lydenberg, surprised and captured a Boer laager at Krugerspost. One Boer was killed, five were wounded, thirty-two were taken prisoners, and a quantity of live stock and grain was captured. Our casualties were one killed and four wounded."

The term "notorious" applied to Abel Erasmus has been earned by him, if the reports of British officers for many years past are to be believed. At the time of the war with the natives under Secocoeni, in 1878, Lord (then Sir Garnet) Wolseley spoke in public of Erasmus as "a fiend in human form."

The campaign against Secocoeni is said

Заметка в "Times", о пленении Абеля Эразмуса

В течение нескольких месяцев небольшие британские колонны действовали повсюду. По мере улучшения погоды возрастал размах и энергия операций. Еженедельные сообщения о добыче и пленных, скромные в каждом отдельном случае, в целом сливались в серьезный итог. Эти разрозненные малопримечательные акции требовали от людей самоотверженной работы, не принося взамен никакой награды, за исключением чувства выполненного долга. Из многочисленных успешных рейдов и стычек, достойных упоминания, выделяются две акции, проведенные полковником Парком, действовавшим из Лиденбурга. Парку достались почти сотня пленных, включая

пользовавшегося мрачной репутацией Абея Эрасмуса. Кроме того, любой рассказ о событиях данного периода будет неполным без упоминания о доблестной обороне Махлабатини в Зулуленде, где горстка полицейских и гражданских лиц успешно отразила набег буров. С приходом зимы и прибытием новых подкреплений британские операции во всех частях страны стали значительно энергичнее, и мы переходим к ним.

ЗИМНЯЯ КАМПАНИЯ (апрель-сентябрь, 1901)

Возвращение Имперских Волонтеров Сити домой

Африканская зима длится приблизительно с апреля по сентябрь. Поскольку в этот сезон трава в вельде высыхает, бурские командос в значительной степени теряют обычную мобильность. Считалось, что рационально использовав возможности предстоящих месяцев, британцы сумеют избежать до-

полнительного года войны. Лорд Китченер затребовал значительные подкрепления, о которых уже упоминалось, но, в то же время, был вынужден отпустить домой тысячи ветеранов Австралийского, Канадского контингентов и Йоменри, чей срок службы подходил к концу. Волонтерные роты пехотных батальонов также возвращались в Англию, как и девять милицейских батальонов, чье место предстояло занять новичкам.

За зиму, благодаря развертыванию системы блокгаузов, положение британцев значительно упрочилось. Небольшие, крытые рифленным железом прямоугольные или шестиугольные каменные сооружения высотой до девяти футов имели бойницы для стрелков и оборонялись гарнизоном численностью от шести до тридцати человек. Крохотные форты, возведенные вдоль железной дороги не далее чем в 2000 ярдах друг от друга, совместно с курсировавшими между ними дежурными бронепоездами превратили попытки буров атаковать или пересечь дорогу в непростую задачу. Система блокгаузов зарекомендовала себя настолько хорошо, что ее распространили на наиболее опасные районы страны, протянув кордон через Магалисбергский округ и создав, таким образом, цепь постов между Крюгерсдорпом и Рустенбургом. Подобная же система широко использовалась в Колонии Оранжевой Реки и на северных линиях Капской Колонии.

Один из небольших британских блокгаузов

Блокгауз изнутри

Наблюдательная вышка с "Максимом"

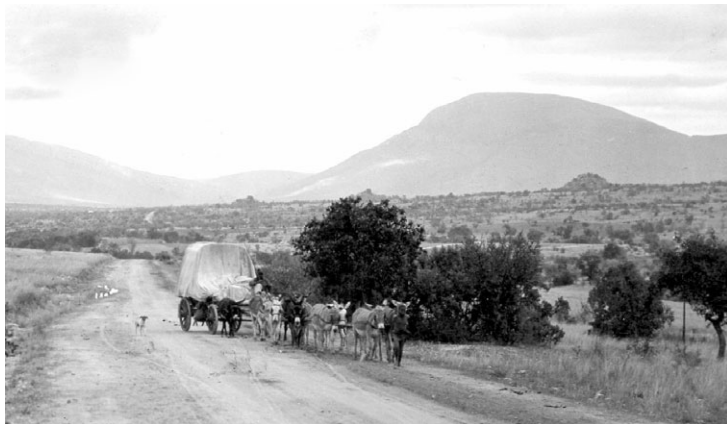
Ниже я попытаюсь обрисовать картину наиболее важных операций, проводившихся зимой, начиная с вторжения Пламера в девственные северные земли.

К этому времени британские войска если не покорили, то, по крайней мере, захватили всю Колонию Оранжевой Реки и все районы Трансвааля, лежавшие южнее линии Мафекинг-Претория-Комати. На этом гигантском пространстве не осталось ни единого поселка, а возможно, и фермы, куда бы ни заглянули британцы. Но на севере сохранился обширный, почти не затронутый войной район протяженностью в три сотни миль и шириной в две. В этой дикой стране заросшие кустарником, изобилующие антилопами равнины поднимаются к безлюдным, пустынным холмам, а долины богаты водой, лугами и сочными пастбищами. В целом данная территория являлась прекрасной базой и источником снабжения для противника. Здесь продолжало действовать бурское правительство, и отсюда, укрывшись в горах, бюргеры могли продолжать борьбу. Было очевидно – не подавив этот очаг сопротивления войну не закончить.

В северных районах британские войска продвинулись до Рустенбурга на западе, Пинаара в центре и Лиденбурга на востоке, но затем остановились, не желая двигаться вперед, пока их завоеваниям не обеспечат надежный тыл. Генерал, имея за спиной многие сотни миль обнаженных линий коммуникаций и активного противника, вполне обоснованно решил выдержать хорошую паузу, перед тем как бросить своих людей в обширный труднопроходимый район. С характерным для него терпением лорд Китченер выждал нужный момент, а затем дерзко и стремительно рванул за призом. К этому времени обессиленного Де Вета вновь загнали за Оранжевую Реку, а Френч терзал бюргеров в юго-восточном Трансваале. Стало известно, что главные силы противника сосредоточились именно там. Север оголился, и британцам представилась возможность одним длинным выпадом вонзить клинок в самое сердце врага – Питерсбург.

Наступление могло вестись лишь в единственном направлении – вдоль железнодорожной линии Претория-Питерсбург. Эта ветка, шедшая на север, к тому же находилась в рабочем состоянии – буры раз в две недели проводили техническое обслуживание полотна от Питерсбурга до Варм-Бата. Была надежда, что быстрым наступлением можно захватить дорогу до того, как она подвергнется значительным разрушениям. С этой целью у Пинаар-Ривер (британской железнодорожной станции снабжения в сорока милях севернее Претории и ста тридцати от Питерсбурга) в конце марта спешно собрали небольшой, но очень мобильный отряд. Колонна включала Бушвельдских Ка-

рабинеров, 4-й контингент Имперских Бушменов и 6-й контингент Новозеландцев. Артиллерию представляли 18-я батарея и три "пом-пома". Кроме того, при колонне находился отряд бесценных конных Саперов и два батальона пехоты (2-й Гордонцев и Нортхемптонцы), которым предстояло разместиться гарнизонами в наиболее уязвимых местах линий коммуникаций.

Окресности Питерсбурга

29-го марта неумоимого Пламера, оторвав от ловли Де Вета, пустили на новую цель и он помчался на север. Полнейший успех броска мешает реально оценить степень опасности, связанной с этим предприятием. Имея всего 2000 стрелков, преодолеть столь большое расстояние, двигаясь по чрезвычайно враждебно настроенной стране – задача не из легких. По своему характеру мероприятие во многом напоминало бросок Мехона на Мафекинг, но без наличия поблизости каких-либо дружественных отрядов, с которыми предстояло соединиться в конечной точке. Однако с самого начала операция шла замечательно. 30-го числа колонна достигла Варм-Бага, где большой одиноко стоящий отель уже отмечал место, обреченное в будущем стать богатым и фешенебельным курортом. 1-го апреля скауты Австралийцев въехали в Нилстроом, расположенный еще на пятьдесят миль дальше. Продвижение сопровождалось достаточным количеством перестрелок, способных оживить однообразие будней, но ни одна из них не заслуживает именоваться боем. Тщательно собирая пленных и беженцев, колонна беспрепятственно приближалась к цели, а по ее следам железнодорожники с неумоимостью пчел восста-

навливали линию. 5-го апреля британцы достигли Пит-Потгитерсруста – еще одной пятидесятимильной отметки, а утром 8-го числа авангард въехал в Питерсбург. Рассудительность Китченера и энергия Пламера были вознаграждены.

Рыночная площадь Питерсбурга

Бурское коммандо покинуло город и, входя в него, британцы не столкнулись с серьезным сопротивлением. Наиболее ярким эпизодом "обороны" оказалась попытка местного школьного учителя в одиночку противостоять врагу. Перед тем как встретить собственную смерть, в приступе неистовства или патриотической экзальтации, он успел застрелить троих оккупантов. Немного подвижного состава, небольшое орудие и около сотни пленников – таковы трофеи, доставшиеся британцам. Арсенал буров и печатный пресс оказались разрушенными, а их Правительство, разместившись в паре "капских" карт, отправилось на поиски новой столицы. Питерсбург представлял главную ценность как северная база, с которой можно было проводить операции по зачистке одновременно нанося удары с юго-востока. На карте прекрасно видно, что войска, выступающие из Питерсбурга, действуя совместно с войсками, опирающимися на Лиденбург, образуют как бы две крабовые клешни, охватывая громадный участок территории, в пределах которого меньшие по силе колонны могут собирать все, что им попадет. Без малейшего промедления были отданы соответствующие распоряжения, и не менее восьми колонн начали

охоту. Для удобства повествования продолжим следить за отрядом Пламера, а затем рассмотрим действия маленьких армий, действовавших с юга, и результаты их предприятий.

Стало известно, что Вилджоен со своими бойцами находится в Мидделбургском округе, севернее железной дороги. Он скрывался в труднопроходимом бушвельде, откуда совершал постоянные вылазки, пуская под откос поезда и нападая на посты. Район требовал систематической зачистки. Первым делом следовало лишить противника возможности отступать на север. В этом направлении Олифант-Ривер делала петлю, и, будучи полноводной, при условии, что берега и броды должным образом охраняются, представляла для буров серьезную преграду. 14-го апреля, через шесть дней после оккупации Питерсбурга, Пламер устремился на восток – через вельд, сложный Чунис-Пасс к северному берегу Олифант-Ривер, подобрал по пути тридцать или сорок пленников. Путь лежал по плодородной местности, усеянной туземными краалями. Достигнув реки, отмечавшей рубеж, который ему предстояло удерживать, Пламер 17-го числа разослал своих людей вдоль берега, блокируя главные броды. В ответ на сигналы его гелиографа вдоль всего южного горизонта засверкали солнечные блики. Теперь следует разъяснить, что это были за отряды, и откуда они пришли.

Генерал Биндон Блад, удачливый солдат, подтвердил в Трансваале репутацию, обретенную на северной Индийской границе. Он и Эллиот были в числе генералов, прибывших из великой восточной колонии на смену командирам, возвращавшимся в Англию на заслуженный отдых. Блад отличился надежной и эффективной защитой железнодорожной линии на Делагоа, и был назначен командовать колоннами, подметающими Роос-Сенекальский округ с юга. Семь южных колонн располагались следующим образом: две колонны под командованием Битсона и Бенсона, выступившие из Мидделбурга, можно назвать левым крылом. Битсон получил задачу удерживать броды на Крокодайл-Ривер, в то время как Бенсон занял находившиеся поблизости Ботасбергские высоты. Этим маневром британцы прижали бы буров с запада. Три отдельные колонны Китченера планировалось отправить с востока из Лиденбурга. Пултни и Дугласу предстояло стартовать из Белфаста в центре. Их цель – Дулстоом. В целом перед нами обычный "невод" Френча вместо юга ориентированный на север.

13-го апреля пришли в движение южные колонны, но приготовления британцев всполошили буров, и Бота с главными

силами, перейдя линию, ускользнул на юг, в тот самый район, из которого его совсем недавно вытеснили. Комmando Вилд-жоена осталось на севере, и британские колонны бросились туда со всех сторон, быстро замкнув кольцо окружения. Успех операции был значительным, но не полным. Британцы оккупировали Тантенсберг – место сбора буров, и захватили их последнюю столицу Роос-Сенекал. В качестве трофеев им достались государственные бумаги и казна. Вилджоен с частью последователей сумел проскочить между колоннами, но большая часть бюргеров, отчаянно метавшихся по округе, словно рыба, учуявшая сеть, были взяты в плен той или иной колонной. Сотня командос из Боксбурга сдалась *"en masse"*, еще пятьдесят были взяты у Роос-Сенекала, сорок одного грозного Южноафриканского Полицейского вместе с их командиром Шредером захватил на севере отважный и смысленный молодой австралийский офицер по фамилии Рейд. Еще шестьдесят буров выследил и поймал неутомимый Виаллс (командир Бушменов). Из всех районов округа приходили сведения о трофеях и пленных.

Генерал Биндон Блад

Узнав, что Бота и Вилджоен вырвались за железную дорогу, лорд Китченер решил быстро перенести операции на юг. К концу апреля, после тяжелой двухнедельной работы, в ходе которой этот большой район был если не побрит, то, по крайней мере, коротко пострижен, войска вновь повернули на юг. В результате британцам достались одиннадцать сотен пленных – почти столько же, сколько Френч взял на юго-востоке, сломанный "Крупп", "пом-пом" и останки большого морского орудия, потерянного нами у Хелветии.

Изначально планировалось, что наступление Пламера на Питерсбург будет не просто рейдом, поэтому командование предприняло шаги, для удержания отвоеванного Пламером района, обезопасив линии коммуникаций. Вдоль железной дороги, следуя за Боевыми Скаутами Китченера, двинулись 2-й батальон Хайлендеров Гордона и 2-й батальон Уилтширцев. Эти войска сформировали гарнизон Питерсбурга, заняли Чунис-Поорт и другие стратегические позиции. Они же предоставляли эскорт конвоям, снабжавшим Пламера на Олифант-Ривер. Пехотинцы также провели несколько энергичных операций в окрестностях Питерсбурга. Командовавший войсками Гренфелл, при активной поддержке Коленбрандера и его людей, разгромил несколько бурских лагерей, захватив пленных. Наконец, последнее из больших орудий "Крезо" – грозный "Лонг Том" обнаружили на позиции вблизи Ханертсбурга.

Гигантское орудие, попав в безвыходное положение, в последний раз продемонстрировало свою мощь, открыв эффективный огонь с расстояния в десять тысяч ярдов. Британцы атаковали его на полном скаку и отбросили бурских стрелков, но верный долгу артиллерийский расчет успел подорвать орудие. Так самоубийством завершил жизнь последний представитель этого железного племени, последний из четырех братьев, натворивших столько бед в Южной Африке. Но преподанные ими уроки внесли свой вклад в историю современной артиллерии.

Зачистка Роос-Сенекальского округа завершилась, Пламер покинул свой пост на "Реке Слонов", название которой, подобно Реностер, Зиико, Камиилфонтейн, Лееув-Коп, Тигерфонтейн, Эландс-Ривер и многих других, служит памятью великодушным животным, когда-то во множестве обитавших на этой земле. 28-го апреля войска повернули на юг, а 4-го мая достигли железной дороги у Эрстефабрикен близ Претории. По пути британцы столкнулись с небольшим отрядом буров, и неутомимый Виаллс гнал их восемьдесят миль, сумев откусить

хвост вражеского конвоя и захватив при этом тридцать пленников. Основные силы британцев, покинув Преторию 28-го марта верхом, к 5-му мая остались без лошадей и шли на своих двоих. Однако им было чем гордиться: совершив кольцевой марш в 400 миль, они взяли несколько сотен пленных и разгромили последнюю формальную столицу врага. С начала и до конца это была в высшей степени полезная и хорошо организованная экспедиция.

Достоин большого сожаления факт, что генерала Блада оторвали от северного трека до того, как он сумел собрать все плоды. Новые операции не представили Бладу особых возможностей добиться успеха. Отозванный со своей колонной из района севернее железнодорожной линии, он сразу же устремился в Барбертонский округ, образующий клин между линией на Делагоа и границей Свазиленда. Две крупные рыбы – Вилджоен и Бота, вновь сумели ускользнуть, и в сетях осталась обычная мелочевка, но шпроты – тоже добыча, и в Англию еженедельно приходили телеграммы от лорда Китченера, сообщавшие об очередных трехстах-пятистах бюргерах, попавших к нам в руки. Хотя публике дома война могла казаться бесконечной, для вдумчивого наблюдателя становилось очевидным, что момент ее окончания – вопрос математики, и уже можно предсказать дату, к которой все бурское население окажется во власти британцев.

Очередные плоды британской политики "умиротворения"

Среди множества небольших британских колонн, действовавших во второй половине мая в различных частях страны, одна, под командованием генерала Диксона, проводила операции рядом с Магалисбергским хребтом. Это соседство никогда не приносило удачи британскому оружию. Чрезвычайно гористую и труднопроходимую местность контролировал ветеран войны – Де ла Рей с большим командо непримиримо настроенных буров. Здесь в июле мы остановились у Уитвалс-Нек, в декабре Клементс столкнулся с еще большим сопротивлением у Ноойгтедахта, вскоре после этого Каннингхем был отбит у Мидделфонтейна, а Легкая Конница отрезана у Наапоорта. Имея подобный опыт, можно было предположить, что в будущем колонны, не имевшие подавляющего численного превосходства над противником, не будут направляться в этот опасный район. Но отряд генерала Диксона никак нельзя назвать большим. С шестнадцатью сотнями бойцов и артиллерийской батареей его отправили разыскивать орудия противника, якобы закопанные в тех местах.

26-го мая колонна Диксона, состоявшая из Дербиширцев, Шотландских Пограничников, Имперских Йоменов, Шотландской Конницы, гаубицы и шести орудий (четыре 8-й батареи и два 28-й батареи Полевой Артиллерии) свернула бивуак у Наапоорта и двинулась на запад. 28-го числа британцы оказались у места, называемого Флакфонтейн, непосредственно южнее Олифантс-Нек. В тот же день обнаружили признаки присутствия значительных сил противника. Оставив в лагере охрану, Диксон принялся искать зарытые орудия. Он разбил свои войска на три части. На левом крыле действовала колонна майора Чанса (два орудия 28-й батареи, 230 Йоменов и рота Дербиширцев). В центре находились два орудия 8-й батареи, гаубица, две роты Шотландских Пограничников и одна рота Дербиширцев. Правая колонна имела два орудия (8-й батареи), 200 человек Шотландской Конницы и две роты Пограничников. Удостоверившись, что разыскиваемых орудий в данном районе нет, около полудня британцы повернули к кемпу, но тут на их арьергард обрушился свирепый ураган.

Снайперы досаждали отряду все утро, но не было никаких признаков подготовки противником решительной атаки. Возвращаясь к лагерю, британские войска разделились. В арьергарде оказалась небольшая колонна под командованием майора Чанса, первоначально действовавшая на левом фланге. В вельде бушевал огонь, и из-за пелены дыма наши орудия внезапно, с невероятной отвагой, атаковали пять сотен буров. За

всю войну мы встречаем не так уж много упоминаний о более лихих или более успешных акциях. Атака была столь стремительной, что не успели британцы разглядеть первый темный силуэт, несущийся сквозь дым, как подковы бурских лошадей уже грохотали меж наших артиллеристов.

Атака бюргеров у Флакфонтейна

Йоменов отбросили, многих из них подстрелили. Другая партия бюргеров прикрывала атаку конников очень плотным огнем, убив или ранив почти всех артиллеристов. Командовавший орудиями лейтенант и сержант выбыли из строя. Насколько возможно восстановить ход событий из путаных свидетельств очевидцев и крайне туманного официального рапорта генерала Диксона, орудия никто не защищал, и победители тут же развернули их на ближайшее британское подразделение.

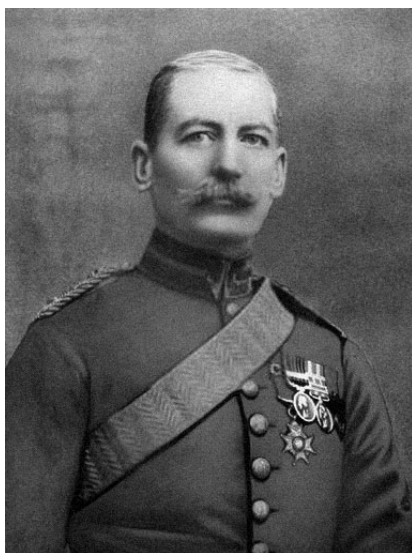
Однако рота пехотинцев, помогавшая эскортировать орудия, доказала, что является достойной представительницей старейшего рода войск британской армии. Это были северяне – солдаты из Дербишира и Ноттингема, тех самых графств, что прислали отважную милицию, доблестно державшуюся под жестоким огнем у Роодевала. Смятые и рассеянные внезапным натиском, они сумели восстановить порядок и упорно продолжали выполнять свою задачу, обстреливая группы буров, окруживших орудия. Одновременно послание с просьбой о неотложной помощи было отправлено Шотландским Пограничникам и Шотландской Коннице, которые, подобно пчелиному рою, устремились через долину на выручку попавшим в беду товарищам. Диксон ввел в бой два орудия и гаубицу, сумев

подавить огонь захваченных бурами пушек, а пехота (Дербиширцы и Пограничники), бросившись на врага, вернула орудия и перестреляла буров, пытавшихся оказать сопротивление. Но большая часть бюргеров сумела исчезнуть в дыму, прикрывшему их отход так же, как прикрыл готовившуюся атаку. Сорок один из них остался лежать на земле. Британские потери составили шесть офицеров и пятьдесят бойцов убитыми при почти ста двадцати раненых. Если бы не доблестная контратака пехоты, к печальному списку, несомненно, добавились бы два орудия. Даргай и Флакфонтейн по праву венчают зелеными лаврами потрепанные в боях знамена Дербиширцев. В последнем случае "Дерби" делят славу с Шотландскими Пограничниками, чья волонтерная рота действовала с решительностью кадровых солдат.

Каковы итоги этого боя? Кемпу – молодому бурскому командиру и его людям принадлежит честь захвата орудий; британцам заслуга их возврата. Поле боя также осталось за нами. Возможно, британцы потеряли больше людей, чем буры, но, с другой стороны, совершенно понятно, кто мог позволить себе такие потери, а кто нет. Британцы имели возможность пополнить свои ряды, в то время как у буров резерва не было.

Имеется еще один вопрос, который невозможно обойти, рассказывая о данном бое, каким бы болезненным он ни был. Это касается дострела бурами некоторых раненых британских солдат, лежавших около орудий. Вопрос о достоверности упомянутого факта даже не стоит, поскольку он подтверждается многими независимыми свидетельствами. В качестве утешения есть основания надеяться, что некоторые из убийц заплатили жизнью за свершенное преступление еще до окончания боя. Приятно добавить, что по меньшей мере один очевидец утверждает – бурские офицеры угрозами пытались удержать своих людей от бесчеловечной жестокости. Несправедливо чернить всю бурскую нацию и ее борьбу из-за нескольких безответственных злодеев, осуждаемых их собственными товарищами. Очень много, по нашему мнению даже слишком много британских солдат испытали, что значит побывать в руках врага, и, следует признать, в целом с ними обращались не слишком сурово, но отношение британцев к пленным бурам по великодушию и гуманности не имеет аналогов в истории войн. Достоин сожаления, что яркая героическая страница взаимной борьбы запятнана злодейством, но достоверность этого инцидента не подлежит сомнению, и его никак нельзя обойти при детальном описании кампании. Генерал Диксон, будучи

стеснен ранеными и обнаружив повсюду множество буров, отошел к Нааупоорту, прибыв туда 1-го июня.

Генерал-майор Дж. Б. Диксон

В мае сэр Биндон Блад, пополнив запасы у железной дороги, предпринял еще один бросок через трижды опустошенный участок страны, включавший Эрмело, Бетел и Каролину, где к этому моменту сконцентрировались продолжавшие борьбу буры, в том числе Бота и Вилджоен. Продвигаясь по выжженному вельду, он резко повернул к Барбертону, а затем устремился западнее, действуя совместно с небольшими колоннами Уолтера Китченера, Дугласа и Кэмпбелла (Стрелки), в то время как Колвилл, Гарнетт и Буллок вели операции от Натальской железной дороги. Сравнительно с задействованными силами, результаты марша разочаровывали. 5-го июля Блад достиг Спрингса вблизи Йоханнесбурга, пригнав большое количество скота, но совсем мало пленных. Неуловимый Бота ускользнул на юг и был замечен у границы с Зулулендом, в то время как Вилджоен сумел перейти Делагоаскую железную дорогу и пробиться в свое старое логово севернее Мидделбурга, откуда ранее (в апреле) его вытеснили. Командос напоминали назойливых мух, взмывавших, стоит к ним приблизиться руке лишь затем, чтобы вновь усесться на облюбованное место. Прогнать их невозможно, остается только лишить это место привлекательности.

Перед тем, как отряд Вилджоена перешел железную дорогу, он сумел отомстить за пережитые бесконечные погони, предприняв хорошо организованную ночную атаку, в ходе которой буры застали врасплох и разгромили часть колонны полковника Битсона в районе, называемом Вилмансруст (к югу от Мидделбурга, между этим городом и Бетелом). Битсон разделил свою колонну, и отряд, подвергшийся нападению, включал восемьсот пятьдесят 5-х Викторианских Конных Стрелков с тридцатью артиллеристами и двумя "пом-помами" под общим командованием майора Морриса. Комmando Вилджоена, двигаясь к железной дороге на север, наткнулось на нашу колонну 12-го июня. Британцы знали о присутствии противника, но, похоже, не выставили дополнительных аванпостов и не предприняли дополнительных мер предосторожности. Долгие месяцы погони за командос вселили в них уверенность, что они ловят сбежавших овец, а не свирепых и коварных волков. Говорят, четыре пикета разделяла дистанция в 700 ярдов. С характерным для бурских командиров вниманием к деталям, бюргеры подожгли вельд к западу от бивака, а затем атаковали лагерь с восточной стороны. Таким образом, невидимые для противника, они четко различали силуэты британских солдат на фоне пламени. Пробравшись между пикетами, буры оставались незамеченными, пока, почти в упор, не открыли огонь по спящему лагерю.

Атака буров у Вилмансруста

Винтовки стояли в пирамидах – еще одна пагубная армей-

ская традиция – и, бросившись к своему оружию, многие из бойцов получили пулю. Застигнутые врасплох во сне, не видя противника, отважные Австралийцы действовали ничуть не хуже любого другого подразделения, оказавшегося в подобном положении. Командовавший "пом-помами" Капитан Ватсон выбыл из строя, и орудия не смогли вступить в бой. В течение пяти минут Викторянцы потеряли двадцать человек убитыми и сорок ранеными, после чего остальные сложили оружие.

Приятно добавить, что победители великодушно обошлись с пленными, но пылкие Колониалы очень болезненно переживали свое поражение. "Это худшее, что когда-либо происходило с Австралией!" – замечал один из них в письме. Действительное число буров, атаковавших лагерь, не превышало 180, еще 400 образовали внешний кордон. Вилджоен и его помощник Мюллер за эту отлично проведенную акцию достойны наивысшей похвалы. Победа принесла им свежие запасы продовольствия и одежды когда они катастрофически нуждались и в том, и в другом. Эти же бурские офицеры возглавляли атаку на Хелветию, где мы потеряли 4,7-ми дюймовое орудие. Победители сумели увезти все трофеи и, временно овладев блокгаузом, охранявшим железную дорогу у Бругспруйта, спокойно пересекли линию, вернувшись, как уже упоминалось, на север, в свое старое гнездо, разоренное, но не опустошенное операциями генерала Блада.

Потребовался бы целый том для перечисления, и целая библиотека для описания всех перемещений и дел огромного числа британских колонн, бродивших зимой 1901 года по Трансваалу и Колонии Оранжевой Реки. Если бы отдельные колонны и командиры постоянно действовали в одних и тех же районах, определенная схема повествования позволила бы читателю более-менее отследить их судьбу, но на деле войска быстро перебрасывались с одного участка театра военных действий на другой, в зависимости от места сосредоточения противника. В общем, насчитывалось не менее шестидесяти колонн, редко отправлявшихся на охоту в одиночку. Их численность колебалась от двухсот до двух тысяч бойцов. Возьми мы красный карандаш и нанеси на карту маршруты, пройденные нашими уставшими, но решительно настроенными войсками – эти пометки испещрили бы весь огромный район от Таунгса до Комати и от Гоус-Ривер до Питерсбурга.

Не вдаваясь в детали, уместные в многотомной работе, отметим наиболее значительные группировки войск, создаваемые в течение этих месяцев, и формировавшие их колонны.

Охота Френча на юго-востоке, вторжение Блада в Роос-Сенекальский округ и последующая зачистка юга уже освещались. В это же время Бабингтон, Диксон и Роулинсон совместно действовали в Клерксдорпском округе, затем Бабингтон присоединился к операциям Блада, а чуть позже действовал с колонной Эллиота на севере Колонии Оранжевой Реки. Уилльямс и Фетерстонхоф подошли усилить британское присутствие в Клерксдорпском округе, где, после зачистки Магалисберга, Де ла Рей объединил своих бюргеров со Смутсом. Очень важную работу по удержанию контроля над Магалисбергом завершили в июле Бартон, Алленби, Кекевич и лорд Басинг, проникнув в дикую местность и возведя систему блокаузов и небольших фортов, подобно тому, как Кумберленд и Уэйд в 1746 году подчинили Северо-Шотландское нагорье. Благодаря крепкой хватке, которой британцы вцепились во вражескую твердыню, наше положение значительно упрочилось, поскольку этот район не только предоставлял противнику надежное убежище, но и находился в непосредственной близости от центров сосредоточения людских ресурсов и материальных запасов.

Как уже упоминалось, Де ла Рей спустился в Клерксдорпский округ, откуда, по меньшей мере, временно, переместился на север Колонии Оранжевой Реки. Британцы давили на Клерксдорп все сильнее, а в мае там объявился неутомимый Метуэн, которого мы последний раз видели у Варрентона. 1-го мая он перебросил свои войска железной дорогой в Мафекинг, затем перекочевал к Лихтенбургу и далее на юг, до мест старых боев у Хаартбиестефонтейна. Попутно он провел бой и захватил бурское орудие. Затем генерал вновь вернулся в Мафекинг, где распрощался с ветеранами-йоменами – своими товарищами по многочисленным тяжелым походам. Хотя Йоменам не довелось участвовать в больших битвах этой войны, немногие из отслуживших в Африке подразделений вернулись в Англию с лучшим послужным списком, отражавшим их тяжелую и полезную работу.

Однако перед тем как сдать одно оружие, Метуэн получил другое. Приведя в порядок своих людей и отобрав наиболее подготовленных из нового контингента Йоменов, через три недели он совершил кольцевой поход в направлении Зееруста. Трудно представить, чтобы даже старожилы знали этот западный участок Трансвааля лучше него. Здесь не было тропы, по которой бы он не прошел и копи, с которого бы в него не стреляли. В начале августа, разделив войска на две колонны (вто-

рая под командованием фон Донопа), Метуэн вновь вышел из Мафекинга. Действуя совместно с Фетерстонхофом, он прошел через юго-запад и, наконец, остановился у Клерксдорпа. Потрепанные буры ушли на сотню миль севернее, к Рустенбургу, преследуемые Фетерстонхофом, Гамильтоном, Кекевичем и Алленби.

"Клоофы" в районе Рустенбурга

Британцы обнаружили, что командос Де ла Рея и Кемпа рассеялись перед ними по фронту, пытаясь укрыться в многочисленных клоофах (ущельях) и донга, откуда к началу сентября удалось "выцарапать" не менее двух сотен бюргеров. 6-го и 8-го сентября Метуэн дважды столкнулся с главным отрядом Де ла Рея в долине Большой Марико-Ривер, лежащей к северо-западу от Рустенбурга. Он заставил буров отойти (при этом противник потерял восемнадцать человек убитыми и сорок одного пленными), но бои выдались жаркими, и Метуэн, штурмуя позиции, в свою очередь потерял пятнадцать бойцов убитыми и тридцать ранеными. Потери почти всецело пришлись на Йоменов-новобранцев, доказавших, что, избавившись от наименее стойких сослуживцев и приобретя некоторый полевой опыт, они достойны занять место в рядах ветеранов.

Из операций, предпринятых в этот период британскими колоннами в Трансваале, серьезной можно назвать лишь акцию на севере, где Гренфелл, Коленбрандер и Уилсон гонялись за Бейерсом и его людьми. Значительная часть пленнх, фигурировавших в еженедельных сводках, поступала именно оттуда.

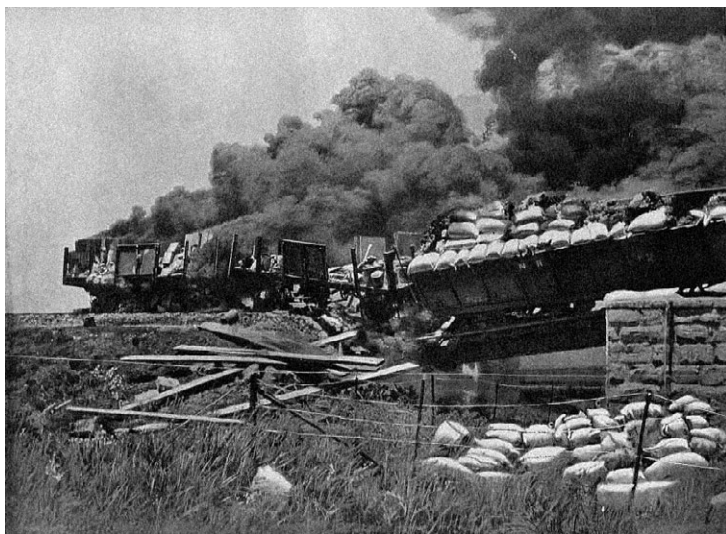
30-го мая в этом районе произошла примечательная акция, правда о которой долго выяснялась, но, в конце концов, была установлена. Скауты Китченера под командованием Уилсона внезапно атаковали и разбили бурский отряд под командованием Преториуса, убив и ранив нескольких человек и взяв сорок пленных. 1-го июля Гренфелл пленил почти сотню людей Байерса и захватил большой конвой. Север, юг, восток и запад – одна и та же история, но пока Бота, Де ла Рей, Стейн и Де Вет оставались на свободе, тлеющие угли могли вспыхнуть в любой момент.

В завершение синопсиса движения наших колонн в Трансваале остается добавить, что после окончания июльского похода Блада несколько его колонн продолжали зачищать территорию и терзать Вилджоена в Лиденбургском и Дулстроомском округах. Парк, Китченер, Спенс, Битсон и Бенсон были всецело поглощены этим занятием. Не сумев вовлечь противника в нечто большее, чем перестрелка, они умудрились понемногу отрывать то вагоны, то лошадей, то людей от ядер сопротивления, которые бурские лидеры пытались сохранять.

Несмотря на нехватку фуража, ограничивавшую мобильность, буры постоянно искали возможность нанести ответный удар, и длинный список скромных успехов, достигнутых британцами, время от времени прерывался небольшими поражениями. Одна из таких неудач выпала на долю маленького отряда Южно-Африканской Констебюлари, стоявшего у Вереингинга. 13-го июля он столкнулся с большой группой буров – предположительно главным командо Де Вета. Констебюлари держались храбро, но безнадежно уступали противнику в численности. Они потеряли семифунтовую пушку, четырех человек убитыми, шесть ранеными и двадцать четыре пленными. Еще одна маленькая катастрофа произошла на очень отдаленном участке театра военных действий, где 24-го июля иррегулярный отряд, известный как Конница Стейнакера, был сбит с позиции у Бремерсдорпа в Свазиленде и откатился на шестнадцать миль, потеряв десять человек убитыми и ранеными плюс тридцать пленными. Таким образом, в сердце туземного государства две великие белые расы Южной Африки сошлись в отчаянной схватке на глазах местного населения. Факт вызывающий горькое сожаление.

К чести или бесчестию буров можно отнести и регулярно повторявшиеся крушения поездов, стоившие Британии увечий и жизни многих храбрых солдат, заслуживших более завидную судьбу. Законы войны позволяют подобные предприятия,

но от их результатов отдает какой-то моральной неразборчивостью, противной человеческой гуманности. По нашему мнению, характер подобных акций оправдывает самые жесткие меры, направленные на их пресечение. Кроме войск, в передвижении поездами испытывают нужду женщины, дети и больные, подвергаясь, таким образом, общей опасности, в то время как диверсанты наслаждаются безнаказанностью, превращающей их подвиги в нечто полностью противоположное. Два бура – Тричардт и Хиндон (один из них – юноша двадцати двух лет, а другой – британец по рождению), отличились или запятнали себя подобными действиями на железнодорожной ветке ведущей к Делагоа. Правда, с развитием системы блокадов их предприятия стали менее успешными. Тем не менее, одно из них, на северной линии возле Набоомспруйта, стоило жизни лейтенанту Бесту и восьми Хайлендерам Гордона, в то время как еще десять человек получили ранения. Отряд Гордонцев после крушения завязал бой и был перестрелян до единого человека. Этот болезненный инцидент украшен проявлением воинской доблести и простодушным замечанием одного из солдат, который на вопрос, почему он сражался, пока не получил пулю, с изумительной простотой ответил: "Потому что я Хайлендер Гордона".

Поезд, подорванный бурами возле Грейлингстада, май 1901

Другое крушение поезда, еще более трагического характе-

ра, произошло в последний день августа вблизи Ватервала, пятнадцатью милями севернее Претории. Взрыв мины повредил локомотив. В этом месте железная дорога прорезала холм, и сотня буров, засевшая на краях дефиле, открыла огонь по сошедшим с рельс вагонам. Погиб полковник Ванделер – офицер, подававший большие надежды. Двадцать бойцов, преимущественно Вест-Райдингцы, получили ранения. В их числе медсестра Пейдж. Именно после этого трагического происшествия британцы ввели практику перевозки в поездах заложников-буров.

Как упоминалось ранее, составной частью политики "концентрации", проводимой лордом Китченером, являлось сосредоточение гражданского населения в лагерях, расположенных вдоль линий коммуникаций. Это определялось и военными, и гуманитарными соображениями. Жизнь доказала, что человек, оставленный на свободе, с высокой долей вероятности будет убежден или принужден бурами, продолжавшими борьбу, нарушить клятву и присоединится к командос. Что касается женщин и детей, то их нельзя было оставлять на фермах в разоренной стране.

*Британский блок-пост у концентрационного лагеря
в Колонии Оранжевой Реки*

Буры, оставшиеся в поле, были уверены в хорошем обращении с "переселяемыми" со стороны британцев. Это под-

тверждается фактом, что они неоднократно оставляли свои семьи на пути следования колонн, обрекая их на отправку в лагерь.

Определенное оцепенение охватило Англию после доклада мисс Хобхауз, которая привлекла внимание публики к чрезвычайно высокому уровню смертности в некоторых из этих лагерей. Однако более тщательное изучение вопроса показало, что в сложившейся ситуации виновата не антисанитария или общая организация дела, а жестокая эпидемия кори, унесшая большое количество детских жизней.

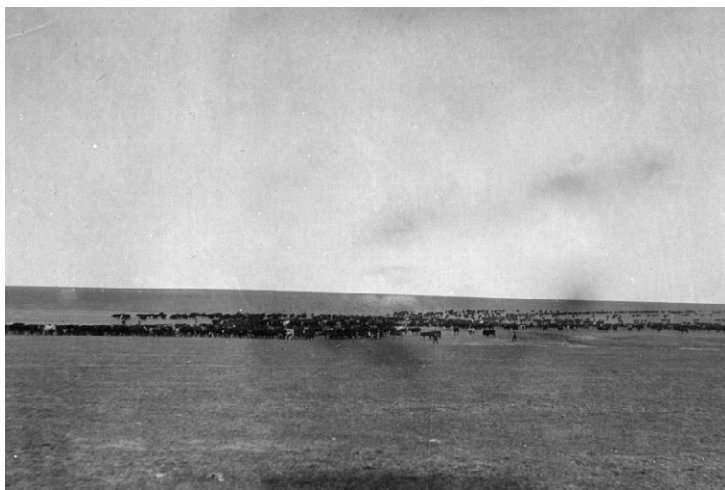

Результаты "политики концентрации"

Для дополнительной поддержки беженцев в Лондоне начался сбор денежных средств, хотя есть основания утверждать, что общие условия проживания в концентрационных лагерях были лучше, чем условия в лагерях беженцев-уйтлендеров, все еще ожидавших разрешения вернуться в свои дома. К концу июля в лагерях Трансвааля проживали не менее шестидесяти тысяч обитателей, а в Колонии Оранжевой Реки около тридцати тысяч. Проблема снабжения огромного количества людей всем необходимым была настолько серьезной, что само собой напрашивалось решение переместить хотя бы часть лагерей ближе к морскому побережью.

Переходя к рассмотрению событий в Колонии Оранжевой Реки, мы обнаружим, что в течение этой зимы на тактику бри-

танцев, подобную применявшейся в Трансваале, буры отвечали проверенным способом – их редуемые команды постоянно уклонялись от решительных боев. Колонию разделили на четыре военных района: Блумфонтейнский район отдал Чарльзу Ноксу, Спрингфонтейнский – Литтелтону, Гаррисмитский – Рандлу, северный вверили Эллиоту. Последний район, несомненно, был наиболее важным, и Эллиот, несший ответственность за все северные марши, большую часть зимы располагал мобильными войсками численностью около 6000 человек. Ему подчинялись такие опытные офицеры, как Бродвуд, Де Лисли и Бетьюн. Позднее Спенс, Буллок, Пламер и Римингтон также были отправлены в Колонию Оранжевой Реки помочь затоптать углы сопротивления. Рапорты о бесконечных стычках и обстрелах приходили отовсюду, но постоянный поток пленников и военнопленных убеждал солдат, что, несмотря на труднопроходимую местность и стойкость противника, тяжелая работа близится к завершению.

Скот, конфискованный британцами у буров

Изо всех мелких, но необходимых операций, проводившихся этими колоннами, по меньшей мере, две заслуживают отдельного упоминания. В ходе одной из них, 6-го июня, в тяжелый бой вовлеклась часть конников Эллиота. Его колонна в мае совершила переход от Кроонстада к Гаррисмиту, а затем, повернув на север, оказалась у Рейца. Майор Сладен с двумя сотнями Конных Пехотинцев, отделившись от основных сил, напал на след бурского конвоя и настиг его. В качестве приза

ему достались более сотни повозок и сорок пять пленников. Довольный своей утренней работой, британский командир отрядил часть людей с новостями к Де Лисли, шедшему позади, в то время как сам с добычей и пленниками расположился поблизости в краале. Оттуда британцы прекрасно видели приближавшийся к ним большой отряд всадников со скаутами, боковыми дозорами и прочими мерами, предусмотренными уставом. Один добросердечный офицер вышел из укрытия навстречу товарищам, и лишь когда приветствие приняло какой-то странный характер – офицер отдал свою винтовку – его компаньоны учуяли неладное. Но если Сладену и его людям не хватало мозгов, то с сердцами у них все было в порядке. Имея сорок пять буров под охраной и 500 бюргеров Фурье, Де Вета и Де ла Рея вокруг них, маленький отряд быстро изготовился к решительному сопротивлению. Пленников уложили лицом на землю, пробили бойницы в глиняных стенах краала, а на требование сдаться ответили по-солдатски грубо, но прямо.

Британцы, обороняющиеся в краале (рисунок из "Graphic")

Их решение казалось безрассудным. Атакующих насчитывалось пять к одному, и эти пять были людьми Де Вета – ветеранами, закаленными в сотне стычек. Захваченные вагоны длинным двойным рядом тянулись через равнину, и под их прикрытием голландцы подобрались к краалю. Но противостоявшие им британцы также были ветеранами, а оборона компенсировала разницу в численности. С завидной отвагой буры пробились к поселку и овладели крайними лачугами, но Конная Пехота отчаянно вцепилась в занимаемую позицию. Из

немногих находившихся там офицеров Финдлей получил пулю в голову, Моер и Камерон в сердце, а Стронг в живот. Это был Ваггон-Хилл в миниатюре. Две безжалостные цепи стрелков почти в упор разряжали свои винтовки друг в друга. Еще раз, как при Ботавилле, британская Конная Пехота доказала, что, когда дело доходит до ожесточенной свалки, она может терпеть боль дольше, чем ее противник. Потери были ужасными. Пятьдесят один человек из маленького отряда уже лежал на земле, а число уцелевших едва превышало число пленников. Слава этой героической обороны принадлежит людям из 1-го батальона Гордонцев, 2-го Бедфордцев, Южно-Австралийцам и бойцам из Нового Южного Уэльса. Яростный бой продолжался четыре часа, пока, опаленные, покрытые пороховой гарью оставшиеся в живых британцы не вознесли молитву благодарения, увидев на южном горизонте мчавшийся им на помощь авангард Де Лисли. В течение последнего часа буры, смирившись с тем, что крааль им не взять, озаботились спасением своего конвоя, но теперь, второй раз за день, возницы обнаружили, что стволы британских винтовок смотрят им в затылок. Волон в очередной раз развернули, и трофей возвратили тем, кто так отчаянно за него сражался. Двадцать восемь убитых и двадцать шесть раненых – таковы наши потери в этом, казалось безнадежном, деле. Буры оставили у крааля семнадцать мертвых и еще сорок пять их товарищей так и не смогли вырваться из мертвой бульдожьей хватки британцев. По каким-то соображениям эффективное преследование буров организовано не было, и наша колонна продолжила свой путь к Кроонстаду.

Второй случай, заметный в скучной хронике стычек и перестрелок – неожиданный визит, нанесенный небольшой колонной под командованием Бродвуда в Рейтц 11-го июля. Британцы захватили почти всех членов последнего правительства Оранжевой Республики, за исключением одного, наиболее желанного. Колонна из 200 Йоменов, 200 Драгун 7-го Гвардейского и двух орудий выступила в поход в 11 часов вечера, совершила тяжелый ночной переход, а на рассвете ворвалась в спящий поселок. Влетев на главную улицу, британцы обезоруживали ошарашенных буров, выскакивавших из домов. Легко критиковать подобную операцию издали, глядя свысока на практические трудности, сопутствующие каждому делу, но в данном случае жаль, что перед тем, как запустить хорька, в норе не заткнули все дыры. Небольшой пикет на дальнем конце улицы вполне мог преградить Стейну путь к бегству. К со-

жалению, президент полуодетым вскочил на лошадь и галопом умчался из городка. Сержант Кобб (Драгуны) стрелял в него с близкого расстояния, но из-за морозной ночи смазка в затворе застыла и винтовка дала осечку. От каких пустяков порой зависят великие повороты истории! Два бургских генерала, два команданта, брат Стейна, его секретарь и несколько других официальных лиц оказались в числе двадцати девяти пленников. Была захвачена и казна, но боюсь, что, поделив ее содержимое, Йомены и Драгуны не слишком-то разбогатели.

За исключением этих эпизодов, боя у Рейтца и захвата в том же районе части правительства Стейна, в зимнюю кампанию не произошло ничего особенно яркого, хотя британские колонны по распоряжениям комендантов четырех военных округов выполнили большой объем тяжелой и необходимой работы. На юге генерал Брюс Гамильтон провел две зачистки: одну от железнодорожной линии к западной границе, вторую с юга и востока в направлении Петрусбурга. Итогом этих операций стали около 300 пленных. В то же самое время Монро и Хикман еще раз прошли по уже дважды зачищенным округам Роуксвилл и Смитфилд. Восток Колонии находился в состоянии, напоминающем описание Грантом долины Шенандоа: "Ворон, – писал Грант, – перелетая ее, должен нести пищу с собой".

В центральном районе генерал Чарльз Нокс с колоннами Пайн-Коффина, Торнейкрофта, Пилчера и Генри занимался подобной же работой с подобными же результатами. Самые решительные операции выпали на долю генерала Эллиота, трудившегося в северном и северо-восточном районах, где оставалось большое количество бюргеров, все еще не сложивших оружие. В мае и июне Эллиот отправился к Фреде, а затем вниз к восточной границе Колонии, где у Гаррисмита, наконец, встретился с Рандлом. Затем Эллиот через Рейтца и Линдли пошел назад к Кроонстаду. Именно в этом походе Конная Пехота Сладена получила упоминавшийся ранее суровый урок. Колонна Вестерна, действуя независимо, помогала Эллиоту зачищать северо-восток. В августе большой улов достался Бродвуду, сумевшему добиться от своих людей чрезвычайной мобильности – однажды они за два дня прошли девяносто миль.

Стоит упомянуть и о генерале Рандле, занятом поисками в труднодоступном районе подчиненного ему округа – в тех самых местах, где велась охота на Принслоу и произошла капитуляция у Фоурисбурга. В этом же районе кочевал со своими

людьми Критцингер после того, как в июле его вытеснили из Колонии. Множество мелких стычек и перестрелок, происходивших в горах, подтверждали, что буры продолжают сопротивление.

*Бюргеры, сражающиеся на стороне британцев
(рисунок из "Sphere")*

В июле и августе в центральных районах Колонии Оранжевой Реки активные операции проводили отряды Спенса и Римингтона, а в большой облаве, проводившейся в ее северо-восточном углу участвовали три колонны Эллиота, две Пламера, одна Генри и несколько меньших отрядов. В результате операции британцы захватили большое количество пленных и много скота, но вполне очевидно, что привлечение столь крупных сил ради подобного итога – пустая трата энергии. Похоже, приближалось время, когда сильный отряд военной полиции, постоянно находящийся в каждом районе, мог оказаться более эффективным инструментом. Одним из интересных явлений этой фазы войны стало создание полицейских сил из числа сдавшихся бюргеров.

Эти люди, получавшие хорошую плату, хороших лошадей и хорошее оружие, стали эффективным дополнением к британ-

ским силам. Движение постоянно ширилось, и к концу войны в рядах полиции насчитывалось несколько тысяч бюргеров под командованием таких известных офицеров, как Селльерс, Виллонел и младший Кронье, сражавшихся против своих соотечественников-партизан. Кто мог предвидеть подобное в 1899 году!

Прокламация лорда Китченера, опубликованная 9-го августа, знаменовала еще один оборот в закручивании гаек британскими властями. Этой прокламацией бюргеры оповещались, что те из них, кто не сложит оружие к 15-му сентября, будут высланы из страны (это относилось к командирам) или (касательно рядовых бюргеров) будут принуждены самостоятельно содержать свои семьи, находящиеся в лагерях беженцев. Поскольку большинство бюргеров, продолжавших воевать, были людьми небогатыми, последняя угроза не произвела на них особого впечатления, но с другой стороны, хотя и не слишком действенная, она могла остудить некоторые горячие головы в восстановительный период. После опубликования прокламации отмечалось некоторое увеличение числа сдавшихся, но в целом воззвание не дало ожидаемого результата, и вопрос о его целесообразности остается открытым. Можно сказать, что эта дата отметила окончание зимней кампании и открыла новую фазу борьбы.

ПАРТИЗАНСКИЕ ОПЕРАЦИИ В КАПСКОЙ КОЛОНИИ

Мы уже касались вторжения буров в Капскую Колонию и видели, что к моменту, вытеснения Де Вета за Оранжевую, западные отряды бюргеров также были почти изгнаны, или, в крайнем случае, ушли сами. Эти события произошли в начале марта 1901 года. Также упоминалось, что, хотя буры покинули пустынные и бесплодные просторы Кару, их восточные отряды, пришедшие с Критцингером, не вернулись домой, а засели в гористых центральных районах Колонии. Оттуда бюргеры раз за разом наносили удары по железнодорожным линиям, маленьким городкам, британским патрулям и прочим целям, оказавшимся поблизости и бывшим им по зубам. В близлежащих районах они набрали достаточное количество рекрутов, а симпатизировавшие им голландские фермеры в достатке предоставляли лошадей и продовольствие. Маленькие бродячие отряды бюргеров расплзлись по громадному пространству. На всей территории от Оранжевой Реки до Оудтсхорнских Гор, и от Кейптаунской железной дороги на западе до Фиш-Ривер на востоке оставалось немного уединенных ферм, куда не заглянули бы их непоседливые и предприимчивые разведчики. Целью движения, несомненно, являлось провоцирование всеобщего восстания в Колонии, и следует признать: если порох не взорвался, то не потому, что плохо чиркали спичками.

На первый взгляд, ликвидация небольших разрозненных банд выглядит простейшей операцией, но на самом деле это задача не из легких. Противник действовал в обширном районе со сложным рельефом, имел отличных лошадей, повсюду и всегда располагл свежей информацией и свежим продовольствием. При таких условиях неповоротливые британские колонны с их орудиями и вагонами почти не имели шансов его настигнуть. Опасные даже в своем бегстве, буры с готовностью атаковали любой отряд, опрометчиво подставившийся под удар, тем самым вынуждая британских командиров медленно и осторожно вести колонны по горным проходам. Лишь когда удавалось точно установить местоположение коммандо и два-три британских отряда начинали действовать совместно – воз-

никали разумные основания для навязывания противнику боя. Несмотря на все неблагоприятные факторы, маленькие британские колонны месяц за месяцем играли с командос в прятки, и, следует признать, выигрывали не всегда. В настоящей главе мы в общих чертах проследим за переменчивой фортуной этой кампании с ее взлетами и падениями.

Ранее упоминалось, что командо Критцингера разбилось на множество отрядов, пополнявшихся частично за счет Капских мятежников, частично благодаря свежим силам, прибывавшим из Колонии Оранжевой Реки. Чем сильнее британцы давили на севере, тем с большей охотой бюргеры перебрались в эти земли. Общее количество буров, бродивших по восточным и центральным округам, достигало двух тысяч человек, разделенных на отряды численностью от пятидесяти до трех сотен бойцов. Лидерами этих командос являлись Критцингер, Схиперс, Малан, Мибург, Фуше, Лоттер, Смутс, Ван Риинен, Латеган, Маритц и Конрой. Два последних действовали на за-
паде страны.

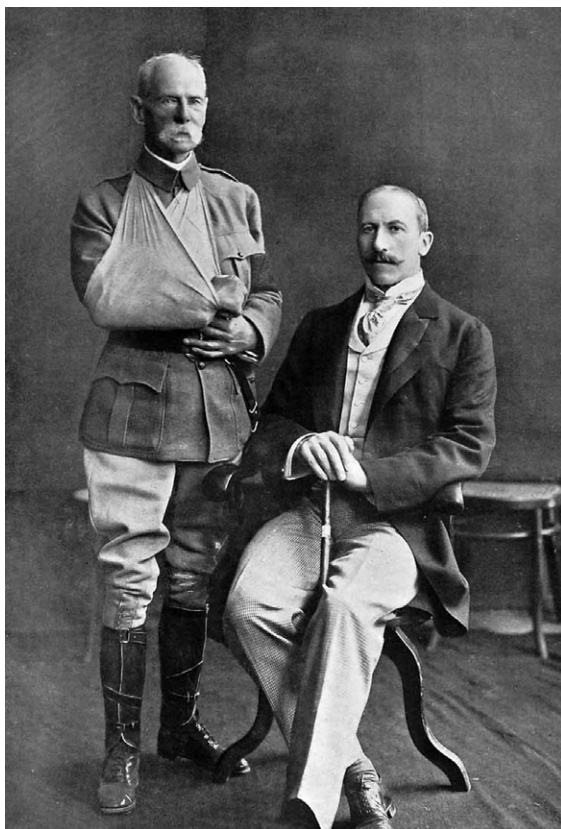

Комманос Яна Смутса (стоит в центре)

Охотясь за многочисленными и активными партизанскими отрядами, британцы были вынуждены держать в поле множество подобных же подразделений, известных как колонны Горринже, Краббе, Хенникера, Скобелла, Дорана, Каваны, Александра и других. Две миниатюрные армии, словно в пу-

танной бесовской пляске, петляли по всей Колонии. Зуурбергские вершины к северу от Стейнсбурга, Снеувбергский хребет южнее Мидделбурга, Оудтсхоорнские Горы на юге, Крадокский, Муррейсбургский и Грааф-Рейнетский округа – вот главные центры активности буров.

В апреле Критцингер отправился на север, к границе Колонии Оранжевой Реки встретиться с Де Ветом, а в конце мая с двумя сотнями последователей вернулся обратно. За этот месяц британские колонны провели немало перестрелок и совершили множество тяжелых переходов, но на их счету не было ни одного события, достойного именоваться успехом.

*Лорд Робертс и Алфред Милнер
(Кейп-Таун, перед отбытием верховного комиссара домой)*

В первых числах мая в Европу отплыли два пассажира, и отъезд каждого из них стал в какой-то мере историческим со-

бытием. Первым был измученный трудами губернатор Колонии, умевший предвидеть опасность и способный мужественно смотреть ей в лицо. Изможденное лицо Милнера и преждевременно поседевшие волосы красноречиво свидетельствовали о чудовищном грузе ответственности, который он нес последние три года. Великодушный гуманист и ученый, Милнер, больше подходил для спокойной академической жизни, чем для бурной судьбы, уготованной ему тонкой проницательностью мистера Чемберлена. Утонченный цветок английского университетского образования с тихим голосом и учтивыми манерами – трудно даже вообразить впечатление, производимое им на прямолинейные и грубые натуры, щедро порождаемые Южной Африкой. Но за внешней мягкостью скрывались высочайшее чувство долга, исключительная ясность мысли и моральная доблесть, помогавшие ему следовать по пути, указанному разумом. Его трехмесячный отдых в Англии стал поводом к демонстрации чувств удивительного доверия и уважения со стороны соотечественников. В августе он вернулся за свой рабочий стол уже как лорд Милнер, и с этого момента создание единой и лояльной к Империи Южной Африки стало целью его жизни.

Вторым путешественником, отправившимся почти одновременно с Губернатором, была миссис Бота, жена бурского генерала, отплывавшая в Европу как по личным, так и по политическим мотивам. Она везла Крюгеру подробный отчет о реальном положении в стране и отчаянном положении бюргеров. Ее миссия не возымела немедленного или ощутимого эффекта – изнурительная война, тяжелая для британцев и фатальная для буров, продолжалась.

Вернемся к обзору операций в Капской Колонии. Первое очко взяли нападавшие. 13-го мая, к югу от Мараисбурга, командо Малана сумело разгромить сильный патруль Мидлендских Конных Стрелков – местного колониального отряда. Шесть убитых, одиннадцать раненых и сорок один пленный – таковы плоды этой маленькой виктории, попутно обеспечившей буров запасом винтовок и боеприпасов. 21-го мая колонна Краббе вошла в контакт с Лоттером и Латеганом, но эта стычка не имела какого-либо позитивного результата.

К концу мая активность буров возросла, что объяснялось возвращением с севера командо Критцингера. Хейг на какой-то момент вытеснил Схиперса из крайней южной точки, которой тот достиг, и юный бурский командир перебрался в Грааф-Рейнетский округ. Но на другом конце Колонии возле Кенхар-

та объявился Конрой, задавший 23-го мая трепку подразделению Пограничных Скаутов. Главные силы буров под командованием Критцингера действовали в центральных районах. В Крадокском округе наблюдалась такая концентрация сил противника, что стало ясно – большое предприятие не за горами. Долго ждать не пришлось. 2-го июня, совершив стремительный переход, бурский лидер обрушился на Джеймстаун: смял шестьдесят городских стражников и разграбил город, получив необходимые ему припасы и сотню лошадей. Однако британские колонны находились рядом, и буры, спустя несколько часов, бросив выжатый, словно лимон, городок, растворились среди холмов. 6-го июня британцам, наконец, улыбнулась удача. В этот день Скобелл и Лукин в округе Беркли-Ист застали врасплох лагерь противника, взяв двадцать пленников, 166 лошадей и много добычи, награбленной в Джеймстауне. В тот же день Уиндхем с подобной же бесцеремонностью обошелся с Ван Реененом, захватив двадцать два бюргера.

Полковник Генри Скобелл

8-го июня общее командование операциями в Капской Колонии принял на себя генерал Френч. С этого момента главной задачей, действовавших по единому плану и подчиненных ему многочисленных колонн, стало вытеснение противника на север. Однако для того, чтобы новая тактика принесла ожидаемые плоды, потребовалось некоторое время, поскольку командос были легче на подъем и лучше обеспечены лошадьми, чем их преследователи. 13-го июня молодой и горячий Схи-

перс, командовавший собственным отрядом (тогда как в британской армии в этом возрасте ему пришлось бы довольствоваться чином младшего лейтенанта), совершил налет на Муррейсбург и захватил патруль. 17-го июня Монро со Скаутами Ловата и Конной Пехотой Бетьюна добились незначительного успеха вблизи Таркстада, но тремя днями позже в переплет вновь попали невезучие Мидлендские Конные Стрелки. Ранним утром у Ватерклоофа, в тридцати милях западнее Крадока, Критцингер застал их врасплох и задал хорошую взбучку. В том злосчастном деле Стрелки потеряли десять человек убитыми, одиннадцать ранеными и шестьдесят шесть пленными. Жизнь в очередной раз опровергла миф, что колониальные войска отличаются большей бдительностью, чем регулярные.

Коммандо Схиперса

К концу июня Фуше – один из наиболее предприимчивых партизанских командиров – надеясь получить лошадей и припасы предпринял бросок из Беркли-Ист в туземную резервацию Транскеи. Это походило на жест отчаяния, поскольку тщетно было надеяться, что воинственные кафры позволят себя безропотно грабить, а стоило асегаям обогреться кровью – никто не взялся бы предсказать дальнейшие беды. С величайшей последовательностью Британское Правительство даже в самые черные дни сдерживало воинственные племена зулусов, свази и басуто, имевшие свои старые обиды на Амабоон. Рейд Фуше остановили до того, как он успел привести к серьезным последствиям. Горстка Гриквалендских Конных Стрелков преградила ему путь, а быстро приближавшиеся ве-

тераны-колониалы Далгети вынудили буров вернуться на север.

Хотя Фуше удалось остановить, он продолжал оставаться силой, с которой следовало считаться. 14-го июля его командо предприняло решительную атаку в окрестностях Джеймстауна, напав на колонну Коннаутских Рейнджеров, эскортировавшую конвой. Майор Мур организовал решительную оборону и, в конце концов, после многочасового боя сумел не только отбросить противника, но и захватить его лагерь. В этом энергичном столкновении британцы потеряли семь человек убитыми и семнадцать ранеными.

Граф-Рейнет

10-го июля генерал Френч, изучая с высокого горного пика раскинувшийся внизу гигантский театр боевых действий, гелиографом переговаривался с войсками, находившимися за сотню миль. С этого же пика он отдал приказ четырем колоннам идти в долину, в которую, по его сведениям, юркнул Схиперс. Из собственного письма Схиперса мы знаем, что к этому времени командо бюргеров насчитывало 240 человек. Сорок из них – фристейтеры, остальные – колониальные мятежники. На призыв Френча откликнулись Кру, Уиндхем, Дорен и Скобелл, но юный бурский командир, проявив незаурядную находчивость, сумел увести своих людей вверх по ущелью, прорезавшему обрывистый склон одного из холмов, и вырваться из ловушки. Последние операции продемонстрировали возросшую мобильность британских колонн, принесших свои пушки и багаж в жерту скорости передвижения. Костяк ком-

мандо ушел, но двадцать пять наиболее нерасторопных буров все же оказались в плену. Эта акция имела место в холмах, расположенных в тридцати милях западнее Грааф-Рейнета.

21-го июля Краббе и Критцингер столкнулись в горах рядом с Крадоком. Буры оказались достаточно сильны и сумели удержать позицию. Но в тот же день, близ Муррейсбурга, Лукин, доблестный артиллерист-колониал, с девятью десятками бойцов наткнулся на отряд Латегана, насчитывавший полторы сотни бюргеров. В итоге британцы захватили десять пленных и около сотни лошадей. 27-го июля в другой части Колонии после отчаянного сопротивления небольшая британская партия (двадцать один Имперский Йомен) сдалась крупному отряду буров у Доорн-Ривер. Кафры-разведчики, захваченные в ходе этой акции, были хладнокровно расстреляны победителями. Бурам нет оправдания за неоднократные убийства цветных, служивших британцам, поскольку с начала войны они постоянно привлекали своих кафров для выполнения самых разнообразных задач, запрещая лишь непосредственное участие в боевых действиях. К этому времени война утратила черты человечности, присущие ей в начале. Долгая напряженная борьба ожесточила обе стороны, но британские смертные приговоры мятежникам – явление, пусть и достойное сожаления, тем не менее, остающееся законным правом воюющей стороны. Если припомнить бурам использование британской униформы, массовое нарушение клятв, постоянное применение экспансивных пуль, злоупотребление Красным Крестом и системой пропусков, невозможно чрезмерно винить британцев за проявление некоторой суровости при подавлении вооруженного восстания в собственной колонии. Если в конечном итоге мы пришли к применению жестоких мер, то лишь после того, как были испробованы и доказали свою неэффективность меры крайне снисходительные. Лишение права голоса на пять лет, как наказание за стрельбу в собственный флаг – несомненно, самое мягкое наказание, какое Империя когда-либо накладывала на мятежников.

В начале августа скоординированная работа колонн Френча начала приносить плоды. Гигантской дугой, гоня партизан перед собой, британцы двигались на север. Схиперс, действуя в своей обычной непредсказуемой манере, умудрился вновь уйти на юг, но другие бурские отряды не смогли прорвать кордон, и британцы теснили их к железнодорожной линии Стормберг-Нааупорт. С 7-го по 10-е августа главные силы буров были отброшены от Грааф-Рейнета к Зибусу, где они проби-

лись за железную дорогу, потеряв мало людей, но большое количество лошадей. Мы надеялись, что блокаузы на железной дороге задержат противника, но под покровом темноты бюргеры проскользнули мимо и ушли в Стейнсбургский округ, где эстафету преследования приняли колонials Горринжа. 18-го августа его люди гнали командос от Стейнсбурга до Венстерстада, убив двадцать буров и нескольких взяв в плен. 15-го числа Критцингер с главными силами бюргеров перешел Оранжевую Реку вблизи Бетули и направился в Вепенерский округ Колонии Оранжевой Реки. В Капской Колонии остались лишь Схиперс, Лоттер, Латеган и еще несколько небольших бродячих банд, к которым было приковано все внимание британских колонн. В итоге к концу месяца Латеган также ушел за реку.

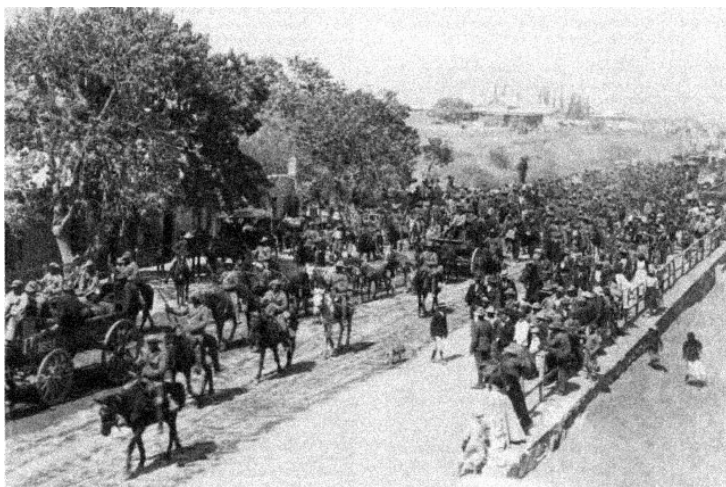

Буры прорывают линию блокаузов (рисунок из "Life")

На какое-то время казалось, что ситуация в Колонии улучшилась, но вскоре буры вновь устремились через северо-западную границу. Война, шедшая у самого порога, несомненно, возбуждающее действовала на голландских фермеров. Даже незначительные успехи, подобные пленению 10-го августа людьми Терона шестидесяти Скаутов Френча, не давали бюргерам впасть в отчаяние. Из всех оставшихся в Колонии партизанских отрядов наиболее сильным считалось командо Схиперса, насчитывавшее до 300 человек. Его люди были неплохо экипированы и имели хороших лошадей. Прорвавшись сквозь кордон, Схиперс направился в свое старое убежище на

юго-западе. Терон с меньшим отрядом действовал в Юниондейлском и Уиллоуморском округах, преимущественно в направлении морского побережья (Моссел-Бей), но путь к морю ему преградил Кавана. Схиперс первоначально пошел к Кейп-Тауну, но у Монтагью отвернул к Тоус-Ривер.

Ранее британцы, гоняясь за бурскими отрядами и нанося им определенный урон, никак не могли их разгромить. Но 4 сентября, когда командо Лоттера было полностью уничтожено колонной Скобелла, стало своеобразной поворотной точкой. Британская колонна состояла из отряда Капских Конных Стрелков и неутомимого 9-го Уланского. Британцы обнаружили противника в долине западнее Крадока и поутру, перекрыв все лазейки, атаковали его. Успех был полным. Буры укрылись в строении и оказали упорное сопротивление, но их положение было безнадежным, и, после ожесточенного обстрела, они подняли белый флаг. Одиннадцать бюргеров были убиты, сорок шесть ранены, а пятьдесят шесть взяты в плен – цифры, ярко свидетельствующие об упорстве обороны. В числе пленных оказался сам Лоттер.

Остатки командо Лоттера под конвоем в Граф-Рейнете

Британцам достались 260 лошадей, порядочное количество боеприпасов и немного динамита. Несколько дней спустя, 10-го сентября, подобный, но менее смертельный, удар полковник Краббе нанес командо Ван дер Мерве, являвшегося частью отряда Схиперса. Бой произошел вблизи Лейнгсбурга, лежащего на главной линии, к северу от Матйессфонтейна, и закон-

чился рассеянием бурского отряда, смертью их восемнадцатилетнего командира и пленением тридцати семи бюргеров. Но семьдесят командос сумели уйти по тайной тропе. Вся слава этого боя принадлежит Колониалам и Йоменам, потерявшим в схватке семь человек.

Коммандант Лоттер в плену

Полковник Краббе, ободренный достигнутым успехом, продолжил преследование и 14-го сентября вошел в соприкосновение с командо Схиперса у Ледисмита (не следует путать этот населенный пункт с героическим натальским городом), понеся некоторые потери. 17-го числа на севере Колонии бурами был захвачен патруль Гвардейских Гренадер. Командовавший им юный лейтенант Рибоу встретил смерть как настоящий солдат.

В тот же день более серьезное столкновение произошло вблизи Таркстада, к востоку от Крадока – печально известного центра брожения в центральных землях. В этом районе было замечено коммандо Смутса численностью в несколько сотен человек, и наши колонны тут же сосредоточили на нем свое внимание. Один из проходов, Эландс-Ривер-Поорт, охранял эскадрон 17-го Уланского полка. Именно этот пост подвергся неожиданной и очень энергичной атаке. Буры сумели беспрепятственно приблизиться к посту частично благодаря туману, частично использованию униформу цвета хаки (этот прием, похоже, никогда не утратит своей действенности). В результате бюргеры ворвались в британский лагерь до того, как Уланы смогли организовать хоть какое-то сопротивление. Многие британцы получили пулю, не успев даже добежать до лошадей. Огонь буров был настолько ожесточенным, что эскадрон потерял тридцать четыре человека убитыми и тридцать шесть ранеными. Единственным утешением 17-го Уланского может служить факт, что в этом трагическом происшествии их жестоко пострадавший эскадрон остался верен полковому девизу "Смерть или Слава", поскольку пленных, похоже, не было.

После этого кровавого происшествия последовало несколько недель, в течение которых, то ли отсутствие событий, то ли присутствие военного цензора образовали в отчетах об операциях необычную лакуну. При наличии многочисленных мелких коммандо и не менее многочисленных колонн преследования, длительное отсутствие каких-либо боевых столкновений выглядит событием экстраординарным. Прекращение активных действий можно объяснить лишь вялостью преследователей, а саму вялость – состоянием лошадей. Любая цепь размышлений о ходе этой войны приводит к вечному "конскому вопросу" и соответствующему выводу: независимо от времени года и театра военных действий есть все основания вынести беспощадный обвинительный акт британской непредусмотрительности, отсутствию здравого смысла и должной постановки дела. Шел третий год войны, а британцы все еще не могли угнаться за бурами. Учитывая, что мы проникли в самые отдаленные районы Трансвааля и Колонии Оранжевой Реки и имели в своем распоряжении всех лошадей мира, наша медлительность остается одним из самых парадоксальных моментов этой необычной кампании. Начиная с телеграмм "Предпочтительнее пехота", обращенных к нации великолепных наездников и кончая неспособностью приобрести великолепных юж-

ноафриканских лошадей, импортируя вместо них животных, непривычных к местным условиям – во всем этом видится одна бесконечная цепь непростительных промахов. Даже к концу войны в Колонии не усвоили очевиднейший урок – лучше дать каждому из 1000 всадников по две лошади, на которых они сумеют догнать врага, чем посадить на этих лошадей 2000 бойцов, которые никогда не сумеют его настичь. В течение двух лет преследование всадника, располагавшего двумя лошадьми, всадником, имеющим одну лошадь, являлось предметом горьких сетований с нашей стороны и язвительных насмешек со стороны всех остальных.

В связи с описанием операций в Колонии нельзя не упомянуть эпизод, имевший место на крайнем северо-западе, который, укладываясь в логику повествования, достоин привлечь внимание читателя как один из славных примеров подвига, свершенного британским оружием. Речь пойдет о героической защите конвоя 74-й ротой Ирландской Имперской Йоменри. Конвой доставлял продовольствие в Грикватаун на кимберлийском участке театра военных действий. Город долгое время блокировали бюргеры Конроя. Обитатели Грикватауна находились на грани голода, и требовалось предпринять меры для облегчения их положения. С этой целью под командованием майора Хамби (Ирландская Йоменри) был снаряжен конвой, растянувшийся почти на две мили. Его эскортировали 75 Нортумберлендских Фузилера, двадцать четыре местных бойца и сто всадников 74-й роты Ирландской Йоменри. В пятнадцати милях от Грикватауна, в месте, именуемом Рооикопис, конвой атаковали несколько сотен бюргеров. Два взвода Ирландцев успели занять оборону на высоте, с которой могли контролировать вагоны и удерживали ее, пока почти все бойцы не вышли из строя. Высота заросла кустарником, и противоборствующие стороны сошлись почти вплотную. Йомены не отступили ни на шаг, хотя понимали, что значительно уступают противнику в численности. Вдохновленные примером своих юных лидеров Медена и Форда, они пожертвовали жизнями, чтобы дать время подойти орудиям, и конвой смог выйти из-под удара. Олифф, Бонинг и Маклеан, знавшие друг друга с детства, сражаясь плечом к плечу, погибли на этой высоте и впоследствии были похоронены в одной могиле. Из сорока трех человек, участвовавших в бою, четырнадцать были убиты и двадцать тяжело ранены. Однако они не зря пожертвовали своими жизнями. Буров отбили, спася и конвой, и Грикватаун. В этой схватке бюргеры потеряли убитыми и ранеными от

тридцати до сорока человек, а их командир, Конрой, вспоминал, что это был самый ожесточенный бой в его жизни.

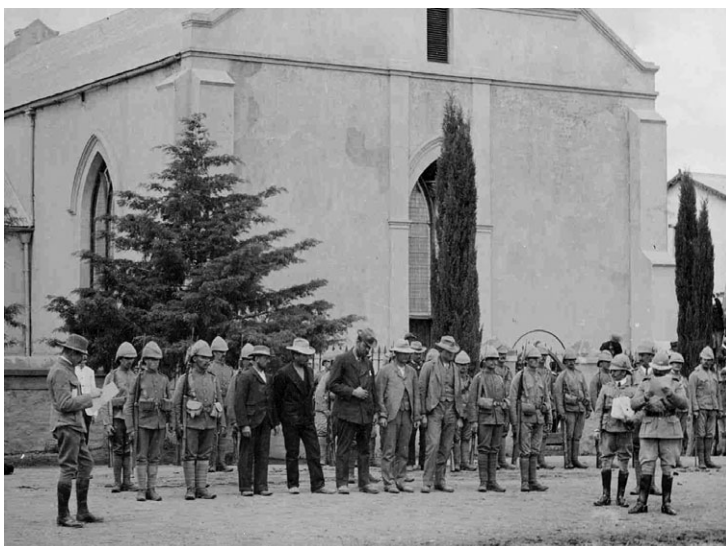

*Участники операций в Капской Колонии
(слева направо): генерал Латеган,
команданты Бреслер и Конрой*

Осенью и зимой 1901 года генерал Френч неуклонно превращал в жизнь систему зачистки отдельных округов – по одному за операцию, одновременно пытаясь системой блокадов и расстановкой сил держать в строгой изоляции участки Колонии, в которых еще оставались командос. В ноябре, действуя подобным образом, он сумел загнать отряды противника на крайний северо-восток и юго-запад полуострова. Вряд ли общая численность бурских командо, на три четверти состоявших из капских мятежников, превышала пятнадцать сотен человек. Зная, что на этом этапе войны бюргеры были неважно экипированы, а многие имели под седлом осла вместо лошади, даже делая скидку на сочувствие фермеров и сложности рельефа, трудно поверить, что преследование всегда велось с должным упорством и решительностью.

На северо-востоке Мибург, Весселс и Фуше в течение нескольких месяцев пользовались почти неограниченной свобо-

дой, тогда как в центральных районах бродячие банды буров согнали в кучу и теснили, пока не выдавили западнее главной линии железной дороги. Здесь, в округе Кальвиния, в октябре 1901 года объединилось несколько командо – Маритца, Ловуа, Смита и Терона. Этот объединенный отряд, продвигаясь на юг, направился в изобилующий зерном район вокруг Пикетберга и Мелмесбери. На мгновение показалось, что их академические сторонники в Паарле действительно предугадали столь старательно раздуваемое пламя восстания. Бурские патрули объявились в сорока милях от Кейп-Тауна. Однако небольшая колонна, состоявшая из Улан и местных войск, сумела пресечь дальнейшее продвижение противника. Ближе к концу октября Маритц, командовавший в этом районе, повернул на север и 29-го октября захватил встретившийся ему небольшой британский конвой. В начале ноября он вернулся и атаковал Пикетберг, но был отбит, понеся некоторые потери. С этого момента британцы, методично напирая с юга и востока, выталкивали партизан все дальше и дальше в бескрайние пустынные западные земли, пока в апреле следующего года не загнали за многие сотни миль в Намакваленд.

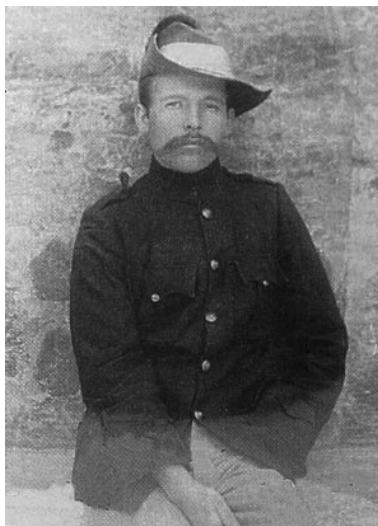

Вынесение приговора командос Лоттера

К 9-му октября (второй годовщине Ультиматума) введя в Кейп-Тауне и других портовых городах военное положение, военным развязали руки. Это решение эффективно перекрыва-

ло возможные источники снабжения противника припасами и рекрутами. То, что к подобным мерам не прибегли двумя годами ранее, доказывает, насколько местным политическим соображениям позволялось доминировать над жизненно-важными потребностями Имперской политики. Между тем суды, заседавшие по вопросам государственной измены, выносили приговоры, быстро прошедшие путь от самых мягких до самых трагических, демонстрируя мятежникам, что опасность подстерегает их не только на поле боя. Казнь Лоттера и его помощников сигнализировала, что терпение Империи лопнуло.

Юный бурский лидер Схиперс долгое время был занозой в теле британцев. В течение нескольких месяцев он непрестанно будоражил южные округа, отличаясь как стремительными маневрами, так и жестокой решительностью. В начале октября из-за тяжелой болезни, приковавшей Схиперса к постели, руки британцев наконец-то смогли до него дотянуться. После выздоровления он был обвинен в многократном нарушении законов войны, включая убийство нескольких туземцев. Юношу приговорили к смерти и казнили в декабре. Его отвага и молодость (Схиперсу было лишь двадцать три года) вызывают искреннюю симпатию. С другой стороны, мы дали слово защищать туземцев, и если бы он, обращавшийся с цветными столь сурово, избежал должного наказания, туземцы потеряли бы веру в наши обещания и нашу справедливость.

Коммандант Гидеон Схиперс

То, что месть британцев не была слепа, продемонстрировал последовавший вскоре случай с более важным бургерским командиром – Критцингером, лидером всех бургерских командо, действовавших в Капской Колонии. Критцингер был ранен и схвачен 15-го декабря, во время попытки пересечь линию в районе ГанOVER-Роуд. Он предстал перед судом, и его судьба зависела от того, насколько большой была его личная ответственность за злодеяния некоторых из его подчиненных. В ходе разбирательства суд получил несомненные доказательства, что Критцингер стремился удерживать своих людей в рамках цивилизованной войны, и с поздравлениями и рукопожатиями вынес ему оправдательный приговор.

В последние два месяца 1901 года кампания в Капской Колонии велась по новой системе. Колониальные и местные (окружные) войска перевели под непосредственное командование Колониальных офицеров и Колониального Правительства. Необходимость в определенном перераспределении прав назрела давно, и результаты подтвердили правильность предпринятых действий. Без каких либо драматических событий неотвратимый процесс истощения сил, постоянные преследования и невзгоды измотали командос. Большие отряды превратились в маленькие, а маленькие исчезли. Теперь, лишь объединив несколько отрядов, буры могли рассчитывать на успех в чем-либо большем, чем грабеж фермы.

И такое объединение произошло в начале февраля 1902 года, когда Смутс, Малан и несколько других бургерских лидеров продемонстрировали заметную активность в районе Калвинии. В их отрядах, похоже, находилась часть северных ветеранов-республиканцев, представлявших собой более грозный боевой материал в сравнении с не имевшими достаточного опыта колониальными мятежниками. По стечению обстоятельств в этот момент у Калвинии действовало несколько слабых британских колонн, и лишь благодаря действительно великолепной выдержке наших войск мы избежали серьезного разгрома. Два отдельных боя, причем жарких, произошли в один и тот же день, и в обоих случаях буры смогли обеспечить за собой значительное численное превосходство.

В первом случае речь идет о бое, в котором колонна полковника Дорана с чрезвычайно серьезными потерями сумела выпутаться из непростой ситуации. Доран имел под своим командованием 350 человек и два орудия. Эта, и без того небольшая горстка людей разделилась, когда Доран с полутора сотней бойцов отправился обыскивать отдаленную ферму. 5-го

февраля две сотни под командованием капитана Сондерса с орудиями и конвоем оставались в месте, называемом Миддлпост, лежащем в пятидесяти милях юго-западнее Калвинии. Это были люди 11-й, 23-й и 24-й Имперской Йоменри и отряд Капской Полиции. Разведка буров действовала великолепно, что было неудивительно в стране, усеянной фермами. Ослабленная колонна была немедленно атакована командос Смутса. Сондерс свернул кемп и бросил конвой, сосредоточив усилия на сохранении орудий. Полыхавшие вагоны осветили ночь. Ее перевозданную тишину огласили пьяные выкрики повстанцев, кувивших среди захваченного добра. С первыми лучами зари небольшой британский отряд был решительно атакован со всех сторон, но его бойцы держали оборону с упорством, делавшим честь любому подразделению. Столь часто подвергавшиеся критике Йомены сражались словно ветераны. Горстки солдат, засевшие в наиболее важных точках линии обороны, защищали чрезмерно растянутую позицию.

Томас Кук, боец 11-ой роты Имперской Йоменри, участвовавший в бою у Миддлпост

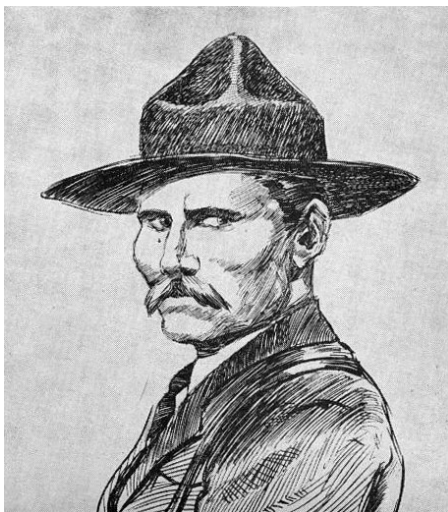
Лейтенанты Табор и Чичестер с одиннадцатью бойцами 11-го Имперского Йомени получили задачу удерживать гребень, с которого противник мог бы вести по нашим орудиям фланговый огонь. Приказ гласил "стоять насмерть", и они героически его выполнили. Буры сумели овладеть высотой лишь после того, как оба офицера были убиты, а девять из одиннадцати бойцов лежали на земле. Несмотря на потерю этой позиции, бой продолжался до полудня, пока не вернулся Доран с патрулем. Положение оставалось в высшей степени угрожающим, потери тяжелыми, к тому же силы буров росли. Доран приказал немедленно начать отход, и небольшая колонна, после десяти дней невзгод и тревог, сумела благополучно достичь железной дороги. Раненых оставили на попечение Смутса, который обошелся с ними по-рыцарски гуманно.

В тот же день коммандо Малана атаковало британский конвой, направлявшийся из Бофорт-Вест к Фрасербургу. Эскорт, состоявший из шестидесяти Колониальных Конных Стрелков и сотни Вест-Йоркширских Милиционеров, несмотря на упорное сопротивление, был опрокинут, а его командир, майор Крофтон, – убит. Буры уничтожили вагоны и отступили, поскольку к месту боя подошла колонна Краббе, за которой следовали Каппер и Ланд. В общем, в двух акциях британцы потеряли двадцать три человека убитыми и шестьдесят пять ранеными.

Тем не менее, прогресс в восстановлении законности и порядка на юго-западных территориях, столь долго находившихся в состоянии брожения, становился все заметнее. Полковник Кру в этом районе и полковник Лукин по другую сторону линии, действуя исключительно силами Колониальных войск, продолжали вытеснять мятежников, удерживая очищенные ранее территории хорошо продуманной системой обороны. К концу февраля к югу от железнодорожных линий на Бофорт-Вест и Клануилльям противника не было. Это стало результатом множества тяжелых переходов и маленьких, но жарких стычек. Небольшие колонны под командованием Краббе, Каппера, Уиндхема, Никалла и Ланда постоянно находились в движении. Результаты их труда для публики выглядели не слишком эффектно, зато в тылу этих отрядов неуколбно росла территория, на которой возрождалась мирная жизнь.

В стычке, произошедшей 20-го февраля, был убит известный бурский командир судья Хьюго и схвачен пользовавшийся дурной славой повстанец Ванхерден. К концу месяца наконец-то удалось прервать безмятежное пребывание Фуше в се-

веро-восточных землях, вытеснив остатки его команды в центральные районы, где они нашли прибежище в горах Камдебоо. К этому моменту в той же природной крепости скрывались люди Малана. Малан был ранен и взят в плен в ходе стычки, произошедшей в районе Сомерсет-Ист за несколько дней до всеобщей бурской капитуляции. Фуше сдался у Крадока 2-го июня.

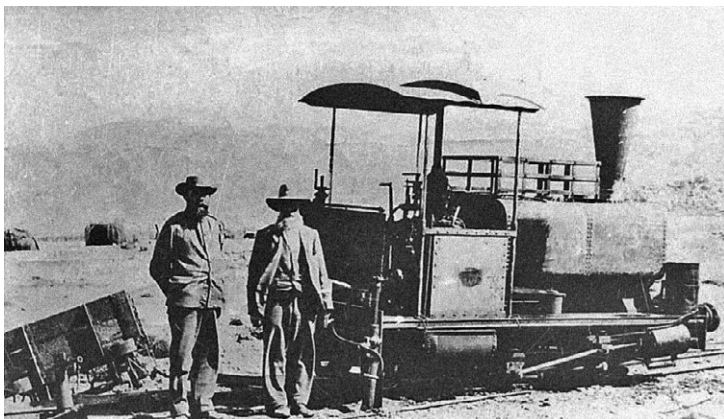

Генри Хьюго

Последним инцидентом этой разбросанной в пространстве, запутанной и бесцветной кампании на Капе стал рейд, предпринятый трансваальским лидером Смутсом в Порт-Ноллотский округ Намакваленда, известный своими медными шахтами. В этом месте от побережья до городка Оокип тянулась небольшая железная дорога протяженностью всего в семьдесят миль. Трудно представить, что понадобилось бурам в столь отдаленном уголке театра военных действий. Разве что они рассчитывали овладеть Порт-Ноллотом, восстановить связь со своими сторонниками и союзниками. В конце марта бурские всадники неожиданно возникли из пустыни, сбили британские аванпосты и потребовали сдачи Оокипа. Полковник Шелтон, командовавший небольшим гарнизоном, послал бескомпромиссный отказ, но не сумел защитить железную дорогу у себя в тылу. Линия была повреждена вместе с несколькими возведенными для ее защиты блокгаузами.

Лояльное население близлежащих мест сбежалось в Оокип,

и на коменданта городка легла забота о пропитании шести тысяч человек. Противник успешно овладел Спрингбокком (небольшим постом) и Конкордией – горнодобывающим центром, перешедшим в его руки без сопротивления вместе со столь необходимыми бурам запасами провианта, боеприпасов и динамита. Последний использовался противником для изготовления ручных бомб, оказавшихся чрезвычайно эффективным оружием при штурме блокгаузов. Гарнизон со значительными потерями оставил несколько узлов обороны, но в целом в ходе месячной осады, несмотря на предпринимаемые атаки, буры так и не смогли прорвать слабые оборонительные позиции, защищавшие город.

Локомотив "Пионер", с помощью которого буры пытались "угостить" осажденный поселок порцией динамита

В очередной раз в конце войны, как и в ее начале, голландские стрелки продемонстрировали свою неспособность сломить оборону британцев. В Порт-Ноллоте организовали освободительную колонну под командованием полковника Купера. Наступая вдоль железной дороги, в первых неделях мая она заставила Смутса снять осаду.

Вскоре пришли вести о мирных переговорах, и бурский генерал направился в Порт-Ноллот, откуда его морем доставили в Кейп-Таун, а затем далее на север, для участия в дискуссиях своих соотечественников. Смутс мужественно и благородно прошел всю войну, и можно надеяться, что благодаря молодости, бесценному военному и дипломатическому опыту его ждет блестящая карьера на более широком поприще.

ВЕСЕННЯЯ КАМПАНИЯ (сентябрь-декабрь, 1901)

В предыдущих главах мы бегло коснулись истории боевых действий африканской зимой 1901 года, представив краткий отчет о ходе дел в Трансваале, Колонии Оранжевой Реки и Капской Колонии. Надежды британцев на то, что им удастся загасить очаги сопротивления до того, как молодая трава восстановит мобильность крупных отрядов буров, рухнули. К середине сентября тускло-коричневый вельд зазеленел, и великой драме, несмотря на страстное желание британцев и большинства буров побыстрее опустить финальный занавес, судилось продлиться еще один акт. Как бы ни раздражало нас стойкое, но бессмысленное сопротивление бюргеров, мы утешались надеждой, что люди, однажды испившие горькую чашу до дна, вряд ли возжелают пригубить ее в будущем.

Британские Йомены опрашивают обитателей фермы

15 сентября – день вступления в силу положений британской прокламации, оповещавшей о наказании бурских лидеров, продолжавших сопротивление. Следует признать, что

беспристрастному наблюдателю такой шаг может показаться суровым и неблагородным, поскольку эти люди не нарушали законов цивилизованной войны. Наложение персонального наказания на офицеров армии противника – шаг, которому трудно найти прецедент. Не слишком мудро официально ставить своего противника вне общепринятых законов войны, поскольку такой подход открывает ему возможность поступать с вами аналогичным образом. Единственным оправданием подобного курса мог бы служить полный успех, подразумевавший, что Разведывательный Департамент знает о поисках бурскими лидерами достойного повода для сдачи, наподобие упомянутой Прокламации. Но практика показала, что о подобном раскладе не было и речи, а затея в целом выглядела опрометчивой и деспотической. В честном бою вы побеждаете противника доблестью, силой или мудростью, но не угрожаете ему особыми наказаниями, направленными на отдельных личностей. Бюргеры Трансвааля и Оранжевой Республики были законной воюющей стороной и заслуживали должного обращения – положение, безусловно, не относящееся к выступавшим на их стороне Капским мятежникам.

С некоторых пор британцы стали относиться к своему противнику, как к разбитым и дезорганизованным бандитским шайкам, но с началом весны бюргеры напомнили, что по-прежнему способны на серьезные согласованные действия. Для доказательства, что буры остались доблестными и энергичными бойцами, они избрали день, в который британцы отказались считать их официальной воюющей стороной. Несмотря на то, что еженедельная отправка пленных убеждала всех, кто следил за событиями, в истощении и угасании бурских резервов, в различных районах театра военных действий одно за другим произошло несколько боевых столкновений, общий итог которых складывался не в пользу британского оружия. Теперь рассмотрим эти инциденты в хронологическом порядке, пытаясь, насколько это возможно, увязать их в одно повествование.

Генерал Луис Бота, преследуя двойную цель – предпринять ряд акций и отвлечь колеблющихся бюргеров от внимательного изучения прокламации лорда Китченера, во второй неделе сентября собрал свои силы в округе Эрмело. Отсюда он стремительно повел командос в сторону Наталя. Перед лицом угрозы британским волонтерам этой колонии пришлось вновь взять в руки винтовки и поспешить к границе. На какое-то мгновение ситуация до абсурда напомнила события двухго-

личной давности. При этом Бота играл роль Жубера, а командовавший на границе Литтелтон – Уайта. Чтобы аналогия была полной, кому-то оставалось сыграть Пенна Саймонса, и эта опасная роль выпала отважному офицеру, майору Гафу, командовавшему отдельным отрядом. Его подразделение считалось достаточно сильным, чтобы выдержать удар, но жизнь рассудила иначе.

Джон Эдмунд Гаф

Небольшая колонна Гафа состояла из трех рот Конной Пехоты и двух орудий 69-й батареи Полевой Артиллерии. Она действовала у юго-восточного угла Трансваала вблизи Утрехта – как раз там, где Бота планировал войти в Наталь. Когда 17-го сентября Гаф пересек Блад-Ривер по Де Джагерс-Дрифт (неподалеку от Данди), то обнаружил, что вошел в соприкосновение с противником. Британская колонна обеспечивала проход пустому конвою, возвращавшемуся из Фрайхейда. Для этого ей следовало очистить Блад-Ривер-Поорт, оказавшийся в руках буров. Гаф, поддерживаемый тремястами пятьюдесятью Йоханнесбургскими Конными Стрелками под командованием Стюарта, без колебаний бросился вперед. На конечной стадии войны подобный образ действий характерен для каждого британского офицера, поскольку быстрый маневр был единственной возможностью войти в соприкосновение с верткими бурскими отрядами. Странно, что Разведывательный Департамент не предупредил войска, действовавшие у границы, о приближении большой группировки противника, и необходимости соблюдать осторожность, избегая столкновений, заранее обре-

ченных на проигрыш. Если Гаф знал, что к нему спускается главное командо Боты, то совершенно непонятно, почему он продолжал двигаться навстречу до тех пор, пока не лишился возможности вывести из-под удара своих людей и орудия. Небольшой отряд противника (говорят, личный эскорт Боты) увлекал его за собой, пока сильное командо бюргеров не обошло британцев с фланга и тыла. Развязка наступила у Схиперс-Нек. Судьба наших бойцов, окруженных в труднопроходимой местности сотнями стрелков, была предрешена. Удар буров оказался настолько внезапным и стремительным, что все кончилось, едва успев начаться. Буры применили тактику, ранее опробованную у Флакфонтейна, а впоследствии с успехом использованную при Бракенлаагте и Твиiboше. Стреляя на скаку, большой отряд всадников налетел на британцев. Теоретически подобное безрассудство должно было закончиться серьезными потерями, но в действительности оно сошло противнику с рук почти безнаказанно. Солдаты не могли вести эффективный ответный огонь с лошадей и не имели времени спешиться. Расчеты якобы успели повредить прицелы и затворы двух орудий, но вряд ли у них на это хватило времени. Бурам также достался один пулемет "Кольт". Небольшой британский отряд потерял двадцать бойцов убитыми и сорок ранеными. Около двухсот человек сдались. Стюарт со своими людьми, несмотря на некоторые проблемы, сумел выпутаться из сложного положения и отошел к броду. Гафу ночью удалось бежать, и он сообщил, что его подразделение уничтожил сам Бота, располагавший более чем тысячей бойцов.

Атака буров у Блад-Ривер-Поорт

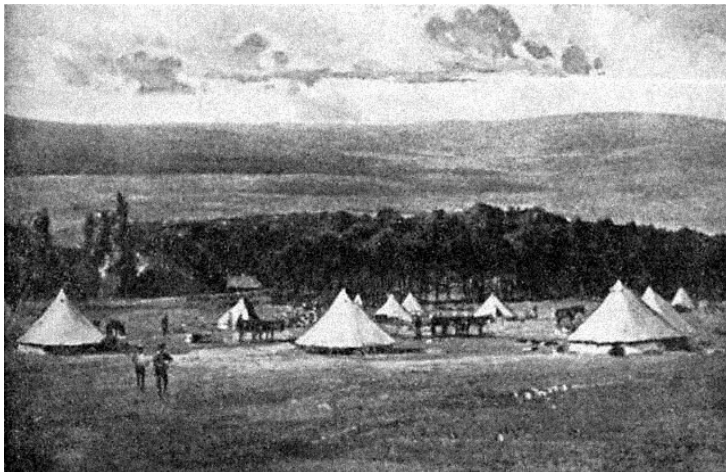
Несколько дней спустя буры отправили пленных и раненых во Фрайхейд – городок, над которым нависла угроза захвата, если бы Уолтер Китченер не поспешил прислать гарнизону подкрепление. Были предприняты все необходимые шаги, чтобы остановить продвижение Боты на юг, а Брюс Гамильтон получил приказ его перехватить. Со всех сторон в опасный район направили столько колонн, что Литтелтон, командовавший на Натальской границе, получил в свое распоряжение более 20 тысяч человек.

Похоже, Бота намеревался пройти Зулуленд, а затем нанести удар по Натало. Кроме того, он существенно облегчал себе задачу, намереваясь проводить операции вдали от железной дороги. Через несколько дней после успешного разгрома Гафа он пересек границу Зулу, и теперь практически беспрепятственно мог дойти до самой Тугелы. Переправившись через реку вдали от основных сил британцев, его отряд имел шанс достичь Грейтаунского округа и набрать рекрутов среди голландских фермеров, навлекая беду на один из немногих районов Южной Африки, не затронутых губительным дыханием войны. Теперь на пути Боты стояли лишь два небольших британских поста, которые можно было либо игнорировать, либо взять по ходу дела. В недобрый для себя час, искушаемый мыслью о запасах, которые могли там находиться, Бота решил захватить посты и, в итоге, волна вторжения разбилась о две гранитные скалы.

Эти два так называемых форта представляли собой очень скромные укрепления, построенные еще во времена старой Зулусской войны. Форт Итала, больший из них, занимали 300 бойцов 5-го батальона Конной Пехоты, набранные из Дублинских Фузилеров, Миддлсексцев, Дорсетцев, Южных Ланкаширцев и Ланкаширских Фузилеров. Большинство бойцов были старыми солдатами, прошедшими не одну битву. Их поддерживали два орудия 69-й батареи Полевой Артиллерии, той самой, что неделей ранее потеряла свою секцию. Командовал форт майор Чепмен из Дублинцев.

25-го сентября маленький гарнизон услышал, что в его сторону двинутся главные силы буров и приготовился оказать противнику теплый прием. Форт примостился на склоне холма. На вершине, в миле от главных траншей, располагался усиленный аванпост. В полночь 25-го сентября именно этот пост принял на себя первый удар буров. Пикет численностью в восемьдесят человек был окружен несколькими сотнями бюргеров, а затем, после ожесточенного и кровавого боя, уничто-

жен. Один из британских офицеров – Кейн (Южные Ланкаширцы) умер со словами "не смеет сдаваться", а командир буров Потгитер был застрелен сослуживцем Кейна – Лефроем. Двадцать человек из состава аванпоста пали на поле боя, а оставшихся вынудили сложить оружие.

Итала-Пост в 1901 году

Овладев удобной позицией, буры приступили к главной задаче. Они обсади гарнизон с трех сторон и до самого утра невидимые стрелки прочесывали британские траншеи огнем. Оба наших орудия вышли из боя, "максим" также получил повреждения. На рассвете последовала небольшая пауза, затем бой возобновился и продолжался без передышки до самого заката. Промежуток времени между восходом солнца и мгновением, когда на западе гаснет последний красный отблеск, праздному человеку кажется слишком долгим, но представьте, как бесконечно долго тянулись эти часы для горстки бойцов, окруженных со всех сторон врагом, осыпаемых пулями, мучимых жаждой и неопределенностью, но, несмотря на редующие ряды, продолжавших отчаянно защищать свой хлипкие оборонительные сооружения. Возможно, эти страдания казались защитникам слишком высокой платой за крошечный форт на забытой Богом земле. Большое стратегическое значение происходящего едва ли служило утешением для поддерживавшего дисциплину офицера, и еще менее для рядового. Движимые лишь чувством долга, они настолько великолепно делали свое дело, что отважные голландцы, раздраженные несоразмерным

сопротивлением, подобрался к самым траншеям и несли потери, каких не знали много месяцев. Даже в битвах, где активно участвовали до 10000 британских солдат, буры не теряли столько людей, как в этом ничем не примечательном бою с крохотным изолированным гарнизоном. Когда, наконец, озадаченные и павшие духом бюргеры исчезли в стгутившихся сумерках, по словам очевидцев подтверждением ожесточенности схватки служили не менее сотни убитых и двух сотен раненых буров. Условия войны в Южной Африке настолько необычны, что эти потери (едва заметные в дни кровавой Испанской кампании), оказались одним из самых жестоких ударов, выпавших бюргерам за два года боев против большой и решительной армии. Относительно точных потерь сведения противоречивы, но они оказались достаточно велики, чтобы остановить бурскую армию и заставить противника изменить план операции.

Пока затянувшийся шторм бушевал вокруг форта Итала, подобной же, но менее масштабной атаке подвергся форт Проспект пятнадцатью милями восточнее. Этот небольшой пост удерживала горстка бойцов Даремской Артиллерийской Милиции и Дорсетцы. Здесь действовал Гроблер с несколькими сотнями бюргеров, однако несмотря на несколько очень решительных попыток, буры так и не сумели прорвать оборону. Капитан Роули, командовавший фортом, руководил людьми настолько умело и рассудительно, что в ходе продолжавшегося весь день боя гарнизон потерял одного человека убитым и восемь ранеными. Потери же противника, как и у Итала, соответствовали решительности его действий. Говорят, что у буров из строя убитыми и ранеными выбыли до шестидесяти человек. Учитывая невозможность пополнения свежими людьми и бесполезную трату драгоценных боеприпасов, 26-е сентября стало для буров черным днем. Общие потери британцев в этот день составили семьдесят три человека.

Гарнизон форта Итала в самом начале боя оказался отрезанным от воды, а к вечеру начали заканчиваться и боеприпасы. Чепмен отвел людей и орудия к Нкандла, где оставшиеся в живых бойцы удостоились специальной благодарности лорда Китченера. Но вся округа по-прежнему кишела бурами, и в последний день сентября в их руки попал конвой, шедший из Мелмота, обеспечив противника жизненно необходимыми припасами.

Нанесенный Боте удар сумел предотвратить дальнейшее продвижение буров в направлении Наталя. К тому же вздув-

шиеся от дождя реки создали дополнительную преграду на его пути. Британские командиры, обрадовавшись наличию определенной цели, поспешили к месту событий. Брюс Гамильтон достиг форта Итала 28-го сентября, а Уолтер Китченер отправился к Фрайхейду. Две британские колонны, поддерживаемые несколькими меньшими отрядами, намеревались окружить бурского лидера. К 6-му октября Бота отошел северо-восточнее Фрайхейда, а британцы последовали за ним. Подобно вторжению Де Вета в Капскую Колонию, прорыв Боты в Наталь закончился тем, что армия буров оказалась в критическом положении. 9-го октября Бота сумел переправиться через Приваан-Ривер (приток Понголо) и ушел на север в направлении Пит Ретифа. В этом ему немало способствовала туманная погода и постоянные дожди. Часть бюргеров сумела проскользнуть между британскими колоннами, а часть укрылась в труднодоступных kloofaх и лесах.

Уолтер Китченер, преследовавший буров, 6-го октября провел жаркий бой с их арьергардом. Буры все же сумели оторваться, при этом некоторые потери понесли обе стороны. 10-го числа те из бюргеров, кто продолжал держаться вместе, достигли Луненбурга и вскоре окончательно пропали из поля зрения британских колонн. Из-за мерзкой погоды громоздкие фургоны, вязшие в грязи по самые ступицы, сковывали действия наших отрядов, лишая их возможности догнать не обремененных обозом бурских рейдеров. Несколько недель о бюргерах Боты не было слышно ни слова, но затем они объявились вновь, демонстрируя, что как численностью, так и духом по-прежнему представляют грозную силу.

Изо всех разрозненных британских колонн, бродивших по территории бурских государств, трудно найти отряд, обладавший лучшим послужным списком, чем колонна под командованием полковника Бенсона. В ходе непрерывной семимесячной службы его небольшой отряд, состоявший к тому времени из Аргайлских и Сазерлендских Хайлендеров, 2-го полка Шотландской Конницы, 18-го и 19-го батальонов Конной Пехоты и двух орудий, действовал чрезвычайно энергично, используя совершенную и высокоэффективную систему. Оставляя пехоту для охраны бивака, Бенсон действовал исключительно конницей, и ни один бурский лагерь в радиусе пятидесяти миль не был гарантирован от его ночных визитов. Он и его люди настолько поднагорели в тактике ночных нападений, даже в незнакомых и часто труднодоступных районах, что из двадцати восьми попыток двадцать одна увенчалась полным успехом.

Каждый раз полковник придерживался одного и того же правила – галопом врвался в бурский лагерь и продолжал преследование, пока его лошади держались на ногах. О неистовости натиска британцев можно судить по факту, что люди Бенсона гораздо чаще выходили из строя от падений с лошади, чем от вражеских пуль. За шесть месяцев его отряд убил сорок семь буров и взял в плен около шестисот, не говоря уже о громадном количестве всевозможного снаряжения и скота. Эти операции обязаны успехом не только энергии Бенсона и его людей, но и постоянной напряженной работе полковника Вулс-Семпсона, ведавшего разведкой. Если в ходе долгой травли со стороны президента Крюгера, Вулс-Семпсон сгоряча поклялся отомстить бурам, то следует признать, что он исполнил обет сполна, поскольку трудно найти другого человека, с первого до последнего дня службы причинившего им больший ущерб.

В октябре отряд полковника Бенсона был реорганизован и теперь состоял из 2-го батальона "Баффс", 2-го полка Шотландской Конницы, 3-го и 25-го батальонов Конной Пехоты и четырех орудий 84-й батареи. 20-го октября с этой колонной численностью в девятнадцать сотен бойцов он вышел из Мидделбурга, лежавшего на Делагоаской линии и направился на юг, отрезая путь, по которому могли отойти буры после неудачного "натальского" рейда. Несколько дней колонна занималась обычной работой, собрав от сорока до пятидесяти пленников. 26-го числа пришли новости, что против нее концентрируется коммандо Гроблера, и следует опасаться серьезного нападения. Два дня британский отряд подвергался обстрелу снайперов. На флангах и в тылу постоянно маячили бурские всадники, двигавшиеся параллельно. Стояла отвратительная погода, и под холодными проливными дождями 30-го октября британцы отправились к Бракенлаагте – лежавшему в сорока милях к югу от Мидделбурга. Бенсон намеревался вернуться на свою базу.

Около полудня колонна, все еще сопровождаемая большим отрядом решительно настроенных буров, подошла к спруйту, по которому несся вздувшийся от проливных дождей поток. Вагоны вязли в грязи, и переправа заняла несколько часов. Огонь буров становился все ожесточеннее. Вскоре перестрелка завязалась не только в хвосте колонны, но и в голове. Ситуацию осложнял сильный дождь, от которого над землей поднялся плотный пар, ухудшавший видимость. Майор Энли, командовавший арьберггардом, пытаясь хоть что-то рассмотреть

сквозь разрывы в клубах пара, внезапно заметил большой отряд всадников, в развернутом порядке несшийся на британцев. "Господи, да их тут несколько миль!" – воскликнул ирландец. В следующее мгновение стена тумана сомкнулась, но все, кто успел увидеть жуткую сцену, знали, что их ждет жестокий бой.

В этот момент два орудия 84-й батареи под командованием майора Гиннеса открыли огонь по бурским стрелкам. С тыла орудия прикрывали бойцы Шотландской Конницы и Йоркширской Конной Пехоты. Непосредственно возле пушек находились тридцать солдат из "Баффс". Остальные "Баффс" и Конные Пехотинцы были на флангах или с авангардом, занимавшимся под управлением полковника Вул-Семпсона парковкой конвоя и организацией бивака. Они почти не участвовали в отражении дневного нападения, вся ярость которого обрушилась на несколько сотен бойцов, оказавшихся перед или вокруг тыловых орудий. Когда буры решительно устремились вперед, полковник Бенсон, похоже, едва успел вернуться к месту боя.

Полковник Джорж Элиот Бенсон

Говорят, что Луис Бота со своим командо проскакал шестьдесят миль, чтобы, объединившись с людьми Гроблера и Оппермана, разгромить британскую колонну. Вдохновляло ли бюргеров личное присутствие их командира или желание расквитаться за тяжелые дни, пережитые на Натальской границе, их сила духа и дерзость по праву заслужили восторженные

аплодисменты каждого британского солдата, выжившего в этой схватке и вспоминавшего о ней. С низким гулом, словно гигантский сель, несколько сотен всадников разорвали завесу тумана и неистовым галопом устремились к британским орудиям. Тыловой заслон Конной Пехоты откатился перед этой ужасной волной, и два отряда британских всадников смешались с горсткой "Баффс" и артиллеристами. Буры смяли пехотинцев, взяв их в плен, после чего между бюргерами и низким холмом, на котором располагались орудия, не осталось преград. Высоту удерживали восемьдесят бойцов Шотландской Конницы и сорок Йоркширских Конных Пехотинцев, плюс несколько стрелков 25-го батальона Конной Пехоты. Последние составляли непосредственный эскорт орудий, в то время как Шотландцы и Йоркширцы принадлежали к отступившему тыловому заслону. К их чести, они не потеряли присутствия духа и, достигнув удобной позиции, немедленно спешили и изготовились к бою.

Атака буров у Бракенлаагте (рисунок из "Life")

Им едва хватило времени залечь, как буры оказались рядом. Возможно, наиболее выдающейся воинской чертой буров является их необычайная способность мгновенно менять тактику действий в зависимости от перемены обстоятельств. Вот и в данном случае их всадники не помчались галопом прямо на гребень холма, а расположились на краю гряды и открыли убийственный огонь по находящимся за ней людям и орудиям. О героизме обороны лучше всякой риторики свидетельствуют сухие цифры потерь. У орудий находились тридцать два артиллериста – двадцать девять из них пали на месте. Майор

Гиннесс получил смертельную рану, лично стреляя из орудия. Из восьмидесяти бойцов Шотландской Конницы выбыли шестьдесят два, Йоркширцы были практически уничтожены. В целом из 160 человек, защищавших гребень, пало 123. "Тяжелый удар, джентльмены", – заметил в подобном случае герцог Веллингтон при Ватерлоо, но британские солдаты могли его держать.

*Британские артиллеристы у Бракенлаагте
(рисунок "Graphic")*

Артиллеристы, как всегда, проявили себя великолепно. В двух осыпаемых свинцом группах людей, работавших у орудий, каждый исполнил свой долг до конца. Капрал Эткин, как и все, получил свою пулю, но из последних сил пытался снять замок с орудия. В это время еще одна пуля пробила ему обе руки. Тяжело раненый сержант Хейс, последний из своего расчета, перед тем, как потерять сознание, сумел взобраться на хобот лафета и, дернув вытяжной шнур, сделать последний выстрел. Сержант Метьюс, получив три пули, стойко продолжал выполнять свой долг. Пятеро возниц пытались подцепить передок, чтобы увести орудие, но были перестреляны вместе с лошадьми. В этой войне были случаи, бросающие пятна на нашу военную репутацию, но, пытаясь найти классические примеры доблести, вы вряд ли пройдете мимо неизменной стойкости британских артиллеристов.

Полковник Бенсон был ранен в колено, а затем в живот, но, истекая кровью, сумел отправить сообщение Вул-Семпсону с просьбой обстрелять гребень шрапнелью, чтобы помешать бурам увести орудия. Бюргеры разъезжали среди беспорядочно разбросанных мертвых и раненых, отметивших своими телами расположение британской позиции, и некоторые из буров, вопреки приказам командиров, обращались с ранеными британцами чрезвычайно грубо. Однако британская шрапнель вскоре вынудила противника ретироваться, и рядом с покинутыми орудиями остались лишь распростертые тела артиллеристов и бойцов эскорта.

Наблюдаются некоторые разногласия в оценке роли, сыгранной в этом деле "Баффс", а некоторые даже упрекают их в том, что они подвели своих компаньонов из конной пехоты. Справедливость требует очистить от упреков имя одного из лучших полков британской армии. На самом деле, большая часть батальона, под командованием майора Доглиша, охраняла бивак. Возле орудий находились четыре небольших отряда "Баффс", ни один из которых, похоже, не выполнял роль эскорта. Первый отряд – тридцать человек под командованием лейтенанта Грейтвуда, захлестнуло волной вражеских всадников. Аналогичная судьба постигла двадцать человек, находившихся далеко на фланге. Еще один отряд под командованием лейтенанта Линча попал под ту же волну и был практически уничтожен, потеряв убитыми и ранеными девятнадцать человек из тридцати. В тылу орудий располагался больший из четырех отрядов "Баффс" (130 бойцов) под командованием майора Илеса. Когда противник захватил орудия, эта горстка солдат пыталась контратаковать. Но вскоре, потеряв тридцать человек, Илес осознал безнадежность затеи, и едва сумел вывести людей из-под огня. Окажись эти люди на гребне рядом с орудиями, они могли бы продолжить бой, но буры взяли позицию раньше, чем британцы успели до нее добежать, а упорство в попытке отбить высоту неминуемо привело бы к еще большей беде. По нашему мнению, единственный повод для критики действий "Баффс" – их чрезмерная неповоротливость, отчасти объяснимая длительной службой в блокадах.

На счастье британцев, командование колонной перешло в руки такого опытного и хладнокровного солдата, как Вул-Семпсон. Контратака с целью вернуть орудия в случае неудачи могла обернуться угрозой биваку и конвою. Именно последний являлся для буров наиболее ценным призом. Подвергнуть конвой угрозе означало играть по правилам противника. Вул-

Семпсон поступил мудро: сдерживая рвущихся в атаку буров огнем орудий и стрелков, он направил все свободные руки на рытье траншей и укрепление позиции. Дополнительно, британцы выставили аванпосты на командных высотах, контролировавших лагерь. Требование бурского лидера о сдаче с презрением отвергли. Весь день бивак подвергался обстрелу с дальнего расстояния, временами весьма ожесточенному. Санитарная повозка привезла полковника Бенсона, который, умирая, заклинал своего заместителя держаться. "Ночных маршей больше не будет," – говорят, таковы были последние слова, сказанные отважным солдатом ранним утром перед самой смертью. 31-го октября британцы продолжали держать оборону, а утром 1-го ноября мерцания двух гелиографов, одного на северо-востоке, другого на юго-западе, сообщили, что на выручку спешат две колонны под командованием Де Лисли и Бартера. Буры прошли, словно ураган, оставив после себя лишь полосу разрушения. Ночью они увели захваченные орудия и теперь находились вне досягаемости преследователей.

Так завершилось дело у Бракенлаагте, стоившее британцам шестьдесят человек убитыми и 170 ранеными, плюс два орудия. Погибли полковник Бенсон, полковник Гиннесс, капитан Эйр Ллойд (Гвардейцы), майор Муррей и капитан Линдсей (Шотландская Конница), а также семь других офицеров. Шестнадцать офицеров получили ранения. В результате акции британский арьергард был уничтожен, но основной отряд, а главное, конвой, являвшийся главным объектом атаки, удалось спасти. Буры также понесли значительные потери – около полутора сотен человек. Несмотря на достигнутый противником успех, тяжелые бои подобного рода более всего устраивали британцев, поскольку, безотносительно конкретного исхода, каждый из них пробивал в рядах противника брешь, которую тот уже не мог заткнуть. Доблесть, проявленная бурами во время атаки, полностью соответствует отваге солдат, оборонявших орудия. Этот бой обе стороны могут вспоминать без стыда или сожаления. Существовали опасения, что противник вскоре использует трофейные орудия для прорыва линии блокадов, но этого не случилось, а через несколько недель британские колонны вернули обе пушки.

Для придания повествованию ясности и логической упорядоченности, продолжим рассказ об операциях под общим руководством генерала Брюса Гамильтона, проводившихся в юго-восточном углу Трансвааля во временном промежутке от Бракенлаагте до конца 1901 года. Этот энергичный командир

распо­ряжался нескольки­ми небольши­ми колонна­ми, захва­тивши­ми мно­же­ство плен­ни­ков. Значи­тель­ную по­мощь Га­миль­то­ну ока­за­ли новые линии блок­гаузов, одна из кото­рых протя­ну­лась от Стан­дер­то­на до Эр­ме­ло, а вто­рая со­еди­ни­ла Бругспруйт с Грей­линг­ста­дом. Та­ким об­ра­зом, огром­ную тер­ри­то­рию раз­де­ли­ли на более-менее кон­тро­лируе­мые районы, что вско­ре при­нес­ло свои плоды – с это­го участ­ка теат­ра воен­ных дей­ствий на­ча­ло посту­пать боль­шое ко­личес­тво плен­ни­ков.

Генерал Брюс Гамильтон

3-го декабря Брюс Гамильтон, пользуясь бесценной помощью Вулс-Семпсона, возглавлявшего его разведку, неожиданно вышел из Эрмело и ранним утром атаковал бурский лагерь, взяв девяносто шесть пленных. 10-го числа подобным образом он разгромил Бетелское коммандо, убив 7 и пленив 131 бургера. В этой операции британскими отрядами непосредственно командовали Уилльямс и Винг, о рвении которых можно судить по пятидесяти одной миле, пройденной британцами за двадцать четыре часа. 12-го числа колонны Гамильтона вновь вышли на тропу войны, уничтожив еще одно коммандо. Плоды этой экспедиции – шестнадцать убитых и семьдесят плен­ных буров. Второй раз за неделю бойцы прошли пятьдесят миль за сутки, и не удивительно, что их командир решил дать своим людям возможность отдохнуть. За какие-то десять дней одним

энергичным командиром в самой воинственной части Трансвааля было взято почти четыре сотни пленных.

*Атака конницей Брюса Гамильтона
лагеря буров у Стандертон*

При этом список британских потерь составил всего двадцать пять человек. Военный Министр отметил великолепную работу Гамильтона специальной благодарностью. До конца 1901 года от действовавших в этом районе Пламера, Спенса, Маккензи, Роулинсона и других командиров продолжали поступать рапорты о захвате небольших групп пленных. Но были и неудачи. В неприятную переделку попали две сотни Конных Пехотинцев под командованием майора Бриджфорда, выделенных из колонны Спенса для обыска фермы к югу от Эрмело, в месте, называемом Голланд. Экспедиция выступила ночью 19-го декабря, а на следующее утро окружила и обследовала ферму.

Выполняя задачу, британский отряд разделился, и был внезапно атакован несколькими сотнями команндос Бритца. Из-за униформы цвета хаки их приняли за авангард Пламера, позволив подойти достаточно близко. Главный удар принял находившийся в некотором отдалении отряд из пятидесяти человек. Почти все его бойцы были убиты, ранены или взяты в плен. Следующую полусотню, несмотря на оказанное британцами достойное сопротивление, постигла та же участь. Пятнадцать человек были убиты, тридцать ранены, а их командир Бриджфорд взят в плен. Вскоре с колонной подошел сам Спенс, и буров отбросили. В данном случае есть все основания утвер-

ждать, что произошла утечка информации, и в районе фермы британцев ждала хорошо организованная засада. Но подобные операции всегда сопряжены с неизбежным риском. Учитывая численность буров и продуманность их диспозиции, британцам еще повезло, что благодаря, умелому командованию лейтенанта Стерлинга, они избежали более серьезных потерь.

Покинув Восточный Трансвааль, повествованию предстоит вернуться к некоторым важным событиям, произошедшим в последние месяцы 1901 года на других участках.

19-го сентября, через два дня после неудачи Гофа, возле Блумфонтейна британцев постигло еще одно несчастье. Два орудия и сорок человек временно оказались в руках противника. Орудия, принадлежавшие батарее "U", под эскортом Конной Пехоты выдвинули на юг от Санас-Пост, места, ставшего фатальным для этой батареи восемнадцатью месяцами ранее. Там, в пятнадцати милях южнее водонапорной станции, у места, называемого Флакфонтейн (не путать с Флакфонтейном, где вел бой генерал Диксон), небольшая колонна была окружена и взята в плен коммандо Аккерманна. Лейтенант Барри, артиллерист, пал у своего орудия, как и положено офицеру. Противник взял орудия и людей, однако бюргеры отпустили солдат, а через неделю-две британские колонны вернули и орудия. Несомненно, открытие весенней кампании захватом четырех орудий делает бурам честь, и невозможно сдержать наше восхищение отважными фермерами, которые, после двух лет изнурительной войны, все еще могли наносить урон грозному и победоносному противнику, пополняя свои запасы за его счет.

Через два дня после несчастья Гофа последовали Флакфонтейнский инцидент и уничтожение эскадрона Улан в Капской Колонии. Неприятности случились и на крайнем юге Колонии Оранжевой Реки у Эландс-Клооф (вблизи Застрона), где коммандос Критцингера ночью застигли врасплох и изрядно потрепали отряд Скаутов, сформированный из чувства гражданского долга лордом Ловатом. Потеря полковника Муррея (командира), его адъютанта и однофамильца, сорока двух из восьмидесяти Скаутов свидетельствует, насколько страшной была атака, внезапно и мощно, подобно южноафриканской грозе, обрушившаяся на ничего не подозревавший лагерь.

Буры, похоже, сумели обойти аванпосты и подкрасться к спящим британцам так же, как они подобрались к Викторинцам возле Уилмансруста. Они подстрелили двенадцать артиллеристов и захватили единственное полевое орудие. Однако

буров, пытавшихся уйти после налета, настигла колонна Горнейкрофта, вернувшая орудие и взявшая в плен двадцать людей Критцингера.

Скауты Ловата на марше

и на биваке

Следует признать – есть определенная доля иронии в факте, что в течение пяти дней после того, как британцы отказались признавать буров организованной военной силой, эта "невоюющая сторона" сумела убить, ранить или взять в плен почти шесть сотен наших солдат. В свою очередь Уилльямс и Бенсон разбили два небольших командо: Коха в Колонии Оранжевой Реки и Каролинское. Их общая численность составляла лишь сто девять человек, однако, как всегда, это были потери, которые противник не мог восполнить.

Тот, кто, пытаясь предвосхитить будущее, внимательно следил за ходом войны, узнав о походе Боты в Наталь, приготовился услышать, что Де ла Рей также предпримет энергичные действия в западной части Трансвааля. Он не разочаровался в своих ожиданиях. В последний день сентября бурский лидер нанес чувствительный удар по колонне Кекевича. Решительная ночная атака переросла в ожесточенный бой, обычный на этой фазе кампании. Мы говорим о событиях у Моедвилла, вблизи магалисбергского Магато-Нек.

Когда мы последний раз упоминали о Де ла Рее, тот действовал в округе Мариико, близ Зееруста, где в начале сентября провел два боя с Метуэном. Оттуда он ушел к Рустенбургу и Магалисбергу, соединясь с Кемпом. Буров преследовали две британские колонны (Кекевича и Фезерстонхога). Первый из них в воскресную ночь 30-го сентября расположился биваком у фермы Моедвилл, на сильной позиции в границах треугольника, образованного Селоус-Ривер с грядой холмов на западе (на другом берегу реки), донга на востоке и Зееруст-Рустенбургской дорогой, как базой. Вершина треугольника указывала на север.

Большая часть людей Кекевича участвовали в бою у Флакфонтейна – Дербиширцы, 1-й полк Шотландской Конницы, Йоменри и 28-я батарея Полевой Артиллерии. Казалось, командир колонны предпринял все необходимые меры предосторожности и выдвинул пикеты на расстояние, гарантирующее своевременное предупреждение в случае нападения. Однако атака буров, начавшаяся на рассвете, оказалась настолько внезапной и мощной, что посты на берегу были сбиты или уничтожены, а бурские стрелки, засевшие на гряде по ту сторону реки, могли буквально подметать лагерь своим огнем. Противник уступал британцам в численности, но буры получили тактическое преимущество и вели игру, в которой им не было равных. Никогда британский дух не пылал столь яростно. Ни один человек, от командира до последнего йомена-новобранца, не уклонился от выполнения трудной, почти безнадежной задачи. В первую очередь следовало любой ценой сбить буров с позиции, позволявшей контролировать лагерь. Ведь в случае отступления британцам пришлось бы бросить большое количество припасов, что равнялось катастрофе. При всеобщем смятении, в тусклых предрассветных сумерках Кекевич не мог организовать какие-либо согласованные действия, хотя с восхитительным хладнокровием пытался восстановить контроль над ситуацией. Эскадроны и роты устремились к берегу реки,

намереваясь сблизиться с противником и оттеснить его с удобной позиции. Под градом вражеских пуль из строя выбыло более половины лошадей и полегло много офицеров и солдат. Шотландская Конница, Йоменри, "Дерби", несмотря на смертельную опасность, продвигались вперед. Молодые солдаты двух первых подразделений не отставали от ветеранов-дербиширцев. Очевидец рассказывал: "Все бойцы действовали просто великолепно, используя небольшие укрытия, они ярд за ярдом продвигались вперед. Эскадрон получил приказ обойти противника с фланга. Я уже положил седло на одного из моих пони, когда его дважды ранили. Два человека, седлавшие лошадей рядом со мной, были убиты, а лейтенанту Уортли прострелили колено. Я бегом вернулся на свою прежнюю позицию и обнаружил, что полковник легко ранен, адъютант ранен и умирает, и повсюду лежат мертвые и раненые".

Но контратака все-таки развивалась. Медленное продвижение вскоре переросло в стремительный бросок. Раненый Кекевич охотничьим гиканьем подбадривал своих людей, а когда перед яростным натиском британских стрелков противник начал откатываться, в бой вступили орудия. В шесть часов бюргеры Де ла Рея увидели, что их попытка провалилась, и начали общее отступление, которому победители, к сожалению, не могли помешать, поскольку вражеские пули превратили их из всадников в пехотинцев. Противник получил полный и абсолютный отпор, бурам не достался ни один человек, ни одна обойма, но убитыми и ранеными британцы заплатили немалую цену. Свою пулю получили 161 человек, включая доблестного командира, который, несмотря на ранение, через несколько дней вновь приступил к выполнению обязанностей. Наибольшие потери выпали на долю Шотландской Конницы и "Дерби", но и Йомены в данном инциденте (как и во многих других) доказали, насколько мелочной была критика в их адрес. В этой войне найдется немного акций, в которых войска вели бы себя более похвально.

Полученный у Моедвилла отпор ни в коей мере не обескуражил Де ла Рея – этого сурового длиннобородого воина. Еще с первых дней кампании, преграждая Метуэну путь к Кимберли, он продемонстрировал, что является очень опасным противником – цепким, изобретательным и неуступчивым. В его распоряжении был отряд непримиримых бюргеров-ветеранов, прошедших множество боев, а в лице Кемпа он имел великолепного помощника с большим боевым опытом. Де ла Рей контролировал большую населенную территорию, откуда в

любой момент мог получить достаточно бойцов, которые после завершения очередного предприятия вновь разъезжались по фермам и укромным местам. Несколько недель после боя у Моедвилла буры не проявляли активности в этом районе. 17-го октября две британские колонны под командованием Метуэна и Вон Донопа вышли из Зееруста для зачистки прилегающих районов: одна в направлении Эландс-Ривер, другая к Рустенбургу. Отряды вернулись в Зееруст через двенадцать дней, проведя в ходе рейдов множество перестрелок и стычек, одна из которых достойна отдельного упоминания.

Речь идет о бое, состоявшемся 24-го октября вблизи Клейнфонтейна, расположенного у Большой Мариико-Ривер (северо-восточнее Зееруста). Колонна Вон Донопа, блуждавшая по пересеченной, заросшей кустарником местности, внезапно подверглась ожесточенной атаке с фланга и тыла двумя отдельными отрядами бюргеров. Кемп, руководивший фланговой атакой, прорвался к линии вагонов и, до того как был отброшен, уничтожил восемь из них, убив при этом много возниц-кафров. Де ла Рей и Стиинкамп, обрушившиеся на арьергард, встретили более стойкое сопротивление. Всадники буров прорвались к двум орудиям 4-й батареи Полевой Артиллерии, временно ими овладев. На счастье, небольшой эскорт состоял из ветеранов "Пятого Боевого", верных традициям своего прославленного северного полка. Из двадцати шести человек артиллерийской прислуги, находившейся при орудиях, молодой офицер Хилл и шестнадцать его подчиненных получили пули. Из эскорта Нортумберлендских Фузилеров едва ли один человек остался на ногах, а сорок один боец из поддержавших их Йоменов был убит или ранен. Какое-то время ожесточенная перестрелка велась на самой короткой дистанции. Однако вскоре на помощь примчались британские конники, и буров отгнали в холмы, из которых они явились. На земле остались сорок бюргеров вместе с их отважным командиром Ойстерхойзенем – свидетельство, насколько решительно велась атака. Потери британцев составили двадцать восемь убитых и пятьдесят шесть раненых. Несколько потрепанная, лишившаяся восьми вагонов, небольшая колонна вернулась в Зееруст.

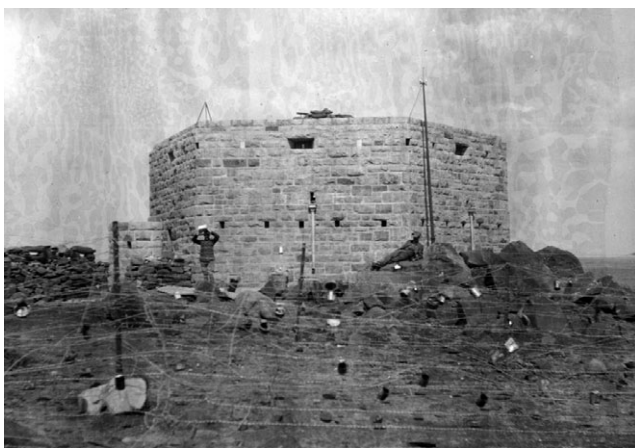
После данного инцидента до конца года в этой части театра военных действий не произошло ничего важного, если не считать хорошо проведенной акции у Биистекраала (29-го октября), в которой семьдесят девять буров были окружены и взяты в плен конниками Кекевича. Процесс своеобразного "выскабливания" противника неуклонно продолжался, и британские

КОЛОННЫ ПОСТОЯННО ДОКЛАДЫВАЛИ О НОВЫХ И НОВЫХ ПЛЕННИКАХ.

Коммандос Ойстерхойзена в октябре 1901 у Бифурт-Вест

Система блокгаузов стала столь разветвленной, что позволяла надежно контролировать Магалисберг. Цепь фортов протянулась от Клерксдорпа и Федерикстада до Вентерсдорпа. 13-го ноября вблизи Бракспруйта сильно досталось одному из йоменских патрулей полковника Хики, но, за этим исключением, общий счет складывался в нашу пользу. В начале ноября Метуэн и Кекевич перебазировались из Зееруста в Клерксдорп и теперь действовали, опираясь на железную дорогу. Конец года застал их обоих в Волмаранстадском округе, где они собирали пленников и зачищали территорию.

Блокгауз

Укрепленный палаточный лагерь

О событиях, происходивших в течение последних трех месяцев 1901 года в других частях Трансвааля, рассказывать особо нечего. Линии блокгаузов и британские посты сковывали мобильность буров, которые все чаще оказывались в пределах нашей досягаемости. Единственной реальной боевой силой оставались коммандо Боты на юго-востоке Трансвааля и Де ла Рея на западе. Другие отряды пытались лишь оторваться от преследователей, а будучи настигнутыми, обычно сдавались без серьезного сопротивления. Из крупных уловов достойны упоминания добыча Даукинса в Нилстроомском округе (шестьдесят шесть пленных), Кекевича (семьдесят восемь), Коленбрандера на севере (пятьдесят семь), Даукинса и Коленбрандера (сто четыре), Коленбрандера (шестьдесят два). Правда, в большинстве своем это были небольшие группы, выкуренные из всевозможных пещер, ущелий и ферм.

За эти месяцы лишь две небольшие акции достойны отдельного упоминания. Одна из них – атака, предпринятая коммандо Буйса 20-го ноября на Железнодорожных Пионеров, работавших у Виллиерсдорпа (крайний северо-восток Колонии Оранжевой Реки). Подразделение, состоявшее преимущественно из йоханнесбургских шахтеров, во время войны исполняло чрезвычайно важную работу. Рабочая партия Пионеров была внезапно атакована и почти вся взята в плен. Командовавший ими майор Фишер погиб, а три офицера и несколько

бойцов получили ранения. К счастью, появившаяся на сцене колонна полковника Римингтона отогнала буров, которые при отходе оставили в наших руках своего раненого командира – Буйса.

Второй случай – энергичное ночное нападение бюргеров Мюллера на колонну полковника Парка, произошедшее 19-го декабря у Эландспруйта. Бой был жарким, но в конце концов атаку удалось отбить. Британцы потеряли шесть человек убитыми и двадцать четыре ранеными. Буры, оставив на поле боя восемь убитых товарищей, скорее всего, пострадали не меньше.

Наиболее замечательной и обнадеживающей характеристикой Трансвааля конца 1901 года стало спокойствие, воцарившееся в центральных провинциях, и возврат населения к прежним занятиям. Претория вновь зажила нормальной тихой жизнью, в то время как ее крупный и энергичный сосед быстро приходил в себя после двухлетнего паралича. Каждую неделю все больше людей спускалось в шахты, а возрастающая из месяца в месяц добыча свидетельствовала – ключевая индустрия этих мест вскоре обретет былую мощь. Но самым приятным событием стало восстановление безопасного сообщения по железной дороге, которая, если не считать соблюдения определенных предосторожностей в ночное время, вернулась к нормальному графику. Когда зритель отрывал взгляд от черных гуч, затянувших горизонт, он с радостью замечал растущую полосу мирного голубого неба и понимал, что гроза близится к завершению.

Покончив с Трансваальской весенней кампанией 1901 года, переместим внимание на хронику событий, происходивших на просторах Колонии Оранжевой Реки. Мы уже упоминали о двух маленьких неудачах, постигших британцев в сентябре: потерю двух орудий у водонапорной станции (Ватерворкс) близ Блумфонтейна и неожиданное нападение на бивак Скаутов Лорда Ловата. В это же время поступила информация о небольшом отряде фристейтеров, планировавшем через Дракенсбергские проходы спуститься на помощь Луису Боте, рвавшемуся в Наталь. Однако бросок Боты был остановлен, соответственно демонстрация фристейтеров лишилась смысла.

В Колонии Оранжевой Реки система блокгаузов контролировала большую часть территории, и мелким отрядам буров становилось все труднее уходить от британских колонн, постоянно висевших у них на хвосте. Линия заграждений, тянулась к востоку от Блумфонтейна до самой границы с Басуто-

лендом, а к западу до Якобсдаля, отсекая юг страны от севера. Южнее этой линии сопротивление буров было практически подавлено, хотя несколько колонн продолжали прочесывать территорию, собирая остатки бурских командо. Большая часть северо-запада также успокоилась, и в течение последних трех месяцев 1901 года в этом районе не происходило каких-либо достойных упоминания столкновений. Даже на беспокойном северо-востоке – традиционном центре волнений – британские колонны, еженедельно сообщавшие о все новых и новых пленниках, не встречали ощутимого противодействия. Из всех командиров колонн наибольших успехов добились Уильямс, Дамант, Дю Молин, Лоури Коул и Уилсон. Существенную помощь им оказала Южно-Африканская Констебюлари. Майор Пак-Бересфорд, молодой офицер этого подразделения, особенно отличился своими способностями и доблестью. Его преждевременная смерть от брюшного тифа стала серьезной потерей для британской армии. За исключением боя, проведенного полковником Уилсоном в начале октября и Бингом 14-го ноября, едва ли можно вспомнить о каких-либо реальных столкновениях, вплоть до событий конца декабря, которых я коснусь ниже.

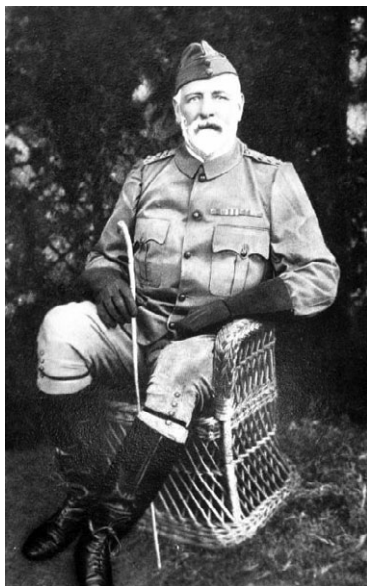
Боец Южно-Африканской Констебюлари

Тем временем восстановление мирной жизни в колонии, как и в Трансваале, шло быстрыми темпами, хотя здешние проблемы носили несколько иной характер, а население состояло исключительно из голландцев. Посещаемость школ превысила предвоенную, а поток бюргеров, приносивших клятву верности, не иссякал. Более того, некоторые из них вступили на путь борьбы со своими собственными непримиримыми соотечественниками, справедливо считая их истинным источником собственных бед.

Ближе к концу ноября появились сведения, что бурам, продолжавшим борьбу, был разослан призыв концентрироваться в их старом прибежище – Хейлбронском округе. К тому же в начале декабря вновь вышел в поле неутомимый Де Вет. Он так долго не давал о себе знать, что по стране поползли упорные слухи о его ранении и даже смерти, но вскоре этот командир продемонстрировал, что остается живее всех живых. Тяжелая болезнь, возможно вызванная громадным физическим и моральным напряжением, подкосила президента Стейна, но с невероятной самоотверженностью, заставляющей забыть и простить бессмысленную политику, приведшую его государство к печальному концу, Стейн появился в лагере верных ему командос, сидя в "капском" карте. Для тех, кто помнил нашу предвоенную убежденность в отсутствии у фристейтеров желания воевать, факт, что спустя два года эти люди все еще противостояли сокрушившей их силе, стал настоящим откровением.

Все понимали, что осуществляемая британцами тактика зачистки территории и пленения разобщенных отрядов бюргеров неминуемо приведет к окончанию войны. С точки зрения буров, единственная надежда, или, по меньшей мере, шанс обрести славу, состояла в том, чтобы еще раз собрать крупные силы и попытаться свести счеты с одной из британских колонн. Именно с этой целью в начале декабря Де Вет собрал Весселса, Мани Боту и других помощников в Хейлбронском округе, получив в свое распоряжение около двух тысяч человек. Это была небольшая, но чрезвычайно мобильная "армия", сплошь состоявшая из ветеранов, закаленных двумя годами боев. Вначале Де Вет сосредоточил внимание на изолированной колонне полковника Уилсона, окружив ее в двадцати милях от Хейлброна. Ремингтон с необычайной расторопностью откликнулся на призыв о помощи, переданный гелиографом, и, поспешив к месту столкновения, соединился с Уилсоном. Однако командос Де Вета по численности не уступали объеди-

ненной колонне и не оставили в покое британцев, возвращавшихся в Хейлброн. Противник предпринял решительную атаку на конвой и арьергард, но был отбит. Ночью большой отряд буров обстрелял бивак Римингтона, однако тот сумел ловко и без потерь вывести своих людей из-под огня. В этих столкновениях британцы понесли небольшие потери. Правда, не будь войска искушенными в подобных боях, дело могло принять серьезный оборот. Следующие две недели бюргеры довольствовались перестрелками, одновременно пытаясь уйти от облавы, организованной людьми Эллиота. Однако 18-го декабря они возобновили активные боевые действия, проведя в течение недели три акции и выиграв две из них.

Бригадный генерал Джон Дартнелл

Британские штабы получили сведения, что центром активности буров стал Каффир-Коп, расположенный к северу от Бетлехема, и три колонны (Эллиота, Баркера и Дартнела) развернулись в этом направлении. Последовало несколько отдельных стычек, примечательных лишь тем, что в одной из них погиб известный бурский лидер Хаасброук. Как только колонны, не сумев обнаружить цель, разделились, Де Вет тут же показал одной из них, что британцы просто плохо искали. Дартнелл дошел по следам буров до самого моста через Эландс-Ривер, когда бурский командир вынырнул из своего

логова в Лангберге и обрушился на преследователей. Бюргеры попытались ворваться в ряды британцев, надеясь повторить свой успех у Бракенлаагте, но им противостояли испытанные бойцы двух подразделений Имперской Конницы и генерал, хорошо знавший уловки бюргеров. Всадники противника не сумели приблизиться к обороняющимся ближе 150 ярдов и были отброшены плотным огнем. После четырехчасового боя, осознав, что успеха не добиться, и зная о выступлении из Бетлехема колонны Кемпбелла, Де Вет отвел своих людей. Британцы потеряли пятнадцать человек, буры определенно столько же, если не больше.

Похоже, своими действиями Де Вет, главным образом, пытался помешать строительству британских блокгаузов. Основными силами, сосредоточенными в Лангберге, он угрожал градительной линии, возводимой между Бетлехемом и Гаррисмитом – линии, о которую всего два месяца спустя будет тщетно биться его коммандо. Шестьюдесятью милями севернее, от Франкфорта к Стандертону, протянулась вторая линия заграждений, достигшая места, называемого Тафелькоп. Партия прикрытия, состоявшая из Восточных Ланкаширцев и Йоменов, охраняла рабочих, но Де Вет оставил здесь часть своих людей, которые до такой степени мешали строителям блокгауза, что отвечавший за данный район генерал Гамильтон счел необходимым послать во Франкфорт за подкреплением. Измотанные безрезультатной охотой британские колонны едва прибыли в город, как три отряда под командованием Даманта, Римингтона и Уилсона сразу же отправили на зачистку.

Стояла отвратительная погода. Вельд напоминал море, из которого, словно острова, торчали копи. Но к концу войны войска привыкли к любым невздам и теперь быстро двигались в заданный район. Когда они приблизились к месту, где предположительно находились буры, колонна растянулась на много миль, став слишком истонченной и опасно слабой в центре. Здесь был лишь полковник Дамант со своим маленьким штабом, два орудия и "максим", плюс горстка Имперской Йоменри (91-я рота), составлявшая эскорт орудий. Прямо на них, в типичном для британцев строю, двигался отряд всадников, одетых в хаки, время от времени постреливавших в сторону каких-то едва угадываемых буров. Введенные в заблуждение Дамант и его штаб решили, что это люди Римингтона, и противнику прекрасно удалась его уловка. Незнакомцы неторопливо сократили дистанцию, а затем, сбросив личину, в одно мгновение устремились к орудиям. Четыре картечных выстре-

ла не смогли их остановить. Спустя несколько минут всадники уже были на копи возле орудий. Часть спешившихся буров поддержала дерзкую атаку фланговым огнем.

Едва осознав происходящее, Дамант, его штаб и сорок Йоменов, составлявших эскорт, бросились к вершине холма, пытаясь опередить буров. Но атака противника была столь стремительной, что буры успели сломить сопротивление артиллеристов до того, как подкрепление достигло холма. Британцы попали под убийственный огонь засевших на копи бурских стрелков. Дамант получил четыре пули, весь его штаб был ранен, а из горстки Йоменов едва ли несколько человек остались на ногах. Доблесть британцев трудно переоценить. Погиб капитан Гауссен. На вершине у орудий почти все были ранены или убиты. Из пулеметного расчета выжило лишь двое раненых, которым их капитан – Джеффкоут, умирая, в здесь же написанном завещании оставил по пятьдесят фунтов. За каких-то полчаса центр британской линии был совершенно уничтожен. Современная война, несомненно, менее кровава, чем войны прошлого, но, когда одна сторона получает тактическое преимущество, другой приходится выбирать между быстрой сдачей или полным уничтожением.

Бой полковника Даманта (рисунок из "Life")

Войска на широко распростертых британских крыльях поняли – что-то пошло не так, и начали стягиваться к центру. Офицер, находившийся на крайнем правом фланге, в подзорную трубу увидел красноречивые облачка разрывов у самых жерл британских орудий, говорившие, что стрельба картечью

ведется почти в упор. Он развернул свой эскадрон и вместе с эскадромом Скотта (Конница Даманта) поскакал к копи. С другой стороны спешили люди Римингтона. Буры отступили. Они не смогли увезти захваченные орудия, поскольку все лошади погибли. "Мне казалось, – вспоминал один из офицеров, наблюдавший отход буров, – что произошло какое-то недоразумение, и мы стреляем в своих. Они были одеты в нашу униформу, а некоторые из них носили на шляпах полоски из тигровой шкуры – отличительный знак Конницы Даманта". Тот же офицер рассказывал о сцене, которую он застал на "орудийном копи". "Добравшись до пушек, мы увидели следующее: все артиллеристы, кроме двух раненых, погибли; офицер, командовавший "пом-помом" и его люди – убиты, расчет "максима" – все убиты; 91-я рота (эскорт орудий) – уцелел один офицер и один солдат, все остальные убиты или ранены; штаб – все офицеры ранены". Вот, что означает попасть в воронку смерча. Всего в этом бою мы потеряли семьдесят пять человек.

Буры под командованием Весселса, действовали дерзко и решительно, и их успех был заслужен. Однако военная хитрость, основанная на использовании британской униформы и манеры движения, противоречит всем законам войны, и можно лишь изумляться долготерпению наших офицеров и солдат, сносивших подобные вещи, не прибегая к возмездию. Также есть много поводов считать, что буры, захватившие высоту, проявили чрезмерную жестокость. Высокий процент убитых по отношению к раненым подтверждает заявления выживших, что несколько человек были застрелены бюргерами уже после того, как сопротивление прекратилось.

Спустя каких-то четыре дня после схватки у Тафелькопа, еще более кровавый инцидент произошел у Твиифонтейна. Очевидно, даже имея двухгодичный опыт войны, мы недостаточно считались с храбростью и ловкостью нашего противника. Линия блокгаузов, тянущаяся от Гаррисмита к Бетлехему, должна была способствовать усмирению этой территории. Гаррисмитский участок линии уже достиг Твиифонтейна, расположенного в девяти милях западнее Эландс-Риверского моста. Здесь располагался небольшой отряд, прикрывавший рабочих. Поскольку полковник Фирминг отсутствовал, колонна, включавшая четыре роты Имперской Йоменри, орудие 79-й батареи и один "пом-пом", находилась под временным командованием майора Уильямса (Южные Стаффордцы).

Зная, что Де Вет со своими людьми находится поблизости,

Йомены разбили бивак на позиции, казавшейся вполне защищенной в случае атаки. Одинокий копи имел вытянутый пологий северный склон и обрывистый южный. Довольно далеко на равнине были выставлены аванпосты, а вдоль гребня часовые. Пренебрегли единственной мерой предосторожности – аванпостом у основания южного склона. Похоже, командир считал, что с этого направления атака невозможна и, в любом случае, опасность не укроется от внимания часовых на вершине.

Из всех дерзких и искусных атак, проведенных бурами в ходе войны, наверно, трудно привести более замечательный пример. В два часа ночи, при свете луны, идущие на рисковое дело люди Де Вета собралась у подножья холма и начали взбираться на вершину. Факт, что это был канун Рождества, по-видимому, в некоторой степени объясняет слабую бдительность часовых. В обстановке благодушия и предпраздничного настроения строгость воинской дисциплины могла ослабнуть. Йомены, спавшие в палатках, и часовые, дремавшие на постах вдоль гребня, и не подозревали, какие ужасные рождественские гости к ним крадутся, и какой страшный утренний подарок приготовил Санта Клаус.

Разувшись, соблюдая максимальную осторожность, буры взбирались наверх и, поджидая товарищей, укрывались за кромкой гребня. Невероятно, но факт – они сумели подобраться очень близко, не будучи обнаруженными часовыми. Наконец, чувствуя себя достаточно сильными для нанесения удара, бургеры перепрыгнули через гребень и открыли огонь по пикетам и спящему биваку. Как только они овладели вершиной, туда волной хлынули их товарищи. Через несколько минут почти тысяча буров заняла позицию, полностью контролировавшую наш кемп. Британцы не просто уступали противнику в численности, но приняли бой прямо со сна, не имея ясного представления, откуда исходит опасность и как ей противостоять. Град пуль уложил на землю многих йоменов, едва те выскочили из палаток. Учитывая, в какую ужасную передрагу они попали, Йомены вели себя вполне достойно для необстрелянных новичков. "Некоторые brave джентльмены пустили наутек при первых выстрелах, но, благодаря Господу, таких было немного", – рассказывал один из участников событий. Даже для закаленных ветеранов, окажись они в подобной ситуации, такое испытание стало бы непростым делом. "Происходящее напоминало Конец Света, – говорит очевидец, – крики голландцев, вопли раненых и пронзительное ржание уми-

равших лошадей, свист пуль, треск залпов, все вместе смешалось в душераздирающую дьявольскую какофонию, подобную которой мне не приходилось слышать ранее и, надеюсь, не придется услышать вновь. Во всеобщем смятении люди стреляли и убивали друг друга. Два бура, одевшие шлемы, были застрелены своими же товарищами. Времени организовать оборону или хотя бы собраться с мыслями у Йоменов не было. Буры двигались прямо на них, расстреливая британцев с расстояния в несколько ярдов и иногда падая под пулями сами. Харидж и Уотни, командовавшие "максимом", доблестно погибли вместе со своим пулеметным расчетом. Сержант-майор Рид бросился на врагов, размахивая прикладом, но был изрешечен пулями. Майор Уильямс, пытаясь собрать людей, получил пулю в живот. Артиллеристы успели произвести два выстрела, после чего их смяли и перестреляли всех до одного. Соппротивление продолжалось около получаса, но буры все-таки овладели лагерем, после чего торопливо увели пленников, не дожидаясь, пока рассвет принесет британцам спасение.

Потери красноречиво свидетельствуют, насколько достойно сопротивлялись Йомены. Из отряда общей численностью около четырехсот человек погибли шесть офицеров и сорок один боец. Восемь офицеров и восемьдесят бойцов получили ранения. За время войны можно припомнить очень мало капитуляций, которым предшествовали подобные свидетельства стойкости. Буры также немалой кровью заплатили за свою победу: есть свидетельства, что их потери, хотя и уступают британским, но достаточно серьезны.

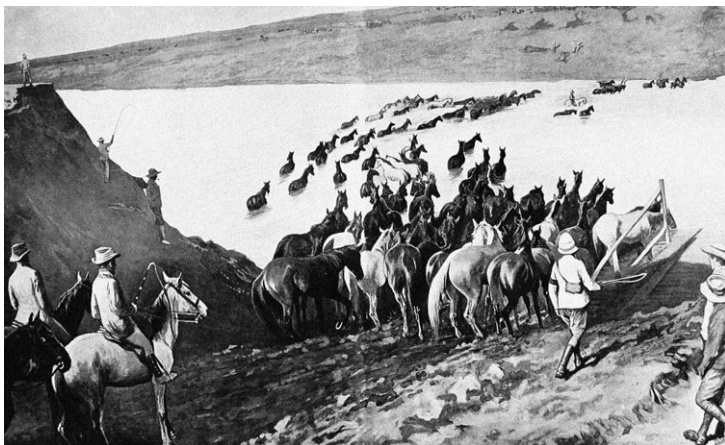
Бой у Твицфонтейна (рисунок из "Life")

Британские пленные численностью более двухсот человек были поспешно уведены победителями, которые, находясь под непосредственным контролем Де Вета, обошлись с ранеными чрезвычайно гуманно. Остальных Йоменов форсированным маршем увели к границе с Басутолендом, где бросили на произвол судьбы полураздетыми и голодными. Окольными путями, претерпев ряд приключений, они сумели вернуться к британской линии. Де Вету повезло, что он так быстро убрался с поля боя, поскольку уже через три часа на сцене появились два отряда Имперской Конницы, преодолевшие за один переход семнадцать миль. Однако к этому времени арьергард буров уже исчезал в цитадели Лангберга, где любое преследование было тщетным.

Такова короткая, но энергичная кампания Де Вета конца декабря 1901 года. Кампания, несомненно, великолепная, но, образно выражаясь, он расходовал последний патрон, и у Твифонтейна британские войска в последний раз почувствовали на себе его тяжелую руку. Операции бурского командира, какими бы решительными они не были, ни на день не задержали строительство железной клетки, в которую неумолимо заперали буров. Загон был почти завершен, и уже через несколько недель Де Вету пришлось биться о ее крепкие прутья.

КАМПАНИЯ ЯНВАРЯ-АПРЕЛЯ 1902 ГОДА

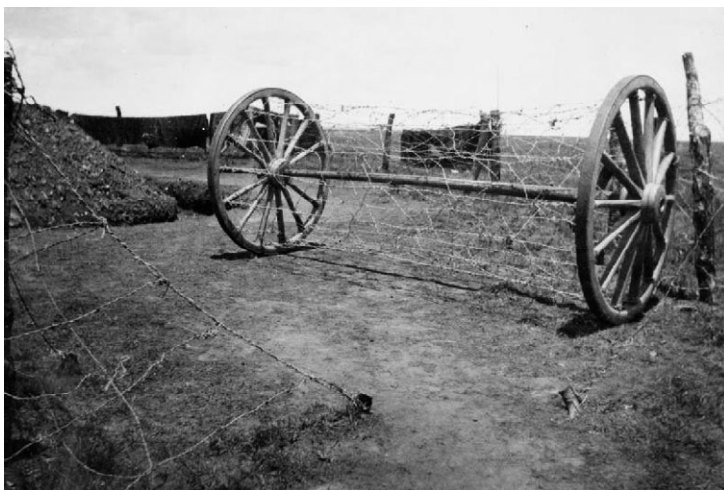
В начале 1902 года каждому внимательному наблюдателю стало ясно, что сопротивление буров, каким бы самоотверженным оно ни было, близится к концу. Бесконечная череда пленений значительно сократила численность их отрядов. Они оказались отрезаны от внешнего мира и пополняли свои боеприпасы преимущественно таким ненадежным способом, как контрабанда. Мобильность командос, являвшаяся их главным оружием, упала, поскольку, несмотря на мастерское обращение с лошадьми, источники получения свежих животных иссякли. Все больше бюргеров выражало готовность служить против своих непримиримых соотечественников, и попутно выяснилось, что опасения, сопровождавшие этот деликатный эксперимент, не оправдались. Во всей армии не было более сноровистых и более лояльных солдат.

*Табун, конфискованный у бюргеров
в ходе операции по зачистке (рисунок из "Sphere")*

Однако главным фактором, поставившим буров на колени, стала тщательно продуманная великолепная система блокадов, покрывшая всю страну. Первоначально блокадузы распо-

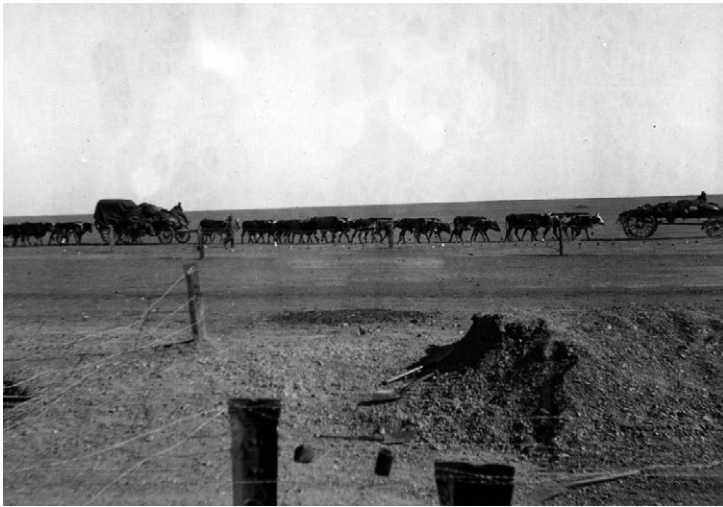
лагались далеко друг от друга и скорее раздражали бюргеров, чем являлись для них непреодолимым барьером. Однако, по новой системе, расстояние между укреплениями сократилось до шестисот ярдов, опутанных таким количеством колючей проволоки, что буры метко подмечали – если вашу шляпу унесет за линию между Эрмело и Стандертоном, придется обойти Эрмело для того, чтобы ее поднять. Ранее подобные барьеры создавали испанцы на Кубе, но применение их в таких масштабах на столь обширной территории – одна из примечательных сторон современного военного дела, наряду с другими нововведениями делающая южноафриканскую кампанию интересным объектом изучения для всех, интересующихся военной историей.

Мобильные ворота в проволочном ограждении

Становым хребтом этой гигантской системы стали охраняемые с обеих сторон железнодорожные линии, вдоль которых, как по дорогам, двигались стада, отары, пешеходы и все, что желало перемещаться в безопасности. От этих центральных стволів вправо и влево шли ответвления, деля обширную страну на легко контролируемые районы. Их перечисление утомит читателя, поэтому довольствуемся лишь замечанием, что к началу года юго-восток Трансвааля и северо-восток Колонии Оранжевой Реки – любимые места Боты и Де Вета – были настолько иссечены ограждениями, что положение буров стало просто невыносимым. Только запад Трансвааля, где действовали Де ла Рей и Кемп, оставался относительно чис-

тым. Здесь, как и ожидалось, произошли наиболее яркие события конца войны.

Волы упряжки британской колонны движутся вдоль заградительной линии

В Восточном Трансваале генерал Брюс Гамильтон продолжал придерживаться тактики, прекрасно зарекомендовавшей себя ранее. В новом году количество пленников снизилось, но он стольких взял ранее и так загонял остальных, что буры, еще державшиеся в этом районе, похоже, целиком утратили желание воевать. 1-го января в качестве первого урожая нового года Гамильтон представил двадцать два бюргера из команды Гроблера. 3-го числа он захватил сорок девять человек, в то время как действовавший совместно с ним Уинг взял еще двадцать. В число последних попал генерал Эразмус, помогавший, или не сумевший помочь, генералу Лукасу Мейеру у Талана Хилл. 10-го числа колонна полковника Уинга, составлявшая часть войск Гамильтона, нанесла противнику еще один удар, захватив сорок два пленника, включая двоих Волмаранцев. Спустя два дня Гамильтон вернулся на то же место и был вознагражден еще тридцатью двумя пленными. 18-го января он захватил двадцать семь человек, 24-го - двенадцать, а 26-го не менее девяноста. Наносимые удары были слишком чувствительны, а буры не знали, где укрыться от противника, способного преодолевать ночью по тридцать миль и нападать на их лагерь. В итоге о наступательных операциях раздробленные и

деморализованные бюргеры не смели и думать. Обнаружив, что после ряда неудач командос стали слишком пугливы, Гамильтон ушел дальше на юг и в начале марта совершил бросок через Фрайхейдский округ, где также захватил пленных, наиболее знаменитым из которых оказался генерал Черри Эммет – потомок известного ирландского повстанца и родственник Луиса Боты. Своими регулярными успехами британцы обязаны главным образом Департаменту Разведки под великолепным руководством полковника Вулс-Семпсона.

Очередная группа пленных бюргеров

В то время как Брюс Гамильтон столь успешно действовал в округе Эрмело, несколько британских колонн под командованием Пламера, Спенса и Колвилла расположились в пятидесяти милях южнее, не давая преследуемым ускользнуть в горный район к северу от Ваккерстроома. 3-го января небольшой отряд Новозеландцев Пламера, пытаясь отбить скот, ввязался в горячую перестрелку с партией бюргеров, потеряв при этом несколько человек. К бурам прибыло сильное подкрепление, и когда на следующий день майор Валлентин с пятьюдесятью людьми устремился в погоню за противником, у Онвервахта он столкнулся с несколькими сотнями бюргеров, возглавляемых Опперманном и Христианом Ботой. Прежде чем подоспевший на помощь отряд под командованием полковника Палтени отбросил буров, Валлентин был убит, а почти все его люди вышли из строя. Девятнадцать убитых и двадцать три раненых – таковы наши потери в этой маленькой, но кровопролит-

ной акции. На поле боя остались девять мертвых буров, в том числе сам Опперманн. Смерть одного из их наиболее опытных генералов стала для буров серьезной утратой.

С этого времени и до самого конца войны упомянутые колонны совместно с колонной Маккензи, действовавшей к северу от Эрмело, продолжали крошить отряды противника и вносить свою лепту в еженедельный отчет лорда Китченера. Финальный загон, организованный 11-го апреля у Стандертонской линии, увенчался захватом 134 пленников.

Несмотря на огромную численность нашей Южноафриканской армии, бесконечные коммуникации и система блокгаузов поглощали такое количество людей, что число бойцов, доступных для проведения активных операций, не превышало сорока - пятидесяти тысяч человек. Дополнительные пятьдесят тысяч, несомненно, избавили бы нас, как минимум, от шести месяцев войны. Постоянная нехватка рук вынуждала лорда Китченера предоставить некоторые округа самим себе, сосредоточив внимание на наиболее важных. Так, к северу от железнодорожной линии на Делагоа британцы оккупировали лишь один город – Лиденбург. Однако в этом районе у них был энергичный командир – Парк (Девонцы).

Полковник Парк

Этот лидер, нанося удары из своей горной крепости и опираясь на поддержку Урмстона, действовавшего из Белфаста, держал команду Бена Вилджоена и странствующее правительство буров в постоянном напряжении. Как упоминалось

ранее, 19-го декабря Парк провел жаркий ночной бой, после которого совместно с Урмстоном оккупировал Дулстроом и почти настиг правительство бюргеров, опоздав всего на несколько часов. В январе Парк и Урмстон вновь ступили на тропу войны, хотя беспрестанные ветры, туманы и дожди, характерные для этой суровой части Трансвааля, серьезно препятствовали ведению операций. Несколько стычек с командос Мюллера и Тричардта не принесли ощутимого результата, но 25-го января британцам улыбнулась удача. В засаду, ловко организованную майором Орром в окрестностях Лиденбурга, попался генерал Вилджоен. Будучи одним из главных факелов, зажегших костер войны, Вилджоен сражался храбро и честно, по праву заслужив почет и уважение своих противников.

Генерал Бен Вилджоен в плену на острове Св. Елены

В своих последних двух экспедициях полковник Парк не добился заметных успехов, но 20-го февраля, совершив восхитительный марш, он застал врасплох бурский лагерь, безмятежно расположившийся в сердце холмов. Сто шестьдесят четыре пленника, включая многих бурских офицеров – таковы плоды этого успеха, в котором выдающуюся роль сыграли Национальные Скауты или, как их обычно называли, "ручные буры".

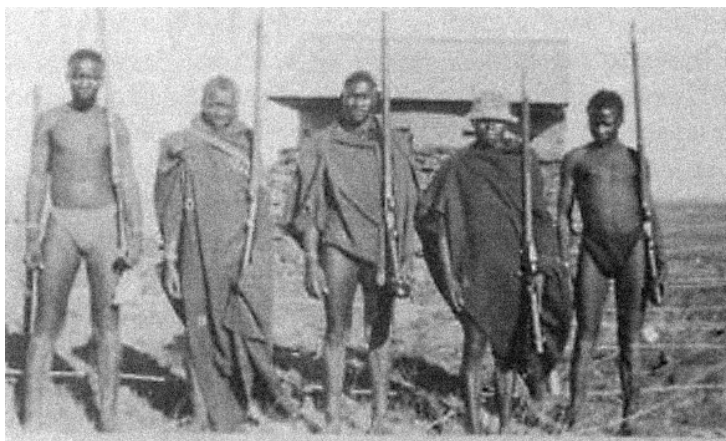
*Национальные Скауты – бюргеры,
воевавшие на стороне британцев*

Попавшееся коммандо было из Мидделбурга и составляло эскорт правительства, которому в очередной раз удалось улизнуть, растворившись в горах. В начале марта Парк снова в пути, преодолев в один из дней семьдесят миль. В дальнейшем на этом участке до 23-го марта не происходило ничего примечательного. 23-го числа Англии достигли новости, что Схалк Бюргер, Рейтц, Лукас Мейер и другие члены Трансваальского правительства прибыли в Мидделбург, намереваясь отправиться в Преторию для переговоров. На восточном горизонте сверкнул первый золотой луч зарождающегося мира.

Изложив ход событий в Восточном Трансваале севернее и южнее железнодорожной линии, рассмотрим пару инцидентов, произошедших в центральной и северной частях страны. Затем я дам небольшой отчет о действиях Де Вета в Колонии Оранжевой Реки и, наконец, расскажу о блестящих достижениях Де ла Рея на западе – последних отблесках славы бурского оружия.

В конце декабря на севере Коленбрандер и Докинс, действуя совместно, провели большую и полезную работу, не давая бюргерам покоя в районе от Нилстроома до Питерсбурга. В конце месяца Докинса отправили в Колонию Оранжевой Реки для усиления войск, противостоявших Де Вету. Коленбрандер со своими закаленными колониалами в одиночку пронесся через Магалисберг и получил двойное удовлетворение, с одной стороны, взяв какое-то количество пленных, с другой, перехватив и завернув назад кафрский отряд вождя Линчве. Линчве, возмущенный "скотным" рейдом Кемпа, двинулся в на-

правлении, которое могло привести его опасно близко к женщинам и детям буров. Этот и несколько других подобных примеров демонстрируют, насколько низки и лживы обвинения в вооружении туземцев британской стороной в ходе этой войны (за исключением определенных, четко обозначенных условий). Британское правительство имело возможность в любой момент поднять все воинственные племена Южной Африки, но невероятно, чтобы мы, не выставив на поле боя наших восхитительных и дисциплинированных сикхов и гуркхов, нарушили собственные принципы и призвали к оружию низшие, более дикие расы Африки. Однако именно эти обвинения повторялись чаще всего, вызывая наиболее слезливые протесты мягкосердечных и мягкоголовых редакторов континентальных газет.

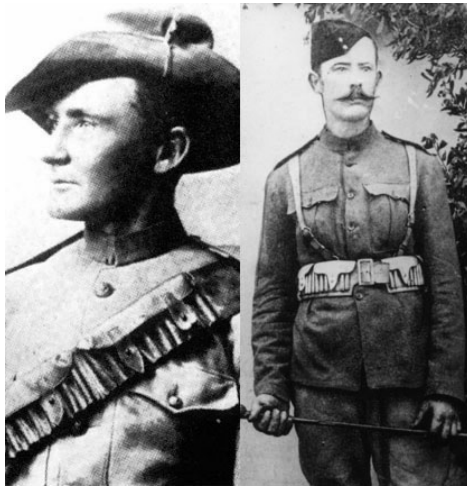
Туземцы, нанятые британцами для охраны блокауза

Отсутствие Коленбрандера в районе Рустенбурга дало Бейерсу шанс, которым тот не преминул воспользоваться. Ранним утром 24-го января он атаковал Питерсбург, но небольшой гарнизон с легкостью отбил нападение. Возможно, сама атака была лишь отвлекающим маневром, благодаря которому часть обитателей лагеря беженцев сумела совершить побег. Полторы сотни беглецов присоединились к командос. Всего в этом лагере удерживались три тысячи буров, которых вскоре, во избежание повторения инцидента, перевели в Наталь.

Коленбрандер, вновь вернувшись в Питерсбург, решил нанести Бейерсу ответный визит и 8-го апреля с небольшим отрядом застал бурский лагерь врасплох. Иннискиллингские Фу-

зилеры заняли позицию, позволявшую контролировать противника. Буры отступили, но в ходе преследования около ста пятидесяти бюргеров были убиты, ранены или взяты в плен. 3-го мая против буров была предпринята еще одна операция, в результате которой противник понес почти такие же потери. В свою очередь буры добились незначительного успеха, убив восемнадцать Скаутов Китченера, а тридцать взяв в плен.

Касаясь событий в этом районе, к сожалению, невозможно обойти молчанием неприятный инцидент, как бы этого ни хотелось. В восьмидесяти милях восточнее Питерсбурга находится почти необитаемый район – Спелонкен. В этом районе действовал отряд Бушвельдских Карабинеров – подразделение иррегулярных войск, сформированное в Южной Африке из колониальных и британских добровольцев. Вольная служба, смешанный состав и оторванность от вышестоящего командования – все вместе способствовало падению дисциплины и сдержанности, превратив отряд в подобие банды "бушвекеров" Южан времен Американской войны, безжалостно истребляемых Северянами. Они чинили короткую расправу над попадавшими в их руки пленными бурами, оправдывая свои варварские поступки тем, что бюргеры, в свою очередь, безжалостно убили одного из офицеров их отряда.

*Гарри Морант и Питер Хендкок,
растрелянные по приговору британского суда*

Такой повод, даже если он соответствует действительности, несомненно, не может служить оправданием столь неразбор-

чивой мести. Преступления совершались в июле и августе, но лишь в январе 1902 года пять офицеров предстали перед судом и были признаны виновниками и соучастниками двенадцати убийств. Подразделение было расформировано, три офицера (Хендкок, Уилтон и Морант) приговорены к смерти, один (Пиктон) уволен со службы за недостойное поведение. Хендкока и Моранта действительно казнили. Эти суровые меры лучше множества томов всевозможных аргументов демонстрируют, насколько высокие стандарты дисциплины поддерживались в Британской Армии, сколь тяжело наказание и сколь тщетны оправдания в случае ее нарушения. Перед лицом этих реальных возмутительных случаев и последовавшего за ними неотвратимого наказания, абсурдным выглядит крестовый поход против воображаемых нарушений закона, предпринятый невежественной зарубежной прессой и нашими домашними ренегатами.

К югу от Йоханнесбурга, на полпути между городом и границей, упиравшись отрогами в железнодорожные линии, протянулась гряда холмов – Зуйкербошранд. Стало известно, что часть буров нашла убежище в этой местности, и 12-го февраля небольшая британская колонна покинула Клип-Ривер-Пост, намереваясь произвести зачистку территории. Отряд насчитывал 320 человек 28-го батальона Конной Пехоты, набранного из Ланкаширских Фузилеров, Уорикширцев и Дербиширцев. Большинство бойцов только что прибыло с Мальты – без сомнений, худшего места для эффективной подготовки конной пехоты. Командовал колонной майор Доуэлл. Британцы вошли в холмы, где обнаружили, что противник располагает гораздо большими силами, чем ожидалось. Буры использовали свою обычную тактику с обычным же успехом. Часть буров ожесточенным огнем сдерживала британцев по фронту, в то время как сильные партии противника, передвигаясь верхом, обошли фланги. С большим трудом британцы сумели выпутаться из рискованного положения, причем спасением отряда мы обязаны самопожертвованию горстки офицеров и солдат, жизнями заплатившими за отход товарищей. Наши потери в этом несчастном бою составили двадцать убитых и пятьдесят раненых, а около сотни пленных снабдили победителей столь нужными для них ружьями и боеприпасами. На следующий день в этот район подошел другой британский отряд, и противника вытеснили с холмов. Неделю спустя, 18-го февраля, произошло еще одно столкновение у Клиппана, близ Спрингса. В бою схлестнулись эскадрон "Серых Шотландцев" и отряд буров,

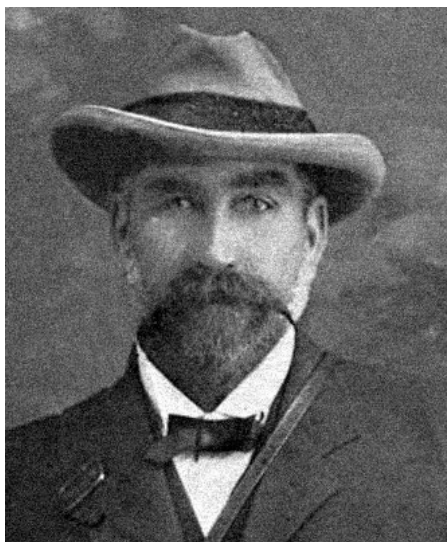
прорвавшийся в заповедник, который лорд Китченер столь долго держал чистым от врага. В этой схватке кавалерии пришлось так же нелегко, как неделей ранее нашей пехоте. Погибли три офицера, были убиты или ранены восемь бойцов, а сорок семь человек сдались в плен. Эскадрон выполнял роль флангового прикрытия колонны генерала Гилберта Гамильтона, но был столь стремительно атакован и опрокинут, что удар достиг своей цели раньше, чем товарищи сумели прийти на помощь.

*Майор Сесил Филден и капитан Эдвард Ушер
(2-й Королевский Драгунский) погибшие 18 февраля 1902 года
у Клиппана*

Одним из следствий упомянутых выше успешных облав, проведенных в Колонии Оранжевой Реки, явилось то, что часть "фристейтеров" устремилась севернее Вааля, надеясь уйти от нарастающего британского давления на юге. К концу марта значительное число этих бюргеров пополнило ряды командос, действовавших восточнее Спрингса, недалеко от Йоханнесбурга – традиционного центра волнений. Кавалерия, располагавшаяся в этих местах, была представлена 2-м Драгунским Гвардейским полком ("Королевские гнедые"), 7-м Гусарским и Национальными Скаутами. Общее командование осуществлял полковник Лоули (Гусары). После серии небольших стычек восточнее Спрингса, Лоули расположился на Бошманс-Коп, в восемнадцати милях от города, вблизи района, являвшегося центром активности буров. С этой базы утром 1-го апреля он послал три эскадрона "Гнедых" под командованием полковника Феншейва нанести визит небольшому отряду буров, который, по сведениям, остановился на одной из ферм. С Феншейвом было около трехсот человек.

Однако британская кавалерия оказалась в положении охотника, который, отправившись пострелять бекасов, поднял тигра. Все шло гладко до самого Холспруйта – фермы, которую они собирались обследовать. (Ее хозяин, командант Преториус, попал в плен благодаря усердию майора Вогана, преследовавшего и задержавшего капский карт команданта). Неожиданно для себя "Гнеды" обнаружили, что ферма занята командо Албертса, и противник значительно превосходит кавалеристов по численности.

Командант .Албертс

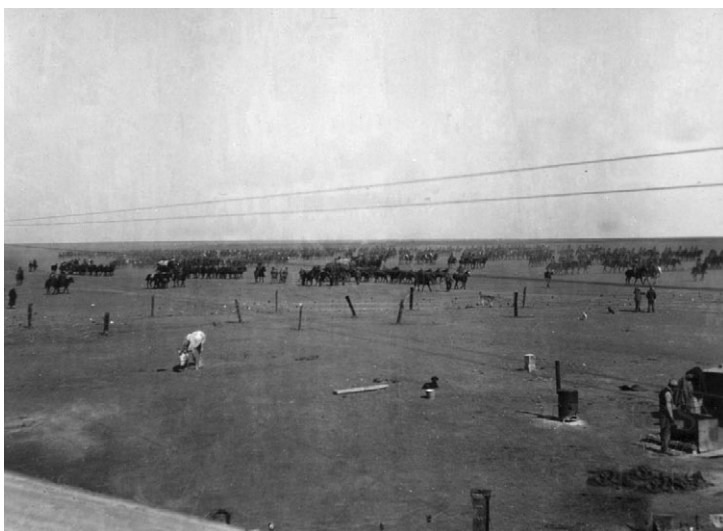
В непроглядной ночной тьме было невозможно отличить друга от врага. Огонь велся практически в упор. Разрывая дистанцию, три эскадрона откатились на возвышенность, сохраняя в этих тяжелейших обстоятельствах восхитительный порядок. Несмотря на темень, противник продолжал решительно насаждать. Используя свою излюбленную тактику, бюргеры быстро обошли британскую позицию с флангов. В ответ эскадроны поочередно отступили на более высокое скалистое копи, смутно угадывавшееся на фоне восточного горизонта. Эскадрон "В", отходивший последним, не просто попал под обстрел. Отважные всадники противника, стреляя на скаку, промчались сквозь его ряды. Британцы едва успели достичь копи, спешиться и залечь на гребне, как буры, с громкими воинственными криками, направили своих лошадей вверх по

крутым боковым склонам. Их дважды отбивали, но в третий раз бюргеры сумели захватить один край холма и с тыла открыли ожесточенный огонь по бойцам, защищавший другую сторону. Занимался рассвет, и ситуация становилась все серьезнее. Буры, обладая значительным численным превосходством, вели дело крайне энергично и решительно. Небольшая группа британцев, чьи лошади были убиты, прикрывала отступление товарищей, продолжая отчаянно отстреливаться с дистанции 30-50 ярдов, пока все они (два офицера и двадцать три бойца) не были убиты или ранены. Остатки подразделения отступали с высоты на высоту, каждая из которых, в свою очередь, с исключительным тактическим мастерством быстро обходилась бурами. Только великолепные дисциплина и выучка наших кавалеристов не позволили отступлению превратиться в беспорядочное бегство. К счастью, до того как давление противника стало невыносимым, на помощь подоспел 7-й Гусарский с артиллерией, изменив ход событий. Гусары атаковали с такой стремительностью, что некоторые из них с клинками наголо ворвались в ряды буров, но противник быстро откатился назад и исчез.

В этом жарком и кровопролитном бою "Гнедые" потеряли убитыми и ранеными восемьдесят человек из двухсот семидесяти. Выдержать подобные потери при подобных обстоятельствах, сохранив абсолютную дисциплину и порядок – неоспоримое доказательство воинской выучки. Адьютант, командир эскадрона и шесть из десяти офицеров были убиты или ранены. Потери буров также были тяжелыми – семьдесят человек. Среди убитых оказались два Принслоо, один из них командант, и три фельдкорнета. Комmando генерала Албертса было достаточно сильным отрядом, насчитывавшем не менее шести сотен стволов, и акция у Холспруйта вполне достойна занять почетное место в славной истории "Гнедых". Приятно добавить, что в этой, как и в других стычках конца войны, противник отнесся к нашим раненым доброжелательно и с уважением.

Теперь мы можем спуститься по карте вниз к Колонии Оранжевой Реки и проследить за ходом операций, которым судилось сломить силы коммандо Де Вета. Мы сконцентрируем внимание именно на этих событиях, поскольку всевозможные марши, зачистки, перестрелки множества небольших колонн, действовавших в других частях колонии, при всей напряженности и полезности выполняемой работы, слишком незначительны для отдельного рассмотрения.

После тяжелого удара, нанесенного Йоменам Фирмина, Де Вет, как уже упоминалось, укрылся в Лангберге, откуда впоследствии отошел к Рейтцу. Здесь он попал под энергичное давление колонны Эллиота, сумевшего в течение одной недели тремя дневными переходами покрыть 150 миль. Мы хорошо усвоили уроки нашего строгого учителя, и марши конца войны, совершаемые войсками Брюса Гамильтона, Эллиота, Римингтона и других британских командиров, как небо от земли отличались от былых переходов, ассоциировавшихся с медленными тяжелыми вагонами и заливистой игрой гармошек.

Конная пехота полковника Гаррата проходит мимо блокгауза

Быстро перемещаясь, прикрывая отход арьергардными боями, Де Вет, словно неуловимый блуждающий огонек, танцевал вокруг британских колонн. Де Лисли, Феншейв, Бинг, Римингтон, Даукинс и Роулинсон – все пытались его схватить, но каждый раз знаменитый бюргер ускользал меж пальцев. Однако в Претории главный идейный вдохновитель охоты уже разработал план, своей гениальностью достойный самого Де Вета. Взгляд, даже мельком брошенный на карту, заметит, что небольшая железнодорожная ветка, идущая от Хейлброна к Волвехоуку, образует острый угол с главной линией. Обе эти железные дороги хорошо прикрывались проволочными заграждениями и надежной линией блокгаузов. Таким образом, противник, загнанный в угол, попадал в сложное положение. Пытаться просто загнать юрких командос Де Вета в такую

очевидную ловушку означало преждевременно раскрыть все карты – бесполезна сеть, раскладываемая на виду у птицы. Поэтому гон начали в противоположном направлении, с уверенностью, что партизанский командир прорвется сквозь наши колонны назад. В этот момент преследователям следовало повернуть за дичью, и оттеснить Де Вета в нужный район до того, как он учует опасность. С этой целью колонну Бинга оставили позади, готовую к ожидаемому прорыву.

События развивались точно по плану. Де Вет прорвался сквозь колонны, и одно из его командо наткнулось на людей Бинга, поджидавших противника на Влей-Ривер, западнее Рейтца. Похоже, буры считали, что проскочив фронт британцев, находятся в безопасности. Теперь настала их очередь удивляться. На бюргеров набросилась Южно-Африканская Легкая Конница, Новозеландцы и Куинслендские Бушмены. Вместе с тридцатью пленными и значительным количеством припасов, британцы захватили "пом-пом" и вернули 15-ти фунтовое орудие, потерянное при Твифонтейне.

В результате этой акции нам наконец-то удалось вцепиться в Де Вета, и у охотников появилась конкретная цель. Колонны, находившиеся позади буров, враз развернулись веером, образовав непрерывную линию всадников протяженностью более шестидесяти миль. 5-го февраля заградительный кордон пришел в движение, а 6-го стало известно, что Де Вет действительно попал в загон, выход из которого перекрывали британцы. В Претории царило ликование и большие надежды. Сектор, в котором блокировали вождя бюргеров, ограждали шестьдесят шесть миль блокгаузов и колючей проволоки с одной стороны и тридцать с другой, в то время как основание составляли пятьдесят пять миль британских всадников, опиравшихся флангом на цепь блокгаузов между Кроонстадом и Линдли. На всех заградительных линиях люди находились в исключительном напряжении. Пехота охраняла каждый ярд, железную дорогу патрулировали бронепоезда. Ночью прожектора, установленные через определенные интервалы, пронзали яркими лучами чернеющий вельд, выхватывая из темноты силуэты всадников, время от времени попадавшие в узкую полоску света.

6-го февраля Де Вет осознал опасность и, с характерной решимостью, попытался вырваться из сети. Его командос рассеялись, получив приказ выбираться из ловушки самостоятельно. Не удивительно, что большинство бюргеров, действуя в местности, где каждый овраг, каждая лощина были им знакомы как свои пять пальцев, сумели проскользнуть через раз-

рывы в тонкой линии британских всадников. Тем не менее, несколько буров были убиты, а значительное число взято в плен. Общее число пленников достигло вызывающей уважение цифры в 270 человек, хотя на каждого пойманного пришлось три-четыре проскочивших сквозь барьер. Сообщалось, что сам Де Вет сумел уйти, направив скот на колючую проволоку, преграждавшую ему путь. Однако, похоже, он использовал менее романтичные средства – кусачки, хотя, несомненно, скот также устремился через прорезанную бурами брешь. Потеряв троих ближайших сподвижников, Де Вет все же вышел победителем из самой опасной ситуации за всю свою полную приключений карьеру. Лорд Китченер прибыл к Волвехоуку, чтобы присутствовать при кульминационном моменте операции. Однако и в этот раз ему не судилось принять знаки покорности от своего наиболее серьезного противника, и главнокомандующий вернулся в Преторию плести новую сеть.

Сделать это было несложно, поскольку бурский генерал из одного загона просто угодил в другой, хотя и более просторный. После короткого отдыха и приведения колонн в порядок, вся стая гончих вновь устремилась по еще неостывшему следу. В этот раз события разворачивались в секторе образованном Вилге-Ривер с одной стороны и линией блокгаузов Гарриисмит – Ван Риинен с другой. Участок надежно контролировался войсками, а пять колонн: Роулинсона, Никсона, Бинга, Римингтона и Кейра – загоняли командос в ловушку. С 20-го февраля, растянувшись в огромную боевую линию, войска начали зачистку этого района. Они взбирались на холмы, прочесывали клоофы и берега рек, неумолимо тесня противника перед собой. Наконец, когда британское давление чрезмерно усилилось, бюргеры предприняли свой обычный резкий разворот на 180 градусов и ночью решительно атаковали британскую линию. Нападение произошло 23-го февраля, вскоре после полуночи. Буры нанесли удар по нашему кордону на стыке колонн Бингса и Римингтона. Прикрываемое пространство было настолько огромным, а сам заслон настолько жидким, что знаменитая "тонкая красная линия" Хайлендеров под Баллаклавой выглядит монолитной стеной в сравнении со своим тощим эквивалентом цвета хаки. Пусть цепь была слабой и далеко не все звенья тщательно соединены, но каждое звено в отдельности было из отличного металла, а удар буров пришелся на одно из лучших. Бой принял 7-й Новозеландский Контингент, доказавший, что достоин славы своих товарищей из шести предшествующих. Наши патрули были смяты натиском

диких, кричавших, стрелявших на скаку всадников, но Новозеландцы оказали достойное сопротивление. Проткнув заслон, буры, ведомые в эту яростную атаку Мани Ботой, повернули и продолжили движение вдоль линии слабых патрулей, сменяя их один за другим и угрожая скомкать весь заслон.

Коммандант Мани Бота

Они расчистили брешь шириной в полмили, через которую, казалось, сумеют ускользнуть все люди Де Вета. Однако отчаянное сопротивление Новозеландцев дало время патрулям Конной Пехоты Кокса (Новый Южный Уэльс) отойти назад почти под прямым углом и встретить атакующих свежими силами. Ядром обороны стал "максим", с которым в высшей степени доблестно управлялся капитан Бегби и его люди. Бой велся почти ствол в ствол. Пятьдесят или шестьдесят Новозеландцев и Австралийцев, совместно с британскими артиллеристами, держали удар нескольких сотен лучших бурских бойцов. В этой отчаянной дуэли расстались с жизнью много смельчаков с обеих сторон. Бегби погиб у пулемета, успевшего выпустить восемьдесят патронов до того, как замяло ленту. Чтобы он не попал в руки врага, расчет оттащил пулемет в тыл.

Положение складывалось очень серьезное, но постепенно к месту боя подходили подкрепления, и атака буров была отби-

та. Части бургеров удалось улизнуть через образовавшуюся брешь, предположительно в числе прорвавшихся находился и неуловимый Де Вет. Насколько жестокой была буря, обрушившаяся на Новозеландцев, демонстрирует список в двадцать убитых и сорок раненых, в то время как перед линией пикетов подобрали тридцать погибших буров. Сообщалось, что из восьми Новозеландских офицеров семь получили пулю – соотношение страшнее пережитого этой доблестной нацией годом ранее в бою у Реностер Коп.

*Буры прорывают кордон Новозеландцев у Холспруита
(23 февраля 1902)*

Командование опасалось, что в ночь на 23-е февраля, когда штурмовая партия Мани Боты обрушилась на Новозеландцев, из ловушки вырвалась большая часть буров, однако вскоре выяснилось, что это не так. По мере сокращения фронта, колонны все чаще видели перед собой многочисленных всадников, бесцельно мечущихся по холмам – свидетельство, что главные силы противника по-прежнему остаются в сетях. Наступление продолжалось в ненастную погоду, в сложной местности, но люди находились на подъеме и соблюдали все необходимые меры для поддержания цельности заслона.

Усилия британцев увенчались успехом. Загнанные в угол бургеры 26-го февраля предприняли вторую попытку прорыва, легко пресеченную Никсоном. По мере того как кордон смещался на юг, войска попадали во все более сложные условия. Иногда (особенно у Натальской границы) им приходилось действовать в местах, где альпеншток был гораздо полезнее лошади. Финал наступил в шесть часов утра 27-го февраля.

Перед фронтом наступавшей Имперской Легкой Конницы появились два бура с белым флагом. Утверждается, что это были Трутер и Де Джагер, желавшие обсудить условия капитуляции их командо, но единственным предложенным им условием стала безоговорочная сдача в течение часа. Буров загнали в теснину, плотно блокированную нашими войсками, поэтому любое сопротивление неминуемо закончилось бы трагедией. К счастью, в данном случае у бюргеров не было оснований для колебаний и отчаянных дебатов, поскольку за ними не числилось грехов Лоттера. Противник сложил оружие, и все было кончено.

*Группа командантов попавших в плен 27-го февраля.
На переднем плане Де Вет (младший), Де Вилльерс, Ян Мейер
и Хендрик Трутер)*

Общее число пленных в этой облаве достигло 780 человек, включая нескольких командиров (в их числе сын Де Вета). Выяснилось, что сам Де Вет действительно прорвался сквозь линию пикетов в ночь на 23-е февраля. Большинство командос были трансваалерами, и в какой-то мере символично, что в широко раскинутую сеть попались многие из бюргеров, которые двумя неделями ранее разбили 28-й батальон Конной Пехоты южнее Йоханнесбурга. К тому же, потеря 2000 лошадей и 50000 патронов явилась для бурской армии тяжким ударом. Всем стало ясно – несколько подобных операций полностью

очистят Колонию Оранжевой Реки от противника.

Уставшим войскам позволили немного отдохнуть, но уже через пару дней после сбора у Гаррисмита сеть развернули вновь, надеясь подобрать все, что было пропущено. Эта зачистка, проводившаяся в том же районе, но в обратном направлении (на Хейлброн-Волвехоук), завершилась отловом ста сорока семи бюргеров, которых вытаскивали из нор, находили в зарослях тростника, снимали с деревьев и т.д. и т.п. Операция велась настолько тщательно, что в углу, образованном вершиной района зачистки, в последний день скопилось огромное количество всевозможнейших антилоп – характерных и очаровательных обитателей этих мест.

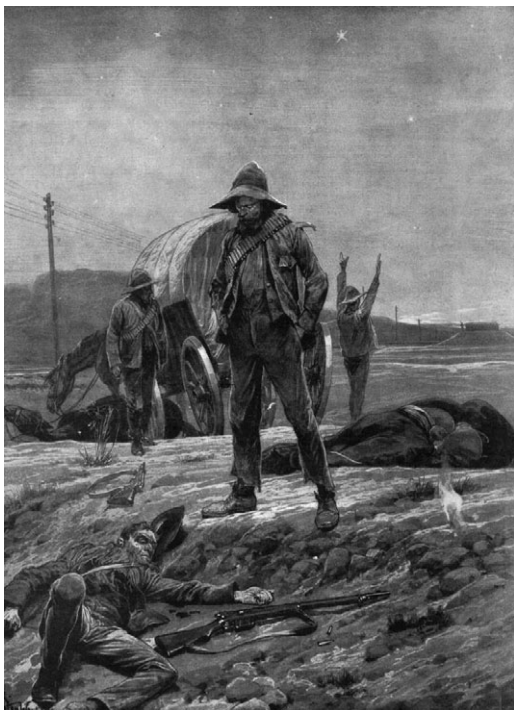
Но главным результатом операции, даже более важным, чем захват пленных, стало выявление в округе Верде одного из арсеналов Де Вета, укрытого в пещере, расположенной в центре обрывистого склона, со входом, заросшим ползучими растениями – даже автор приключенческого романа не измыслит более романтического убежища для лидера повстанцев. находка принадлежала Канадским Скаутам Росса, таким своеобразным и полезным способом отметившим День Доминиона. Из пещеры извлекли сорок вагонов амуниции и всевозможных припасов. Сам Де Вет покинул северо-восток округа и, перейдя железную дорогу, направился к Ваалу, возможно, намереваясь соединиться с Де ла Реем, действовавшим в Трансваале. Сопротивление буров в тех местах неожиданно стало очень энергичным, и противник провел несколько серьезных акций, о которых я вскоре расскажу.

Вход в "пещеру Де Вета"

Но прежде доведем хронику событий в Колонии Оранжевой Реки до момента заключения мира. В северных районах и приграничных горах все еще скиталось большое количество буров, которых британские войска усердно, но не всегда успешно пытались отловить. Много тяжелой и полезной работы выполнили несколько небольших колонн. Особенно отличились Колониальная Конница и Артиллерийские Конные Стрелки. Последнее подразделение, сформированное из артиллеристов, в чьих полевых орудиях отпала нужда, оказалось чрезвычайно эффективным. Британский артиллерист, вышагивавший с винтовкой на плече, подтвердил репутацию, завоеванную, когда он ехал на передке орудия.

С 1-го по 4-е мая в часто прочесываемом, но так и не защищенном Линдли-Кроонстадском районе прошла еще одна успешная облава, в которой участвовали несколько колонн. Улов оказался неплохим – британцы взяли 321-го пленного. В том числе, при попытке прорыва через кордон, сдалось командо Ментца численностью в 150 человек.

Система блокгаузов в действии (рисунок из "Life")

Из множества небольших зачинок и бесконечной череды перестрелок своей серьезностью выделяется одно событие. Оно примечательно еще и тем, что стало последней достойной упоминания акцией южно-африканской кампании. Я говорю о бое, произошедшем 20-го апреля 1902 года у Моолманс-Спруйта, вблизи Фиксбурга. Партию, состоявшую из сотни Йоменов и сорока Конных Пехотинцев (Южные Стаффордцы), послали провести ночное нападение на дальнюю ферму, где, по сведениям разведки, укрывался небольшой отряд буров. Британцами командовал полковник Персиваль. После долгого перехода отряд достиг фермы, но оказалось, что противник предупрежден и располагает гораздо большими силами, чем предполагалось. Ряды атакующих, хорошо заметные при свете полной луны, попали под ожесточенный огонь. Сэр Томас Фаулер был убит, а несколько Йоменов получили ранения. Британцы сумели достичь стен, но не смогли ворваться внутрь, поскольку буры забаррикадировали вход, ведя огонь через импровизированные бойницы. В ходе атаки погиб капитан Блэквуд (Стаффордцы). Обнаружив, что противник обладает численным преимуществом и ферму взять не удастся, полковник Персиваль дал приказ отступить – распоряжение, успешно исполненное лишь потому, что большая часть бурских лошадей была застрелена. К утру небольшой британский отряд сумел выпутаться из опасного положения, потеряв шесть человек убитыми, девятнадцать ранеными и шесть пропавшими без вести. Все дело, несомненно, походило на засаду, тщательно спланированную бурами, и британцам крупно повезло, что они избежали полного уничтожения.

Офицеры Южных Стаффордцев. Обед в вельде

Под конец упомянем еще один инцидент, хотя и произошедший довольно далеко – во Фрайхейдском округе Трансвааля. Имеется в виду прискорбное столкновение между зулусами и бурами, в ходе которого последние при трагических обстоятельствах потеряли более пятидесяти человек. Эту часть Трансвааля аннексировали лишь недавно. Ее населяют воинственные зулусы, разительно отличающиеся от забитых и униженных кафров, живущих на остальной территории страны. Зулусы питают к бурам кровную ненависть, отягченную постоянным мародерством бюргеров. Зная, что отряд буров (59 человек) спит на ферме, зулусы ночью подкрались к спящим и вырезали всех до одного. Инцидент сам по себе достоин глубокого сожаления, но, вспоминая тревожные события этой долгой войны и помня о беспокойных племенах, обитавших по соседству – свази, басуто и зулусах – мы можем себя поздравить с тем, что сумели сдержать черных воинов и избежать зверств и горьких воспоминаний о вторжении варваров.

КАМПАНИЯ ДЕ ЛА РЕЯ 1902 ГОДА

Британская конная пехота поит лошадей

Напомним, что к концу 1901 года лорд Метуэн и полковник Кекевич сосредоточили внимание на восточной части своего района и создали базу, опирающуюся на железнодорожную линию Клерксдорпского участка. Кордон блокадников к тому времени протянулся от Клерксдорпа до Вентерсдорпа, и от Вентерсдорпа до Потчестроома, эффективно контролируя весь треугольник. Тем не менее, оставался огромный участок труднодоступной местности, практически контролируемый противником. Было известно, что Генерал Де ла Рей и его энергичный заместитель Кемп все еще располагают несколькими тысячами стойких приверженцев, не сложивших оружие. Операции британцев в Восточном Трансваале и в Колонии Оранжевой Реки, требовавшие большого напряжения сил, отвлекали внимание от этого района, и позволили бурам действовать в нем достаточно активно. После неудачных атак на лагерь Кекевича у Моедвилла наступило долгое затишье, но люди, внимательно наблюдавшие за войной, с недоверием от-

носились к зловещему покою и ожидали очередной бури.

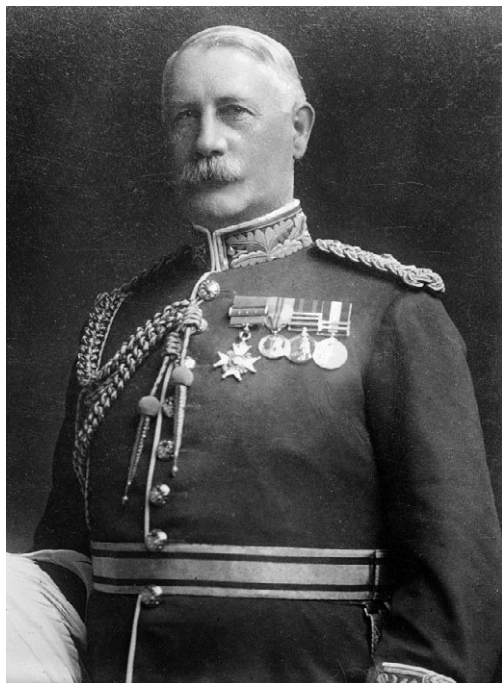
В новом году британцы соединили Вентерсдорп и Тафелкоп линией блокгаузов. Последний оставался центром активности буров. Эту операцию прикрывала колонна полковника Хики. Тем временем Метуэн нанес удар через Волмаранстад на Фрайбург. Рейд, в ходе которого много мелких отрядов противника попало в плен, поддерживался колонной майора Периса, действовавшего со стороны Кимберли. В середине января лорд Метуэн двинулся из Фрайбурга к Лихтенбургу, встретив небольшое сопротивление в окрестностях этого города, когда отряд Йоменов подвергся нападению буров генерала Циллирса. Восемь человек были убиты, пятнадцать ранены и сорок сдались в плен. Из Лихтенбурга лорд Метуэн продолжил движение, и 1-го февраля еще раз пришел в Клерксдорп. Уставшие войска получили недельный отдых, а затем вновь выступили в поход под командованием Вон Донопа. 8-го февраля возле Волмаранстада они захватили сорок пленных в лагере Потгитера. Вон Доноп оставался в Волмаранстаде до конца февраля, а 23-го отрядил пустой конвой назад в Клерксдорп. О судьбе этого конвоя будет рассказано позже.

Кекевич и Хики объединили свои силы в начале февраля. 4-го числа они попытались преподнести сюрприз генералу Де ла Рею. Конная пехота под командованием майора Лидера, предназначенная для этой операции, не справилась с основной задачей, но обнаружила и атаковала лагерь Сарела Албертса, захватив 132 пленных. Разогнав бурских лошадей, они отрезали противнику путь к отступлению, а затем так яростно атаковали сам лагерь, что лишь незначительная часть бюргеров сумела ускользнуть. Особенно отличилась замечательная Шотландская Конница. Среди пленных оказался и сам Албертс со всеми офицерами. С этого момента и до конца февраля данная колонна ни в каких серьезных делах не участвовала.

Выше упоминалось, что 23-го февраля Вон Доноп отправил пустой конвой из Волмаранстада в Клерксдорп, лежавший в пятидесяти милях. О Де ла Рее давно не было слышно, но оказалось что он собрал своих людей и ждал подходящего случая для нанесения внезапного удара. Конвой предоставил ему такую возможность.

Эскорт конвоя состоял из Имперских Йоменов 5-го батальона, шестидесяти Кавалеристов Паджета, трех рот вездесущих Нортумберлендских Фузилеров, двух орудий 4-й батареи Полевой Артиллерии и "пом-пома". В целом до 650 человек. Командовал ими Полковник Андерсон. Во вторник утром 25-го

февраля конвой уже находился в десяти милях от пункта назначения, и часовые на холмах вокруг города могли видеть слабый отблеск длинной линии крытых белой тканью фургонов. Рискованный рейс, казалось, близился к завершению, но судьба предопределила британцам потерпеть крушение чуть ли не у самого причала. Эскорт оказался столь самонадеянным, что накануне ночью кавалеристы Паджета ушли в город. Возможно, это было и к лучшему, поскольку дополнительная горстка людей вряд ли смогла бы предотвратить надвигающуюся беду.

Стенли Вон Доноп

Ночь выдалась темной и дождливой. Под ее покровом буры прокрались между спящим конвоем и городом. Кусты, росшие в нескольких ярдах от дороги, стали идеальным местом для засады. Там сосредоточилась основная партия бюргеров. На рассвете 130 фургонов тронулись в путь. Орудия и Йомены впереди, Фузилеры на флангах и в тылу. Внезапно чернеющие заросли кустарника осветились вспышками выстрелов. На голову колонны обрушился ураганный огонь. В сложившихся критических обстоятельствах войска вели себя восхитительно.

Контратака Фузилеров и части Йоменов, поддержанная шрапнелью наших орудий, выбила противника с позиции и заставила его прекратить огонь с этого направления. Но вскоре стало ясно, что буры задействовали значительные силы, поскольку они открыли стрельбу вдоль всего левого фланга, и тыловой заслон оказался в такой же опасной ситуации, что и авангард. И вновь враг был отброшен. К этому времени совсем рассвело, что позволило навести порядок среди фургонов, в сумятице боя сбившихся в беспорядочную массу, и вселило в полковника Андерсона надежду, что он сможет отправить конвой вперед, прикрывая тыл эскортом. Это был, безусловно, лучший план, и если он не сработал, то лишь из-за отваги, проявленной противником, и отвратительной дороги.

Скауты Кована, Шотландская Конница и Имперские Йомены пытаются защитить конвой у Ягд-Спруйта

На пути конвоя лежал глубокий и сложный для преодоления спруйт – Ягд-Спруйт, и в мирные времена представлявший собой довольно опасную переправу, а будучи до отказа забитым обезумевшими мулами и ломающимися фургонами под управлением охваченных ужасом возниц, он в мгновение ока превратился в непреодолимое препятствие. В голове колонны

возник затор и конвой стал. Меж тем буры, изменив тактику, галопом зашли с тыла и левого фланга. Первая атака была отбита огнем Фузилеров, но при второй попытке всадники противника прорвались к фургонам и устремились вдоль конвоя, подавляя сопротивление небольших групп солдат, удерживавших позиции на фланге. Британцы, как минимум троекратно уступавшие в численности, оказывали упорное сопротивление, и последние выстрелы смолкли лишь около семи часов. Бюргеры одержали полную победу, но она не бросила тень позора ни на одного британского офицера или солдата, сражавшегося в этот день. Из реально участвовавших в бою 550 человек пало одиннадцать офицеров и 176 рядовых. Буры перестреляли животных, сожгли фургоны и отступили. Пленных они с собой забрать не могли, поэтому их единственными трофеями оказались два орудия, ружья и амуниция. Их собственные потери составили около пятидесяти человек убитыми и ранеными.

В надежде помочь Андерсону из Клерксдорпа выступил небольшой отряд, но подойдя к Ягт-Дрифту, они увидели, что все кончено, и буры хозяйничают на поле боя. Среди бюргеров находился сам Де ла Рей (приятно отметить его гуманное отношение к раненым). Отряд буров быстро отошел и вскоре оказался вне пределов непосредственного преследования, хотя Кекевич, Вон Доноп и Гренфелл предприняли такую попытку. Было очень важно вернуть орудия, поскольку они представляли угрозу системе блокаузов. С этой целью в район южнее Лихтенбурга, который, как предполагалось, лежал на пути отступления буров, были отправлены шестнадцать сотен всадников под командованием Гренфелла. Одновременно, для взаимодействия с ним, из Фрайбурга выступил лорд Метуэн, получивший приказ объединиться с Гренфеллом. Имея дело со столь энергичным и решительным противником, как Де ла Рей, следовало учитывать угрозу нападения на эти отряды по раздельности, но командование решило, что каждая из групп достаточно сильна, чтобы продержаться, пока другая подойдет на помощь. Действительность показала, что опасность была реальной, а надежды иллюзорными.

Метуэн оставил Фрайбург 2-го марта. С ним была не его старая колонна, закаленных трудными переходами ветеранов, а Кимберлийский отряд под командой майора Париса. Большая часть солдат были неопытны, и во всех отношениях менее надежны. Отряд представлял собой странную смесь подразделений, самыми надежными из которых оказались артиллеристы (четыре полевых орудия, по два из 4-й и 38-й батареи), 200

Нортумберлендских Фузилеров и 100 Северных Ланкаширцев. Кавалерия включала Имперских Йоменов 5-го батальона (184), Кавалерию Алмазных Полей (92), Скаутов Деннисона (58), Кавалеристов Ашбурнера (126) и Британскую Южно-Африканскую Полицию (24). Такое разнообразие более подходило для процессии на улицах Лондона, чем для операции, требующей дисциплины и сплоченности. В войне половина часто оказывается сильнее целого, а присутствие на поле боя значительного числа нерешительных и неопытных бойцов представляет реальную угрозу для собственных более стойких компаньонов.

Колонна Метуэна в Западном Трансваале

6-го марта Метуэн, продвигаясь к Лихтенбургу, близ Ливспруйта вошел в соприкосновение с коммандо Ван Зила и после небольшой стычки убедился, что его Йомены ненадежны и плохо обучены. Отгнав противника огнем артиллерии, Метуэн двинулся к Твибошу, где стал лагерем до следующего утра. 7-го числа, в 3 часа утра, под прикрытием половины своих людей, он отправил конвой воловьих упряжек. Остальные выступили в 4.20, чтобы дать возможность медлительным волам держаться впереди. Как только конвой двинулся, выяснилось, что повсюду находятся значительные отряды противника и следует ожидать атаку. Лорд Метуэн отдал приказ фургонам, запряженным волами, остановиться, а транспорту, запряженному мулами, подтянуться, чтобы образовать единый блок взамен растянутой линии. В то же время он усилил аррьергард всадниками и двумя орудиями, поскольку именно на этом участке противник вел себя наиболее агрессивно. Атака готови-

лась и против правого фланга, который удерживался пехотой и оставшимися орудиями.

Уже упоминалось, что кавалеристы Метуэна большей частью принадлежали к неопытным иррегулярным частям. Такие люди, как показала кампания, со временем становятся великолепными солдатами, но участие в жестокой схватке на открытом пространстве, когда бойцы представляют собой сырой и необученный материал – слишком суровое испытание. Случилось так, что это испытание оказалось чрезвычайно жестоким, но трудно оправдать абсолютное отсутствие войск, способных удержаться на высоте положения. Если бы в арьергарде Метуэна была Имперская Легкая Конница или Шотландская Конница, бой у Твибоша закончился бы совершенно иначе.

Большой отряд буров, образовав пять линий и стреляя на скаку, как при Бракенлаагте, обрушился на тыловой заслон и арьергард. Гигантская волна решительных людей, несущихся галопом по равнине – для необстрелянных бойцов это было чересчур. В их рядах поднялась паника. В одно мгновение, бросив без прикрытия два орудия, они развернули лошадей и в диком смятении пустились вдоль левого фланга, под насмешки и свист пехоты, занявшей позиции вокруг фургонов. Они летели, пока их лошади не начали задыхаться, и большинство натянуло поводья лишь когда от покинутых товарищей их отделяло много миль. очевидцы говорили: "было унижительно видеть, как уважаемый старый Генерал умолял их остановиться. Большая часть этих людей прибыла в Крайпан, не сделав ни одного выстрела. Это был южно-африканский вариант "Битвы Шпор"*.

После трусливого бегства большей части отряда, оставшаяся горстка храбрецов оказалась в безнадежном положении. Два орудия 38-й батареи были захвачены бурскими всадниками, среди артиллеристов не осталось ни одного человека, не получившего пулю, включая лейтенанта Несхема, действовавшего как предписывают славные традиции Королевской Артиллерии.

Тем не менее, на этом бой не закончился. Хотя и немногочисленные, но закаленные пехотинцы несколько часов сражались с превосходящими силами противника. Две сотни Нортумберлендских фузилеров залегли вокруг фургонов и не подпускали буров к добыче. С ними оставались два орудия, слу-

* Битва 1302 года, когда французы бежали так быстро, что в пыли был виден лишь блеск их шпор

жившие соблазнительной целью для тысячи бурских стрелков. Благородный Метуэн, ободряя своим присутствием и примером измученных артиллеристов, получил пулю в бедро, раздробившую кость. Лейтенант Веннинг и его отделение полегли у орудий вместе со своим Генералом.

Разгром колонны Метуэна у Твибоша (рисунок "Life")

*Лорд Метуэн, воодушевляет защитников конвоя
(героическая версия событий)*

Была предпринята попытка собрать бежавших с поля боя в краале по соседству. Небольшой отряд Капской Полиции и Йоменов под командой майора Париса отстреливался там не-

сколько часов. Им помогала сотня пехотинцев-Ланкаширцев. Британские пушки смолкли, и орудия, захваченные бурами при нападении на конвой Вон Донопа, без помех обрушили смертоносный огонь на крааль и фургоны. Дальнейшее сопротивление означало бессмысленное избиение, и войска получили приказ сдаться. Конвой, боеприпасы, пушки, лошади – не удалось сберечь ничего, кроме чести пехоты и артиллерии. Потери (68 человек убито и 121 ранен) преимущественно выпали на долю двух сражавшихся отрядов. Без ранений в плен попали 205 человек.

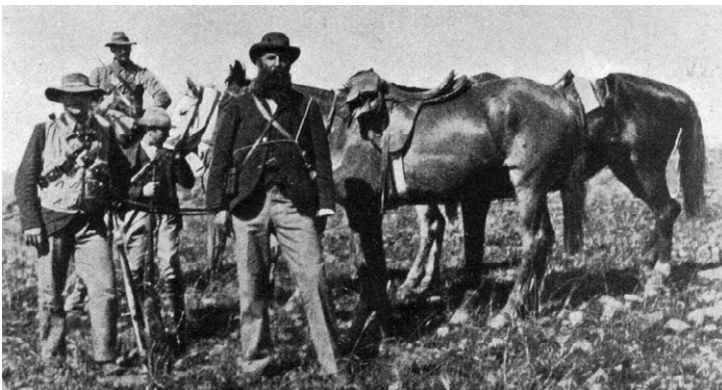
Говоря об этой последней победе буров, нам в равной степени следует отдать должное и их доблести, и их гуманизму, качествам, которые, как мы убедились на опыте, не всегда идут поручь. С ранеными британцами обошлись учтиво и заботливо, а лорд Метуэн в сопровождении старшего медицинского офицера, полковника Тоунсенда (доктор был ранен столь же серьезно, как и пациент) отправлен в Клерксдорп. В Де ла Рее мы всегда встречали противника столь же грозного, сколь и благородного. Остатки отряда вышли на железнодорожную линию Кимберли-Мафекинг около Краипана, места, где двадцать девять месяцев тому пролилась первая кровь войны.

На Лорде Метуэне нет личной вины за разгром конвоя. Если у мастера в руках ломается инструмент, его нельзя винить за невыполненную работу. Не он обучал войска, недостойно проявившие себя на поле боя. "Если вы услышите, что кто-то отзывается о нем дурно" – сказал один из его солдат, – "возрадите, что он лучший генерал и лучший джентльмен из всех, участвовавших в этой войне". Так считали его собственные войска, и то же говорили ораторы в Парламенте при обсуждении причин разгрома. Это отличный пример британской справедливости и духа честной игры, когда достойному человеку отдают должное, не только после славной победы, но и в горькие минуты поражения. В глазах великодушного народа со здоровыми инстинктами, Поль Метуэн, раненый и поверженный, остался отважным солдатом и благородным человеком.

Страна Де Вета была хорошо защищена серией облав, описанных ранее, а силы Луиса Боты в Восточном Трансваале существенно сократились благодаря работе Брюса Гамильтона и Вулс-Семпсона. Поэтому лорд Китченер мог сконцентрировать свое внимание и войска на обширных западных территориях, где генерал Де ла Рей в течение нескольких недель нанес два искусных и чувствительных удара. Войска быстро собрались в Клерксдорпе. В третью неделю марта Кекевич, Уолтер

Китченер, Роулинсон и Рошфор, с многочисленными небольшими колоннами, были готовы отомстить за лорда Метуэна.

Лорд Китченер столкнулся со сложной проблемой, и решая ее проявил упорство и оригинальность. Де ла Рей действовал на обширной территории. Его отряд обладал замечательной способностью быстро концентрироваться для нанесения удара, оставаясь в свою очередь неуловимым и ускользающим от преследования, словно армия призраков. Если бы лорд Китченер просто отправил на его поиски десять тысяч всадников, то в результате получил бы долгий изматывающий рейд по бесконечным равнинам, в ходе которого не встретил бы ни одного бура, если не считать силуэты разведчиков у самого горизонта. Де ла Рей со своими людьми ускользнул бы в тайные убежища за рекой Марико. В этих местах не было сплошных заграждений, как в Колонии Оранжевой Реки, на которые можно было бы загнать маневренного неприятеля. Правда, одна линия блокгаузов все же была – так называемый Шоонспруйтский кордон, охватывавший фланг района, в котором действовал Де ла Рей, однако он располагался с той же стороны, что и британские войска. Если бы армия стояла по другую сторону, а Де ла Рей между ней и линией блокгаузов тогда действительно, что-то можно было бы предпринять. Но собрать войска здесь, а затем немедленно отправить их назад, означало подвергнуть людей и конский состав такому истощению, какой редко выпадал на долю армии.

Генерал Де ла Рей в 1902 году

Лорд Китченер знал характер людей, которыми он командовал, и был уверен, сможет добиться от них максимального напряжения, какое способен вынести человеческий организм.

Точное местоположение бурского лагеря было неизвестно. Предполагалось, что большинство бойцов противника находились в тридцати милях западнее Клерксдорпа и Шоонспруйтского кордона. План, принятый лордом Китченером, заключался в следующем: британские войска совершают глубокий обход противника, разворачиваются широкой линией и теснят бюргеров к кордону блокгаузов, усиленному тремя полками Хайлендеров.

Строительство блокгауза

Готовый блокпост

Но для того, чтобы совершить внезапный охват буров, колоннам предстояло выдержать длительный ночной переход. Это была рискованная операция, но ее план удалось сохранить в секрете, а переброска сил прошла настолько организованно, что противнику не хватило времени на создание каких-либо

помех. В воскресную ночь 23-го марта колонны британских всадников, незаметно прокравшись через территорию, контролируемую Де ла Реем, развернулись в линию, протяженностью в добрых восемь миль, от Лихтенбурга на левом фланге до Коммандо-Дрифт на правом, и принялись прочесывать местность в поисках следов противника. Для занятия исходных позиций колонны выдвигались с разных участков линии блокгаузов, и некоторым из них пришлось преодолеть значительное расстояние. Южный участок линии сформировали войска Рошфора, двигавшегося от Вааля, а с юга на север заняли позицию Китченер, Роулинсон и Кекевич.

Йомены (Конница Паджета) преследуют буров у Лихтенбурга

Утром 24-го марта в понедельник цепь всадников, протяженностью в восемьдесят миль, без пушек и транспорта, начала прочесывать местность в направлении блокгаузов. Разрозненные отряды буров, оказавшиеся на охваченной территории, предпринимали тщетные попытки найти лазейки и улизнуть. Вскоре от первых пленных стало известно, что Де ла Рея в "загоне" нет. Его лагерь оказался западнее. Но силуэты всадников, метавшихся среди пологих холмов, то внезапно возникавшие, то вновь исчезающие в ложбинах, убедили британцев, что какая-то рыба в их сети все-таки угодила. Однако улов оказался не таким крупным, как хотелось. Три сотни человек, одетых в хаки, ранним утром проскочили между двумя колоннами. Другая большая группа ушла в южном направлении. Некоторые из бьюргеров во избежание плена прибегли к со-

вершенно необычным приемам. "Трое буров, охранявшие скот, "похоронили" себя, оставив лишь небольшие отверстия, сквозь которые можно было дышать с помощью трубок. Наши люди проверили подозрительные свежевскопанные участки штыками, и услышали в ответ пронзительные вопли, доносившиеся из-под земли. Еще один попробовал сыграть в ту же игру, но на него случайно наступила лошадь. Он начал корчиться, от чего лошадь поднялась на дыбы, подарив нам пленного". Но главным результатом операции, снявшим груз тревоги с сердца лорда Китченера, стал захват трех пятнадцатифунтовых орудий, двух "пом-помов" и большого количества боеприпасов. Трофеи достались Кекевичу и Шотландской Коннице. Полковник Вулс-Семпсон и капитан Райс возглавляли атаку и преследование. Постоянно висевшая над блокадами угроза была, если не полностью ликвидирована, то значительно уменьшена. Мы разделились со ста семьюдесятью пятью бурами, почти всех взяв в плен и захватили большое количество транспортных средств. В этой операции войска, не меня лошадей, прошли в среднем 70-80 миль за двадцать шесть часов. Вот чего добилась неповоротливая в прошлом Британская армия после суровых двухлетних тренировок под руководством лучшего тренера – необходимости.

Британцы достигли определенных успехов, но совершенно неадекватных первоначальному плану и усилиям, затраченным войсками. Поэтому лорд Китченер без малейшего промедления решил нанести врагу второй удар. Еще не завершив марш, Кекевич, Роулинсон и Уолтер Китченер вновь отправились в погоню. Перед ними поставили задачу пройти еще дальше на запад, чтобы Де ла Рей со своим главным командо оказался в зоне кордона.

Один из заместителей Уолтера Китченера обнаружил главные силы бюргеров, но, к несчастью, был убит в перестрелке с их разъездом. Генерал выдвинулся в точку сорок миль западнее Клерксдорпа. Став в этом месте лагерем, 30-го марта он отрядил Куксона с семнадцатью сотнями бойцов на запад в направлении Хартс-Ривер. Под непосредственным командованием Куксона находились 2-й батальон Канадской Конной Пехоты, Дамантская Конница и четыре орудия 7-й батареи Королевской Полевой Артиллерии. Его заместитель Кейр командовал Конной Пехотой 28-го полка, Конными Артиллерийским Стрелками и 2-м контингентом Боевых Скаутаов Китченера. Войска имели хороший конный состав и несли с собой минимум груза.

Незадолго до этого мобильный отряд британцев вошел в соприкосновение с противником. Широкая колея, оставленная фургонами, направила их по горячим следам, и вскоре разведчики увидели повисшее вдалеке облако пыли, поднятой повозками буров. Передовой отряд проскакал восемь миль но, сблизившись с конвоем, столкнулся с эскортом силой в пятьсот всадников, тактически правильно и с большим мастерством прикрывавших отступление. Куксон со своей конной пехотой поспешил к месту столкновения, и почти одновременно с ним Де ла Рей вернул своих бюргеров для усиления эскорта. Британцы и буры, не щадя лошадей, мчались на выручку товарищам. Противники сошлись лицом к лицу.

Поняв, что оказался перед всей армией буров и зная, что вполне может рассчитывать на подкрепление, Куксон решил сыграть "от обороны". Британцы быстро заняли позиции вдоль Бракспруйта и приготовились к отражению атаки. Оборонительная линия проходила приблизительно по руслу спруйта, но по некоторым соображениям, возможно, с целью ведения перекрестного огня, на каждом из флангов войска выдвинулись немного вперед. Две сотни Артиллерийских Стрелков заняли ферму, расположенную на левом фланге. На крайнем правом закрепились двадцать четыре Канадца и сорок пять Конных Пехотинцев. Позиция не слишком подходила для обороны, и эти люди оказались в крайне опасном положении. Их выдвижение можно пытаться оправдать каким-то важным тактическим замыслом, однако ход боя не позволяет понять, каким именно.

Орудия буров открыли огонь, а перед фронтом британцев и на флангах появились большие отряды врага. Первый удар был нацелен на ферму, являвшуюся POINT D'APPUI*, с которой буры могли опрокинуть всю линию обороны. Около пяти сотен бюргеров атаковали верхом, но Артиллерийские Стрелки встретили их плотным огнем, а пушки накрыли шрапнелью. Противнику оставалось преодолеть пятьсот ярдов, но огонь был настолько силен, что всадники развернулись и быстро отступили. Спешившись в зарослях маиса, они предприняли еще одну атаку, но вновь были встречены ружейным огнем и "помпомом", подвезенным полковником Кейром. Атаки противника на этом участке оказались безрезультатными.

Тем временем на правом фланге Канадцам и Конной Пехоте 28-го батальона выпала судьба, которую вполне можно бы-

* Точка опоры

ло предвидеть. Командир Канадцев Брюс Каррузерс вел себя с безупречной отвагой, а его люди ни в чем ему не уступали. Подавленные огромным численным превосходством противника, под сплошным градом пуль, они сражались как герои. "В ходе этой кампании трудно найти примеры подобного героизма", – сказал обычно сдержанный Китченер в официальном донесении. Отряд сдался лишь после того, как из двадцати четырех Канадцев двадцать один получили пулю, а Конные Пехотинцы потеряли тридцать человек из сорока пяти.

"Канадский пом-пом", участвовавший в бою у Бракспруйта, за несколько дней до описываемых событий

Преимущество, которого буры добились на правом фланге, не помогло им сломить сопротивление британцев. Принимая во внимание этот факт, еще труднее объяснить, почему правый аванпост оказался настолько открытым. Бюргеры практически окружили войска Куксона, и Де ла Рей с Кемпом настаивали на решительной атаке, но их артиллерия была подавлена нашими орудиями, а в обороне британцев так и не обнаружилось слабого звена. Атака, начавшаяся в час дня, к половине шестого окончательно исчерпалась. Де ла Рей отступил. Куксон не пытался преследовать его или захватить орудия буров, поэтому нельзя говорить, что Де ла Рей был разбит, но легендарный бур не достиг поставленной цели, и потерял гораздо больше людей, чем в любом из предшествовавших боев. Моральный эффект от предыдущей победы ослаб, а его бюргеры, если они еще питали иллюзии, уяснили, что люди бежавшие, при Твибоше, не были типичными представителями британской армии. В целом, это оказалась хорошо проведенная и полезная

акция, хотя и обошедшаяся британцам в двести человек, из которых тридцать пять погибли. Люди Куксона бодрствовали всю ночь, до подхода солдат Уолтера Китченера.

8-го апреля в Клерксдорп прибыл генерал Ян Гамильтон, какое-то время исполнявший обязанности начальника штаба лорда Китченера, а теперь получивший приказ возглавить операции против Де ла Реея. В начале апреля три колонны британцев совершили быстрый бросок, надеясь захватить буров врасплох, но безрезультатно. До самого конца войны буры, обладая лучше поставленной разведкой и большей мобильностью, могли вступать в бой по желанию, и по желанию же уклоняться от столкновений. Однако иногда они совершали ошибки, как в случае, который я собираюсь привести.

Гамильтон планировал прочесать южную часть территории, контролируемой Де ла Реем. Наметив Хартебистефонтейн как центр, он совершил бросок несколькими колоннами, затем, растянув их в линию, завернул назад к Клерксдорпу. Колонны вели Кекевич, Роулинсон и Уолтер Китченер. Буры сражались до последнего. Зная, что их лидеры ведут переговоры, и что заключение мира вопрос нескольких дней, они решили провести последний бой с британской колонной. Отряд Кекевича находился западнее всех, и, как рассчитывали буры, не мог получить своевременную помощь. Именно по нему они и нанесли удар. Утром 11-го апреля в месте, называемом Рооивал, противник, двигавшийся от Волмаранстада, силами в девятнадцать сотен под командой Кемпа и Вермааса, с отчаянной решительностью обрушился на британскую колонну. Не было никаких предварительных стычек – просто внезапная отчаянная атака полутора тысяч всадников. "Я как раз говорил штабному офицеру, что на расстоянии двадцать миль нет никаких буров", – вспоминал один из очевидцев, – "как вдруг мы услышали грохот выстрелов и увидели сплошную массу всадников, несущихся на нас галопом". Британцы были удивлены, но не потрясены этим неожиданным видением. "Я никогда не видел более великолепной атаки, они четко держали строй", – вспоминал свидетель. Другой наблюдатель рассказывал: "Они шли одной сплошной линией, глубиной в четыре всадника, колено к колену". Это была кавалерийская атака в старом стиле, и факт, что их строй прошел такое расстояние, показывая, что мы преувеличиваем останавливающую силу современных ружей. Они прошли добрых пятьсот ярдов под прямым огнем, и отвернули всего в ста ярдах от линии британцев. Йомены, Шотландская Конница и Полиция обрушили на гигантскую

волну всадников непрерывный огонь. Артиллерия стреляла с двухсот ярдов. Буры остановились, заколебались и отвернули. Их огонь, или, вернее, прикрывающий огонь тех, кто не присоединился к атаке, обошелся нам в пятьдесят человек, но существенные потери бюргеров были гораздо серьезнее. Неистовый Потгитер пал перед британскими орудиями. "Слава Господу, что он мертв, – кричал один из раненых буров, – он плеткой загонял меня в строй сегодня утром. На поле боя остались пятьдесят убитых и громадное число раненых буров.

*Коммандант Подгитер, убитый
в 27 метрах от британской линии*

Колонна Роулинсона подошла к левому флангу Кекевича, и отступление буров превратилось в бегство. Преследование длилось двадцать миль. Были захвачены два орудия. Этот яркий бой завершил кампанию на Западе. Британия выиграла не только всю игру, но и взяла последнюю взятку. С этого момента и до самого конца на территории Де ла Рея война свелась к отлавливанию пленных и небольшим перестрелкам. Отдельного внимания заслуживают неожиданный визит Рошфора в Швайцер-Ренеке, где было взято около шестидесяти бюргеров и облава, организованная Яном Гамильтоном у Мафекингской железной дороги, доставившая 364 пленных. В этой трудной, но хорошо организованной операции, лазейку между британскими колоннами закрыли подожженным вельдом и огнем скаутов. Вновь прибывший Австралийский Сводный Полк прекрасно начал военную историю своей объединенной роди-

ны, продемонстрировав отменные способности к энергичными маршами и тщательному окапыванию.

29-го мая, всего за два дня до окончательного объявления мира, несколько буров напали на местный резерв скота возле Фредерикстада. Горстка всадников пустилась за ними в погоню, но попала в засаду. Довольно большой отряд противника засел на холмах в десяти милях от линии британцев. Большинство преследователей избежало засады невредимыми, но второй лейтенант Сифортцев, юный Сазерленд, всего два месяца, как вышедший из Итона, оказался без лошади, в безнадежном положении. Отвергнув предложение сдаться, парень пробивался к своим более мило, до того как был застрелен всадником, кружившим вокруг него. Командир буров рассказывал, что за всю войну не видел лучшего примера британской отваги. Печально, что молодая жизнь оборвалась в последние мгновения войны, но Сазерленд принял доблестную смерть, которая, несомненно, прекраснее многих лет бесславного, бесцветного прозябания. Он оставил после себя пример и традицию, которые порождает героическая смерть.

КОНЕЦ

*Бюргеры сдают оружие британцам
после подписания мирного договора*

Осталось в одной короткой главе рассказать о ходе мирных переговоров, окончательном урегулировании и итогах этой затяжной войны. Как бы ни обескураживали постоянные инциденты, в ходе которых буры наносили нам тяжелые потери, попутно пополняя за наш счет запасы вооружения и боеприпасов, ни у кого не вызывало сомнения – их силы тают, а неизбежный финал неумолимо приближается. С математической точностью опытный военачальник, засевавший в Претории, опутал колючей паутиной всю страну, неделя за неделей неумолимо изматывая противника облавами. Тем не менее, после недавней победы Де ла Рея и хвастливых заявлений засевавших в Гааге беглецов британская публика была ошарашена услышав, что 22-го марта действующее правительство Трансвааля, в составе господ Схалка Бюргера, Лукаса Мейера, Рейтца, Якоби

Крога и Ван Велдена прибыло в Мидделбург и обратилось с просьбой доставить его поездом в Преторию для обсуждения с лордом Китченером условий заключения мира. От этой новости по телу Империи пробежала радостная дрожь, но результат переговоров казался настолько сомнительным, что командование не отменило ни одно из мероприятий, способных обеспечить продолжение решительных действий в ближайшем будущем. Можно с уверенностью заявить, что в Южноафриканской войне, так же как в Испанской или Крымской кампаниях, Великая Британия никогда не выражала столько готовности сражаться, как накануне мира. Чтобы превратить нацию мирных торговцев в военную силу потребовалось два года неудач и дорогостоящего опыта.

Вопреки оптимистичным заявлениям мистера Фишера и абсурдным прогнозам доктора Лейдса, сила буров была действительно сломлена, и они высказывали искреннее желание прекратить сопротивление. Но для народа, пропитанного духом индивидуализма, недостаточно решения правительства. Вождям буров предстояло убедить своих соплеменников, что игра действительно проиграна, и им не остается иного выхода, кроме как отбросить прочь свои изношенные винтовки и полупустые бандольеры. С этой целью началась длинная серия переговоров, вызвавшая определенное чувство напряжения у Южно-Африканских должностных лиц и ставшая испытанием терпения для внимательно наблюдавшей за процессом британской публики. Но достигнутый успех доказывает, что ставка на снисходительность и терпение полностью себя оправдала.

23-го марта трансваальские представители выехали в Кроонстад для обсуждения положения дел со Стейном и Де Ветом. Чтобы войти в контакт с этими лидерами к ним отправили гонцов, но тем удалось выследить и догнать неуловимых фритстейтеров с большим трудом, словно они были не друзьями-соплеменниками, а британскими колоннами. Тем не менее, в конце месяца послание передали, после чего Де Вет, Стейн и Де ла Рей появились перед британскими аванпостами в Клерксдорпе. Из Кроонстада на север прибыли и другие делегаты, сойдясь в маленьком городке, по прихоти судьбы, ставшем местом решения важнейшего вопроса – быть миру, или продолжаться войне.

Горстка беспорядочно разбросанных домов на какое-то время приковала к себе внимание всего мира. 11-го апреля, после многочисленных прений, обе партии (войны и мира) отправились в Преторию, после чего даже наиболее скептиче-

ски настроенные наблюдатели признали, что в этих переговорах что-то есть. 18-го апреля, после встречи с лордом Китченером, бурские лидеры покинули Преторию и разъехались проинформировать о ситуации своих командос. В результате, от каждого находящегося в поле командо, избрали по два делегата, которые 15-го мая собрались в Вереенигинге, чтобы решить вопрос окончательным голосованием. Никогда еще дело подобной важности не решалось столь демократическим путем.

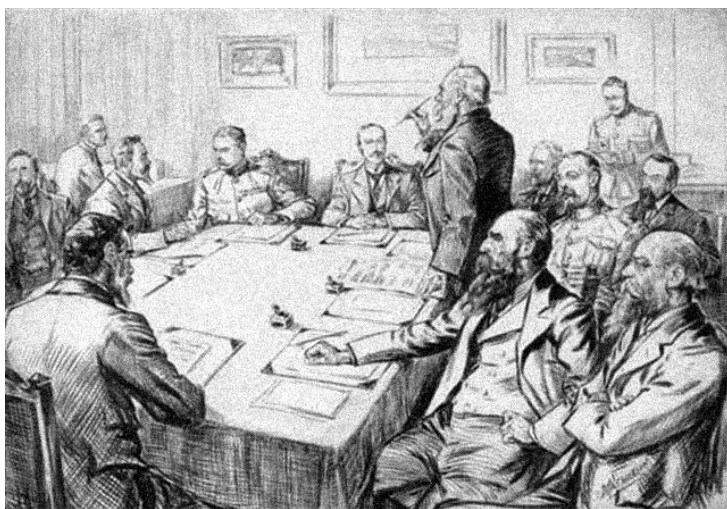

Встреча генералов Де Вета и Эллиота

Бурские лидеры довольно робко выдвинули ряд предложений, категорично отвергнутых Британским Правительством. Первое из них, состояло в том, что буры просто удовлетворяют требования, выдвинутые Британией перед началом войны. Оно было отклонено. Второе – бюргеры просили о предоставлении возможности проконсультироваться со своими европейскими друзьями. В этом им также было отказано. Следующее предложение касалось заключения перемирия, но лорд Китченер вновь был непреклонен. Взамен бурам предложили определенное время, за которое бюргерам следовало сделать выбор между капитуляцией и продолжением войны, которая, в конечном счете уничтожила бы их нацию. Молчаливо подразумевалось,

хотя и без конкретных обещаний, что условия Британского Правительства по своей сути не будут сильно отличаться от условий, годичной давности, предлагавшихся после "мидделбургской" встречи.

Бурская конференция открылась 15-го мая в Вереенигинге. Шестьдесят четыре делегата различных командо встретились с военными и политическими вождями двух республик. Всего на конференции присутствовало 150 человек. В наше время трудно припомнить более своеобразное собрание. Бота – молодой юрист, по странной прихоти судьбы ставший главнокомандующим победоносной армии в великой войне. Де Вет – человек с мрачной улыбкой на загорелом лице, и Де ла Рей с яркими орлиными чертами и седеющей бородой. Там же присутствовали и политики – седобородый общительный Рейтц, более серьезный, чем во времена, когда он смотрел на "все дело, как на одну большую шутку" и несчастный, с трудом передвигавшийся Стейн – сломленный и разбитый болезнью человек. Рядом с ними крепкий Лукас Мейер, энергичный молодой Смутс, прибывший прямо с осады Оокипа, Бейерс с севера, отважный лидер конников – Кемп, герой многих боев – Мюллер. Все они, вместе со своими выдубленными солнцем и ветрами товарищами по оружию, собрались под большим тентом у Вереенигинга.

*Подписание мирного договора 31 мая 1902 года
(рисунок Дугласа Макферсона)*

Несмотря на долгие и жаркие дискуссии логика фактов и холодный спокойный голос здравого смысла возобладали над неистовством фанатизма. Голосование продемонстрировало, что подавляющее большинство делегатов готовы сложить оружие на условиях, предложенных Британским Правительством. 31-го мая резолюция собрания была предоставлена лорду Китченеру, и в тот же день в 22 часа 30 минут делегаты прибыли в Преторию, чтобы поставить свои подписи под мирным договором. После двух лет и семи с половиной месяцев войны голландские республики согласились на свою ликвидацию, и вся Южная Африка, от Кейп-Тауна до Замбези вошла в состав Британской Империи. Великая борьба стоила нам двадцать тысяч погибших, сто тысяч раненых и больных и двести миллионов фунтов, но кроме мира и спокойствия на юге континента, подарила нам оживление национального духа и укрепление союза с нашими великими колониями, недостижимые каким-либо иным путем. Если, вступая в борьбу, мы надеялись, что являемся монолитной империей, то по окончании войны в этом не осталось сомнений. Подобная уверенность, несомненно, стоит всей пролитой крови и любых потраченных денег.

Вкратце, условия капитуляции были следующими:

1. Бюргеры складывают оружие и признают себя подданными Эдуарда VII.
2. Все пленники, давшие клятву верности, возвращаются домой.
3. Все свободы и собственность остаются нерушимыми.
4. За исключением особых случаев, всем гарантируется амнистия.
5. Голландский язык допускается в школах и судах.
6. Разрешается зарегистрированное владение оружием.
7. Как можно скорее устанавливается самоуправление.
8. Право голоса туземцам предоставляется только после введения самоуправления.
9. Не будет взиматься никакой специальный налог на землю.
10. Владельцы получают помощь в возвращении на свои фермы.
11. Для помощи фермерам выделяются три миллиона фунтов.
12. Повстанцы лишаются избирательных прав, а их лидеры предстанут перед судом, при условии неприменения смертной казни.

Эти пункты практически повторяли условия, отвергнутые Ботой в марте 1901 года. Тринадцать месяцев бессмысленной войны не продвинули ситуацию ни на шаг.

3 per cent interest. No foreigner or rebel will be entitled to the benefit of this Clause.

Signed at Pretoria this thirty first day of May in the Year of Our Lord One Thousand Nine Hundred and Two.

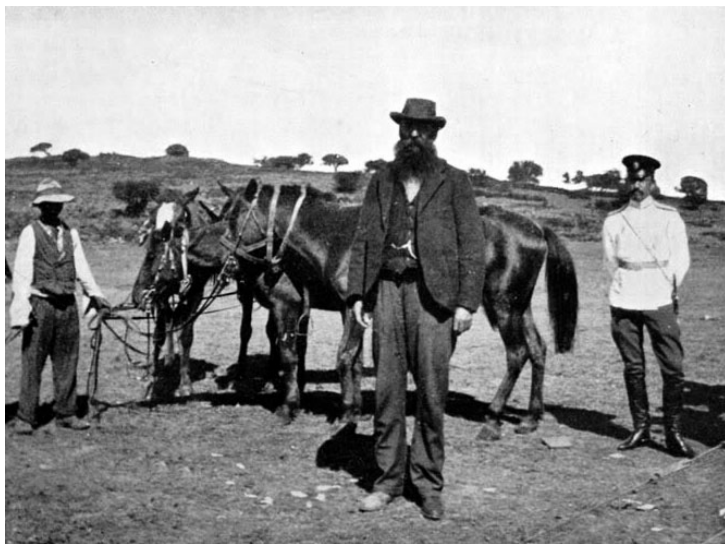
The image shows a collection of handwritten signatures in cursive ink on a document. On the left side, there are two signatures: 'Kitchener of Kitchener' and 'Milner'. On the right side, there are two columns of signatures. The top column includes 'A. B. Burgess', 'T. W. Reitz', 'Mr. Botha', 'J. D. Dicks', 'J. M. G. J. J. J.', and 'J. H. J. J.'. The bottom column includes 'C. R. Swart', 'J. D. Dicks', 'J. M. G. J. J.', and 'C. H. Olivier'. The signatures are written in dark ink on a light-colored, slightly textured paper.

Последняя страница договора о прекращении войны, подписанная представителями бургеров Южно-Африканской и Оранжевой Республик

Южноафриканская война стала войной сюрпризов, большей частью неприятных. Теперь весы качнулись в другую сторону. Во всей долгой и парадоксальной истории этой борьбы, самым удивительным выглядит готовность двух непреклонных и сдержанных наций, лишь только они опустили оружие, пожать руку друг другу. Этот факт сам по себе является ответом всем недоброжелательным критикам с Континента. Настоящие

мужчины не пожимают рук, обгаренных кровью женщин и детей. Отовсюду, по мере того как бюргеры складывали оружие, приходили вести о братании британских солдат и командос. Лидеры буров, верные своим новым обязательствам, так же как были верны старым, прилагали все усилия, чтобы посеять добрые чувства среди своих людей. Похоже, несколько недель погасили расовую ненависть сильнее, чем предполагалось, некоторыми из нас, несколько лет, и остается лишь молить Бога, чтобы эти перемены сохранились.

В целом оружие сложили до двадцати тысяч человек, и стало ясно, что на всех участках театра военных действий противник имел в поле гораздо больше людей, чем мы предполагали – факт, способный в значительной степени смягчить горечь последних неудач. Около двенадцати тысяч бюргеров сдались в Трансваале, шесть тысяч – в Колонии Оранжевой Реки и около двух тысяч в Капской Колонии. Последняя цифра доказывает, что сопротивление в мятежных районах являлось скорее раздражающим, чем серьезным фактором. Суммарный подсчет пленных, капитулировавших, наемников и потерь на поле боя показывает, что общая численность противостоявших нами сил составляла не менее семидесяти пяти тысяч хорошо вооруженных конников, а возможно и значительно превышала эту цифру. Не удивительно, что лидеры буров в начале войны демонстрировали огромную уверенность.

Генерал Де ла Рей после прекращения боевых действий

Тяжелые потери, понесенные во время войны, воспринимались без ропота недовольства, поскольку нация считала эту войну не просто оправданой, а жизненно необходимой, понимая, что на карту поставлено не просто обладание Южной Африкой, а единство Империи. Если бы выяснилось, или возник малейший намек на то, что Правительство навлекло невероятную ответственность и огромные жертвы на своих граждан, без адекватной благородной причины – неужели после этого, взрыв негодования обманутых и перенесших лишения соотечественников, не вышвырнул бы таких политиков навсегда из общественной жизни? Среди высших и низших слоев в Англии, Шотландии, Ирландии и великих Колониях, сколько больших надежд рухнуло, как часто сын-солдат ушел и не вернулся, или во цвете молодости вернулся искалеченным и больным. Отовсюду доносились плач и голоса скорби, но к ним не примешивались упреки. В глубине своей души нация чувствовала, что должна или сражаться и победить, или навсегда отречься от ведущего положения в мире. Даже в самые черные дни, проявляя лучшие качества нашего поколения, мы упорно сражались, ни на мгновение не усомнясь, что яркий свет засияет вновь. Из всех даров, которыми Господь одарил Британию, ничто не сравнится в своей ценности с этими днями скорби, когда нация убедилась в своем единстве и осознала, что кровь связывает сильнее, чем разделяет соленая вода. Единственное различие точек зрения британца из Британии и британца с другого конца света заключалось в том, что последний, со всей энергией молодости, более полно отдавался делу Империи. Кто из видевших эту армию сумеет ее забыть – забыть ее дух, ее колоритность и ее роль в определении будущего большей части мира. Ковбои бесконечных равнин Северо-Запада, джентльмены-охотники "Коурна" и "Бивора", егеря Сазерленда, бушмены дальних пустошей Австралии, щеголи "Релей Клаб" и "Холостяка", крутые парни Онтарио, спортсмены-денди Цейлона и Индии, всадники Новой Зеландии, жилистые Южноафриканцы – вот ценнейший резерв (не упоминавшийся ни в одной из парламентских "Голубых Книг"), чье появление стало шоком для военных доктринеров с Континента, столь долго насмехавшихся над нашей маленькой Армией и за годы мира забывших о ее подвигах. На просторах Южной Африки общие опасности и общие лишения еще раз скрепили Имперское Братство Крови.

Это, что касается Империи. А как на счет Южной Африки? Здесь нам предстоит пожать то, что посеем. Если мы окажемся

Серия "Южноафриканская библиотека О.Тодера"

АРТУР КОНАН ДОЙЛ

(перевод О.Тодера)

ВЕЛИКАЯ БУРСКАЯ ВОЙНА

В двух томах

Том I I

Донецк, 2012

